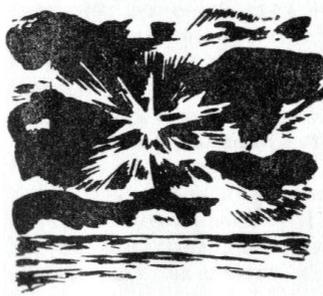

Андрей Петров

**«И СОГРЕВАЕТ СЕРДЦЕ СЛОВО...»
Взгляд на современную литературу
Русского Севера**

Архангельск

2023

УДК 82.0(470.11)
ББК 83.3(2Рос=Рус)64
П 305

Сведения об авторе:

Андрей Васильевич Петров родился в 1964 году в г. Северодвинске Архангельской области. Окончил Архангельский государственный педагогический институт. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск), Почётный работник сферы образования Российской Федерации. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди них книги: «Простые звуки родины моей...» Язык поэзии Ольги Фокиной», «Север в северной поэзии: лингвистический аспект», «Родниковое слово Фёдора Абрамова», составитель словаря афоризмов Фёдора Абрамова «Сотвори мир в душе и пошли его людям». Публиковался в литературных журналах: «Двина», «Север», «Сибирь», «Волга. XXI век», «Берега», газете «День литературы».

Петров, Андрей Васильевич.

П 305 «И согревает сердце слово...» : взгляд на современную литературу Русского Севера / Андрей Петров. – Архангельск : [б. и.], 2023. – 298 с.

В книге рассматриваются поэтические и прозаические произведения современных писателей и поэтов Русского Севера, продолжающие лучшие традиции классической северной литературы.

Предназначается широкому кругу любителей русской словесности.

УДК 82.0(470.11)
ББК 83.3(2Рос=Рус)64

Оглавление

Предисловие.....	6
I. «САМОЕ ВАЖНОЕ НУЖНО ЗАКРЕПЛЯТЬ В СЛОВЕ»	
У МОРЯ СТУДЁНОГО. Повествования о Поморье и поморах.....	7
«Чувство родства». Поморская деревня глазами филолога (Елена Галимова «Серебряная рыбина»).....	7
«...Где норд-осты колдуют». Место действия романа о любви – полярная метеостанция (Виктор Толкачёв «Облака любви»).....	10
«Вечный добрый сосед – море-морюшко». Помор по рождению – всегда помор (Павел Кренёв «На Севере, на Летнем берегу»).....	12
«Прекрасная правда народной жизни».	
Первозданная мудрость жизни-служения у моря (Александр Антипин «Белое море, чёрная изба»).....	16
«Здесь главная русская свобода...». Вместо послесловия (Дмитрий Новиков «Голомяное пламя»).....	19
О НЕПРОСТОЙ ЖИЗНИ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ.	
Современная деревенская проза Русского Севера.....	20
Мудрость простой жизни и деятельная доброта (Наталья Мелёхина).....	20
Всё до боли знакомое (Владислав Попов).....	26
Всё свое, родное, близкое... (Ирина Турченко).....	27
Тихий и нежный свет (Артём Попов).....	30
Особый случай – хорошая литература (Анастасия Астафьева).....	39
Воля к жизни несломима (Александр Бушковский).....	42
«ЛЮДИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В НЕБЫТИЕ НЕ УШЛИ...».	
Тема войны в поэзии Вадима Беднова и Ольги Фокиной.....	44
«Я видел ад, который падал с неба...» (Вадим Беднов).....	44
«Ты будешь знать, за что тебе стоять!» (Ольга Фокина).....	58
КНИГИ НУЖНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ.	
По страницам северной литературы для детей.....	79
«В детстве человек обязательно должен быть счастливым» (Василий Белов).....	79
Как маленький Коля открывал для себя поэзию (Николай Рубцов).....	80
«Чистый, точно хрусталинка, родничок» (Сергей Багров).....	81
Забавная и поучительная книжка (Станислав Востоков).....	82
Трепетный образ Севера в детских стихах (Марина Зарубина).....	84
«Всякое доброе дело – для большого сердца» (Денис Макурин)...	86
«Ведь все мы родом из детства» (Анастасия Астафьева).....	87

II. «СПАСЕНИЕ ОТ СМЕРТИ – РОЖДЕНИЕ СЛОВА»

СУДЬБА И КНИГИ ВЛАДИМИРА ПОТЕХИНА.....	90
«Потом хватились, да уж поздно...».....	90
«Душе моей одно лекарство – целебный труд!».....	95
СЕРГЕЙ ДОМОРОЩЕНОВ О ПИСАТЕЛЯХ СЕВЕРА.....	101
Живая история с живыми персонажами.....	101
Жизнь – служению литературе (<i>Александр Михайлов</i>).....	103
Дон Кихот поморского замеса (<i>Степан Писахов</i>).....	107
ДЕЛА ЗЕМНЫЕ И КНИГИ ДМИТРИЯ ЕРМАКОВА.....	112
«И нужно просто жить...».....	112
«Тайный остров» – честная история о вечном.....	113
«И вечность уже за тобой».....	114
«Распахнутая душа».....	117
«Привычное дело бессмертной души».....	120
«Ожизнение словом».....	123
«НЕСМИРЕННЫЕ» ГЕРОИ И КНИГИ ДМИТРИЯ КОРЖОВА.....	125
«В ладонях нас качал любимый город...».....	125
«Дарованный свыше Учитель...».....	129
ОТКРЫТАЯ ДУША ВАЛЕРИЯ ЧУБАРА.....	131
«Дождь, как и солнце, на свете есть...».....	131
«Есть тепло на Земле...».....	137
МАСТЕР ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ – НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВ.....	145
«Есть что-то сладкое, поэтическое, щемящее...».....	145
«Освящение души красотой мира.....	151
ВРАЧУЮЩЕЕ СЛОВО ЕЛЕНЫ КАЗАКЕВИЧ.....	154
Добрая сказка о времени и о себе.....	154
«Мир и счастье в доме том».....	156
А как тут не воскликнуть!.....	158
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА АНАТОЛИЯ БЕДНОВА.....	159
Поэтическое путешествие в глубь веков.....	159
Злободневные вопросы современной жизни.....	160
«ПРИ БОЛЬШОМ ДЕЛЕ КУРАЖИТЬСЯ НЕКОГДА»	
О повести Николая Журавлёва «Звонкие согласные».....	162
«СЛЫШИШЬ ЖИВЫЕ ГОЛОСА, ВИДИШЬ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ»	
Драматургия Марины Вахто.....	167
«ЛЮДЯМ ВСЕГДА НАДО ПОМОГАТЬ...»	
Честная проза Антона Шушарина.....	172
ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ. Проза Александры Кудрявцевой.....	175
ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ СМЕСЬ. О романе Александра Бушковского.....	177
КАК НИ ПОВОРАЧИВАЙ СУДЬБУ.	
Такая разная проза Игоря Гуревича.....	179

III. «И СЛОВО ВДРУГ ЯВЛЯЕТСЯ ТЕБЕ...»

«И ПРОСТО, И СВЕТЛО ЖИВУ В ГЛУБИ РОССИИ...»	
О книге Ольги Корзовой «Они – моя родня».....	181

«А ДАЛЬШЕ – СВЕТА ТОРЖЕСТВО И ЖИЗНЬ!» О книге Александра Логинова «Возвратите мне Родины свет золотой»	192
«СИЯНЬЕ СЕВЕРА, МНЕ ДУШУ ОБНОВИ!» О книге Валентина Суховского «Дали долинные»	197
«ЗАБОЛЕЛ Я АРКТИКОЙ...» О книге Роберта Рождественского «Горячий Север»	203
«ЗОРКИМ ОКОМ ВЗИРАЕТ ВЛАСТИТЕЛЬНЫЙ ШКИПЕР» Образ Петра Первого в поэзии Анатолия Лёвушкина	208
«ПО-РУССКИ, ПО-АРХАНГЕЛЬСКИ, ПО-НАШЕМУ...» О стихах и песнях Сергея Григорьева.....	216
«ДУША МОЯ – БЕСКРАЙНИЙ РУССКИЙ СЕВЕР» Образ Севера в поэзии Алексея Гушана.....	223
«ВСЕЛЕННОЙ В УНИСОН ГРУСТИТЬ – НЕПРЕВЗОЙДЁННОЕ ИСКУССТВО...» О книге Ильи Виноградова «Желтолистье»	226
«СПАСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В ЧЕРЕДЕ ДОКУЧНЫХ ДНЕЙ» Поэтические сборники Елены Кузьминой	231
«И НЕТ ДО СМЕРТИ ДЕЛА» Поэтические сборники Дмитрия Вересова.....	237
«И СНОВА ПЕРЕПЛЕТАЮ СЛЕДЫ, ИМЕНА И ДНИ...» О поэзии Инги Чурбановой.....	244
«И БЫЛО СВЕТЛО И ОБЫДЕННО ПРОСТО» Личные и безличные формы в поэзии Владислава Попова.....	250
«ДА НЕЛЬЗЯ НЕ СЛЫШАТЬ ДУШИ» Лингвистические заметки на полях книги Александра Башлачёва	255
«...А У ПОЭТА НА ЛИСТЕ ПЕЧАТЬЮ – СЛОВО» По страницам поэтических сборников северных поэтов.....	258
Инэль Яшина «Любовь моя – печальница.....	258
Александр Росков «Вот моя деревня»	259
Наталья Леонович «Абрамовские родники».....	261
Евгений Токарев «Что-то обязательно случится»	263
Галина Рудакова «Цветок лазоревый».....	268
Василий Матонин «Спиной к прошлому»	271
Татьяна Полежаева «Избранное»	272
Илья Иконников «Стойкости пример – бери с травы»	275
Елена Соини «Ночная северная птица».....	277
Владимир Ноговицын «Сиреневый снегопад»	281
Ирина Кемакова «Книга осени»	283
Николай Окулов «Встреча»	285
Светлана Макарьина «Стихотворная формула мысли».....	287
Иван Зауткин «Места другого роднее не знаю»	290
Ната Сучкова «Страна»	293

Предисловие

Русский Север был и остаётся «краем родникового слова», по определению Фёдора Абрамова, писатели и поэты, рождённые и живущие на Севере, в своём творчестве продолжают лучшие традиции классической северной литературы. В их произведениях создаётся неповторимый колоритный образ родного края, поднимаются важные, животрепещущие социальные и нравственные проблемы.

В этой книге анализируются произведения современных авторов, прежде всего, из Архангельской, Вологодской, Костромской, Мурманской областей и из Республики Карелия. Рассматриваемое здесь творчество представителей других регионов России подаётся исключительно в северном аспекте.

В книге представлены статьи, рецензии, заметки автора, написанные в последние годы. Многие из них опубликованы либо в сборниках научных трудов, либо в периодических литературных изданиях, абсолютно все помещены на авторской странице в одной из социальных сетей.

Материалы книги распределены по трём разделам. В первом разделе представлены четыре тематических блока: повествования о Поморье и поморах, чьи характеры сформированы и закалены морем; произведения современных северных писателей, развивающих традиции ставшей уже классической деревенской прозы второй половины XX века; поэтические произведения, раскрывающие тему войны, созданные поэтами, заставшими Великую Отечественную войну в детском возрасте; северная поэзия и проза для детей, призванная не только развлекать, но и просвещать.

Второй раздел содержит статьи о творчестве ряда северных писателей, некоторые из них творчески себя проявляют и как поэты, и как прозаики, а также здесь помещены несколько рецензий на современные северные прозаические произведения.

В третьем разделе анализируется творчество северных поэтов, здесь можно обнаружить как пространные рецензии и аспектные статьи, так и небольшие заметки-зарисовки.

В качестве названий разделов используются цитаты о Слове – выразительном, целительном, спасительном, извлечённые из анализируемых в книге произведений. Знаковой представляется строка поэта Александра Логинова, вынесенная в заглавие книги: *И согревает сердце слово, / Спускающееся с небес*. Двойственность восприятия субъекта и объекта в этом предложении создаёт особый смысл.

Книга предназначена для широкого круга любителей северной словесности.

І. «САМОЕ ВАЖНОЕ НУЖНО ЗАКРЕПЛЯТЬ В СЛОВЕ»

У СТУДЁНОГО МОРЯ

Повествования о Поморье и поморах

«Родную мою страну обходит с полуночи великое Студёное море. В море долги и широки пути, и высоко под звёздами ходит и не может стоять. Упадут на него ветры, как руки на струны, убелится море волнами, что снег», – величественно и «красовито» пишет патриарх северной литературы Борис Викторович Шергин. Великое Студёное море вдохновило и вдохновляет на создание огромного множества проникновенных талантливых строк, не оскудевает неисчерпаемая кладовая словесности Русского Севера. Фёдор Александрович Абрамов заметил: «Быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры – это слово». И этот вклад продолжает пополняться, северное слово не теряет своей чудодейственной силы. Тому порукой книги, созданные на Севере, вдохновлённые северным Студёным морем.

«Чувство родства». Поморская деревня глазами филолога

...Пишу или говорю я «наша деревня» и каждый раз запинаясь на этом «наша». Я ведь не отсюда родом, самозванка получаюсь, какое право есть у меня говорить «наша» о поморской деревне? Но именно она, эта деревня, люди, живущие здесь сегодня и жившие в прошлом, позапрошлом и ещё более ранних веках, дали мне чувство родства с ними. Не просто дали – одарили. Щедро, безоглядно, словно приняли в большую семью, – это откровение помещено на последней странице книги художественной прозы известного филолога, литературоведа, неугомимого и неравнодушного общественного деятеля Елены Шамильевны Галимовой.

Это уже второе, дополненное издание сборника рассказов, потому и называется «Серебряная рыбина и другие» (Архангельск, 2019), первое вышло двумя годами раньше и называлось просто «Серебряная рыбина». Как сказано в аннотации, здесь помещены произведения, «посвящённые жизни северной поморской деревни, её людям, укладу, природе Беломорья». По сути, это рассказы о том, как пришлые, дачники стали своими, деревенскими, поскольку кропотливо и бережно постигали и постигают основы и тайны исконной поморской жизни.

Рассказы написаны и с юмором, и с пиететом, и запросто, и мудро, но главное – с любовью и любовно. Автор, однако, остаётся, прежде всего, филологом, а потому вдумчиво и глубоко вникает во всё, что открывается в деревне, сохраняя скрупулёзный, исследовательский подход: всё через слово, через любовь к нему (ведь именно так переводится

с древнегреческого название самой науки «филология»). Е.Ш. Галимова убеждена: *...самое важное нужно закреплять в слове. И тем уберечь от забвения.*

Рассказывая о простом, обыденном, проникаясь исконной мудростью народного мировоззрения, автор приходит к важным и существенным истинам, щедро делится ими с читателями. Ну вот, например: *Со всем без рыбы поморы не могут. Тем, кто запрещает им рыбу ловить, надо бы знать об этом: не могут поморы без рыбы, становятся скучными, начинают грустить и болеть; ...когда не на кого рассчитывать, то ни от кого ничего и не ждёшь. И живёшь сам независимый и свободный; Крестьяне живут традицией. И традиция живёт крестьянством; Дом для крестьянина – не просто жильё, это его космос, им сотворённый и его семьёй обживаемый. Другой смысл, другое отношение ко всему.*

Читаешь книгу и всё более и более проникаешься жизнью поморской деревни, заботами и радостями её жителей. К слову, название деревни в книге не раскрывается, хотя для многих читателей секретом не является, тем более что здесь помещена карта берегов Белого моря, на которой кружочком обозначено место расположения этой деревни. Сама деревня и её окрестности описаны столь досконально и зримо, что, даже не побывав там реально, всё отлично себе представляешь, до мельчайших деталей. И не только деревню, но и её обитателей, чьи подлинные имена с уважением и почтением приводятся в сборнике рассказов. А ещё много и хорошо пишет Елена Шамильевна о представителях животного и растительного мира как неотъемлемой составляющей естественной природной деревенской жизни. С искренней заинтересованностью и с этнографической точностью в книге воспроизводятся традиционные обыряды, обычаи, нравственные установки поморов, восходящие к глубокой древности и бережно передающиеся из поколения в поколение.

Хочется цитировать и цитировать, чтоб дать возможность потенциальным читателям прочувствовать удивительный аромат этой книги: *Отказываться от того, что подходило дедам и отцам, поморы и сегодня не торопятся. Почему нам не сгодится, если им годилось? Если веками проверенное, то уж во всяком случае – надёжное; С дикой природой у нас здесь вообще всё в порядке. Людей всё меньше, дикой природы всё больше. Как и по всей деревенской России; Каждый день, да и каждый час вид из окон разный. Никогда не надоест любоваться; ...птички весенние песни словно звуковой купол над деревней образуют.*

А как интересно читать книгу Е.Ш. Галимовой с филологической точки зрения! Автор дотошно и скрупулёзно осваивает местные названия – микропонимы, специфику диалектной лексики во всем её разнообразии, делится с читателями своими открытиями, а также эмоциями и рассуждениями по их поводу. Потому много в книге толкований и объяснений слов, бытующих в деревне, составляющих сущность её мента-

литета. Вот хотя бы вынесенное в название словечко *рыбина*, казалось бы, в общерусском обиходе какое-то оно пренебрежительное что ли, а у поморов это высокое, торжественное слово, которым обозначают не любую рыбу, а только царь-рыбу – сёмгу: *Единственная в своём роде. Достойная это родовое имя носить*. С родовыми именами с испокон веков так, поэтому деревенское озеро – просто Озеро, да и с деревней так же: *Для нас та деревня – деревня, для них – наша. При этом свою деревню никак не называют: это точка отсчёта и центр мира, в обозначениях не нуждается* (дело в том, что деревня, верней, село, которое описывается в книге, состоит из двух частей, двух деревень). А вот какой чудный этюд про акцентологические тонкости: *Ручей – это не ручей. Это распадок между угорами – высокими берегами. Хотя весной по некоторым ручьям и ручьи могут течь*.

Как само собой разумеется, довольно часто в книге автор останавливает своё и без того неторопливое повествование, чтобы что-либо прокомментировать с помощью специальных вставных конструкций или специальных членов предложения – приложений: *Объяснить надо, наверно, что такое рюжа. Или, как их здесь ещё называют, перемёт. Мы-то думаем, что все это знают, – как не знать, если вот они: глянешь на море с угора, с высокого берега, с самого его краешка, который зовётся шмычком, глянешь со шмычка, а там, на куйвоте, – сплошь рюжи. (Куйвота – это та прибрежная часть морского дна, которая обнажается при отливе и уходит под воду во время прилива)*. И таких примеров можно привести огромное множество.

И, конечно же, большое количество в книге так называемых прецедентных имён, связанных с литературой, ведь всё-таки мы читаем книгу писателя-литературоведа. Чаще всего упоминаются или цитируются Борис Шергин и Михаил Пришвин как наиболее близкие к содержанию и стилистике этой книги авторы. Мало того, два рассказа названы точно так же, как и произведения этих писателей: «В отnose морском» и «За волшебным колобком», чтоб вызвать у читателей соответствующие ассоциации.

Пушкинские цитаты органично включаются в авторское повествование: *В октябре? А сёмга-покровка? А «роняет лес багряный свой убор»?; И вроде лето по календарю, а на градуснике всё плюс десять да плюс двенадцать. Чего и ждать от него: «карикатура южных зим*». А ещё найдётся место в книге лермонтовскому поцелую ребенка, гоголевской Диканьке, «добрым хранителям» Владислава Ходасевича, «хозяину острова» Валентина Распутина, цитатам из прозы Фёдора Абрамова, Владимира Солоухина, Юрия Казакова, из поэзии Николая Рубцова, Игоря Шкляревского, Александра Роскова, Галины Рудаковой, упоминаниям Алексея Варламова и Конрада Лоренца, а с помощью уроженца онежского села Николая Аурова будет подробно описана всё та же рюжа.

Постоянно заглядывает автор в диалектные и исторические словари, а ещё в книги-определители цветов и птиц. Вот такой серьёзный научный подход! Позволю себе напоследок весьма показательную пространную цитату: *Многасжды я за свою преподавательскую и научную жизнь рассказывала студентам и писала в статьях про то, что в таком-то произведении такого-то автора течение времени определяется природным и крестьянским земледельческим календарем, который в хронотопе произведения играет структурообразующую роль. И прочие такие умственности письменно и устно изрекала. Сейчас этот календарь играет структурообразующую роль в нашей деревенской жизни. Ещё как структурирует! По струнке! Не отступишь от него никак.*

«...Где норд-осты колдуют»

Место действия романа о любви – полярная метеостанция

«Облака любви» Виктора Федоровича Толкачёва (Архангельск, 2017) – роман во всех смыслах этого слова: это и литературное произведение большого объема, в котором развёрнуто повествуется о событиях в жизни главных действующих лиц и их судьбах, и романтические любовные отношения между мужчиной и женщиной, основанные на взаимном всепоглощающем чувстве. Любой роман обязательно должен быть о любви.

Облака любви – главный символ и главный строительный материал этой удивительной книги, которая вся пронизана любовью. Каждая из четырёх частей начинается словом *любимая* в одинаковой по структуре фразе, помещенной на шмуцтитуле: «И сказала любимая...», «И воскликнула любимая...», «И вздохнула любимая...», «И написала любимая...». Переворачиваешь страницу и обнаруживаешь, что же, собственно, сказала, воскликнула, написала эта самая любимая, первые строки её слов, оформленных белым стихом, выносятся в содержание как заголовки разделов: «Ты пишешь о влюблённых...», «Какая мудрость в Арктике...», «Нет солнца...», «Родной, единственный мой...».

Каждая глава названа принятыми в метеорологии латинскими наименованиями разновидностей облаков, которые неизменно дополняются художественными пояснениями, так или иначе связанными с содержанием главы. Вот, например: «Cumulus – облака хорошей погоды», «Nimbostratus – дождевые тревоги и радости», «Stratus nebulosus – облака туманных надежд». Чаще всего в таких заголовках встречаются слова: *надежда, ожидание, тревога*, а ещё неоднократно употребляются: *забота, жизнь, память, радость*. Уже только этот список даёт представление о том, о чём эта книга. Или вот такие говорящие названия: «облака призрачной тайны», «облака опасного настроения», «облака смятения».

В аннотации читаем: *Эта книга – о жизни и работе молодой семьи на островной полярной станции «Колгуев Северный» в Ледовитом океане, во времени и пространстве ещё страны Советов. Эта книга об открытии её героями нового для них мира, об отношениях с коллегами, соседями на военной точке и аборигенами острова – ненцами-оленеводами. Жизнь и работа здесь – постоянный, часто драматический диалог людей с изменчивой погодой Арктики и её первозданными стихиями: тундрой, морем, небом.*

Основана книга на подлинных событиях, на автобиографическом материале, она предельно искренняя, обезоруживающе исповедальная, пронзительно лирическая. В ней представлены письма, телеграммы, дневниковые записи героев, газетные и журнальные публикации автора, другие документальные свидетельства эпохи, многочисленные фрагменты стихов и песен, с помощью которых адекватно передаётся состояние души героев повествования: не случайно благодарственный список имён предваряется такой записью: *жить и вспоминать жизнь автору помогли поэты-барды.*

Неоднократно в книге цитируются строки стихотворения Анатолия Лёвушкина, собственно, с них и начинается роман: *Всю мою северную жизнь звучат в душе манящие штормовые строки: «Вот он, остров Колгуев, где норд-осты колдуют».* Сам Колгуев в книге фигурирует чаще всего как просто Остров с прописной буквы, тем самым превращаясь в своеобразный символ, оберег, святыню.

Этот роман в высокой степени лингвоцентричен: кроме латинских специальных наименований из «Атласа облаков» (а наши герои служат на полярной станции именно метеорологами, определение типов облаков входит в их профессиональные обязанности), в книге приводятся многочисленные примеры слов, фраз, устойчивых сочетаний из ненецкого языка – родного языка коренного населения острова, представители которого становятся друзьями и героями очерков автора книги, так, например, непременно упоминаются и комментируются ненецкие названия месяцев: *Месяц Малой темноты – Нюдя пэвдей ирий – время охоты на песца* (речь идёт о ноябре); *Декабрь – Нгарка пэвдей ирий – Большой темноты месяц, самое тёмное и холодное время года*, *Апрель – ты саполана ирий – месяц появления оленей в переводе с ненецкого.*

Есть здесь и певучие украинские вкрапления как привет из отчего дома, ведь родина автора – Украина: *Поки сонце зійде, роса очи виість.* Есть азбука Морзе – неизменный спутник и помощник полярников, тоже удивительный по своей неизбывной музыкальности язык, ведь когда морзянку учат и используют, обязательно поют: – *Буква «Ю»: ти-ти-таа-ти. Повторяю: ти-ти-таа-ти. Я чётко слышу знакомую мелодию со словами: «чё те наа-до»?*

А ещё широко представлена замечательная детская речь – «лолоканье» – маленькой Кати-Катушки, дочки героев книги, тоже отважной

полярной зимовщицы и великого словотворца, постигающего тайны языка: чего, например, стоит придуманное ею ёмкое выразительное словечко *бушевать*, обозначающее выполнение метеорологических обязанностей в бурную, ветреную погоду, а другой, пожалуй, и не бывает на Острове.

Каждая главка начинается и заканчивается описанием облаков. Облаками, можно сказать, здесь измеряется всё и вся: *Вглядишься в облака, они о многом знают и расскажут...; Кто-то красиво сказал: облака – это наши мечты и не сказанные вслух слова; Письма – индикаторы памяти, кнопки на клавиатуре души и мозга. Они – облака души, её отражение, выражение, воплощение.*

Эта книга, можно сказать, ещё и пособие по экстремальной психологии, по выстраиванию человеческих отношений в замкнутом коллективе: *И требуется терпение, понимание, уважение, внимание к мелочам, чтобы от трений в тесноте коллектива не задымил, от искр не вспыхнул огонь, от неприязни не раскалить себя до ненависти...*

Это и роман испытания, преодоления объективных и субъективных трудностей, ведь Арктика не только прекрасна, но и сурова. А ещё много внимания здесь уделяется исследованию темы «Женщина в Арктике», перед читателями разворачиваются драматические и в то же время счастливые судьбы ярких личностей – жен и подруг известных и неизвестных полярников, достойное место среди них занимает Лариса Борисовна Толкачёва, супруга и соратница автора книги, которую он ласково называет Ляля, Ларчонок, а вместе с ним и все читатели, глядящие на неё глазами любящего и любимого, любящиеся её нежным, светлым, «светоносным» обликом, проникающиеся её благородством, преданностью, мудростью, согревающиеся под лучами трепетной, пронзительной Любви.

На лике этой Земли, под облаками любви, мы и обитаем – последняя фраза книги, на обложке которой помещён фрагмент картины А. Рылова «В голубом просторе»: над морем на фоне белых облаков и голубого неба пролетают белые лебеди как олицетворение Красоты и Верности.

«Вечный добрый сосед – море-моряшко» Помор по рождению – всегда помор

Книгу Павла Григорьевича Кренёва «На Севере, на Летнем берегу» (Архангельск, 2020) составляют повести и рассказы, которые по тематическому принципу можно разделить на три категории. К первой отнесём автобиографические произведения, основанные на воспоминаниях автора о своём детстве и юности, ко второй – повествования о непростых судьбах ярких, интересных людей и, наконец, к третьей – истории о представителях животного мира. Однако все они напрямую связаны

с родным для автора, уроженца поморской деревни, северным краем, в книге создаются колоритные запоминающиеся образы Севера и северян-поморов.

Самые трепетные, самые проникновенные рассказы книги воскresшают мгновения детства писателя, проведённого на Летнем берегу Белого моря в древней поморской деревне Лошшенга. Открывает книгу рассказ с непонятным для непосвящённых названием, в котором приводятся три диалектных слова, – «Пунашки, воротча и госьба». Сначала рассказывается о том, как весна приходит на Север, как *выползают на свет Божий старички и старушки – Дожили до новой весны!:* *Опять к уставшим от зимы людям приходит их вечный добрый сосед – мореморюшко.* Ну а в основном речь идёт о весенних заботах деревенской ребятни, ведь прилетают долгожданные пунашки (местное название пуночек, полярных воробьёв): *Пунашки – мальчишеская радость. Исполнок века мужское подрастающее поколение любит ловить пунашек в силки. Это подлинное спортивное состязание, это охота, это страсть!* Оказывается, чтобы быть удачливым охотником на пунашек, надо пройти особый ритуал – те самые *воротча*, нужно сказать, очень своеобразный забавный ритуал. Ну а после ритуала, подробно описанного в рассказе, и случилась упомянутая в названии знатная родственная *госьба*, гостьба то есть, примирившая поругавшихся было родственников, а иначе и быть не может: *Да ведь люблю я тебя! Родня ведь ты мне!*

Следующий рассказ носит название «Светлый-пресветлый день», и действительно, он очень светлый, душевный, пронизанный любовью – о детстве, об отце, о морском промысле, о северных белых ночах: *Мальчишка июнь – мастер дарить людям такие ночи. Когда их с трудом можно отличить от июньских дней и когда совсем не хочется спать.* Или вот ещё одна цитата из этого замечательного рассказа: *Но я был маленьким помором, и в моих генах сидела неотвратимая истина: помор, находясь на промысле, не должен тратить попусту время, его руки, так же как и голова, обязаны быть в непрестанной работе».*

А вот рассказ «Дедушко Павлин»: *Нет рассказчика и весельчака в деревне картинистее дедушки Павлина.* И тоже очень душевно, забавно и трогательно написано – «картинисто», воспользуемся словечком автора.

В рассказе «Моряк со “Стремительного”» Павел Кренёв поведал о ярком событии своего детства – о том, как побывал он на настоящем военном корабле, как нарядили его моряки в настоящую морскую форму, а ещё всё на корабле ему показали да обо всём ему рассказали: *Давно это было. Как давно... Но до сих пор в душе живёт ощущение праздника, которое я испытал в тот летний солнечный день.*

Скорей всего, к автобиографическим можно отнести и рассказ «За форелью» об экстремальной ситуации, ставшей проверкой на стойкость и мужество, которую юные поморы Мишка и Костя с честью прошли.

Наверное, с годами становишься сентиментальным. То шершавыми, то шелковистыми прикосновениями трогает сердце то, что раньше пролетало мимо сердца, а если и трогало, в нём не поселялось – такое признание можно прочитать в финале, действительно, довольно сентиментального рассказа «Добрые люди, или Как я поступал в Суворовское училище». Случайно или неслучайно писатель говорит о Божьем промысле, однако всё-таки рассказ называется «Добрые люди», и посвящён он тем добрым людям, которые в своё время очень помогли будущему писателю: груз невысказанной благодарности тяготит повзрослевшего автора. Они обо всем, конечно же, забыли. А я – помню.

Есть в сборнике красивая, трепетная, предельно искренняя и целомудренная повесть о первой любви «Звёздочка моя ясная», заканчивается она так: *И тёплый свет её, похожий на свет давней, детской ясной звёздочки над морским горизонтом, всё мерцает и мерцает во мне. И не гаснет.*

Три повести посвящены неординарным человеческим судьбам.

Вот «Долги наша» – гармоничное и величественное сказание о мужественном и благородном поморе. Герой повести Трофим не успел спасти попавшего в беду на морском промысле отца, казнит себя за это, не может сам себя простить. Но надо жить, надо растить своего сына. Получилось удивительно цельное и мудрое повествование, в котором переплелись силы природы и духовные силы человека, щемящая боль и большая радость, лад и гармония поморских обычаев, неизбывное поморское братство. Море, действительно, человека строит, как говорится в поморской поговорке, и постоянно экзаменует. А какой подлинный, настоящий, размеренный и величавый язык! Вот финальные слова повести: *У поморок плач этот – вполне обычное дело. И горе, и радость. И встреча, и прощание. И надежда. И любовь.*

«Жил да был “дед”» – мелодраматическая повесть о любви и морской романтике. Но оказывается, эта повесть о приспособленчестве под видом любви: искренность, открытость героя используется в корыстных целях, причём виртуозно используется, героем искусно манипулируют, его изощённо обманывают. В повести нашли отражение очень интересные психологические наблюдения автора. Здесь описываются по-настоящему волнующие моменты, связанные с морем, с ожиданием встречи с домом. В финале повести появляется удивительный образ беды в виде пушистого зверька, видимого всеми, кроме главного героя. Да и для него беда невидима до поры до времени, и сжимается сердце от осознания того, какие серьёзные испытания ждут главного героя, дай Бог ему их выдержать.

Герою увлекательной повести «Лёня Коткин – полярный лётчик» тоже приходится преодолевать всевозможные препятствия. Он благородный, мужественный, цельный человек, однако начальнические дуболомство и злопамятность портят ему жизнь. И всё-таки не под силу зу

победить добро! Может быть, эта повесть написана излишне «пожитийному» приподнято и восторженно, однако такая подача судьбы главного героя оказывает немалое эмоциональное воздействие. Вот небольшой фрагмент: *Но известно всем: даже в горькое горе, в беспросветную печаль иногда врывается счастье. Оно проникает во все уголки этой тёмной печали и заполняет её теплотой, светом и радостью. И горе не выдерживает, оно чахнет от напора теплоты, наполняется невыносимым для него солнечным светом и, наконец, лопается, как огромный чёрный мыльный пузырь, в который воткнули иголку.*

Завершают книгу четыре произведения, написанные в лучших традициях натуралистической литературы, с тонким знанием зоопсихологии, если можно так выразиться, ведь автор как будто бы влезает в шкуру своих персонажей – представителей животного мира, пишет о них буквально как о людях.

Рассказ о короткой жизни глухарки Пеструхи назван не иначе, как «Первый бал Пеструхи», в нём охота как человеческая прихоть показана со стороны её жертв – жестокой и беспощадной. Первый бал героини оказался и последним. Пеструха погибает, предупреждая своих соплеменников об опасности. Охотник убивает молодую глухарку и с досадой бросает её на землю: – *Дрянь, – говорит он, – всю охоту испортила.*

Повесть «Белоушко» рассказывает о жизни волков, которые, совсем как люди, наделяются характерами, мыслями, чувствами. Здесь проникновенно говорится об извечной гармонии естественной природы. Люди и звери – враги. Но бывает и по-другому. Бывает, что привязываются друг к другу волк и человек. В повести величественно и уважительно раскрывается история одной волчьей жизни. Волк Белоушко вырос у людей, хорошо изучил их обычаи и привычки. Нет сильнее и мудрее этого волка. Интересно в повести подаются одни и те же события с принципиально разных точек зрения – человека и животного. Финал очень трогательный, почти сказочный: волк Белоушко красиво благодарит своего спасителя-человека.

В рассказе «Успокойсь» наглядно показано жёсткое противостояние зверя и человека. Человек – из страха ли, из озорства ли – нарушает гармонию природы, а потом горько расплачивается за это. Очень силён здесь образ Рыси, оскорблённой матери, которая буквально выживает с уловистой тони рыбаков, потому что не может им простить бессмысленной жестокости. Рысь – царица леса, и никому не следует подвергать сомнению её право на царство.

«Беспалый» – ещё один душевный рассказ о животных, на этот раз о медведях. И опять же чётко высказывается мысль о том, что всё в природе мудро и гармонично, а все проблемы – от человека. Просто не надо зверя в искушение вводить и дразнить его. Герой рассказа попытался убить медведя-разбойника, но потом решил поступить умнее, стал его

подкармливать. Но увели медведя дела любовные, которые посильнее будут сытости и разбоя.

Такова она – замечательная книга Павла Кренёва «На Севере, на Летнем берегу». Читать её – одно удовольствие. На обратной стороне обложки помещены высказывания об её авторе, хорошие высказывания, а главное – справедливые.

«Прекрасная правда народной жизни» Первозданная мудрость жизни-служения у моря

У книги Александра Александровича Антипина «Белое море, чёрная изба» (Архангельск, 2018) послесловие с показательным названием «И обрушилась на меня горькая, прекрасная правда народной жизни...». Это слова самого писателя, который осознал своё призвание – отразить в художественном тексте ту самую «прекрасную правду народной жизни», о чём красноречиво свидетельствует эта книга. Перед читателями раскрывается несуетная, неспешная, основательная, естественная обыденность жизни мезенских поморов, которая зиждется на вековых традициях, на не писаных, а потому и незыблемых законах человеческого бытия.

В повествованиях А. Антипина, казалось бы, абсолютно ничего не происходит, они выстраиваются не на напряжённом сюжете, не на увлекательной интриге, а на постижении великой мудрости обычной жизни, на осмыслении её основ, истоков, закономерностей её развития. Такая проза – густая, насыщенная, обстоятельная – дорогого стоит.

Обсбняком в книге, пожалуй, стоит рассказ «Сирень из Сулонды» – романтический, динамичный, отражающий юношеские порывы и сумасбродства, оставляющие по себе трепетное послевкусие на долгие годы. Но и этот рассказ начинается с описания традиционного деревенского съезжего праздника, который «живёт, веселит и собирает народ». В деревне празднуют, а герой сидит в городе и выпивает в компании со своим развесёлым другом, а на душе у него тоскливо, не празднично. Случившееся дальше авантюрное приключение, обернувшееся романтическим порывом, стократно компенсировало праздник в душе героя.

Открывает книгу рассказ, давший ей название, – «Белое море, чёрная изба», какой яркий, контрастный образ создаётся уже в его заглавии! Герой, будучи в командировке, три дня переживает нелётную погоду в поморском селе – *милом, но суровом захолустье*, и решил он навестить старого знакомого, который жил в деревушке за рекой. И вот он уже за столом у гостеприимных хозяев: *на душе сделалось празднично, как бывает на доброй и весёлой гостьбе*. Переночевал герой на русской печи, понаблюдал за утренними хлопотами старухи-хозяйки, побывал на морском берегу, где проверял сетки старик-хозяин, подивился его охотничьим байкам, полюбовался причудами слепого пса Проньки. И что-то

переменилось в его душе, не осталось в ней места унынию и досаде: *Я шёл и думал о переменах, которые произошли во мне, о старике, о бабушке и Проньке. И о море, конечно, тоже.* Вот так, внешне не произошло ничего, однако внутренне, духовно герой преобразился, что, собственно, и составило содержание этого рассказа.

Такое преобразование случается с героями всех произведений писателя, и не только с героями, читатели, проникаясь развитием внутреннего сюжета, который оказывается неизменно глубже, значительней внешнего, тоже меняются, не могут не перемениться, обогащённые новым знанием о самих себе, новым духовным опытом.

Яркое внешнее событие, составившее основу сюжета рассказа «Морошка в морском рассоле», оставило неизгладимый след в душе его персонажей, и случилось-таки преобразование. Отправились герои рассказа за солнечной ягодой морошкой, но и ягод особо не набрали, и оказались в открытом море в шторм с заглохшим мотором.

Герой-повествователь, сидючи над морем, *в минуту откровения, наедине с самим собой* задумался, *для чего живёт на этой грешной, но прекрасной земле, как безжалостно-быстро жизнь проходит, похожая на короткий и дивный сон.* И потом случилось страшное испытание: *Мы оказались полностью во власти стихии, которая, хохоча, вытворяла с нашим бедным ковчегом всё, что хотела.* Выдержали испытание герои, завёлся мотор как раз тогда, когда лодка, залитая водой, начала тонуть. И вот новые размышления героя о смысле жизни: *И с невероятной остротой, до остановки дыхания, до внезапной сердечной боли я ощутил вдруг, как же она прекрасна – жизнь – и как я её не ценил, развеивая по пустынным делам, не замечая тихой и простой красоты.* А как же название рассказа? То, что представлялось выразительным образом, обернулось буквальным смыслом: закусывали спасшиеся герои водку той самой морошкой в морском рассоле, которая казалась им в тот миг самой вкусной на свете.

Судьбы людские, простые и непростые, обыкновенные и необыкновенные, предстают перед читателями в прозе Александра Антипина.

Вот Галерий Васильевич из рассказа «Лесные взгорья», с лесом связана вся его жизнь, и потому *Каждое утро, пока греется чайник, Васильевич садится к окну и глядит на лесные взгорья.* Вместе с героем мы проживаем один день его жизни, самый обычный день, устремляемся по волнам памяти в его прошлое: вспоминает Васильевич деда, мать, погибшего на пожаре сына. Вновь и вновь смотрит Галерий Васильевич на леса, на луг, на волны трав. *В этих волнах, широко разбегавшихся от деревни до крайков леса, в одновременных и дружных наклонах трав было что-то великое и вечное, как море, как трепет живого огня, или как небо, под которым хочется только жить, и никогда не думать о смерти.*

А вот герой рассказа «Прялка» – шепутной, непутёвый Мишка Житов, которому велели везти иностранного гостя в заповедную деревню Кимжа, а ему хочется на рыбалку. Рассказал он чужеземцу о том, что случилось с ним однажды, услышал он на рыбалке жутковатый зов: «Иди-и сю-да!» – холод по спине, волосы дыбом. И вновь предстоит герою услышать этот голос, этот зов из прошлого, потому что разворошил, разбередил что-то в его душе истовый интерес иностранца к старинным деревенским вещам, к той же прялке, и потому неожиданно для себя запрямился Мишка: *Не отдам. Моя прялка, бабкой дареная!*

Нет, пожалуй, и, правда, не сыскать на всём белом свете человека несчастнее Саврила Дмитриевича Тараканова. Всё-то у него в жизни не как у людей, всё наизкосяк да наперекосяк, – так начинается рассказ «Польнь серебристая». И, действительно, у героя всё валится из рук, всё что-нибудь да и случается с ним, так и притягивает он всяческие несчастья. Но вот ведь как открылся он, как тончайший знаток свойств трав, как верный служитель травяного царства – тут уж его несчастным да горемычным не назовешь. И понял автор-повествователь: *вся, даже самая простецкая жизнь исполнена поэзией и пронизана солнцем,* и щедро поделился с нами, читателями, этим своим открытием.

Командированному на Север инженеру Елсакову, несостоявшемуся художнику, герою рассказа «Старый маяк», предстоит прикоснуться к первозданной красоте морского берега, на котором затерялись метеостанция и старый маяк, постичь первозданную мудрость жизни-служения у моря на примере судьбы старой поморки Текусы Акимовны.

В рассказе «Сосен свет» речь идёт о поездке героя-повествователя в село Чернцово, «известное редким сосновым бором, святыми местами и часовой». Он побывает на празднике в честь Тихвинской иконы Богоматери, окажется на хлебосольном застолье, послушает разговоры местных жителей, попарится в деревенской баньке. И явится ему сама Богородица в обрамлении горящих, как свечи, сосен, но не осмелится он прошептать о своём заветном желании.

Завершает книгу маленькая повесть «Агафьино серебро», рассказывающая о поисках героем сокровищ – реальных и духовных – по следам семейных преданий. Общается он со стариками и старухами, осознавая, что с их уходом исчезнет *вся деревенская Атлантида, с её хлебом, душой и волей.* Или вот ещё показательная цитата: *И сейчас же пришла мне мысль о том, как много из нас выветрилось лучших качеств. А что мы успели перенять от предков? «Да мы мизинца их не стоим! – Воскликнул я почти вслух. – Каждый ли из нас смастерит простецкое топорище, добудет зверя на пропитание или завершит, как надо, зарод? А терпенья, совести, трудолюбия мы, сиротины, сохранили еще меньше. Нас научали и пестовали, а мы всё сами же отринули и промотали».* В другом месте читаем: *Вот уйдут эти старики и старухи, – думал я, – а вместе с ними исчезнет что-то трагическое и свет-*

лое, пропадёт великая тайна и великая красота, которую мы и не заметили.

А ещё представляется автору простая повесть деревенского дома чудом: *Вот где был настоящий Русский музей!* (как тут не вспомнить повесть Фёдора Абрамова «Деревянные кони»). *В хаосе крестьянской утвари, разбросанной и распаханной по углам и затайкам, конечно, не выдось казённой музейной чинности. Но в нечаянном беспорядке и состоянии с виду простецкая и незатейливая красота. Она и трогала душу. «Так неужели, – невольно подумал я, – действительно нет ничего случайного ни на повети, ни в целом мире?»*

Да, простецкая, незатейливая, но великая красота, а ещё великая тайна простой и мудрой обыкновенной жизни обыкновенных людей запечатлена в талантливой прозе Александра Антипина, запечатлена, а потому будет сохранена.

«Здесь главная русская свобода...» Вместо послесловия

Лауреатом премии имени Фёдора Абрамова в 2020 году стал карельский писатель Дмитрий Геннадьевич Новиков за роман «Голомяное пламя» – роман полифоничный, насыщенный, глубокий. Охват хронологический – огромный, пространства – безбрежные, необъятные, наши северные. Про роман написано и сказано немало. Его заметили и отметили, выделили из потока литературного, потому что он настоящий, качественный, крепкий, кражистый.

В нём пересекаются судьбы и мысли героев, пересекаются разные временные пласты. Север. Море. Варлаам Керетский. В центре повествования Гриша, который возвращается на Север, край детства, край предков – былинный, мифический край. Герой пытается понять судьбу деда, на чью долю выпало жестокое время.

В романе сильные, могучие описания природы. Центральный образ – то самое голомяное пламя, радуга над открытым морским простором. И всё-таки главный герой – Север суровый и мудрый. Многочисленные пейзажные зарисовки можно назвать лирическими отступлениями. Но нет, это не отступления, а самая гуща эпического повествования, и не зарисовки это, а крепкие основательные картины. Вот хотя бы эта: *Нет в мире ничего пограничнее, чем берег Белого моря. Здесь всё рядом, близко, сцеплено неразрывно друг с другом – белое и чёрное, пьянство и честность, неистовость и покой. Здесь главная русская свобода, обещанием свободы поправная. Здесь смертельная красота. Здесь радость отчаянья. Здесь надежда. Здесь вера. Здесь любовь.*

О НЕПРОСТОЙ ЖИЗНИ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

Современная деревенская проза Русского Севера

Фёдор Абрамов в одном из своих выступлений отметил, что писатели-деревенщики «в своих произведениях говорят об очень серьёзных вопросах не только нашего сегодняшнего бытия, но они говорят о наших нравственных истоках, они задумываются о таких понятиях – откуда что пошло, к чему это придёт».

Литературовед Феликс Кузнецов в 2012 г. в статье, посвящённой юбилею В.И. Белова, написал, что деревенская проза «была прозой бытийной, историко-философской, вынесшей на общественное обсуждение коренные, фундаментальные вопросы нашего исторического бытия». Вот тут-то и настораживает слово «была». Значит ли это, что о величии деревенской прозы сейчас можно говорить только в прошедшем времени? Есть ли достойные преемники у великих писателей-деревенщиков – ушедших: Фёдора Абрамова, Василия Белова, Александра Яшина, Валентина Распутина, Бориса Можаева, Виктора Астафьева, Владимира Солоухина, Евгения Носова, Виктора Лихоносова и ныне здравствующих Владимира Личутина, Владимира Крупина, Юрия Галкина?

Как живёт современная деревня? Какие проблемы волнуют современных сельских жителей? Как эти проблемы отражаются на судьбе России в целом? Какова социальная роль писателя, пишущего на сельские темы сегодня? Не рано ли мы хороним современную русскую деревню? Вопросы непростые: есть о чём задуматься, есть что обсудить, есть над чем поработать...

Хорошая, художественно качественная деревенская проза появляется и сейчас, стоит только взглянуть на списки произведений – финалистов и победителей престижных литературных премий, носящих имена Фёдора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина и др. Что особенно отрадно, глубокие произведения о деревне создаются на Русском Севере, в «краю родникового слова», по определению Фёдора Абрамова. Рассмотрим недавно вышедшие книги северных прозаиков.

Мудрость простой жизни и деятельная доброта

У книги вологодской писательницы Натальи Мелёхиной «Железные люди» (Москва, 2018), вошедшей в шорт-лист Всероссийской литературной премии имени Фёдора Абрамова «Чистая книга» (2019), замечательная аннотация: *Какова она, перестроечная деревня? Многие и не знают. А некоторые, наверное, думают, что она умерла. Но нет, жива. А иллюстрация на обложке – та самая красная телефонная будка, которых понатыкали в заброшенных деревнях как в насмешку. Некуда было денег потратить? Надо было отчитаться перед кем-то? А кому звонить? Разве только Богу? Что и делает деревенский дурачок Женя Иванов*

из рассказа «По заявкам сельчан». Пошутил было над дурачком герой рассказа Вадим, но вот что вышло: *Женя добрался до телефонной будки, снял трубку и беспорядочно понажимал на кнопки. Затем внятно и громко произнёс: «Алё, Боже? Это я, Господи, Женя из Васильевского. Помоги мне, Отец Небесный, домой вернуться, избу свою отыскать.* Такие они все, рассказы Натальи Мелёхиной. Всегда какой-то спазм, приступ жалости ли, безысходности ли. Нет, пожалуй, не отчаяния, а горечи. И в то же время что-то обнадеживающее есть – не всё потеряно, жива душа!

Рассказы трогательные и парадоксальные. И названия порой такие же. Вот, например, «Забывай как звали». А ещё довольно жёсткие, безжалостные, нетерпимые к фальши, морализаторству. В этом плане наиболее показателен рассказ «Что мы знаем о хлебе». Так он начинается: *«Вы поколение, выросшее в тепле и заботе, не знавшее ни войны, ни голода! Что вы знаете о хлебе?!»* – взревел бородастый писатель. Да много знают сельские ребята о хлебе: и как он трудно даётся, и как легко пропивается беспутными родителями, и каков он хлеб-соль настоящей мужской дружбы, и что такое пресловутая социальная несправедливость...

В книге есть замечательные рассказы про животных, написанные в лучших традициях натуралистической литературы, но со своим, особым подходом («Сердце без лапок», «Как Байкала хоронили», «Шмелиный сон»). Есть откровения о мире деревенского детства – вольном, загадочном, насыщенном, в нём легко рождаются мифы и сказки («Мазега», «Витькина конфета»). Есть проникновенная лирическая зарисовка о пробуждении юношеского чувства, *когда сердца становятся особенно уязвимыми* («Бабочка в лабиринте»), и яркая, сочная новелла о зрелой, сильной, но всё равно ранимой и такой хрупкой любви («Счастье луковое»).

А люди сколь хороши и колоритны – душевные, настоящие! Вот крупная, сильная, не склонная к сантиментам Евгения Ивановна из рассказа «Трактористка» со всегда красным, *как разрезанный поперёк арбуз*, лицом, по которому вдруг потекли *непривычные для неё и, наверное, потому такие крупные солёные капли*. А вот Ритка из рассказа «Оркестр играл» – скромная, зачуханная. Вызвали её на сцену, чтоб наградить как лучшую скотницу – зарделась, смутилась. Но вот начался концерт оркестра «Надежда» из школы-интерната для слепых и слабовидящих детей – *Риткино жальчивое сердце защемило от сочувствия*, и ухнула она половину своей премии в качестве пожертвования. *Что-то такое произошло после концерта, под звучание маршей, блюзов, гимнов деньги перестали быть просто деньгами, сменилась сама суть их и предназначение. Банкноты, заработанные самым тяжёлым трудом – трудом на земле, теперь были чем-то чистым и неосквернённым наподобие бес-*

кровной жертвы. А какой удивительный трагикомический любовный треугольник описан в пронзительном рассказе «Паутинка любви»!

Зачины у рассказов Н. Мелёхиной ёмкие, обещающие, интригующие. Вот «День деревни»: *В возрасте сорока двух лет гитарист Игорь Рудин впервые в жизни оказался в деревне.* Постигание деревни сугубо городским жителем, его вовлечение в ход и строй деревенской жизни очень поучительно и увлекательно показаны в рассказе.

Или как вам такое начало: *На поминках у старой доярки Параси было шумно и весело.* И уже очень хочется узнать, почему же так – это рассказ «Парасин крест». Или: *В совершенно заурядный ноябрьский вторник в жизни пятиклассника Витьки случились сразу два важных события.* И нас в рассказе «Витькина конфета» ждёт неожиданный поворот сюжета – откроется настоящий духовный клад.

Трогательно-щемлящие рассказы об уходящем: стариках деревенских, о самих деревнях – мёртвых, заброшенных. *Брошенные избы в вологодских деревнях напоминают покинутых стариков. Особенно удручает их вид в осеннюю непогоду. По немутым оконным стёклам ползут капли дождя, и под мелкой моросью окна похожи на вечно слезящиеся старческие глаза. И шершавая поверхность брёвен – это сухая кожа, покрытая пигментными пятнами от сучков,* – так начинается изумительный рассказ «Яша и Маша».

Завершает книгу цикл рассказов про дядю Гришу. Именно оттуда взят образ, давший название сборнику, – «Железные люди». Почему железные? Что-то несгибаемое, прочное, незбылемое? Нет, всё просто, обыденно: *Дядя Гриша и его племянник Димка, старый и молодой борщички металла, были похожи друг на друга не только по-родственному <...> они оба словно нарастили металлическую чешую поверх желтоватой от болезни кожи.* А чем ещё прикажешь жить в разорённой деревне? Но рассказы цикла несмотря ни на что – оптимистичные, жизнеутверждающие. И не об одном дяде Грише речь, а о всей его дружной семье, о наследниках его, составляющих надёжное древо жизни (рассказы цикла так и называются – «Наследники» и «Древо жизни»).

И ещё одна цитата из издательской аннотации этой книги: *О трагедии российской жизни Наталья Мелёхина рассказывает без надрыва, легко, выразительно, иронично.* Читаешь книгу, улыбаешься или грустишь, восхищаешься языковыми находками или удивляешься точности психологических зарисовок, и вдруг обнаруживаешь, что строки расплываются от слёз – светлых, чистых, одухотворённых. Хотите испытать подобное? Ищите и читайте эту книгу! Вот финал чудного и доброго рассказа «Тяга»: *Дядя Гриша, пряча улыбку, плёлся впереди, а за его спиной вязла в пашне вереница потомков. Они тянулись за отцом и дедом, как птичий клин за вожаком, и в темноте дядя Гриша слышал их молодой, похожий на хорканье вальдинепов, говор и смех.*

Какие хорошие люди обитают в книге Натальи Мелёхиной «Перевал Волкова»! Все без исключения! И не то чтобы они ангелы во плоти, нет, простые грешные люди, но столь уж хорошие и добрые. Как они помогают ближнему своему, да хоть и дальнему – искренне, бескорыстно, никого не оставляют без своего внимания и догляда. Вот Анатолий из рассказа «Коронованы бедой» пожалел попавшего в беду гастарбайтера, привёз ему одежду своего сына. Незадачливого Витьку из рассказа «Алиментщики» родные дети из тюрьмы выкупили, те самые, кому, собственно, задолженные алименты и причитаются, – и такое бывает! Добрые соседи нашли потерявшую сознание Марью Никитичну, перетащили её на диван да ещё и ужин ей приготовили (рассказ «Маня, Муся и Магнит»). И такие примеры можно перечислять и перечислять.

Да даже «алкозвёзды» из рассказа «Жара под Рождество» – спившиеся, опустившиеся, но не растеряли они душевности и простоты. Ну, а то, что брат помогает брату («Волшебный сюррикэн») или сын заботится об отце («Весна и смерть Семенова»), – это само собой разумеется, хотя чего только не бывает в нашей жизни, и яркое художественное напоминание о нормальном, привычном, правильном никогда не помешает.

Немало трогательных историй о человеческом участии, о деятельной доброте можно прочесть в книге. Герои этих историй, подобно Артёму из рассказа «Птица божья», не задаются сложными вопросами, им и самых простых, самых земных с лихвой хватает. Однако в этом простом, земном и сокрыта истина. Перефразируя героев рассказа «Медведь с заплатой на ухе», скажем: у каждого своя война, главное, чтоб все возвращались, пусть все возвращаются.

Умеют ценить герои Н. Мелехиной внутреннюю и внешнюю красоту: *сколько сокровищ вокруг рассыпано прямо на его родном огороде!* – золото листьев, бриллианты росы (рассказ «Алиментщики»). Знают волшебную, неистребимую силу слова: *Слово – оно живучее, как заросли ивняка, сколько не вырубай – не вытаптывай, оно знай себе упрямо прёт вверх от корней* (рассказ «Мишин лес»). Как строго сохраняются и соблюдаются героями книги исконные деревенские обычаи и традиции.

Самое ценное в этой книге – мудрость простой жизни, передаваемая из поколения в поколение, которую олицетворяет оберег заветный – пестерь-невидимка из одноимённого рассказа. А как здорово написано в рассказе «Что пили? Бражку!» – черты деда, родоначальника, рассыпаны по всей семье, по всему роду: у кого ямочки на щеках, кто рыбак удачливый, кто кроткий и неругливый, а кто певец знатный.

Волнует автора судьба деревни, судьба деревенских жителей: *В сельской местности любая мелочь может служить напоминанием о малой ценности крестьянина, о его незавидной роли в огромном мире, вечно раздираемом катаклизмами и катастрофами* (рассказ «Коронованы бедой»). В том же рассказе звучит знаковая фраза, давшая ему

название: *Мы бедой уж сколько лет коронованы*. Берёт за живое реплика из рассказа «Сердце Родины»: *Громче, громче кричите, робяты! Хоть деревня поживёт, пока вы тут*. А потом наступает и царствует привычная для деревни смиренная и глубокая тишина. Отзывается болью в сердце *банальная деревенская история* – самоубийство из-за несчастной любви и горькой обиды на возлюбленного (рассказ «Неурюки физкультуры»).

И политикам достаётся из уст героев книги: *Будет старуху-колхозницу Бог за магнит наказывать, когда политики всю страну разворовали!* (рассказ «Маня, Муся и Магнит»). Замечательный финал у этого рассказа: большие города захлёбывались светом и подсчитывали убытки от Мани, от Муси, от магнита... Хотя от политики рождаются *чёрные, как ночная вода, мысли*, появляется *холодная злость* (рассказ «Что пили? Бражку!»), и нужно бы держаться от этой самой политики подальше, какой от неё прок.

Обращают на себя внимание удивительные сравнения: *Старые крестьяне с нежностью и знанием дела перебирали пакетики семян, как виртуозные музыканты партитуру ещё не сыгранной симфонии* («Коронованы бедой»). Или вот такое изумительное измерение времени: *Песен через пять стемнело* («Что пили? Бражку!»); *Через целую жизнь Вовка вернулся к Семёнову в родную Вологду* («Весна и смерть Семёнова»).

Восхищает пейзаж ночной рождественский: *Что-то тайное, торжественное свершалось в природе, и даже лес вокруг деревни на самом деле не спал, сосредоточенный, как прихожане в церкви, на глубокой и искренней молитве* («Жара под Рождество»); и пейзаж дневной – тоже рождественский: *Ослепительно сверкающие телеса прикрыли землю, а избы, будто монахини, принарядились ради праздника: торжественно стояли в белоснежных клобуках на крышах* («Волшебный сюрикэн»)

Символично название книги – «Перевал Волкова». Перевал – это понижение в гребне горного хребта, место наиболее лёгкого и удобного перехода из одной горной долины в другую. Это преодоление чего-то трудного, после чего становится значительно легче. Как там Леонид Утёсов пел: «Мы с тобою вдвоем перешли перевал, и теперь нам спускаться с горы...» Нечто подобное испытывает герой рассказа Дмитрий Волков, это его перевал. Интересно, что в рассказе фигурирует маленькое кафе с названием «Перевал», где мы и застаём героя в начале рассказа и многое про него узнаём, например, о том, что кофе ему нужно не для того, чтобы пить. А ещё ощущаем *холодный ветер, будто залетевший сюда с берегов Стикса и Леты*. И в финале вместе с героями мы смотрим в окно на утонувшее в ливне кафе «Перевал»: *И волны Стикса, волны Леты медленно отступили от неминуемого для каждого из нас перевала...* Название рассказа вызывает ассоциации с легендар-

ным «Перевалом Дятлова» с его загадочной трагической историей. Все-таки, как мне представляется, у Н. Мелёхиной совсем другое.

К слову, этот рассказ в книге – своеобразный Рубикон. Следующий за ним рассказ «Рябинник-оборотень» как раз в большей степени мистический, однако заканчивающийся прославлением реальности: *А снег всё сиял и манил чистотой и свежестью, как непрожитая ещё жизнь, как неначатая страница, которая и одна-единственная была интереснее всех фантастических книг.* А потом начинаются собственно автобиографические истории – домашние, душевные, родные, в которых повествование ведётся от первого лица (три небольших рассказа «Как падали листья», «Мишин лес». «Пестерь-невидимка»). Да и завершающий книгу цикл «Дашкины истории» к ним тяготеют – их автобиографичность прозрачна.

Показательно, что узнаваемы, да и прямо называемы Вологда, Паутинка-Полтинка и другие места вологодской глубинки. Органичны для автора цитаты из композиций русского рока. А ещё привлекает внимание колоритный сквозной персонаж – великан-доктор с замечательной фамилией Лапушкин.

Нельзя не отметить переключки с другими рассказами и книгами Н. Мелёхиной – вот дядя Гриша из цикла рассказов про дядю Гришу, посвящённого родному отцу автора, появляется и в нынешней книге в рассказе «Что пили? Бражку!», упоминается он в рассказе «Коронованы бедой» (*Умел Гриша заметить обыкновенные чудеса жизни и открыть их людям, такой уж Бог дал ему особый талант*), да и в «Дашкиных историях» фигурирует он как отец юной героини, к тому же там активно действует его сын Игнаха, знакомый нам по рассказам из книги «Железные люди».

А ещё хотелось бы отметить, что в книге Натальи Мелёхиной запечатлено писательское поколенческое братство: приводятся стихи Екатерины Яковлевой и Игоря Лазунина, предисловие написал Мамед Халилов. Он обратил внимание на главный символ книги – яблоню на обочине: *И не важно, что эта яблоня, в отличие от Эдемской, растёт среди ухабов и размокшего суглинка вологодской глубинки, плоды её универсальны и имеют общечеловеческий смысл и значение.* А одну из первых рецензий написал друг и соратник Н. Мелёхиной по новой деревенской прозе Артём Попов, вот цитата: «В любом авторском сборнике важна внутренняя композиция, проявляющаяся в виде некоего стержня. Таковым в книге «Перевал Волкова» стали «Дашкины истории» – короткие рассказы о шестилетней девочке, живущей в деревне. Эти во многом автобиографические произведения способны смягчить загрубевшие души современников, залечить раны на сердце. Воспоминания детства греют автора, и это тепло передаётся читателям».

Действительно, книга Натальи Мелёхиной очень тёплая, душевная, жизнеутверждающая. А ещё у книги замечательные, не менее теп-

лые, душевные, жизнеутверждающие иллюстрации художницы Елены Ульяничевой. Словом, ищите и читайте книгу «Перевал Волкова», вышедшую в череповецком издательстве «Порт-Апрель» в 2021 году в серии «Сокровища вологодской литературы».

Всё до боли знакомое

Первая книга прозы архангельского писателя Владислава Попова, ставшего лауреатом Всероссийской литературной премии имени Фёдора Абрамова «Чистая книга» в специальной номинации «За вклад в развитие северной литературы», называется «Ворота в синее поле» (Москва, 2018). В заглавии заключён образ необычный, символический, предполагающий разные толкования. Одноимённый рассказ всё проясняет, но всё-таки остается послевкусие первого впечатления – что-то неуловимо романтическое, устремлённость куда-то – в мир хрупкий и загадочный. Да и начинается сборник с самого заветного – маленькой повести «Росёной хлебушек», в которой мы смотрим на мир глазами ребёнка, восприимчивого, чистого фантазёра: первые очарования и разочарования, горести и радости, страхи и подвиги...

А потом и вовсе идут фантастические истории и тоже в детской интерпретации, при этом ведь любые чудеса возможны. А как любит автор своих чудаковатых героев! Вот «Муля на колесиках» – и тут опять появится доброе и вкусное слово *хлебушек*, правда, контекст будет очень веселый. А там и *аллейка*, и *пароходик*, и *лужицы*, но без слащавости, душевно. И другой чудный образ – «Дурочка»: трепетно, изыщно, легко, без какого-либо намека на иронию и, не дай Бог, цинизм: *Дурочка – и всё тут. Но над ней не смеялись, а, наоборот, жалели*. В прозвище нет ничего обидного, как казалось маленькому герою рассказа. За этим образом – судьба горькая и печальная, щемящее сочувствие автора ощущается.

Ну а дальше, вроде бы, всё до боли знакомое, реалистичное до мельчайших подробностей, и поэтому ещё больше оно прошибает. Вот «Роза и Красная площадь». Героиня рассказа Розка – нет, не дурочка, но чудная всё равно. Мечта у неё красивая, тёплая такая: хочет она оказаться в Москве на Красной площади в Новый год. Она – большой ребёнок, даром что учительница. И опять у автора мелькают уменьшительно-ласкательные словечки: *пальтецо*, *пуговки*, *Нинушка*. Умилительно и трогательно описывается, как Розка собиралась в дорогу, как одевалась вскладчину, как поехала на станцию, как ждала на вокзале поезда, как вспоминала детство детдомовское. *Вот же еду. Всё у меня получается. Почему Галя считает, что я ещё не взрослая? А взрослая – это как?* И вот Красная площадь – разве не чудо! Но чудо грубо было оборвано – несправедливо, подло. И это так страшно, так буквально под дых. Финальное *Я домой хочу!* переворачивает душу.

В деревенских повестях и рассказах В. Попова всё до боли знакомое, реалистичное до мельчайших подробностей. Один персонаж колоритнее другого, одна судьба сложнее другой. Вон старуха Хитриха из одноимённой повести (всё что-то хитрит). Она большой ребёнок с детским незамутнённым взглядом на мир, но и с детской же упрямой, неосознанной жестокостью. В центре образ молоденькой сельской учительницы, её глазами мы смотрим на деревню, на деревенских жителей. Описана деревня подробно, дотошно, с любовью и любованием. Читаешь, и создаётся ощущение реального присутствия в месте действия. И говор круглый, перекатывающийся, колоритный, вкусный. А словечко-то какое – *басёна!*

Среди замечательных женских образов, с любовью создаваемых писателем, – Алька из рассказа «Сосновый мёд», и тоже с чудинкой, с открытостью, распахнутостью, столь органичной в её родном природном мире.

А потом идут герои-мужики – основательные, надежные. Фёдор в заглавном рассказе «Ворота в синее поле» – щемящая боль, незаживающая рана. Хороший человек не может не страдать, как это часто бывает, и в этом его страдании подлинная жизнь, но и обострённое чувство несправедливости. Картина, произведение искусства, давшее название рассказу, переворачивает жизнь и сознание героя.

Вот Пётр Порохин из рассказа «Последний козел деревни» – трогательный, почти шукшинский чудик, которому автор приготовил пережить фантастическое приключение, густо замешенное на деревенском реализме. Или вот рассказ «Доля». Думаете о судьбе, о доле человека? Нет, имя героя Доля Иванович по прозвищу Курмушка – древний старик, знатный рыболов, шла на него рыба. Или вот Митрич, герой рассказа «Митрич и его собака»: к хорошим людям и собаки прибиваются такие же хорошие, понятливые и добрые.

Замечательные, колоритные Миша и Гриша в рассказе «А где-то плывёт рыба», Павел Иванович и Василий Лаврентьевич в рассказе «Колёса», в котором автор предлагает читателям послушать неспешный мужской разговор о прошлом, о дорогом, о памятном – *стоснулось мужикам*. И хорошо, добротно!

«Если бы люди были как дети, было бы проще», – так говорится в одном из рассказов Владислава Попова. А ведь верно!

Всё свое, родное, близкое...

Необычное название книги писательницы, живущей в Архангельской области, Ирины Турченко «От Марьяны до Маремьяны» (Архангельск, 2020) растолковывается сразу же на титульном листе. На месте эпиграфа можно прочесть: «Утренняя заря Марьяна (восточная), вечерняя Маремьяна (западная)... *Из старинного заговора*». И ещё много та-

кого – старинного, «виковичного» можно обнаружить в этой удивительной книге.

Уже первый рассказ – лирическая зарисовка начинается с подобного фольклорного материала – старинной песни, а название «Перевиначики-друганчики мои» взято из старинной считалки, или «короталки», которую услышала писательница от своей бабушки, в чём и признаётся в последних строках начального рассказа книги. В нём воскрешаются картины детства автора: *Я сажусь на ступеньку, закрываю глаза и слушаю... детство. И звучит родное, близкое, детское... Вспышки воспоминаний, разрозненные сценки перемежаются считалками и песнями.*

Много чего ещё помню, – пишет Ирина Турченко и этим многим щедро делится с читателями. Красиво, душевно, выразительно: Вьюга злится, вздымается высокими вьюнами-плетёшками к небу, плачет, кидаясь охапками жгучих заледеневших слёз... И опять старинные, тягучие песни... (рассказ «Вьюга»).

А вот и *байнушка*, в которой страшный, недобрый *байнушко-батюшко* пугает, так и норовит ущипнуть за чистый бочок. Да не тут-то было – бережёт героиню ангел-хранитель, добрый, с розовым личиком и с прилипшим к крылышкам берёзовым листиком (рассказ «Байнушка...»). И ещё про детство, про проделки озорные, хулиганские, за которые ой как стыдно, но про которые так здорово вспоминать (рассказ «Фара»).

А какие пронзительные, проникновенные образы старушек в этой книге! Вот Лизонька, героиня одноимённого рассказа, давно живёт одна, легко управляется со своим нехитрым хозяйством, беседует с Пашей-пауком, мало того, подкармливает его мухами, которых держит в спичечном коробке. И ждёт, упорно ждёт сгинувшего в лесу сына, поэтому и не уехала никуда из заброшенного лесопунктовского посёлка. Ждёт, перебирает сыновние вещи и... дождалась-таки: мать ведь она, а *матери по два века ждут.*

А вот замечательные героини рассказа «Старухи» – Настенька и Шура – коротают лежание в больнице рассказами о своем житье-бытье да о сыновьях своих непутёвых – Миколушке и Иванушке. Судьбы у бабушек, вроде бы, одинаковые, а на поверку – разные.

Рассказы «Марья», «Симушка», «Сиротина», «Кому сколь отведено...», «Горькая весточка» тоже о тяжёлой старушечьей доле, об одной из старушек сказано: *Померла на днях, дак хоть обрадела.* И старики колоритные, много пережившие населяют рассказы Ирины Турченко, да и помоложе персонажи – такие же простые деревенские люди.

Истории в книжке бесхитростные, трогательные, забавные: о том, как болеют да пытаются лечиться в районе ли, дома ли («Грызите морковь...», «Большая», «Корвалол», «Булавка»), о всяких курьёзах семейных да любовных («Путешественник», «Хали-к-Гали», «Пряничком медовым»), о судьбах горемычных и удивительных («Падчерёнок», «Пу-

га»), о спокойной, размеренной деревенской жизни («Мартовская история»). И что греха таить, о пьянстве, о том, как допиваются до видений страшных, а то и приятных, вроде бы («Свет в окне», «Не жизнь, а малина», «Друзья», «Быль»).

Важная тема – память о родных гнездах, о родных людях, об обычаях старинных – трудовых, нравственных («Кувыканиха», «Махора», «Сенокосники») и, конечно, о великой войне, принесшей столько горя и лишений всем людям: *Холод да голод, да кругом одна смертушка лютая – вот что такое война* (рассказ «Горькая весточка»).

Горькие, опалённые войной судьбы...

Муж Марьи Осиповны Коля побывал в плену, за что его односельчане, потерявшие на войне родных, осуждали, да так, что пришлось ему с семьёй отселяться на окраину деревни (рассказ «Марья»).

Муж Дунюшки Паша в шестнадцать годков ушёл на фронт, пришёл весь израненный, рассказывал жене, как страшно было на войне, как боялся, что убьют, и больше никогда он не увидит родных мест (рассказ «Сиротина»).

Андрей Иванович по прозвищу Пуга остался навсегда жить там, где попал в окружение, где похоронил друга, где прятался от немцев в озере под водой, дыша через дудку (рассказ «Пуга»).

Мамушка Анны Михайловны всю долгую жизнь ждала весточки от пропавшего на войне мужа, только двух лет не дожидая до того дня, как нашли поисковики его останки, как потом хоронили его всей деревней (рассказ «Горькая весточка»).

Язык в книге подлинный, деревенский, настоящий. Читаешь и слышишь неповторимую северную интонацию да распевную речь. С любовью и трепетом включает писательница в свои рассказы народные словечки и высказывания, органично звучат они и в авторской речи, вот, например: *Качается автобус, кулыбаεται. Так Миланьюшку в сон и клонит. И куды она в этом сне только не създила* (рассказ «Грызите морковку...»). А уж персонажи само собой говорят только по-деревенски: *Матушка ты моя, – обратилась она к санитарке. – Купи ты мне в сельпе хлеба да пирогов. Да побольше, денег-то не жалей, куды мне с има, ись не станешь. А Ванька пироги любит* (Шура из рассказа «Старухи»).

А героев-то как ласково зовут: Симушка, Миланьюшка, Петруша, Капушка, Дунюшка, ну или по-простому: Николка, Олешка, Володька, Светка, Ониска...

А какие зачины у рассказов – интригующие, завлекательные, начнешь читать, не остановишься...

У Сёмушкиной Олюшки муж Витька Сёмушкин страсть, как любил погулять. Погулять хорошо, добросовестно, так, чтоб потом явиться домой с опухшей рожей, а иногда и тёмно-фиолетовым синя-

ком под глазом, отхваченным будто бы в пьяной драке (рассказ «Путешественник»).

Федотка Никишин поджегился, взял бабу с двумя детьми. Симка, мать, давай в голос реветь: экой хомут на шею надел. Да мало хомут, да ещё две оглобли к отвесу (рассказ «Пряничком медовым»).

Или вот ещё такое: смиренная не взволнуется, не «крякнет», а колыхнётся, побьётся, потрепешется, а потом заходит, затолкается, да и кружит, душит. Да о ком это? О реке – неужели непонятно? Именно так, без указания на субъект повествования начинается рассказ «Махора».

Читаешь, и будто в деревне побывал, в деревенском доме – уютно, хорошо там: *Русская печь дышит натопленным теплом, раскачивая над полаткой лёгкую занавеску. Большой пушистый кот на комодке, закинутом вязаной скатертью, вылизывает скатавшиеся бока. Мерно тикают ходики...* (рассказ «Горькая весточка»).

Начался сборник с образа бабушки, и последний рассказ родной бабушке писательницы посвящён. Всё свое, родное, близкое... *А старики ещё нам нужны. Мало мы без вас чего знаем-то,* – верно говорит героиня рассказа «Махора», посвящённого, к слову, памяти родного деда Ирины Турченко.

От утренней зари до вечерней – день трудовой, день световой. Но и жизненный круг – от детства до старости. Течёт жизнь простая, обыкновенная, насыщенная...

Тихий и нежный свет

Сам факт выхода второго издания книги свидетельствует о её безусловной успешности, кроме того, при переиздании у автора появляется возможность что-то изменить, чем-то дополнить, ведь пределов для совершенствования не бывает. Так и случилось с книгой Артёма Попова «Избачиха», которая, можно сказать, стала визитной карточкой писателя. Необычное звучное слово, вынесенное в заглавие, оказалось притягательным для широкого круга читателей и в то же время стало своеобразным опознавательным знаком автора. Приходилось не раз слышать: «Артём Попов? А-а, «Избачиха!»» Это ли не признание? Ведь обретение собственного, ни на кого не похожего, узнаваемого в литературном мире имени очень важно для писателя.

Опытный журналист из Северодвинска, филолог по образованию, Артём Васильевич Попов писать художественную прозу начал сравнительно недавно, однако он уже является членом Союза писателей России, лауреатом ряда Всероссийских литературных конкурсов, его публикации выходят во многих периодических изданиях, среди них знаменитые: «Роман-газета», «Наш современник», «Юность», «Молодая гвардия», «Литературная Россия». Он автор трёх книг: «Счастье прошедшего времени» (Северодвинск, 2018), «Избачиха» (Архангельск, 2020), «Ваня

Француз» (Москва, 2022). В 2023 году в Вологде вышло второе – исправленное и дополненное – издание «Избачихи», значит, именно эта книга особенно дорога автору. Попробуем разобраться, в чём же заключается её особенность и значимость, каковы её достоинства, в чём секрет её популярности.

Книга называется «Избачиха». Спросите, что это за слово? Откуда оно взялось? Была такая должность в старой деревне – избач, то есть заведующий избой-читальней, скажем так, библиотеки, агитпункта и дома культуры, вместе взятых. Избачихой дразнили в детстве героиню одноимённого рассказа, давшего название книге. Дразнили, потому что она была дочерью того самого избача, хотя что в этом предосудительного. Ну да, деревня хоть старая, хоть нынешняя легка на прозвища, обидные или доброжелательные – никуда от этого не денешься.

А героиня – она избачиха и есть, поскольку работает сельским библиотекарем. Вот только грозятся закрыть её библиотеку, но она – героиня – никак не может с этим смириться: возит книги и журналы в дальние, опустевшие деревни своим немногочисленным читателям. А зовут её Маргарита Ивановна Белова, оказывается, в честь булгаковской Маргариты так назвал её отец-избач (можно пофантазировать, что и фамилия, и отчество тоже не случайны, сродни она Василию Ивановичу Белову).

Ситуация, ставшая уже привычной: «оптимизируют» в современной деревне всё подряд, и людям остаётся жить, не теряя того самого оптимизма, – таков каламбур нынешней жизни. Не сегодня это началось, уходит деревня, её гибель – острая социальная проблема. Но вот ведь что интересно, наряду с острой социальностью, этот рассказ ещё и лирико-романтический, душевный, щемящий. Видимо, не случайно его необычное название вынес автор на обложку своей книги, сделав его основным, центральным.

А ещё на обложке первого издания – иллюстрация Марии Антоновой. Такой увидела художница героиню рассказа Маргариту: большеглазая женщина, в очках, в кокетливой шапочке, стоит, прижав к груди книги, на фоне занесённой снегами деревеньки, смотрит пронизывающе и в то же время доверчиво на читателя, взявшего в руки эту книгу.

Следует отметить, что второе издание представляется как будто бы совсем другой книгой: во-первых, прошло время, и некоторые вещи теперь воспринимаются иначе, во-вторых, в новом издании произведения собраны и скомпонованы принципиально по-другому, композиция книги стала более стройной и логичной, в-третьих, несколько изменился состав книги – один рассказ (не самый удачный, в некотором роде искусственный) исключён, добавлено четыре новых, органично дополняющих и развивающих основное содержание книги, к тому же издание начинается и заканчивается именно новыми рассказами, которые составляют его знаковое обрамление. Нужно сказать и о том, что в новом

издании снято нарочитое, неоправданное жанровое разделение произведений на рассказы и очерки, и теперь книга представляет собой сборник рассказов, лирико-эпических, исповедальных, предельно откровенных, и не важно, реальные ли события и имена в них используются.

Прежним остался уютный карманный формат книги, которая легко помещается на ладони. На месте осталось исповедальное авторское послесловие «Мои негромкие герои» (обозначенное, однако, автором «Вместо послесловия»), начинающееся с сакраментального вопроса: *Зачем писатель пишет, а читатель – читает?*, а завершающееся выстраданным утверждением-убеждением: *Важно помнить простую истину: в деревне – сила и душа России.* Перекликаются и авторские посвящения: в архангельском издании – «100 лет Фёдору Абрамову», в вологодском – «90 лет Василию Белову», которые представляются своеобразными оберегами, автор как будто бы присягает в верности классической деревенской прозе второй половины XX века. Цитирую авторское послесловие: *Старшие товарищи критикуют: а что я могу сказать нового после Абрамова, Белова, Распутина? Это они ещё в прошлом веке писали об уходящей деревне. Долгое получается прощание с деревней и тем мучительнее. Но чем больше авторов обращаются к этой теме, тем, уверен, лучше.*

Искренняя, открытая, честная книга Артёма Попова, действительно, продолжает лучшие традиции деревенской прозы. В ней и социальные, и нравственные, и экологические проблемы поднимаются. Но в большей степени говорится в ней о самом простом, понятном, обыденном, но отнюдь не второстепенном, ненужном, никчемном.

Анализируя книгу «Избачиха», прежде всего, обращаешь внимание на сильные позиции составляющих её рассказов – заглавие и финальную фразу: то, с чего начинается восприятие произведения, и то, что подводит итог, провоцируя его глубокое осмысление. Знаковым представляется их совпадение-слияние: так, жизнеутверждающий цикл рассказов «Ещё поживём» завершается фразой его сквозной героини – шепотливой, говорливой, вездесущей, бескомпромиссной, лёгкой на подъём и склонной к авантюрам бабы Тони: *...а мы ещё поживём...* В названии рассказа «Сестра Любовь» заключён многозначный образ: это и реальное имя героини, служащей церковной лавки, главным героем, бомжем Гришей, промышляющим при храме, воспринимается она на церковный же манер именно сестрой, это и образ-символ подлинного милосердия и духовного родства, который раскрывается в заключительном предложении рассказа: *Люба скромно улыбается, глаза её сияют тихим и нежным светом...* И вот этот тихий и нежный свет представляется спасением.

Абсурдное, на первый взгляд, заглавие начального рассказа второго издания «Черепаша с крыльями» оказывается ироничной профессиональной метафорой – именно так называют лётчики самолёт Л-410, ско-

рость которого *далеко не крейсерская*, однако некоторая пренебрежительность, проглядывающая в заглавии, оборачивается пронзительно трогательностью судьбы главного героя, высококлассного профессионала-лётчика, который отвергает престижные предложения, сохраняя верность родителям, родному дому, где *ему было всегда тепло, спокойно*. И вот она важная, много объясняющая финальная фраза, неслучайно вынесенная в отдельный абзац: *Летим!*

Завершающий рассказ книги так же содержит в своём заглавии крылатый символ – «Когда играет оркестр аистов», здесь тоже речь идёт о неизбежной верности родному дому: изначально раздражающая героя-повествователя своей навязчивой настойчивостью, а потом одержимостью, граничащей с помешательством, главная героиня Ирина впоследствии вызывает и у повествователя, и у читателей уважение и восхищение. У рассказа такой финал: *Мне вдруг захотелось обнять Ирину, прижать к груди, защитить, помочь... И я протянул ей руку*. А при чём здесь оркестр аистов, просто красивая фраза? Нет, вот же он: *Аисты затрещали клювами, словно кто-то заиграл на ложках, и невидимый дирижёр умело управлял этим чудным птичьим оркестром*. Пока играет оркестр аистов, пока сохраняется благодарная память о деревенских жителях, жива деревня Аистово.

Первое издание книги открывалось рассказом с символичным названием «Медвежий дом»: главная героиня Татьяна Петровна с сыном Лёшкой пробирается спустя много лет в родную деревню, они пытаются отыскать родной дом, сравнивает их автор при описании с медведицей и медвежонком, но и реальные дикие звери появляются в финале повествования: *Это были те самые медведица с медвежонком, что испугали женщину с сыном по дороге в Осиевку. Теперь это был их дом, их деревня*.

В заглавиях рассказов называются-характеризуются их герои и героини: «Дурик», «Капка», «Алтамиш», «Лесной Капитан», «Избачиха», «Дорогой сын», «Петька-пастух», «Сестрички-сорнячки», «Терпеливица»; обозначаются ключевые образы-символы: «Родные маяки», «Год таволги», «Прерывистая линия», «Вдох-выдох», «Цветы на ржавой кровати», «Живительные воды», «Домой навсегда»; прямо указываются либо место действия, либо основное содержание: «Остановка», «Одна в деревне», «Как в кино», «Неравный брак», «Скворода... из огорода»; цитируются высказывания героев или прецедентные тексты: «А может, к черту любовь?», «Продаётся уютная однушка...», «Ничего не бойся», «В том самом месте», «Прилетит вдруг волшебник...».

Прослеживаются в рассказах судьбы *негромких героев* (вспомним название авторского послесловия, в котором писатель так их характеризует: *Самые простые люди, живущие своей трудной обычной жизнью*) – обязательно с любовью, с сочувствием, с равнодушным стремлением автора разобраться, понять, если надо, простить: вот страдающий ду-

шевной болезнью, бывший милиционер, вдовец Василий Петрович, потерявший сына в чеченской войне, рисует на камнях ангелов, каждый день ходит он к школе, где установлена мемориальная доска в память о его сыне Алексее («Дурик»); вот опустившаяся деревенская пьянчужка Капка по доброте душевной укрывает сбежавших из колонии уголовников – *что с сумасшедшей возьмёшь?* («Капка»); вот вернувшаяся из столичного города в родной дом, живущая одна в умирающей деревне Валентина Павловна мужественно переживает тяжёлую болезнь, регулярно навещает могилки родных на заброшенном кладбище и, будучи режиссером по образованию и по призванию, самозабвенно общается ребятишек из соседнего села к театральному искусству («Одна в деревне»); а вот деревенский мальчишка Гошка, который коротает время с другом Женькой на автобусной остановке – а куда ещё деваться, чем прикажешь развлекаться, то, что однажды с ним приключилось, пробудило было неизведанное чувство, побудило к активности, но всё прошло, оставив неприятное послевкусие («Остановка»).

С особым трепетом пишет Артём Попов о своих родных и близких людях, признаётся им в любви, воскрешает дорогие мгновения своего детства, откровенно кается в том, за что не может себя простить: *Не стало Ленко и Анюшки – не стало и тополей. Не видно издалека, где же дом... Лишились мы родных маяков* («Родные маячки»); *Мы могли попрощаться, поддержать за руку, сказать самые последние слова... Не будет мне прощенья! Никогда теперь долго по телефону не говорю* («Терпеливица»).

Рассказы Артёма Попова по-хорошему сентиментальны, они неизменно оказывают сильное воздействие на чувства читателей, вызывают различные эмоции, нередко изрядно сентиментальны и герои писателя, независимо от их пола и возраста: *А вот мать было очень жалко: как она здесь одна, без него?* («А может, к черту любовь?»); *От этого «мама» сердце сжалось. Ничего не нужно, лишь бы сын был рядом. Самый лучший сын в мире!* («Медвежий дом»); *Возвращаясь с работы, он набирал в кепку лесной ягоды и торжественно вручал с присказкой «Иринка – малинка»* («Цветы на ржавой кровати»).

Не обходится в книге без мистики и фатализма, что тоже поддерживает читательский интерес: является призрак бывшей хозяйки квартиры героине рассказа «Продаётся уютная однушка», которая всё-таки не стала испытывать судьбу; прикоснувшись к чужой трагедии, герой рассказа «Прерывистая линия» заклинает: *Пусть родовая линия Вадим-Вани станет прямой, не прерывистой*; оберегает монах Антоний и после своей смерти жителей деревни Антоновка, названной его именем, потому и напутствует древняя старуха героя рассказа «Ничего не бойся»: *Ты уж наш теперь, антоновский. Ничего не бойся...*, а тот называет новорождённого сына Антошей; как само собой разумеющееся звучит

в финале рассказа «Год таволги»: *Души бывших жителей деревень навещают свои дома, тревожатся. И там им нет покоя...*

В рассказе «Алтамиш» читаем: *Не иметь прозвища в селе – всё равно что не принимать стопку после бани: зазорно.* Да, меткое наблюдение, вот и рассказ «Избачиха» назван по деревенскому прозвищу главной героини. Но не это главное, поднимаются в книге многие проблемы современного села: и безработица, и пьянство, и неустроенность людей, и оптимизация-сокращение всего и вся и связанные с ними бесперспективность и безнадега. Да, только ли в деревне проблематична жизнь, и в «городских» рассказах автора описывается немало социальных и нравственных передряг.

Старики и подростки, неказистая, нескладная, но всё-таки любовь, чудачки, чудачки, дурики, судьбы ломаные, трудные, жизнь жёсткая, даже жестокая. Тяга к родной земле, чувство вины за оставленный дом, муки совести, позднее раскаяние, неприкаянность, бездомность, безалаберность. Казалось бы, депрессивность, безысходность, чернуха! Но нет, всё-таки есть в том, о чём и как пишет Артём Попов, что-то обнадеживающее, крепкое, сильное, а главное, светлое, теплое, душевное, возвышающее.

В своей книге «Ваня Француз» (Москва, 2022) Артём Попов продолжает развивать важные для него мотивы и темы. Писатель по праву считает себя преемником выдающихся писателей-деревенщиков недавнего прошлого. Его герои – простые обыкновенные люди, в центре внимания автора непростая жизнь этих самых простых людей в глубинке, как указано в авторской аннотации.

Открывает сборник рассказ «Бунт» о самом настоящем бунте современных сельчан, выступивших против строительства мусорной свалки рядом со своей деревней. В основу рассказа положены реальные события, такова уж наша нынешняя действительность. В рассказе поднимаются острые социальные проблемы. *Мы живём в России, а это на границе закона и здравого смысла,* – заявляет в митинговом запале героиня рассказа, организатор бунта, журналистка Аля, адресуя свои дерзкие слова главе района, которому пришлось *хватить позора от местных жителей.* Этому районному начальнику писатель подарил сакрентальное высказывание бывшего архангельского губернатора, тоже боровшегося с бунтарями-антимусорщиками: *Шелупонь развыступалась!*

Каков же выход? Писатель создаёт фантастический позитивный финал, призывает на помощь яркие художественные средства, использует выразительный символ: добрый хищник филин охраняет Филино поле. Орудием возмездия становятся нарисованные птицы с эмблемы ЧОП «Филин», бойцы которого своей чёрной формой, да и что говорить, поведением, напоминают полицаев времён Великой Отечественной. Красиво, знаково! Однако решена ли проблема? Значит ли, что добрым силам остаётся уповать только на сказочное чудо?

Безысходность, отчаяние, казалось бы, пронизывают все рассказы книги, однако всегда остаётся какая-то пусть зыбкая, но всё-таки надежда, всегда есть что-то светлое, щемяще-проникновенное, по-хорошему сентиментальное. А кто сказал, что сентиментализм – это плохо. Воздействовать на чувства, на эмоции – одно из назначений литературы. Всех жалко, за всех больно. Однако жалость и боль могут и должны быть созидательными, обнадёживающими. Руки не опускаются, жалость и боль побуждают к действию, к душевным порывам.

Солнце приятно пригревало спины. Впереди был долгий летний день, – так жизнеутверждающе заканчивается рассказ с символичным названием «Иван-чай цветёт один раз». Возвращаются домой вместе обречённый на нищенское существование большой ребенок, сирота-аутист Андрейка (*Ничего-то он не знал о деревенской жизни!*) и несостоявшийся самоубийца, запойный пьяница Женя-автобусник (*Только вот пил запоями, а почему – неизвестно. Пьётся...*). И веришь, что отчаяние в их несчастных душах сменится более позитивными чувствами, и всё у них будет хорошо, хотя и понимаешь, что этому «хорошо» неоткуда взяться.

Только ли в деревне проблемы? А в городе? Вот рассказ «Два альбома». Обнаружила бывшая журналистка Мария Александровна на развалинах старого деревянного дома старый фотоальбом: *Боже мой, да тут вся жизнь какой-то семьи! Выброшенная жизнь...* – Какой пронзительный образ: «выброшенная жизнь»! Что делать? Конечно, подобрать. Нельзя так оставить! *Полоснула, как ножом, мысль: а если твои фото так будут валяться на асфальте?* И вот уже листается другой альбом, другая жизнь...

В пронзающем душу, эмоционально бьющем наотмашь рассказе «Ботинки на мокром асфальте» речь идёт о преступлении и наказании. В руках медика Димы, героя рассказа, возмездие? Нет, всё-таки в руках судьбы, в божьих руках. Рассказ о житейском поднимается до притчи о вечном. Однако не совсем понятно, почему одного из персонажей постигает только моральное, а не юридическое наказание. Впрочем, для притчи правдоподобные детали не так важны.

У рассказа «Кливия» как будто бы счастливый конец, у героини на глазах светлые слёзы радости, хотя совсем недавно она горько плакала от отчаяния, от обиды, от безысходности. И всё-таки не зря прошла жизнь старенькой учительницы Клавдии Михайловны, героини рассказа, взошли зёрна, посеянные ею, и дали благодатный урожай. Ну а символ, вынесенный в название, – экзотический цветок, оказавшийся искусственным, – пусть останется только символом печали и отчаяния.

Печальный трагический финал у рассказа «Тысяча лет, восемнадцать часов». Это как будто бы романтическая история, в основе которой придуманный роман и самая настоящая любовь, причём с первого и чуть ли не единственного взгляда, – оказывается и такое бывает, ведь *от жалости до любви, как известно, у русской бабы один шаг*.

Рассказ «Проводник» – сказово-притчевый, идиллически-величественный – повествует о преемственности поколений, об извечном, корневом, главном, однако не без грусти: – *Светлый был человек... – осознали вдруг деревенские, только поздно, как обычно и бывает.* Герой рассказа – гробовщик Яков, строящий для людей их последние дома, *к своей работе относился как к священному ритуалу и называл себя проводником для умерших. Так он возвышал свой тяжёлый, неблагодарный труд.* Кажется знаковым, что именно в этом рассказе писатель упоминает Ивана Белова, отца героини рассказа «Избачиха», давшей название его предыдущей книге, – тоже преемственность, верность избранному пути.

Название этой книге дал рассказ «Ваня Француз», на самом деле у его героя прозвище Ваня Русский, но перекрестил его автор-повествователь, поскольку собирает герой гигантские грибы-«бараны» для французского ресторана: *Какой он Ваня Русский? Ваня Француз!* Крепкий, кряжистый старичок этот Ваня, руки у него всегда чёрные, раньше от мазута, поскольку был он трактористом, сейчас – от грибов, потому что живёт лесом. Обложку книги украшает его цветной, почти сказочный портрет, художница О. Хейлик изобразила его сидящим на пенёчке в лесу, среди дорогих его сердцу грибов.

Рассказ «Есть такая Деревенька» тоже своего рода притча, прописная буква в слове «Деревенька» не случайна, ведь это топоним, имя собственное, однако больше хочется думать, что речь идёт о Деревеньке в обобщённом смысле, которую не иначе, как с большой буквы хочется писать: *Эх, сколько таких безымянных деревенок в многострадальной России, где доживают свой век один-два человека!*

О судьбе простого деревенского мужичка Лёхи говорится в рассказе «Сердце охотника», название оправдано, любил герой со своим другом Славиком ходить на охоту: *Казалось, охота для них больше жизни. А последние годы, можно сказать, этим и кормили семьи. На пенсию-то особо не разживёшься.* Да вот покинул белый свет Славик, а вскоре за ним поспешил и Лёха: *врач при вскрытии удивился: Лёхино сердце в дырках всё, как будто прострелено.* И было от чего, немало испытаний приготовила судьба охотнику.

С этим рассказом ассоциативно перекликаются две, похоже, автобиографические истории – «Записки не охотника» и «Облачко». Герой-повествователь первой недоумевает: *как это мой друг, добрый мальчик, любит охотиться?*, ведь самому ему совсем не хочется стрелять в живую цель, но он не хочет вспугнуть дружбу. Герой второй впервые почувствовал, где у него сердце, ощутил, как оно сжимается, когда медленно угасал его питомец – кот Степа, он верит, что *души людей превращаются в звезды, чтобы светить ночью, когда совсем тяжело, а души котов – в облачка.*

Ещё три автобиографических рассказа, пожалуй, самые шемпящие, трогательные, предельно откровенные, есть в книге, они сюда попали из предыдущей, видимо, не смог автор отказаться от них, как от своеобразного камертона, по которому сверяет он стук своего писательского сердца: «Прилетит вдруг волшебник», «Родные маячки», «Терпеливица». Рассказывается в них о самых близких, дорогих, родных людях – тех самых родных маячках. Именно этот знаковый символ взяла для названия своего предисловия к книге Анастасия Астафьева, близкая по духу и слогу Артёму Попову писательница.

В первом из этих рассказов можно обнаружить такое пронзительное наблюдение-обобщение: *«Не помешать» – так жили наши бабушки-дедушки. Скромно. Тяжело. Но весело, с песней; и тут же горькое заключение: Тридцать с лишним лет не слышно голосов в нашем деревенском доме. Пустует изба, окна всё ближе к земле, куда ушли её хозяева. Отрезанные электриками провода бьются о чёрные стены, пугая случайно оказавшуюся в доме мышку.*

Много социальных, нравственных проблем в нашей жизни. Артём Попов пишет о них просто, обыденно, от этого становится особенно горько: *Это был и не клуб – бывшая школа: клуб из-за ветхости стоял закрытым («Бунт»); ...страшно пил, но от большого больного ума; Хорошие поэты долго не живут; Отблески пламени отражались в окнах старого дома, где прозябали его дожители («Два альбома»); Обычная девятиэтажка с привычным сладковато-тошнотным запахом канализации в подъезде («Ботинок на мокром асфальте»); Наша дорога находится на границе двух областей, власти одной надеются на другую и про ремонт дружно забыли («Есть такая Деревенька...»); Временщики стреляли зверьё для развлечения, а не для пропитания, как деревенские («Сердце охотника»).*

Рассказ «Райское наслаждение» несколько курьёзно повествует о вечном противостоянии города и деревни, в нём нашлось место и такой зубодробительной фразе: *Так уж исторически сложилось: деревенские всегда пахали на городских, кормили их.* Из чувства справедливости ли, от обиды ли решил герой рассказа Семён, который *постоянно с чем-то боролся: с природным мусором или с человеческим*, во что бы то ни стало осуществить свою странную мечту – купить путёвку в спа-отель, в котором он работал дворником, чтоб получить то самое «райское наслаждение», а заодно и утереть нос реальным и воображаемым обидчикам. Однако как будто сам себя и наказал, ничего хорошего не вышло: *А зашёл в номер – и почувствовал себя словно прыщик на красивом лице; Ну и сраму натерпелся на старости лет!* И тут-то он осознал, что такое настоящее, а не придуманное счастье: *Переодевшись в привычную для себя мешковатую одежду, он с новой силой принялся мести тротуар, улыбался солнышку и был по-настоящему счастлив.*

Без деревни не прожить городу. А если все уедут, кто вас будет кормить в городах-то? Хлеб на асфальте не растёт. Эту землю наши деды обрабатывали, воевали за неё. И что? Кинуть? Оставить лесом зарастать? – убежденно говорит усомнившейся дочери один из героев исторического экскурса в рассказе «Бунт», довод, вроде бы, убедительный, но время показало, что не такой уж он и убедительный, а потому огромное количество русских деревень исчезли с лица земли или обречены на исчезновение.

Кто возьмётся за возрождение деревни? Только блажной! Герой рассказа, который так и называется «Блажной», Николай Порядин в какой-то момент в сердцах заявил другу: *Всё, надоело прогибаться! Уезжаю в глушь, в деревню!* И ведь поехал. И вот она, родная деревня: *чёрные от времени и печали избы*. Решил Николай расчистить зарастающее лесом поле, заразил своей решимостью местных мужичков: *Было видно, что мужики истосковались по настоящей работе, привычной для них с детства*.

Финал у рассказа открытый. Мы не знаем, чем закончится блажная затея блажного героя, к тому же не отличающегося богатырским здоровьем. В журнальном варианте рассказа писатель был настроен явно пессимистически, в книге же – оставил маленькую надежду на благополучный исход. Есть о чём подумать, есть на что решиться, есть к чему стремиться. На презентации книги в библиотеке Артём Попов признавался, что именно в этом герое он видит самого себя. Что ж, это многое объясняет в его писательских и человеческих приоритетах. Дай Бог ему решимости, духовных и физических сил!

Особый случай – хорошая литература

В 2022 году Абрамовской премии «Чистая книга» в специальной номинации «За сохранение и развитие традиционных идеалов и ценностей отечественной словесности» удостоена Анастасия Астафьева за сборник рассказов «Для особого случая» (Вологда, 2019), она дочь классика деревенской прозы Виктора Петровича Астафьева.

Книга «Для особого случая» рассказывает о современных деревенских жителях, о их радостях и бедах, о трудностях, которые им неизбежно приходится преодолевать, поскольку сама жизнь в современной русской деревне – дряхлеющей, умирающей – трудна. В каждом рассказе происходит что-то, что нарушает привычный жизненный уклад героев, тот самый особый случай, который заявлен в названии сборника. Как отразится он на судьбах героев? Какие требования перед ними выставит? Персонажи рассказов часто оказываются перед сложным выбором: между счастьем и долгом, совестью и куражом, а то и между жизнью и смертью.

За судьбами людей судьба деревни, да что там говорить, судьба страны. В книге правдиво отражаются узнаваемые реалии нашего времени. Характеры героев и сильные, и слабые, их поступки и достойные, и стыдные. А уж если страсти, то кипучие, если чувства – то вперехлёст. В книге показаны разные поколения, разные социальные слои, адекватно передаётся противопоставление своих и чужих в деревне. Свои – коренные, основательные, несчастные или счастливые, сильные или слабые, но свои, органичные, понятные. Чужие – странные, прибрлудные, неприкаянные, словом, чужие. Об этом лаконично и точно сказано в одном из рассказов: *Странных людей в русской деревне испокон веков побаивались.*

Рассказы Анастасии Астафьевой невелики по объёму, но ёмкие и глубокие по содержанию, важные по значимости поднимаемых в них проблем. Проза писательницы плотная, густая, подобно сжатой пружине, потом по прочтении эта пружина долго ещё у тебя в мыслях разжимается, разматывается, будоража разум, беря чувства. Стойкое, терпкое послевкусие остаётся. А ещё все рассказы так и просятся на экран, очень они кинематографичны.

А какие у них лаконичные, ёмкие названия: то равные наименованиям знаковых концептов – «Измена», «Дом», «Ненависть», то представляющие собой характерный эпитет – «Непутёвый», императивные восклицания – «Давай поженимся!», «До полного!», или обрывок фразеологизма – «Хуже татарина», это может быть цитата из песни – «Тёмная ночь», «Иветта, Лизетта, Мюзетта», «Живёт моя отрада», прецедентная отсылка к известному фильму – «Слеза Кабирии», или простое словосочетание, становящееся символическим, – «Для особого случая».

У книги удивительный язык – точный, выразительный, обзоруживающий. В каждом рассказе можно обнаружить яркие ключевые фразы – небольшие словесные обороты, заменяющие много-много слов. Или выразительную деталь, в которой сконцентрировалась вся суть.

Вот платье, купленное для поездки в Москву, а потом спрятанное в самый дальний угол комода вместе с медалькой и газетной вырезкой (рассказ «Для особого случая»). Одна пронзительная деталь, через которую передана судьба героини – передовой доярки: мы всё знаем и про нее саму, и про ее начальницу, и про ее мужа, сына, дочь.

Всё будет хорошо... всё будет хорошо – дважды повторяется последняя фраза рассказа «Измена». Перед читателями раскрывается мучительная внутренняя жизнь простой деревенской женщины: переживания из-за болезни, страдания из-за навязчивой ревности, наконец, осознание-прозрение, вылившееся в искреннюю благодарность родному человеку.

В рассказе «Дом» кропотливо исследуются писательницей две странные человеческие судьбы деревенских чужаков – девушки-цыганки и приравненного деревенскими жителями к цыганам чудака,

опустившегося «профессора». Это какая-то горькая пародия на романтизм: колоритные, экзотичные картинки, а за ними бестолковость, взбалмошность, несуразность. Дом – как нелепая мечта, обнажающая безысходную бездомность. Или ещё одно исследование загадок человеческой души: можно ли помогать другому из-за ненависти к нему? Оказывается, можно, но это мучительно, невыносимо. Когда уходит ненависть, наступает покой. Этот рассказ-исследование так и называется «Ненависть».

Две судьбы, два мира сталкиваются в рассказе «Слеза Кабирии», казалось бы, эти женщины не должны были пересечься, однако пересеклись. На противопоставлении двух судеб, уже мужских, строится рассказ «Тёмная ночь», в нём не случайно упоминается пронзительная песня военных лет, давшая ему название: через всю жизнь, через все нелегкие испытания пронёс один из героев трепетное чувство к любимой женщине и не простил другого героя – его счастливого соперника. Здесь много недоговорённого, но надо ли всё договаривать.

В противовес своему игривому названию рассказ «Иветта, Лизетта, Мюзетта» представляет собой трагедию сильного, привычного к трудностям человека, уходящего в пучину, в бездну – буквально и фигурально – с именами любимых дочек на устах. Или ещё одно столкновение фривольного заглавия и трагического содержания – рассказ «Давай поженимся!» назван, как популярная развлекательная телепередача, а говорится в нём отнюдь не фривольно, а беспощадно о жизненной катастрофе, ставшей последствием реальной катастрофы, которую довелось пережить герою.

А какие сильные финальные фразы в рассказах. Вот, например: *Ей так хотелось любить сына. Просто любить, легко, светло, ничего не боясь, ничего не ожидая плохого. Так, как любила она его маленького, чистого, до всех этих бед. Ведь любила же? Как давно это было. И было ли? Словно в другой жизни...* (рассказ «Непутёвый»). Или вот как мощно передана расплата героини рассказа «Живёт моя отрада» за деспотизм, загнавший ее в тупик: *А потом брела по длинному сумрачному коридору суда, не зная, куда идти, и не было никого, кто помог бы ей найти выход.*

Прямо Агата Кристи, королева детектива... – горько иронизирует герой рассказа «До полного!», который и воспринимается как ироническая пародия на детектив, однако жёсткая, беспощадная пародия.

К ключевой я бы отнёс такую фразу из завершающего книгу рассказа «Хуже татарина»: *А добрых людей на Руси великой ой как мно-ого!* Рассказ является точной иллюстрацией к вековой народной мудрости: «Кто везёт, на том и едут». Значит ли это, что героиню характеризуют мягкотелость, наивность, нелепое благодушие? Нет, не так – совесть и доброжелательность к людям, пусть даже в ущерб себе. А это

совсем другое дело! К тому же героиня – поэтесса, а поэты видят мир иначе, чем простые смертные.

На обороте обложки книги Анастасии Астафьевой помещено несколько безымянных отзывов о её рассказах. Один из них заканчивается так: *Да всё, всё истинное, дышащее в этом рассказе! Хоть ничего необычного и не случилось, кажется. Однако случилось! Литература... За которую и спасибо...* Невозможно с этим не согласиться!

Воля к жизни несломима

Роман карельского автора Александра Бушковского «Рымба» вошёл в короткий список премии «Чистая книга» имени Фёдора Абрамова 2020 года.

Живут на острове Рымба посреди большого озера-моря рымбари, живут обособленно, общинно, на особицу, по-своему. Не ждут они от внешнего – материкового – мира ничего хорошего, а потому берегут, охраняют свой мирок, культивируют и всячески поддерживают свою особость и, если хотите, избранность. А ведь на неё посягали и посягают. Но стоят рымбари на своём, и верится, сумеют выстоять в любых социальных, политических и тем более природных катаклизмах.

Всё вокруг рымбо: и остров, и море, и небо. И сошлись-сдружились тут лесные люди – людики и топорники пришлые – ушкуйники, хоть и боги-то у них были разные. Так и началась деревня Рымба. Долго так продолжаться не могло, слишком уж ладно. Царские налоги да войны, оккупация да партизанщина, церковь, раскол и язычество, заводы и промыслы... Меняются цари, однако живет Рымба: то пустеет, то богатеет. А потом опять. *Заболела Русь, затрещала по швам, мужика растранижирила.* Новая власть – новая напасть. Вдовой осталась Рымба. И всё же любовь сильнее смерти, а воля к жизни несломима у северного мужика.

Сказка ли, легенда ли, предание о Рымбе и рымбарях век за веком. Каждая глава романа – а их семнадцать – начинается с исторического сказания, а потом и современные события излагаются. Все главы называются двойными сочетаниями: «Рымбо и Волдырь», «Крест и Слива», «Женитьба и спиритик» и т.п. Первое слово – история, второе – нынешнее время.

Две первые главы уже в названиях представляют основных героев: Володя Неверов (фамилия у него показательная), он же Волдырь – именно он, видимо, былины-легенды сказывает, и Слива (прозвище такое) – пришлый человек, которого прибило к Рымбе, а вместе с ним и череду неприятностей для деревни.

Современная часть каждой главы становится продолжением исторической, если по порядку прочитать, но это уже потом понимаешь. Хорошо сконструирована книга, замысловато. Два сюжета движутся себе

параллельно, а нет-нет да и пересекутся, перекликнутся идейно ли, образно ли, символом ли, словом ли.

Волдырь один как перст, всегда пьяненький, это чтобы радоваться жизни, а может он всё и на земле, и на воде, и в избе. А у Сливы тёмная, мутная история, что-то с прошлым у него не так, даже имени своего настоящего он не называет. Есть ещё на острове Митя (родной племянник Волдыря), да его жена Люба, да дети их: Фёдор, Степан и Вера-Верушка. И у них судьба не из лёгких, потрепала их жизнь. А ещё старуха Манюня – Марья Михайловна – ведьма, знахарка, не особо приветливая, однако сердобольная.

Здорово сказано в романе о недавнем прошлом: *В это время в государстве власть была, небось, только в кремлях, а в наших краях, на озёрах да в лесах, её не стало.* Последствия того времени и поныне сказываются. Довелось героям романа пережить да испытать много всего. На этом и сюжет напряжённый, почти детективный держится. На этом и идея, смысл глубокий и важный зиждется.

Противопоставлен остров материку, на острове другая жизнь, другой нрав, другие правила. Стоит остров на своём, не сдаётся. Даст Бог, выживет. И поможет выжить мандере, т.е. материку тому же. Надо спасать и спастись. Спасать душу ли, церковь ли, свободу ли, дух ли...

Чудеса и воля, несправедливость и братство, борьба со стихией да с людьми недобрыми, горе неизбежное и благодатная радость, искупление и возмездие, вера и безверие – всего в избытке в этом романе. Поживём ещё, будем ждать и любить. А в финале – вечное, непреходящее северное чудо: *Белые ночи так устроены, что усталое солнце, едва погрузившись в озеро, должно вот-вот снова вынырнуть, уже умытое, и вечер как-то странно и незаметно перетекает в утро. Вроде бы глядишь не отрываясь, а никогда не поймаешь этот миг, удивительное дело.*

Роман лёгкий, как дыхание, глубокий, как озеро, печальный, но не безысходный – густой, насыщенный, мудрый, обнадёживающий. Кругом Рымба: море, остров, небо.

Таковы книги нескольких авторов, живущих и творящих на Русском Севере, достойно продолжающих традиции ставшей уже классической деревенской прозы XX в. Этими именами не ограничивается список современных северных писателей-деревенщиков. Современная деревенская проза Русского Севера жива, плодотворна, глубока по мысли, самобытна по форме. Хочется верить, что она поможет решению насущных социальных и нравственных проблем.

«ЛЮДИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В НЕБЫТИЕ НЕ УШЛИ...»

Тема войны в поэзии Вадима Беднова и Ольги Фокиной

Самобытные северные поэты Вадим Анатольевич Беднов (4 июня 1937 – 21 марта 1992) и Ольга Александровна Фокина (р. 2 сентября 1937) – ровесники, в год, когда началась Великая Отечественная война, им исполнилось по четыре года, и, казалось бы, что они могут помнить о войне. Однако их непосредственные детские впечатления представляются важными и ценными свидетельствами о жизни военного Архангельска и тыловой северной деревни. Эти впечатления оказались такими сильными и яркими, что не потускнели в памяти поэтов спустя долгие годы. Для них военная тема стала одной из самых главных, самых заветных.

Важно отметить, что тема войны в творчестве и Вадима Беднова, и Ольги Фокиной раскрывается в трёх направлениях: 1) личные воспоминания о военном и послевоенном детстве; 2) отражение следов войны в судьбах людей; 3) память о воевавших и погибших в грозные военные годы. Обратимся к анализу поэтических произведений.

«Я видел ад, который падал с неба...»

В стихотворении «Мне сравнялось четыре...» Вадим Беднов создаёт убедительный образ ребенка, постигающего, что такое война, которая сначала ему представляется игрой, затем – жестокой реальностью:

*Мне сравнялось четыре
две недели назад.
А во взрослом загадочном мире
о войне говорят.*

Обращает на себя внимание документальная точность: день рождения В. Беднова – 4 июня.

У взрослых – непонятный, загадочный мир, а ребёнку не о чем тревожиться: *Только мне ведь четыре – / и война не страшна*; для него война – это игра в солдатики, а разговоры о войне – сюжет для игры:

*В две шеренги я строю
оловянных солдат –
занимаюсь игрою
в то, о чём говорят...*

Разговоры разговорами, но когда начались бомбёжки, а Архангельск очень сильно бомбили в первые годы войны, тогда и ребёнку становится ясно, что такое война:

*Скоро собственной кожей
я почувствую – сердце замрёт –
ни на что не похожий
бомбы вражеской лёт.*

Оглушительный пушечный залп вносит коррективы в детскую игру, со стола падает игрушечный солдатик: *Он умрёт понарошку / и воскреснет опять*. Но совсем скоро придёт понимание, что настоящий солдат – не оловянный, и ему не подняться убитому:

*Сам пойму я – тогда-то
мне исполнится пять, –
что убитому пулей солдату
в строй с живыми не встать.*

Пять лет – это уже солидный возраст для моментально повзрослевшего ребёнка войны, который уже осознаёт все её трудности и лишения, у него уже появляются свои «взрослые» обязанности: *...Буду с мамой картошку / в воскресенье копать...* В поэтических строчках отражены привычные реалии военного города: *Вместо звёздного неба – / маскировка окна*. И голод, когда *Корка чёрствого хлеба / до чего же вкусна!*

В стихах о военном детстве создаётся притягательный образ матери лирического героя – заботливой, доброй, старающейся скрасить военное бытие сына. Так, в стихотворении «Мишура и канитель» рассказывается о том, как мама «священнодействует», наряжая новогоднюю елку: *А в окна с белыми крестами / мела декабрьская метель* – белые бумажные кресты на стёклах окон для того, чтобы уберечь их от воздействия взрывной волны, – одна из показательных деталей военного быта.

*И мама на меня смотрела,
забыть пытаюсь о войне,
о карточках, о канители
очередей с пяти утра...
А нити частые метели
блестели, словно мишура*

– здесь упоминаются карточки, очереди, свидетельствующие о трудностях снабжения города продовольствием, при этом обыгрываются разные значения слова *канитель* – 1) ‘очень тонкая металлическая нить для вышивания’; 2) ‘нудное, с проволочкою тянущееся дело’; метель сравнивается с *мишурой* – ‘металлические, посеребрённые или позолочённые нити, идущие на изготовление галунов, парчовых тканей’: *Я помогал развесить маме / и мишуру и канитель*.

Яркое, сверкающее в небе, подобное салюту, то, что могло бы порадовать ребёнка, обернулось страшным и беспощадным:

*Мы уже собирались спать,
я замешкался со шнурком,
тут меня поманила мать:
– Погляди-ка, что за окном! –
Это было – как фейерверк!..
Но раздался тревожный вой.
Не взмывали ракеты вверх,
а бросались вниз головой... («Воздушная тревога»).*

Местоимения *что* и *это* автором выделены, в стихотворении противопоставляются праздничный салют (*взмывали вверх*) и сигнальные ракеты перед бомбёжкой (*бросались вниз головой* – метафора на основе олицетворения – отчаянный поступок ракет).

И далее говорится о том, как в жизнь ребёнка вошли страшные слова: «Воздушная тревога!», давшие название стихотворению, но эти слова не названы в тексте, они поданы как *те слова*, выделенные разрядкой, – указательность местоимения подчёркивает особую значимость этих слов и нежелание их произносить, поскольку они связаны с тем страшным и беспощадным, что происходит на войне, с тем, что невозможно забыть:

*Репродуктор включила мать –
и впервые я услышал*

те слова,

век бы их не слышать! <...>

*А сквозь грохот звучали опять
из квартирных глубин пустых*

те слова,

век бы их не слышать!

Но забыть невозможно их.

Здесь появляется ещё одна важная деталь военной жизни – бомбоубежище в подвале дома: *Мы спускались в сырой подвал, / что надёжною крепостью слыл*. Передаётся эмоциональная реакция людей на бомбёжки, при этом противопоставляются молитвы и проклятия: *Кто-то бога вслух поминал, / кто-то Гитлера матом крыл...*

Детские воспоминания воскрешают страшные пожары – результаты многочисленных сильных бомбёжек Архангельска: *Я помню / наши страшные пожары / среди бела дня / под проливным дождем*; у поэта рождается ёмкий яркий образ: *Я видел ад, / который падал с неба* («Я помню наши страшные пожары...»).

Налёт фашистов уносит жизнь двоюродного брата лирического героя стихотворения «Налёт», во время его похорон снова случается налёт, поэт создаёт образ, соотносимый со страшной сказкой:

Будто в страшной сказке,

налетели

злые птицы

с крыльями стальными, –

черные стервятники хотели

растерзать

и мёртвого с живыми...

– слово *мёртвого* выделено автором. Это событие оставляет след в эмоциональной памяти автора: *Этот день, / ничем не знаменитый, / в сердце мне / пустил, / как в землю, / корни.*

Ш.З. Галимов считает: «Атмосфера тех лет воссоздаётся через восприятие мальчишки из интеллигентной семьи и получает поэтому своеобразное преломление»: *Я помню наши бедные базары, / мальчишку, / что на палочку с гвоздём / накалывал картофелину ловко / и мчался прочь, / а вслед ему торговка / грозила божьим и земным судом* («Я помню наши страшные пожары...»).

Военные испытания стали для поэта закалкой, мерилем крепости тела и духа: *...и очереди – / долгая дорога / к ступенькам магазинного крыльца <...> ...Меня стоянье это закалило / и научило / ждать и догонять; ...вспомнишь детство / и минувший ад – / воспрянешь духом* («Я помню наши страшные пожары...»).

В личной судьбе В. Беднова отражается судьба его родного города:

*«Фокельвульф» круги в высокой сини
грозно над объектами чертил...
Жил трудом и верой в наши силы
город мой, полуголодный тыл.
Не хватало хлеба... Не хватало
нам для жизни многого тогда.
И в жилищах наших обитала
дистрофия – тихая беда* («Кощей Бессмертный»).

Город глядел *голодными глазами*: «Хлеба... хлеба!..» («Я помню наши страшные пожары...»). В стихах автобиографического плана «оживают картины “грозных сороковых”, воссоздаётся облик военного Архангельска, изображаются суровые будни города, незаменный повседневный героизм населения», – читаем в статье Ш.З. Галимова.

Стихи Вадима Беднова, посвящённые архангельскому военному детству, встречающиеся в разных сборниках поэта, по мнению Е.Ш. Галимовой, тематически организуются в самостоятельный и очень выразительный цикл, хотя сам автор такой цикл не сформировал.

В военных стихах В. Беднова повторяются знаковые образы: бомбёжка, очереди, голод, дистрофия: *А снились мне / бомбёжка / и дистрофик, / качавшийся, / подобно деревцу* («Я помню наши страшные пожары...»); *Но – / читается детство / от военной строки, – / от воздушной тревоги, / бомб, / спаливших детсад...* («Быстрый май на исходе...»);

проявляются характерные детали военного быта: *...ещё живет в душе надежды свет, / как язычок копилки незабвенной / в потёмках, в чутких снах поры военной – / наш маячок далёких детских лет, / заветных лет...* («Другу детства»); *...военных дней дошкольник / от начала до конца / помнил каждый треугольник, / прилетевший от отца* («Паруса»);

упоминаются примечательные городские объекты: *Башня / кирхи немецкой / видна из окна. / Эта кирха весьма знаменита: / нас от бомбы*

немецкой / спасала она – / с баини / метко стреляла зенитка («Немецкая кирха»).

Паруса на Двине напоминают лирическому герою треугольники фронтовых писем:

*Рос мальши, судьбой хранимый,
и любил глядеть, как мимо
проплывают паруса
треугольниками писем
по родной реке Двине... («Паруса»).*

Ш.З. Галимов пишет: «В стихах говорится и о горечи пережитых бед, и о невозможности, недопустимости их забвения, ибо память не только жжёт, она духовно укрепляет, она учит ценить настоящее».

В годы войны появляются первые рифмованные строчки будущего поэта, которому в 1945 году исполнилось восемь лет:

*Был близок
над врагами страшный суд.
И о победе
сочинял я строфы
и посылал стихи на фронт –
отцу («Я помню наши страшные пожары...»).*

Военное детство оставляет неизгладимый след в душе поэта, война у него прочно ассоциируется с июньскими днями – своим днём рождения и днём начала войны:

*День четвёртый июня –
день рождения мой
И опять накануне
я встречаюсь с войной,
с пятилетним собою;
писем жду от отца;
вместе с мамой живою
я пою про отца...
От себя, от бывшего
не уйти и в дела.
Будет 22-го ночь,
как в детстве, светла («Быстрый май на исходе...»).*

Е.Ш. Галимова считает, что для поэта «суровые уроки, полученные в детстве, остались на всю жизнь – важнейшими».

Послевоенные годы тоже полны невзгод, которые формировали личность и характер лирического героя В. Беднова:

*Конечно, мы видали виды –
в сороковых ещё годах:
просили деньги инвалиды
в толпе вокзальной, в поездах;*

*и с нами сын врага народа
стоял ночами за мукой... («1953. Июнь»).*

После войны подростки увлечённо играли в войну в городских дворах, эти игры закаляли, воспитывали и вдохновляли их:

*Вы нас закаляли, дворы, –
изнанки пристойных фасадов.
Вы нас вдохновляли, дворы:
за каждым сараем засада
и в каждом сарае штабы;
рождались великие планы! («Дворы»).*

Послевоенное детство было полуголодным, оно научило детей той поры ценить «Насущный хлеб», именно так называется одно из стихотворений В. Беднова:

*Годы первые послевоенные
с нашим школьным совпали детством.
Булки белые обыкновенные
мы считали деликатесом.*

Далее рассказывается о том, как учительница после последнего урока раздаёт сероватые и сыроватые булki голодным школьникам, которые в предвкушении хмелели, *растревоженные хлебным ветром*, а потом смаковали *пайку вкусной «небесной манны»*; *Ели вдумчиво и внимательно, / ели, словно решали задачи*, поэтому *слаще мёда и сахара* кажется лирическому герою *хлеб насущный*. И этот урок тоже оказался усвоенным на всю жизнь.

«Грубый шрам в душе» поэта оставила обида, пережитая в детстве: хулиган отобрал у него кулёк с новогодним вкусным подарком, а случилось это *В послевоенный год тяжёлый, / пред самым праздником, зимой*; герой недоумевает: *за что меня лишили счастья, / в два счёта в труса превратишь?! («Кулёк»).*

После войны В. Беднову довелось пройти и суровое нравственное испытание, о чём он поведал в стихотворении «Баллада о пустоте» (в первой редакции – «Пустота»). Большое количество инвалидов войны нищенствовало, попрошайничало, лирический герой, воспитанный советской школой, считал такое поведение бывших воинов недопустимым и относился к этим людям хоть с жалостью, но чуть ли не с презрением.

*Подростком я немало повидал
обкраденных войной увечных нищих.
Я их жалел,
но им не подавал:
казалось мне, что просят не на пищу.*

*Познавшие лишения тех времён,
мы верили, несытые мальчишки,
что по заслугам каждый награждён*

и за столом у нас никто не лишний.

(в первой редакции: ...войной клеймённых / инвалидов нищих)

Но однажды случилось то, что заставило лирического героя изменить своё отношение к этим несчастным людям: *Однако довелось мне как-то раз / без мамы ехать в поздней электричке.* Следует заметить, что использование слова *электричка* ставит под сомнение автобиографизм стихотворения (в Архангельске нет электричек, пригородные поезда – не на электрической тяге), видимо, поэт решил создать более обобщённый, а не сугубо архангельский образ.

Вот, что произошло:

*...В окошке за верстой летит верста.
Передо мной стоит небритый дядя,
а в рукаве у дяди – пустота,
и пустота – бездонная – во взгляде.*

Как видим, здесь выразительно представлен заглавный образ стихотворения, обыгрываются разные значения прилагательного *пустой*, от которого образовалось слово *пустота*: ‘ничем не заполненный, полый внутри, лишённый содержимого’ ‘отсутствующий, ничего не выражающий (о взгляде)’; *пустой рукав*, свидетельствует об отсутствии руки у инвалида, *пустой взгляд* – об отрешённости, апатии, безысходности нищего, вынужденного побираться по вагонам.

Герой испытывает острое чувство стыда: *И так неловко мне – хоть провались!* – за калеку ли (*верю я, что честных нищих нету*), а может, и за себя, не сумевшего преодолеть предубеждение: *А грудь мою сдавила пустота, / и только не хватает мне заплакать...* Здесь проявляется особый оттенок значения слова *пустота*, соотносимый со значением слова *опустошённый* – ‘лишившийся нравственных сил’.

Первая редакция стихотворения, опубликованная в сборнике 1981 года, на этом и заканчивается, во второй же редакции, опубликованной в 1990 году, далее ведётся речь о том, как

*Солдат безрукий кланялся и пел
с привычной задушевностью, негромко,
он пел:
«Нас извлекут из-под обломков...» –
пел вовсе без укора –
тем, кто цел...*

Песня переворачивает душу лирического героя, ему становится больно и стыдно за себя недавнего: *как раны незажившие, болят / в моей душе бездонные пустоты...* – множественное число слова *пустота* как раз и передаёт духовное прозрение героя, его сострадание, скорбь, острое ощущение вины. Заканчивается стихотворение искренним возгласом взрослого, много пережившего поэта, взявшего на себя право говорить от имени своего поколения:

*И памяти о нём не истребят
моей судьбы любые перемены.
От имени ребят
поры военной –
«Прости, –
я говорю, –
прости, солдат!»*

Это стихотворение стало песней, на музыку его положил известный бард Евгений Клячкин, друживший с Вадимом Бедновым.

В ряде поэтических произведений Вадим Беднов создаёт пронзительные, глубокие образы людей, в судьбах которых война оставила неизгладимый след.

В стихотворении «Кошей Бессмертный» образ сказочного злодея в детском сознании срастается с обликом больного дистрофией, которым *вертела, как хотела, / здесь в тылу треклятая война*. Много внимания уделяется описанию его внешнего вида: *...Трудно быть, наверное, точнее, он, больной, голодный, трясся весь; он тогда казался мне Кошеем, / что пришёл меня, мальчишку, съесть*.

Его внешний вид практически не изменился и спустя многие годы после войны:

*Я того дистрофика встречаю
нынче, как в былые времена;
а его качает и качает,
будто и не кончилась война.*

Он представляется поэту бессмертным напоминанием о войне, укором и предупреждением: *К немощному, горькому бессмертью, может быть, войной приговорён?..; ...в нём от боли прошлое кричит!*

В следующей части стихотворения повествуется о том, как автор встречает своего героя, гуляя по городу с сыном:

*И сегодня, в день воскресный, светлый,
словно тень, бесплотен, измождён,
мимо нас прошёл «Кошей Бессмертный».
«Ты, сынок, не бойся – добрый он!»*

Встреча с ним спровоцировала разговор о героях и жертвах войны: измождённых узников концлагерей, голодных ленинградских блокадников, изготавливающих на заводах снаряды. Эта встреча стимулировала позднее раскаяние поэта: *...Я ему тогда не дал ни крошки – / жизнь со сказкой путал я тогда* (слово выделено автором).

Ш.З. Галимов по поводу этого произведения В. Беднова пишет: «Особенно удачным представляется мне стихотворение “Кошей Бессмертный”. Это баллада о мучениках, о людях величайшей самоотверженности, отдавших заветной цели – достижению победы над врагом – всё: и помыслы, и здоровье, и силы. Имя героя стихотворения не названо. Это безымянный житель города, “доходяга”. И фольклорные краски

проливают новый свет на показ реального человека. Фигура много пережившего труженика приобретает резко обобщённый характер. Да, это, действительно, образ-символ, говорящий о титанической духовной стойкости трудового народа, о его неодолимости, о его бессмертии. Внутренняя логика баллады, её мотив – мужание лирического героя, постепенное познание им красоты и величия души народной».

Герой стихотворения «Постоянство» дворник дядя Ваня – участник двух мировых войн – добрый, сильный, мужественный, жизнерадостный и жизнестойкий человек: вокруг него всегда *толчется малышня*, он ответственно относится к своей работе, он *не прочь хлебнуть за мёртвых и живых, / за то, что сам / с того вернулся света*; его *немощью не наградили годы, / хотя ему за семьдесят давно / и за спиной сраженья и походы*, однако ему *Не выместит вовек из сердца / двух / минувших войн железные занозы...* – обыгрываются прямое и переносное значения глагола *выместит*.

Сторож дядя Вася выведен героем ироничного стихотворения «Воскресный вечер. На мотив старой песни», посвящённого антиалкогольной кампании. Дядя Вася, *войны великой инвалид*, не одобряет новые порядки, более того, он их *грустно материт*. Автор сетует, что

*Таких, как он, уже немного,
клеймённых, травленных войной.
Им причаститься б на дорогу
в безалкогольный мир иной.*

Однако *не разбудить того наркома, / чтоб выдал сто солдатских грамм* – речь идёт о разрешённых приказом комитета обороны 100 граммов водки для солдат и офицеров на передовой. Герой обескуражен тем, что *Как под обстрел в тылу глубоком / мы попадаем под Указ*, тем, что внуки могут превратно истолковать его, дяди Васи, время и подвиги.

Стихотворение «Солдатка» строится как монолог женщины, потевшей на войне мужа и сына:

*– Без хозяина дом – сирота, –
горемычна солдатки судьбина:
постучалась беда –
отворяй ворота
«похоронкам» на мужа
и сына...*

Безысходное отчаяние, горькая боль не дают ей покоя ни днём, ни ночью. Ей видится *каменный остров и парохода обугленный остов*, ей слышится тихий зов сына *над бездной арктических вод*. Но только ничего исправить уже нельзя: *Сын в избу не взойдёт... / Бабий век изойдёт*. Надо жить, надо работать, работа пересилит боль, и только ветер ночной порой способен подарить надежду, скрипнув воротами, но от этого ещё больше:

*В полночь вздрогну, коль скрипнут ворота.
Ветер, сердце не рви!
Ночь, скорее плыви!..
Утром
боль пересилю
работой.*

Это стихотворение известно как песня автора-исполнителя Евгения Клячкина.

Во многих крестьянских домах как священная реликвия хранятся заветные фронтовые письма:

*Почти за каждую божницей
письмо заветное хранится:
бумага чуть жива,
обратный адрес – поле битвы;
твердят старухи, как молитвы,
корявых строк слова («Хозяйки богов»).*

В стихотворении «Ветераны» проникновенно говорится о том, что воспоминания о войне не дают покоя ветеранам-морякам, тревожат их: – *Вновь шевельнулось бывшее, / словно осколок в груди...* Их сны беспокойны, мучительны:

*Вновь пузырится пучина
документального сна, –
это в ночи
субмариной
память
всплывает
со дна.*

Камертоном переживаний, символом тревоги становится ёмкий, красивый образ – *колокол громкого боя*, это морской термин, означающий вполне прозаический ‘электрический звонок на корабле для подачи сигналов тревоги’, но в его основе знаковые выразительные слова, вызывающие возвышенные поэтические ассоциации. Этот колокол тревоги, *всё заглушая, гудит*, этот колокол бьётся, как сердце, и вся *грешная наша Земля* представляется *колоколом громкого боя*.

Ветеранам не всё равно, что будет на Земле, как будет жить Родина, ради которой они шли на смерть:

*Что же главное?
– Родина.
У Рыбачьего бой.
Бой смертельный.
Решающий –
как другие бои,
где остались товарищи
молодые мои.*

Основу спектакля Архангельского молодежного театра-студии «Колокол громкого боя» составили стихи Вадима Беднова о военной по-ре. Николай Харитонов в газетной статье делится впечатлениями о нём: «Какую же силу чувства, обжигающей правды должны нести поэтические строки, чтобы заставить людей, переживших войну, и тех, кто знает о ней лишь по рассказам, плакать...».

Герою стихотворения Вадима Беднова «Остров Медвежий», посвящённого Рудольфу Кунникову, бывшему матросу эсминца «Разумный», автору нагрудного знака «Участник плавания в конвоях», на-кунне Дня Победы снится *несмолкающий бой* у острова Медвежий:

*Ночью мирной, светлеющей, вешней,
накануне победного дня,
пробуждается остров Медвежий
в океане, в зарницах огня. <...>
...Воют бомбы и рвутся торпеды,
и встаютobeliski воды...
Далеко до Великой Победы,
и рукою подать – до беды...*

Он видит себя семнадцатилетним, вновь ему представляется его первый бой:

*Очень стыдно ему признаваться,
что стухнул поначалу всерьёз <...>
Стынет кровь от растущего воя,
и под сердцем растёт холодок.*

Остров Медвежий выступает в стихотворении символом памяти о героических полярных конвоях: *он – свидетель военных трагедий / и минувшего горестный знак.*

Старый киномеханик, ветеран войны, герой стихотворения «"Кинщик" заболел» падает, сражённый сердечным приступом, во время киносеанса, когда на экране увидел,

*будто он лежит ничком
с раздробленной ногой в сорок четвёртом,
сполна не рассчитавшийся с врагом,
беспомощный, недвижимый, бездыханный...*

Война не отпускает своих бойцов, подстерегает их, держит в напряжении, не даёт покоя: *Но миной невзорвавшейся / война / еще живёт в сердцах и случай шлет...*

Образы войны доминируют в стихотворении Вадима Беднова, посвящённом памяти поэта-фронтовика Сергея Орлова:

*Дважды в танке горел – не сгорел,
раскалённой зажат броней;
часто смерти в глаза смотрел;
обожжённый пришёл домой.*

Война определила его судьбу *петь о дружбе солдат, / об отваге русских парней / и о тех, без чинов и наград, / для кого Земля – мавзолеей* (здесь используется образ самого Сергея Орлова). В стихах он *продолжает бой, снова в танке своем горит. / Сердцем, / кровью своей, / судьбой / он посмертно стихи творит!*

Страшные следы войны несут на себе населённые пункты, регионы: *В том городке / корявый след войны / наполнен материнскими слезами* («В том городке»); *И всё ж нашёлся враг, скопивший силы, / каких ты в старину и не знавал. / Стоял ты насмерть... Братские могилы / не затерялись в лабиринтах скал...* («Крым»); *...Взрослым / каменных львов / довелось заслонять / от снаряда и бомбы / в годину блокады; / смерть косила людей. / Если всех изваять, / обернётся некрополем / лик Ленинграда* («Гранитные львы»).

Сама земля страдает, с трудом заживляет раны, нанесённые ей войной:

*Многострадальная, живая,
о, сколько ты пережила!
Война вторая мировая
тебя рвала, кромсала, жгла...* («Земля»).

Война закаляет не только людей, вот мчится трудяга-газик:

Он всюду пройдёт-проедет – / закалка-то фронтовая! Он стойкий, как ванька-встанька, / выносливый – вроде танка, / натужно рыча, вылезил / из грязи – да снова в князи («Газик»).

22 июня – День памяти и скорби – для многих поколений россиян важный и знаковый день: *Но кто из нас / не вспомнит, / что в такой же день и час / пришла беда / расстрелянным рассветом?!* («22 июня»).

Простой возглас «Война!» способен заставить человека содрогнуться, поскольку в нашей генетической памяти жив ужас войны. В стихотворении «Однажды рано утром» В. Беднов описывает показательный в этом плане случай на теплоходе: лирический герой, будучи корреспондентом газеты, пытался разговаривать старпома, ему это не удалось, они какое-то время помолчали вдвоём и вдруг услышали возглас:

*– Война!.. Опять война!..
Старпом вздрогнул,
установил в иллюминатор
и тут же перевёл немигающий взгляд
на меня.
Не знаю,
как тогда выглядел я,
но внутри у меня,
как говорится, похолодело*

– последнее слово выделено автором. Минутное оцепенение прошло, и старпом объяснил ситуацию: *– Опять наша Люська с боцманом воюет!..*

Своеобразным заклинанием для военных и первых послевоенных поколений наших людей было выражение: «Лишь бы не было войны», это тоже неизбежное проявление неизбывной памяти о лишениях и страданиях в годы военных испытаний:

*Но никто не вечен.
...Так-то, старина.
Встретим добрый вечер,
он уж недалече.
Только б не война... («Добрый вечер»).*

Тема благодарной памяти о прошедшей войне, тема поклонения святому племени фронтовиков, тема скорби по погибшим, отдавшим свои жизни за то, чтоб будущие поколения могли жить в мире, – одна из главных тем в творчестве Вадима Беднова, чьё детство было опалено войной, чей отец воевал на фронте.

В стихотворении «Фронтовики» поэт подчёркивает прочную связь поколений, обращаясь к воевавшим отцам: *Мы – урожаи / вашего посева, / в нас / не погасла / ваша боль святая.* Он убеждён, что эта боль живёт и во внуках, *как будто отсвет / грозных / пожаров, / что присниться / им не могут.* Однако в современном мире не всё спокойно: *Но бог войны – / и проклят, / да не свергнут – / апостолов сзывает / на поверку.* Заканчивается стихотворение эмоциональным возгласом: *уходить, / отцы, / повремените!*

С этим произведением Вадима Беднова перекликается его «Баллада о последнем солдате», в которой создаётся красивая гиперболизированная поэтическая ситуация:

*Когда-нибудь
(никто не знает даты)
проводят посевшие сыны
и вся страна
в последний путь
солдата,
последнего участника войны.*

Этот последний участник сопоставляется с неизвестным солдатом, чья могила у кремлёвской стены и Вечный огонь возле неё является главным символом памяти о войне в нашей стране:

*И станет тяжелейшей утратой
для них,
для всех людей большой страны
кончина
всем известного солдата,
последнего участника войны.*

И вновь уверенно и оптимистично поэт заявляет о прочной связи поколений:

*Всё прошлое
своею меркой меры
(прочна времён связующая нить),
они победы наши и потери
верней, чем мы,
сумеют оценить.
Заканчивается баллада заклинанием:
...А нынче тех,
кто – с нами,
вопреки
и пламени, и пуле, и осколку,
я заклинаю вслух:
– Фронтовики!
И ты, отец!
Живите долго-долго!*

Песня композитора Б.А. Миронова, написанная на эти стихи В.А. Беднова, «Живите долго-долго» в 1985 году была удостоена диплома конкурса, посвящённого 40-летию Победы.

В двух стихотворениях Вадима Беднова как символ памяти представлено знаковое место Архангельска – монумент Победы и площадь Мира перед ним. Основной частью монумента является остроконечная стела, олицетворяющая склонённое знамя, возле неё в почётном карауле застыли фигуры защитников Родины: моряка, женщины-воина и солдата. В арке, прорезающей основание стелы, установлена бронзовая чаша, в которой горит Вечный огонь.

В стихотворении «После снегопада» вид зимней площади рождает ассоциации с кладбищем погибших на войне:

*На плитах площади, где обелиск Победы, –
сугробы, что стоят за рядом ряд,
как холмики на кладбище солдат,
которые не дождались победы.*

Фигуры монумента, засыпанные снегом, представляются часовыми на посту:

*И трое неподвижных часовых
с шинелей бронзовых стряхнуть не смеют снега.*

Снегопад неожиданно сравнивается с боевыми действиями:

*Быть может, ночью снег не падал с неба,
а был налёт, и к утру бой затих?..*

Однако ничто не нарушило мира в эту ночь, просто выпал снег, прибавив работы дворнику-фронтовику:

*Но был спокоен мирный сон живых.
И мой знакомый дворник, фронтовик,
управившись, идёт с буханкой хлеба.*

В стихотворении «На площади Победы (9 мая)» праздничное убранство площади воспринимается как знак почитания погибших:

*На строгом камне
цвета
шинельного сукна –
цветы
в преддверье лета,
как будто ордена,
посмертные награды
погибшим на войне.*

Цветы выступают и как символ мирной жизни:

*Глядят цветы живые,
наивны и нежны.
Им войны мировые
и бомбы не нужны.*

Однако мир в современном мире уязвим и неустойчив:

*А мир живет,
рискуя
стать мёртвою золой.
И медь скорбит, ликуя,
над веком,
над землёй...*

– в звуках праздничного оркестра совмещаются противоположные эмоции: скорбь и ликование, ведь, действительно, День Победы – это праздник одновременно радостный и печальный.

Ёмкая характеристика творчества поэта даётся в послесловии к одному из сборников его стихов: «Вадим Беднов чутко вслушивается в биение жизни в беспокойном мире. Наверное, так слушает пациента внимательный доктор. И “диагноз” поэта чаще всего художественно точен» (Юрий Леднев).

Борис Пономарёв отмечает: «Война оставила глубокий след в памяти Беднова. Вот почему у него родились такие очень современные гуманистические строки:

*На склоне двадцатого века
Назрел и всемирный закон,
Закон – не стрелять в человека
Всех наций, и рас, и племен».*

«Ты будешь знать, за что тебе стоять!»

Ольга Фокина родилась в северной деревне, поэтому она в полной мере испытала на себе все тяготы и лишения военного тылового детства – голодного, холодного, трагического.

Непосредственные детские впечатления будущей поэтессы представляются важными и ценными свидетельствами о жизни северной деревни в годы войны, хотя, казалось бы, что может помнить четырёхлетний ребенок, однако эмоциональная память, воплотившаяся в художественные образы, сохранила главное и наиболее значимое.

Несколько автобиографических стихотворений воссоздают живые картины прошлого, яркие бытовые детали, отражают пронзительные личные переживания, сформировавшие характер лирической героини, её нравственные принципы.

Наиболее важным и показательным в этом ряду является стихотворение «Я помню соседей по тем временам...» – о том, как дети вынуждены были идти побирать по соседям, потому что семья оказалась в отчаянном, безысходном состоянии:

*...пятеро нас накопилось к войне.
Кормилец – в могиле, малец – в подолу,
Верёвка для петли – в поветном углу...*

Главное, затмевающее всё остальное воспоминание – голод, особенно зимой, когда *застыла злоеющая белая жуть*. Природные реалии в воображении голодного ребёнка рождают образы, связанные непременно с едой, потому и солнце представляется ложкой, а небо – блюдом:

*Лишь дым из трубы нашей, худ и белес,
Всё тянется, тянется к блюду небес,
Где новою, праздною ложкой пустой,
Вращается солнышка круг золотой;*

сугробы напоминают поднявшееся тесто и пышный хлеб:

*Как тесто, поднявшееся из квашни,
Как белые хлебы, сугробы пышины;*

а хрустящий снег – сахар-песок:

*Зайдешь на задворки – до самых лесов
Насорен, насыпан всё сахар-песок.
И так же блестит он, и так же хрустит!
Вот только нисколько во рту не сластит.*

И вот через непролазные сугробы, в больших маминых валенках, сваливающихся с ног, отправляется маленькая девочка с сумой на боку за милостыней:

*И вовсе не сладко в сугробе тонуть
И за уши валенок мамин тянуть.*

Но ребёнок остаётся ребёнком, поэтому неблагоприятные обстоятельства превращает в игру, вступая в разговор с непослушным валенком:

*– Великий, да дикий! И стар вот, а глуп!
Упёрся! В сугробе остаться ему б!
Разинул, дырявый, голодную пасть
И сахаром-снегом насытился всласть! –*

но снова побеждают продовольственные ассоциации.

Поэтесса подчёркивает: *Идти по деревне куски собирать / Мы сами решили: страшно умирать* (обращает на себя внимание акцентологический диалектизм); гордой матери, не приемлющей такой способ существования (*За стичкой в соседи – и то никогда!*) пришлось смириться: *Споровила нам по суме из холста, / Учила просить, поминая Христа*. Однако юная лирическая героиня рассудила иначе:

*Зачем поминать его? Грех поминать:
Соседи и сами должны понимать...
Я криком кричала, молчанье храня:
– Подайте, коль можете, ради меня!
И ради братишек, таких же, как я! –
И руку выпрастывала из тряпья.*

Этот безмолвный отчаянный крик красноречиво свидетельствует о положении тыловой северной деревни: *...Война-то война. А у нас – тишина*; но за этой тишиной скрывается столько горя и лишений.

Детские ощущения врезались в душу, оставили неизгладимый след в памяти поэтессы, отразились на её миропонимании, на её восприятии людей:

*Я помню глаза подававших людей...
Я вечный должник у деревни своей.*

С помощью дефисных аппозитивов создаётся пронзительная метафора:

*Перила-краюшки, ступеньки-ломти, –
Без этой бы лесенки мне не взойти,
И самую лучшую песню мою
Я людям, соседям моим, отдаю*

– взрастило лирическую героиню людское сочувствие, сопереживание, которое особенно дорого в годы испытаний.

В стихотворении создаётся ёмкий и трепетный образ – через вещи характеризуются люди:

*...У каждого дома я помню крыльцо.
И помню ворота. И помню кольцо.
И тёмные сени (а чьи-то – светлей!).
И двери тугие (а чьи-то – слабей!).
И помню пороги: одни высоки,
Другие – пониже...*

Помнит лирическая героиня и *Не сдержанный, к корке добавленный, смех. / Безжалостный, сытый, ехидный смешок*; который тоже не прошёл бесследно: *Он ранил навывлет, он душу прожжёт!*; который закалил её, сделал сильнее: *И тем, что живу я, и тем, что дышу, / Я этому смеху, не думая, мщу.*

Голод в военные годы – доминирующее воспоминание, нашедшее отражение в творчестве Ольги Фокиной, о чём бы ни писала поэтесса:

*В маленькой деревушке,
Окружённой со всех сторон
Ёлками, да елушками,
Да голодным криком ворон,
В доме, где – ни горбушки
Хлеба на шесть едоков,
Не было у меня Пушкина,
Как не было башмаков («Мой Пушкин»).*

Голод заставляет детей идти в лес, на поля и подбирать всё, что могло бы быть съедобным, что могло бы хоть на время заглушить страдание пустого желудка:

*Мы ребятами, бывало,
Подбирали всё подряд:
Колосок ли весь в пыли,
Корешок ли из земли,
Из картошки ли лепёшки,
Из овса ли кисели («Дети мёду не едят...»);*

всё это представлялось благом нам, по существу уже всеядным («Полудница»). В одном из стихотворений поэтесса признаётся:

*Вспоминанья хороня,
Мы мало в памяти оставили,
Но дуг от смерти спас меня
Своим и клевером и щавелем
А лес и раннею весной
(Не говорю про дань осеннюю)
Без говорильни показной
Не раз бывал моим спасением
(«Не знаю, что тебе писать...»).*

Весной, как только сходил снег, дети отправлялись на поля и огороды в поисках съестного, об этом читаем в стихотворении «Мой Пушкин»:

*Жизнь начиналась с этого
Кончика грядки, где
Маем едва пригретая,
Вешним ручьём разведанная,
Розовая, несъеденная –
Луковка в борозде.*

Здесь обращает на себя внимание пронзительная метафора «Жизнь начиналась», весна, когда появляется надежда найти пропитание, противопоставлена голодной, долгой, жестокой зиме, не достойной имени «жизнь»:

*Жизнь начиналась с колоса
В снежной ещё стерне,
С мягкой большой горошины,*

*Высунувшей росток,
С мёрзлой сырой картошины,
Вытертой о листок
(Знаю теперь: «Грамматики»),
С копанных корешков,
С чищенной мать-и-мачехи,
С пестиков, с петушков.*

Да, такой скудный рацион был у деревенских ребятишек военных лет, им оставалось только то, что случайно не было убрано, ушло под снег, ведь *Всё, что рожали полосы, / Шло на прокорм войне*; или то, что успело вырасти в первые теплые деньки.

В стихотворении «Дети мёду не едят...» голодное военное детство противопоставляется мирному счастливому детству, когда продуктов вдоволь:

*Не ругаю я ребят,
Что едят не всё подряд:
Пусть по вкусу выбирают
Да судьбу благодарят,
Что на фоне тишины
Пчёлы мирные слышны,
Что деньки сладки без мёда,
Потому что нет войны.*

В автобиографической поэме «Полудница» читателям представлены важные свидетельства о голодных военных годах в северной деревне:

*Нас, малых, было двое: я и брат.
Травой желудок обманув порожний,
Мы шли, глотая слезы, в детский сад,
А мать с косою – до вечера на пожню.*

Не любили дети ходить в детский сад, но там давали настоящий хлеб (*сто грамм на брата*), на обед – картошку, на ужин – кисель овсяный с молоком:

*Добром бросаться – счастья не видеть! –
Та заповедь для нас поныне свята,
И мы старались мать не огорчать –
Вдову сироты павшего солдата.*

Простые бытовые предметы вызывают в памяти поэтессы военное детство, рождают пронзительные образы, лёгкие в основу стихотворений. Вот одно из них «Ручная наша меленка»: мама велела младшему брату поэтессы сжечь на костре старую деревянную меленку как ненужную, однако для лирической героини это стало причиной для сильного эмоционального всплеска:

*Мне жалко было мельницу,
Хоть из огня выхватывай
И так, к груди прижатую,*

Из пламени неси!;
поскольку эта самая «меленка» –
Участница и спутница
Маленько отодвинутых
Назад военных дней,
Моловшая сиротские
Полусырые зернятки –
Худые, иньем битые –
В подобие муки.

Как видим, здесь тоже есть упоминание о том, что в пищу в войну шло то, что не должно быть нормальной человеческой едой: плохие, подмороженные зёрна перерабатывались лишь в некое подобие муки.

В военные годы была нужда во всём, не только в продовольствии. В стихотворении «Розовое мыло» речь идёт о самом обыкновенном куске туалетного мыла, скорей всего, земляничного, чей запах напоминает лирической героине запахи родной природы, этот кусок пахнет *чем-то очень дорогим* и *чем-то несказанно милым*, он вызывает прочные ассоциации с военным детством: *Ты пахнешь детством, розовое мыло! / Как позабыть об этом я могла?*

Память воскрешает, казалось бы, рядовой, незначительный эпизод, однако оставивший неизгладимые впечатления в душе ребёнка:

...Была война. Дымы больших пожаров
Не залетали в нашу глухомань,
Но как-то в сельсовет пришёл подарок
С короткой странной надписью: «Для бань».
Я материнских глаз не позабыла,
Они светились, радовались так,
Как будто дали ей не кубик мыла,
А самородок золота в кулак.

Что же необычного произошло? Самый обыкновенный кусок мыла напомнил о мирной жизни с её обыкновенными, повседневными радостями и благами, а главное, о сытости:

Тогда впервые за четыре года
Мне снова пахло тёплым молоком,
И белым хлебом, и тягучим мёдом,
И васильками, и – живым отцом...

Апофеозом счастья лирической героине представляется воскрешение – пусть только мысленное – погибшего на войне отца.

Военное детство – это и самоотверженный труд в колхозе, это продвиги на трудовом фронте как вклад в общую победу над врагом (стихотворение «Полушко брани...»):

Выкосим травы,
Смечем стога...
Батьки и братья,

*Бейте врага!
Мы вам поможем,
Братья, отцы,
Сеном и рожью,
Шерстью с овцы,
Льном – на портянки!
Щавелем – в щи!*

В детских играх возникают военные образы: ...*Копны как танки;*
детская удаль, юный задор и решимость сродни боевым действиям:

*Носимся с сеном!
Скачем верхом!
С кручи ныряем
В глубь-голубень,
В зное сгораем
За трудовдень.*

Война реальная сопоставляется с «войной» трудовой:

*Бьются-стреляют
ГДЕ-ТО...
а тут:*

*Вилы мелькают,
Грабли снуют.
Вновь – без обеда
И допоздна.*

Где ты, победа?

Что не видна? (слово ГДЕ-ТО выделено поэтессой).

Война в позднем стихотворении «Из детства»: «Весенним утром – голос петуха...» ассоциируется с долгим, трудным Великим постом перед Пасхой, олицетворяющим надежду на лучшее, на Светлое Воскресение Христово:

*День предпасхальный. В доме чистота:
Промыты стены, лавки, половицы.
Война. Мы не выходим из поста...
Но светлый ангел должен появиться.*

Образы матери и отца – самые сильные, самые проникновенные в стихах Ольги Фокиной о военном детстве.

Мать предстаёт в поэтических строчках сильной, гордой, неистойвой в труде, не сдающейся бедам, не привыкшей жаловаться на плохую жизнь, не теряющей самообладания в самых отчаянных ситуациях. Наиболее показательным в этом плане стихотворение «Редко, но заходили...», в котором говорится о том, как приходили к матери кумушки, чтоб пожалеть её – вдову, оставшуюся с оральной детей:

*– Бедная ты, Клавдия,
Всех накормить, согреть,*

*Всем постелить, укутать,
Всех обстирать, обмыть.*

Ритм стихотворения подсказывает, что здесь используется диалектный акцентологический вариант имени матери *Клавдія*.

Приходили кумушки, правда, не столько для того, чтоб пожалеть, сколько «бросить камень в самую боль», и уходили неудовлетворёнными:

*– Не поглянулось гостье –
Видишь ли – не пищим! –
Надо бы рвать волосья,
Надо бы в голос выть!;*

но такая реакция вовсе не в характере матери поэтессы:

*Слёзы! Ни днесь, ни присно
Вам не решить вопрос.
Руки, на вас надія!
Ноженьки, не сдавай!*

– обращают на себя внимание совмещение в одном контексте архаизмов (*ни днесь, ни присно*), создающих особый пафос, диалектизма (*надія* ‘надежда’), подчеркивающего подлинность диалектной речи, и фольклорного олицетворения (обращение к ногам, рукам) как проявление народного мировоззрения. И бывшие недоброжелательницы вынуждены были признать: – *Сильная ты, Клавдія!*; но это признание вызывает скромное и гордое: – *Не городи, давай*.

Лирическая героиня гордится своей матерью, рада, что она с братьями оправдала её ожидания:

*Первой тропу протопчешь
Дров нарубить в лесок.
Первой распашешь поле,
Первой нажнёшь снопок.
Первыми станут в школе
Дети: ученье впрок.*

Сильной матери нужно выдержать не только непосильную работу, не только вечную нужду, но и заплатить огромный налог государству (стихотворение «– Все болезни – от простуды...»):

*Вынь да выложь честь по чести –
Мясо, шкуру от телка,
Три кило овечьей шерсти,
Триста литров молока;*

иначе могут забрать за долги корову:

*...За долги уже у двух
Вдов – свели кормилиц силой...
Ждёт и нашу тот обух;*

иначе можно попасть под суд:

«Распишишь под этой “птичкой”»

*И вон там ещё... и тут:
Завтра сдашь в сельпо яички,
А нето пойдёшь под суд».*

Со всем она справляется, только *Убежавшая слезинка / Примерзает ко щеке*. Нужно справляться во что бы то ни стало, поскольку:

*Дома плачет горько, долго
На сыром тряпье дитя:
Уж не первую недельку
В доме хлеба – ни куска.*

В многочисленных поэтических посвящениях Ольга Фокина неизменно отдаёт дань уважения своей матери, на которую она всегда равняется, быть достойной которой всегда старается:

*Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.
Держишь её – как надо:
Дерзостью встретишь дерзость,
Вдесятеро заплатишь
Людям за доброту («Гордая моя мама!...»);*

по признанию поэтессы, она и стихи писать начала, прежде всего, для того, чтоб порадовать мать: *Тянусь за тобою... Смогу ль, дорасту ли, / Когда-нибудь встану ль с тобой наравне?* («Матери»)

Образ ушедшего на войну отца, вернувшегося умирать от ран дома, часто воссоздается в поэтических сборниках Ольги Фокиной:

*...На войну ушёл хозяин.
На войне – который год.
Худо бьётся, хорошо ли, –
Суждено ему упасть,
Защищая нашу долю,
Нашу землю, нашу власть
(«– Все болезни – от простуды...»),*

и потому он не может помочь своей жене, не может защитить её от обид и невзгод.

Его отсутствие ощутимо, сказывается на житье-бытье его жены и детей. Не успел он покрыть крышу тёсом, оставил на потом:

*...А потом пришла война,
Увела его она
Из-под крыши нетесовой,
Где детишки и жена.
Увести-то увела,
Привести – не привела
(«Из детства»: «Свищет ветер за окном...»).*

Памятью об отце осталась посаженная им черёмуха, он спас её весной от шального ручья, который обнажил ей корни. Об этом рассказывается в одном из самых сильных стихотворений Ольги Фокиной «Черёмуха»:

*Черёмуха за старым огородом –
Единственная память об отце...
Он был тогда безусым, безбородым,
С улыбкой на обветренном лице.*

Здесь создаётся образ талантливого, радушного, трудолюбивого человека – колхозного бригадира, увлечённого охотника, умелого резчика по дереву, любящего отца и мужа, образ, любовно сохранённый в детской памяти поэтессы, напомним, в год, когда началась война, ей исполнилось только четыре года:

*...Мы были одинаковые ростом
С черёмухой. Той ласковой весной
Жилось мне так легко, светло и просто!
В какой из дней в наш тихий край лесной
Пришла война, об этом я не знала...
Должно быть, в толстой сумке почтальон
Её принес. И вот, отца не стало:
С котомкой подбегал к подводу он,
Когда, в постельке с тополиным пухом,
Проснулась я, крича: «Меня забыл!» –
Но лишь ушанка свесившимся ухом
Махнула мне с отцовской головы.*

Как видим, здесь органично переданы детские представления и переживания.

Сюжет стихотворения отражает ключевые приметы войны: нужда, голод, несчастье: *всё тише <...> звенели в доме наши голоса; всё чаще протекала наша крыша; для песни мать не разжимала губ.* Однажды мать, не заметив, срезала вместе с молодыми побегами крапивы для супа «черёмуховый стебелёк упругий»:

*Но в этот день горька была похлёбка,
И запах был черёмуховый в ней...
Поняв, мы ложки положили робко
И сразу стали старше и умней.*

И далее юная лирическая героиня всеми своими малыми силами старается спасти ровесницу, не пожалев для этого хлеба, *чтобы им, как клею, / С пеньком другую ветвь соединить;* нарядной ленточки, чтобы обвить черёмуху. Но всё было напрасно, к тому же ребёнок услышал от матери горько-беспощадное: *– Батько не вернётся / И никогда не спросит про неё.* Но случилось чудо – в майский День Победы на черёмухе появился листок. Отцовская черёмуха для поэтессы стала символом

мужества и силы, святой памятью отгремевших дней. И заканчивается ранняя редакция стихотворения довольно пафосно:

*Спи, мой отец,
Цвести по всей России
Раскидистой черёмухе твоей.*

Распространяя свою гордость за отца на всё поколение победителей, поэтесса употребила гиперболический образ, однако позднее от такого преувеличения и пафоса она отказалась:

*Спи, мой отец! Темна твоя могила,
Но вся в цвету черёмуха над ней.*

В лирическом, семейном плане, без патетики отцовская черёмуха упоминается в другом стихотворении:

*Только острый штык ствола,
Где черёмуха цвела,
Что ребятам в утешение
Посажена была.
Он сажил её, отец,
Чтобы пел на ней скворец,
Чтобы ягода родилась...
Пригодилась. Молодец
(«Из детства»: «Свищет ветер за окном...»).*

В позднем стихотворении «Человек разумный, коль не спрошен...» поэтесса воссоздаёт семейные картинки довоенные, военные, оказывается, она помнит себя трёхлетней, помнит ощущение радости от того, что *родной огромный человеке / На своё плечо меня взметнул;* помнит она и плохое, когда

*Мать отца к подводе проводила
И пришла, промокая насквозь.
Увезла подвода, укатила
Мужиков куда-то «на войну»,
И обратно их не возвратила
До сих пор. И я не возвращу.*

Потом мы видим, как старший брат-школьник читает письмо отца, как, лучинкой пробуя варящуюся в чугушке картошку, натывает одну из них, и утверждает, что *Это – «тятя».* *Он придёт обратно! / Наше ликование. Мамин вздох.* Но этот мамин вздох даже спустя много лет наполнен для лирической героини тревогой:

*Этот вздох.
И кровь по жилам стынет:
Этот вздох – начало новых бед.*

Потому что нет ничего страшнее войны, смерти близких.

В проникновенном стихотворении «...Без сил...», посвящённом памяти отца, Ольга Фокина описывает его последний путь – из госпиталя домой:

*Сумел, упросил
Госпитальных врачей:
Мол, раз безнадежен...
А там – на сносях
Жена!..
И быть может...
И плакал, прося.*

Далее говорится о том, как попрощался с товарищами, как, качаясь без сил, добрался до вокзала, как ехал на поезде, лёжа на месте, которое ему уступила душа-проводница, как смотрел в окно на поля, где стоят кривоватые стожки, которые никто не помог жёнкам сметать:

*Сойти б, переставить,
Стога перекласть,
Остожье поправить,
Под стогом упасть,
Чтоб сено – за ворот,
И в нос, и в глаза,
Чтоб въедливый порох
Не вис на устах,
Чтоб запахи тлена
Из памяти – вон!*

И пришёл к нему благодатный сон, в котором *всё получилось*, / Как он захотел. Пронзительный, щемящий финал у этого стихотворения:

*...Не в отпуск – гостить,
Не косить, не метать, –
Его отпустили
Домой – умирать...*

Смерть и похороны отца описывает поэтесса в стихотворении или, можно сказать, маленькой поэме «Печное» («Печка-матушка»):

*...Поздняя осень.
Грядки рябы.
В гробе выносят
Отца из избы. <...>
Пламенем
Из подожджённных вериг –
Материн,
Душу вымающий,
Крик.*

Здесь точно передано детское восприятие горя, осознания его:

*Батько ты, батько!
Кто мне на платье
Из пазухи вынет?
Кто на полати
К играющим братьям*

*Вскинет-подымет? <...>
Не отвечает. Не может.
Не знает. Не слышит.
Ну ладно – платье.
Но тятя, тятя,
Кого нам, тятя,
С войны-то ждать?!*

Для Ольги Фокиной образ погибшего отца воплощает в себе всё самое дорогое и важное для неё – трепетное, одухотворённое отношение к природе:

*У него для природы милой
Лишь одно было имя: мать.
И его ли вина, что рано
Отшумели ему леса,
Что война растравила раны,
И закрыла навек глаза
Не успевшему надышаться,
Не успевшему досмотреть,
Не уставшему восхищаться,
Не охрипевшему песни петь...
(«Мой отец... Он давно не с нами...»);
С любой былинкой чувствую родство,
Я радуюсь извечной жизни ладу,
И листика простое естество
Рассматриваю долго, как награду
Отцу –
Не награждённому
ни разу («Парады и награды – для живых...»).*

Война оставила глубокий след в судьбах людей, её переживших, в судьбе народа в целом. Об этом рассказывают стихи Ольги Фокиной.

В поэме «Алёнушка» речь идёт о судьбе шестилетней девочки, которой приходится, помогая матери, работать, зарабатывать себе кусок хлеба, действие поэмы, скорее всего, происходит в войну или сразу после войны, в не самое сытое время для северной деревни:

*В шесть годков свои Алёнка
У людей детей качает,
По зажиточным избёнкам.
Взяли люди – мать-то рада:
Едоков-то дома лишка!
Хоть одну кормить не надо
Кожурой да клевершиком,
Да соломой, да половой,
Да похлёбкой несолёной...
Хоть одна, поев ржаного,*

Может, будет сохранённой.

Как видим, здесь вновь представлен скудный пищевой рацион, а различные вкусы видятся героине только во сне:

Вкусны-вкусны, вкусны-вкусны

Сейчас Алёнке снятся сны.

Алёнка во сне видит сказочный корабль с пряниками, с виноградом, за штурвалом этого корабля грезится убитый на войне её отец:

Печатных пряников гора

На этом корабле,

Висит на мачтах виноград...

А кто ж там – на руле?

Усы смущённо теребя,

Взаправдашний, живой

Стоит и смотрит на тебя

Убитый батька твой.

Узнаём мы из поэмы и о тяжкой доле женщин, взваливших на себя мужскую работу:

Как тётка Акулина,

Которая пашет

На кляче Пропацей.

Все дни с утра до вечера,

С восхода до заката

Висят над плугом плечи:

То к лесу, то обратно.

Она и в день воскресный

Не сядет отдохнуть,

А только тянет песню,

Которую-нибудь.

А что это за песни? Затягивает Акулина горькие частушки о погибшем муже, о своей вдовой участи, о голоде, о том, что такая жизнь хуже смерти:

«Ягодиночку убили,

Не поставили креста:

Его общая могила –

Человек четыреста». –

«А ягодиночку убили,

Да и мне бы умереть:

Ни который, ни которого

Не стали бы жалеть» <...>

«А надоело жить на свете –

Холод, голод и тоска.

Утром встанешь – хлеба нету

Ни единого куска». <...>

«А неужели это будет,

*Неужели я дождусь:
Хлеба досыта наемся,
Чаю с сахаром напьюсь...».*

Последняя частушка цитируется и в стихотворении «Дети мёду не едят...», которая предваряется словами: *Вспоминается частушка, / Социнённая всерьёз*. Подобная вдовья частушка встречается и в поэме «Малина твоя»:

*«А мы, подруженька, с тобой
Обе – сиротиночки:
У тебя и у меня
Убиты ягодиночки».*

Реальные фольклорные произведения здесь приведены или стилизация поэтессы под народное творчество, неважно, главное, что эти частушки красноречиво свидетельствуют о душевном и физическом состоянии народа в тяжёлые годы.

Одно из самых известных произведений Ольги Фокиной, которое очень популярно у подростковой аудитории и часто звучит на конкурсах чтецов, – это стихотворение «Подснежники». Его содержание навеяно детскими воспоминаниями мужа поэтессы – Александра Александровича Чурбанова (1936 – 2002). Действие происходит в годы войны в прифронтовой полосе, герой стихотворения – мальчишка, живущий с бабкой, поскольку его родители на фронте:

*Рос мальчишка далеко не неженкой,
Матери-отца почти не помнил...
Помнил он пожары, толпы беженцев,
Мертвецов, которых не хоронят.
Виселищу помнил – там на площади...
При нужде умел, хоть и не вор был,
Из-под носа утащить у лошади
Ячменём наполненную торбу.*

Жуткие приметы войны вытеснили из памяти юного героя образы родителей, но являются они ему во сне вместе с образом чудесных цветов:

*И приснились раз ему подснежники –
Синие бубенчики со звоном. <...>
С листьями, как руки папы, добрыми,
С голосом забытым, материнским.*

Трогательно, по-хорошему сентиментально развивается дальнейший сюжет стихотворения: мальчишка старается отыскать под снегом приснившиеся ему подснежники, но снег вскоре растаял: *Нет таких цветов!* – мальчишка понял. Горько стало мальчишке, он заплакал от отчаяния и сорвал на солнечной опушке голубые простенькие цветы: *Не под снегом – значит, не подснежники*.

И дальше героя и читателей ожидает экспрессивный финал, который вряд ли кого-либо сможет оставить равнодушным:

*– Наш родной, любимый, наш упрямый! –
Две шинели брошены на стулья...
Руки папы! Губы, голос – мамы!
Кончилась война – они вернулись!*

И вот кульминация:

*Но у этой неизбывной ласки
Быть в долгу мальчишка не захочет,
Он подаст цветы – не без опаски...
– Господи, подснежники...
Сыночек!*

Такая эмоциональная встряска в раскрытии военной темы дорогого стоит.

Нередко в стихах Ольги Фокиной отражаются человеческие судьбы, опалённые войной:

*Мужа в армию проводила,
А кого повинешь – война!
Жала, сеяла, молотила
За двоих, за троих – одна («Кость да жила – оно и сила!»);
А на кого ж сыны её покинут?
Тридцатый год в земле её солдат...
Да за неё все пять по сердцу вынут,
Не спрашивая почестей-наград
(«Ну, вот и все повыращены дети...»);
Года бедовые,
Года военные.
Все девки – вдовы,
С дитями, бедные,
Уже который год
Их холод-голод гнёт...
А бабка – лишний рот! –
К ним доживать идёт («У нашей бабушки...»);
Не вернулся муж с войны – загинул.
Оставались памятью о нём
Пять жердинок между верейнок –
Пять детей меж матерью-отцом.
Постоит у мужниных завор –
Всё-таки не вовсе без опор
(«Не крестила, не благословляла...»).*

Судьба старого колхозного кузнеца, ветерана Гражданской войны, представлена в стихотворении «Без хозяина дом...», его образ подаётся глазами ребёнка военной поры:

Прокопчённый, седой,

*Он внушал уважительный ужас,
Молчаливый, прямой, –
С пустяками к такому – не смей!
Мы мечтали: скуёт,
Эх, скуёт он на фрицев оружие
И для наших отцов,
И для славных своих сыновей.*

Да вот только приходили в его дом одна за другой похоронки:

*На большого,
На среднего
И, не щадя, на юнца...*

И страдал, перемаивал горе за горем старый кузнец на своей кузнице, с головой уходя в работу, вколачивал он молотом в наковальню горький крик отчаяния:

*И скупое, мужское,
Солёное-пересолёное
Запекалось на горне, на молоте,
На деревеньках окрест.*

В этом же стихотворении встречается и народная характеристика врага-агрессора:

*И теперь старикам
Для отпора фашистской собаке
Провожать приведётся
Подросших любимых сынов.*

В стихотворении Ольги Фокиной «Пожилая вдова, вдова...» видна прямая переключка с поэмой Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос»:

*Пожилая вдова, вдова
Рубит, рубит в лесу дрова.
Мужа нету ещё с войны,
Поразъехались все сыны,
И по вёснам вдовы топор
Одиноко стучит с тех пор.*

Ср. у Некрасова: «Наплакавшись, колет и рубит / Дрова молодая вдова». Оба произведения заканчиваются смертью героинь.

Главной героиней поэмы «Малина твоя» («Хозяйка») является вдова погибшего фронтовика, набрела она *На окраине дальних покосов* на две берёзки, верхушки которых когда-то давным-давно они с мужем в четыре руки заплели, *Красной гарусной ниткой из шали / Обручили два белых ствола*. Оказалось, что эти берёзы так и выросли вместе, так и привыкли, так и сладили. И нахлынули на героиню горько-сладкие воспоминания:

*...Уходя на войну на рассвете,
Как умел ты меня утешал.
И берёзоньки юные эти*

*Навещать, уходя, завещал.
А когда сообщили: убило,
Опустилась глухая стена...
До берёзок ли, миленький, было –
Лишь бы – хлебушек, лишь бы – сенá.*

Раннее стихотворение поэтессы «...Ничего я, робя, не умею...» представляет собой монолог старой женщины, пятеро сыновей которой погибли на фронте. Можно предположить, что к ней пришли школьники с просьбой рассказать о прошлом, о войне, о сыновьях:

*...Ничего я, робя, не умею:
Ни читать, ни писать не могу.
Потихоньку живу, да седею,
Да хозяйство своё берегу.*

Навещают её по воскресеньям снохи:

*Погостят,
О мужьях (о сынах моих) вспомнят,
Как любили, встречались как,
И на фронт провожали...
Как в дровни
Неумело впрягали коняг,
До полусмерти бились с работой,
Ночи тёмные спать не могли,
И сынов моих письма и фото,
Как иконы святых, берегли.
...Не стерплю иногда – и заплачу:
Пять ведь было – и все полегли!
А уж как они были горячи,
Не сыны, а цари-короли!*

Пригласил её председатель колхоза в президиум торжественного собрания:

*– Нет, иди, – говорит, –
За Сергея,
За Ивана, за другу Серьгу,
За Андрея, за Лёшку-гармошку...*

Поклонился ей председатель в ноги, вручил букет, приветствовали её люди аплодисментами, разволновалась героиня, заплакала, ничего не смогла сказать в ответ:

*...Крупнее горошин
Слёзы, слёзы текут по щекам...
Ничего я, робя, не сказала, –
Повинюсь неизжитой виной!*

Героиня убеждена, что людям нужен мир, она решительно выступает против войны:

Брали подписи – я подписалась,

*Как сказали, за счастье детей
Да за мир... Хоть почти не умею
Ни читать, ни писать, но зато –
Крепко-накрепко я разумею,
Что не надо войны и фронтов...*

Яркий обобщённый образ народа-воина, народа-труженика, защитившего, отстоявшего родной край, родную страну в годы испытаний, создаётся в стихотворении «К юбилею родного района»:

*Оставив дом на пряху-ткаху,
На мать-старушку, на жену,
Твой лесоруб, косарь и пахарь
Уйдёт-уедет на войну.
За это небо голубое,
За цвет рябины под крыльцом
Он упадёт на поле боя
К родному северу лицом. <...>
А мать-жена, а пряха-ткаха,
Под ветром силясь устоять,
Наденет мужнину рубаху,
Чтобы рубить, чтобы ковать.
Чтобы косить, пахать и сеять,
И чтобы ткать, и чтобы прясть,
Чтобы поднять большую семью,
Да и самой бы не упасть.*

Здесь показано нерушимое единство фронта и тыла, единство, сплочённость народа, ставшее залогом Великой Победы.

Тема памяти о Великой Отечественной войне священна для многих поколений наших соотечественников, немало литературных произведений посвящены ей, важное место занимает она и в творчестве Ольги Фокиной.

В ряде стихотворений поэтессы появляются пронзительные образы ветеранов войны. Вот *Единственный из класса, / Оставшийся в живых* – герой стихотворения «Не фраза и не сказка...», в качестве эпиграфа к нему приводятся строки из известной песни: «В полях за Вислой сонной / Лежат в земле сырой...» (Е. Винокуров). Горько герою, тревожно, не даёт ему покоя память о войне:

*...Свидетель и участник
Боев и похорон,
И в самый мирный праздник
Он слышит крик ворон.*

Поэтесса уверена, что горькая память о войне должна пробуждать к жизни, и потому торжественно восклицает:

*Но памяти подвалы –
На то они есть,*

*Чтоб жизнь пылала алым
Во веки! Присно! Днесь!*

(обращают на себя внимание архаизмы как маркеры высокого стиля). Заканчивается стихотворение на патетической ноте:

*Высоко и прекрасно
Живи за всех за них,
Единственный из класса,
Оставшийся в живых!*

А вот герой стихотворения «День Победы» с радостью работает на своём земельном участке ранним весенним утром, пока его домочадцы мирно спят, потом его позовут к завтраку, жена ласково подаст умыться, радостно приветствуя, повиснет на его шее внук:

*Крепись, солдат! Спокойно пожинай
Плоды того, что сеяно в траншеях.
В окопах, в гари, в пламени, в пальбе,
В тоске, в предсмертном холоде ранений
Не это ль счастье грезилось тебе,
Опять даруя силу и терпенье?*

Он всё преодолел ради будущей жизни, которую любит *светло, неотразимо*, он *всё прошел, всё вынес* ради того, чтоб были счастливы дети и внуки, чтобы земля рождала богатый урожай. Основной пафос стихотворения заключается в патетически-возвышенном, преисполненном благодарности и гордости обращении поэтессы к герою произведения, которое заканчивается так:

*И пусть на миг внучонок обомрёт,
Под блеск наград смутившегося деда, –
При всех медалях выйди на народ:
Ты победил. И нынче – День Победы.*

Подобное обращение поэтессы к своему герою лежит в основу стихотворения, названного точным указанием на его адресата «Ветерану войны»:

*Когда походкой неторопкой
Идёте к Вечному Огню,
На вас оглядываясь робко,
Я лишних слов не оброну.*

С первых строк задаётся особый трепетно-уважительный тон, автор с пиететом наблюдает в праздничный день за ветераном, пришедшим поклониться памяти своих боевых товарищей:

*Сквозь разноцветные салюты,
Сквозь величальные огни
Вас тянет к вечному, как будто
Железо – вы, а он – магнит.*

Этот магнит не притягивает *цветные лёгкие металлы*, он всех *испытывает на родимость*. Поэтесса с восторгом и пафосом восклицает:

*Для вас Огонь – не просто символ.
И День Победы – не слова...
Как – обнажённая – красива
Меж шляп и шляпок голова!;*

она очень желает, чтоб огонь-магнит притянул соратника героя стихотворения, с которым он смог бы вспомнить о былом:

*Как я хочу, чтоб въяве, вживе
(К металлу – родственный металл)
В минуту эту сослуживец
К вам подошёл и рядом встал!*

Образ живого Вечного огня, притягивающего, как магнитом, к себе, Ольга Фокина использует в стихотворении «На Пискаревском кладбище»:

*У входа на кладбище – Вечный Огонь
По белому снегу распластан.
Я робко ему протянула ладонь,
Сказала негромкое: «Здравствуй».*

Лирической героине пламя огня явило зримые образы мучеников, погибших от голода и холода в блокадном Ленинграде:

*О пламя с глазами страдальца!
Я вижу в тебе золотой завиток,
В конец исхудавшие пальцы,
Я вижу глубокие впадины щёк,
Огромные кости суставов.
Я вижу их – живших, не живших ещё,
Которых в ту зиму не стало.*

Огонь памяти ласково трепетал с просветлённым лицом, ясно заглядывал в души пришедших на кладбище экскурсантов, а потом рванулся им вдогонку – поэтесса в финале стихотворения находит выразительное применение диалектизму *всугонь*, органично рифмующемуся со словом *огонь*:

*О как он рванулся всугонь!
Как начал по снегу метаться!
Нам тоже, нам тоже, товарищ Огонь,
Непросто с тобой расставаться.
Поэтесса убеждена, что
Парады и награды – для живых,
Но лёгших безымянными в могилы
Не тронет песня, не разбудит стих
И не поднимут слёзы самых милых;*

потому что погибшие давно стали землёй *внутри* земли, и из этой земли поднялись деревья, ставшие для них живыми памятниками:

*Вот почему, когда звучит оркестр,
Гремит салют во славу Дня Победы,*

*Я ухожу иль уезжаю в лес –
Поближе к ним, родным, – отцу и деду
(«Парады и награды – для живых...»).*

Родина, родная земля – самое дорогое для человека, ради её защиты он готов идти на смертный бой, в этом тоже убеждена поэтесса:

*Отчизна, Родина, опора,
Моё спасенье в час лихой,
И во спасение которой
На смертный бой готов любой
(«Большая родина без малой...»);
И если враг задумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять,
Ты будешь знать, за что тебе стоять!
(«Храни огонь родного очага...»).*

В сборнике Ольги Фокиной 2019 года можно обнаружить такое стихотворение-реквием, воспринимающееся квинтэссенцией воплощения темы войны в творчестве поэтессы:

*Люди военного времени
В небытие не ушли:
Стали вы камнем-кременем
Русской советской земли.
Множились подвиги воинов
Помощью тыловиков!
Этой силою совоенной
Мы одолели врагов.*

КНИГИ НУЖНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ По страницам северной литературы для детей

«В детстве человек обязательно должен быть счастливым»

Замечательную книжку для семейного чтения к юбилею Василия Ивановича Белова (1932 – 2012) издала Вологодская областная библиотека – «Птички-рукавички» (Вологда, 2022). В ней собраны произведения большого русского писателя, созданные специально для детей. На оборотной стороне обложки помещена фотография В.И. Белова с маленькой дочерью Анютой и приведены его слова: *...во младенчестве и в детстве человек обязательно должен быть счастливым. Обязательно!* Вот о таком счастливом детстве эта книга. Открывают книгу «Воспоминания о детстве» Анны Васильевны Беловой, завершаются они так: Ду-

мая о детстве, вспоминаю много добрых счастливых минут. Благодаря родителям. Благодаря маме.

Дети – герои этой книжки – беспредельно счастливы со своими родителями и совершенно несчастны в разлуке с ними. Маленькие Катюша и Антон целый год живут у бабушки с дедушкой в деревне, тоскуя по маме, но вот мама приехала: *Теперь Катюша была самая счастливая. Они ходили на сенокос вместе с мамой и сметали много стогов* (цикл рассказов «Катюшин дождик»).

Маленький непоседливый медвежонок Мишук рассердился было на маму из-за того, что она наказала его за непослушание, и ушёл из дома, и случились с ним всякие зловключения, но всё закончилось хорошо: *Ах, как хорошо было дома!* (сказка «Мишук»).

Маленький мальчик Даня проснулся в новогоднюю ночь дома один и, не обнаружив родителей, испугался, заплакал, но вернулись мама и папа из гостей: *И Даня опять заснул, теперь уже счастливее всех на свете* (рассказ «Даня»). Хорошо и спокойно юному любознательному герою стихотворения «Ночка» с мамой, которая поёт ему нежную колыбельную песню: *Спи, сыночек, тише, тише, / Пусть приснится сон счастливый.*

А ещё мир детства обязательно тесно переплетён с волшебным миром сказки. Рассказывает дедушка Катюше и Антону сказки о родничке и мышонке, о птичках-рукавичках и о вороне с воробьем («Катюшин дождик»). Кот Жмурик мурлычет Дане свои сказки («Даня»). Мама обещает засыпающему сыночку рассказать утром сказки («Ночка»). А сказку «Мишук» Василий Белов написал для своей маленькой дочки Анюты, так и назвал её: «Мишук. Сказка для Анюты».

В книгу «Птички-рукавички» помещена также статья вологодского литературоведа Сергея Юрьевича Баранова «О писателе Василии Ивановиче Белове», написанная просто, понятно и увлекательно для детей: *Считается, что для маленьких читателей писать гораздо труднее, чем для людей постарше. Это действительно так, потому что взрослому человеку непросто понять, чем живёт ребёнок, каковы его интересы, переживания, настроения.* Василий Иванович Белов относится к таким писателям, которые умели и любили писать для детей, поэтому его книжки дети очень любят.

Как маленький Коля открывал для себя поэзию

Книга «"Тихая моя родина". Стихи Николая Рубцова и рассказ о нем» (Вологда, 2021) предназначена для семейного чтения. В ней о своём отце рассказывает дочь поэта Елена Николаевна Рубцова, её рассказ предваряется следующим предисловием: *Мой папа, Николай Михайлович Рубцов, как и каждый человек, был когда-то маленьким. Сейчас уже никто не помнит его ребёнком. Но раньше мне доводилось видеться со*

многими людьми, знавшими его в те далёкие годы. Наверное, не всё, о чем я буду рассказывать, точно так происходило и в жизни. Но я уверена, что с мальчиком, которого звали Коля Рубцов, такое могло случиться.

Потом она запросто, душевно рассказывает о большой дружной семье Рубцовых: о том, как январским днем 1936 года в Емецке родился четвертый ребенок Коля, о том, как семья уже с шестью детьми переехала в Няндому, а потом в Вологду. Мы узнаём, как маленький Коля открывал для себя поэзию, как слагал свои первые стихотворные строчки, как семья осиротела и распалась.

Органично в повествование включаются рубцовские стихи «Детство», а также обстоятельства, лёгшие в основу стихотворения «Аленький цветок» (правда, само это произведение в книгу не вошло). А далее помещены стихи Николая Рубцова, написанные специально для детей – широко известные: «Жеребёнок», «Ворона», «Воробей», «Ласточка», «Коза», «Про зайца»; и редко публикуемые: «Мальчик Вова», «Маленькие Лили», «Мальчик Лёва», «После посещения зоопарка», «Узнала», а также стихотворения поэта, вполне пригодные для детского чтения, среди них: «По дрова», «Январское», «Деревенские ночи», «В горнице», «Первый снег».

Завершает книгу послесловие «О поэте Николае Рубцове», написанное литературоведом Сергеем Барановым доступно для детской аудитории, вот небольшой фрагмент: *Но больше всего с самого детства ему нравилось ходить пешком. Иногда, чтобы добраться до нужного места, приходилось идти несколько дней, ночуя в придорожных деревнях или в стогу сена, под открытым небом. А по пути поэт любовался видами родной природы, размышлял о прошлом своей родины, об испытаниях, которые выпали на её долю, и о людях, которым довелось эти испытания перенести. Но в них сквозит и лёгкая грусть от того, что время бежит, а вместе с ним уходит то, что было некогда любимым и близким.*

«Чистый, точно хрусталинка, родничок»

Огляделся Сергуня. Пригретая солнцем дорога, идущий по ней вслед за конюхом вороной, избы с берёзами, воробей на поленнице дров с крохой хлеба во рту – всё здесь было таким деревенским, привычным, своим, что он улыбнулся. И стало ему легко и беспечно, как воробью на поленнице дров, под клювом которого трепыхалась ржаная корочка хлеба, – так заканчивается один из рассказов замечательной детской книжки Сергея Петровича Багрова (1936 – 2022) «Воробьиное утро» (Архангельск, 1984).

Всё в ней, действительно, такое *деревенское, привычное, своё*. В книжке три раздела. Первый – повествование в рассказах «Воробьиное

утро» о деревенском мальчишке Сергуне Попове и его друзьях, о их забавных приключениях и насыщенной повседневной жизни, вот, например, сколько событий уместилось в один летний день: *Наигрались ребята, набегались в догонялки, посвистели, поквакали, как лягушки, поймали ящерку на пенёке. Наконец утомились, нажарились на припёке, возвратились к деревьям, где тень, и блаженно упали в траву.*

Название у этой маленькой повести очень удачное – ведь находчивые, озорные, неунывающие деревенские мальчишки подобны беспечным, задиристым, весёлым воробьям: *Издали сорванцы похожи на энергичных, лохматеньких, всеми любимых непритязательных воробьёв, для кого вся жизнь есть сплошное весёлое утро. Утро солнца, которого нет, но которое вот-вот выглянет сквозь непогоду.*

Второй раздел «Хрусталинка» составляют маленькие рассказы о природе и людях, яркие выразительные рассказы, читая которые, можно послушать, как общаются меж собой щебетуньи-осинки, увидеть, как добродушное солнце удобно уселось меж берегов, как в кресле, порадоваться освобождению из ловушки медведя: *Ах как древне и величаво ревел он на склоне угора, катаясь с обрывком троса по толокнянке!* А как не зауважать двухсотлетнюю ёлку, мужественно держащую оборону от порубщиков и являющуюся обороной для многих обитателей леса.

В этом же разделе помещено несколько рассказов о мечтательнице Любе: *На душе у неё было взволнованно и высоко – какие чудные безличные окказионализмы использовал автор. Название раздела позаимствовано у миниатюры о живом, журчащем, несмотря на осенний холод, ручейке: Не сумел морозко его застудить. Да и как застудишь его, если здесь, под коряжками старой ели, бьётся его бессмертная жилка. Жилку крутит и крутит, вздымая из недр земли, чистый, точно хрусталинка, родничок.*

Третий раздел назван «Чудеса в лукошке». Тут и поучительные сказки о животных, и забавные истории, связанные с постижением мира и языка маленькими детьми. Вот, например, совсем коротенькая «Вежливость»: *Я с сегодняшнего дня вежливым стал! – Интересно: как это случилось? – Я ножку Маринке подставил. Она упала и заревела. А я перед ней извинился.*

Забавная и поучительная книжка

Известный детский писатель Станислав Востоков написал забавную и поучительную книжку, действие которой происходит на Русском Севере. Это повесть-сказка «Прокопий Капитонов» (Москва, 2020), её заглавный герой – девятилетний мальчик – проводит лето у своей двоюродной бабушки в деревне Кочка, он блогер-папушок – самостоятельно пасёт деревенское стадо и рассказывает о своих приключениях в интернете посредством сельсоветского смартфона.

Времена в книге явно смещены: в современной северной деревне, к сожалению, не бывает такого: *Коров в деревне Кочка было на одну меньше, чем жителей, – тридцать две*; явным анахронизмом является и то, что персонажи повести добираются из Архангельска в Северодвинск на пароходе-колеснике «Гоголь», конечно, это уникальное судно, которому исполнилось уже 110 лет, до сих пор на плаву, но оно не является регулярным транспортным средством.

Реальные географические названия в книге активно используются: Белое озеро, Палозеро, Кудьма, Северная Двина, Приморский район, те же Архангельск, Северодвинск. Честно говоря, не знаю, существуют ли в действительности деревня Кочка, что на Пахучем ручье, впадающем в Палозеро, и село Ямки, что на северном конце Палозера, однако бытовые и природные северные детали переданы в книге вполне убедительно, да и словечки народные северные вполне уместно употребляются: *большак, порато, бажонный, баской*.

Приведём такую цитату: *В Архангельской области стояли белые ночи, поэтому через окна были видны золотое от долгого заката небо и розовые облака. Теперь они плыли со стороны Северодвинска, где, как известно, делают военные корабли, и, наверно, поэтому были похожи на подводные лодки*. Правдоподобно и то, что остались в поморской деревне реликвии, связанные с пребыванием в ней Петра Первого, охота за этими реликвиями не очень хороших людей, которые, к слову, в конце концов перевоспитались, – одна из движущих сил замысловатого сюжета, в какой-то момент приобретшего детективный характер.

Экзотической, однако вполне реальной, является Кудемская узкоколейка, вот показательный фрагмент, с нею связанный: *А у разъезда «24-й километр» Вове и Гоше пришлось даже вместе со всеми пассажирами выйти из вагона и поддерживать опоры деревянного мостика через овраг, пока поезд перебирался на другую сторону. Дело в том, что мостик был очень шаткий, рельсы на нём расхотелись, и состав норовил скатиться на шпалы*.

Немало и сказочного в этой книге, вот хотя бы козёл Кузя, который умеет разговаривать, вернее, складывать рогами буквы русского алфавита, из сочетания которых складываются русские слова. А ещё этот Кузя – заправский пастух, легко справляющийся со строптивым коровьим стадом. Или вот самостоятельно разъезжающая на поезде корова с наколотым на рог билетом.

В повести богато представлены северные этнографические и фольклорные материалы, в ней можно познакомиться со старинными вещами, послушать старинные песни: «Шёл мальчишка бережком...», «Как осененький, ой, дождик поливает...», «Выйду за ворота...». В качестве приложения к повести-сказке добавлены историческая статья «О поморах», которую как будто бы написал председатель сельсовета, и

«Словарик некоторых поморских слов», обязательно упомянутых в книге.

Принцип «развлекая, поучай», характерный для хорошей детской литературы, в новой книжке Станислава Востокова вполне соблюден, думается, она будет интересна многим читателям, к тому же привлечёт их внимание к Русскому Северу, что тоже хорошо.

Трепетный образ Севера в детских стихах

В детской книжке «Солнышко-морошка» (Санкт-Петербург, 2022) всё гармонично: замечательные стихи архангельского поэта Марины Зарубиной, замечательные иллюстрации Евгении Чарушиной-Капустиной. А в центре внимания наш родной северный край, чей трепетный образ с любовью создаётся и в поэтических строчках, и в живописных рисунках, которые органично дополняют друг друга.

Прямая номинация Севера встречается и в названии стихотворения, в котором подчёркивается величие и величавость Севера:

*Издалёка-далека
Лентой тянутся века
Поколений,
Поселений («Север»);*

и в поэтическом контексте: *А на севере апрель белый («Апрель»)* – ведь на Севере всё особое, необычное;

*Северу зимний сон –
Весел и многолик.
А человеку он –
Холоден и велик («Зимний сон»)*

– Север представляется живым – мудрым и рассудительным.

Прилагательное *северный* привносит в стихотворения особый колорит:

*По таёжным просторам, по северным теремам,
По холмам-косогорам неслышно идёт зима («Сполохи»);*

оно же формирует устойчивые терминологические сочетания, с помощью которых обозначаются специфические северные реалии:

*Осень любит чудеса
И с большим старанием
Украшает небеса
Северным сиянием («Осенние чудеса»)*

– северное сияние, действительно, сродни чудесам;

*Стадо северных оленей
Щиплет ягель,
По колено
Зарывается в снега («Север»)*

– северный олень совсем не такой, как олень не северный.

Природные приметы Севера, конечно же, нашли отражение в стихотворениях книги, это и тайга, и тундра, и ледовые поля, и торфяные берега, и сполохи, их наименования обрастают выразительными эпитетами и метафорами: *Молчаливая, за речкой, тайга* («Яблоня»); *До весны застыла тундра, / Спит бескрайняя тайга* («Север»); *Смотрят люди с корабля / На ледовые поля* («В Белом море»); *К торфяным неведомым берегам* («Лето-река»); *Бирюзовая лента полощется в волосах – / Загораются сполохи в небе на полюсах* («Сполохи»).

Самое чудесное, по-настоящему волшебное время у нас на Севере – пора летних белых ночей: *Светло, таинственно и влажно. / Мне так хочется туда!* («Белая ночь»); *И прозрачные ночи / Маячат вдали* («Корабли на реке»). Но не менее прекрасны ледостав и ледоход на северных реках: *Речка, двигаться устал, / Начинает ледостав* («Ледостав»); *Ледяная рубашка / Простору тесна* («Корабли на реке»); *Скоро-скоро ледоход на реке. / Скоро волны побегут налегке* («На набережной»).

А вот и представители северных флоры и фауны: *Проплывает рыбина – / Ледяная глубина* («Сёмга») – именно так *рыбина* поморы называют царскую рыбу – сёмгу; *Разомлевише от лени / Спят на лежбище тюлени* («В Белом море») – уж чего-чего а вальяжности, сибаритства у этих северных жителей не отнять; *Потихоньку, понемножку / Зреет солнышко-морошка* («Морошка») – действительно, эта ягода самая солнечная, самая оптимистичная, не случайно этот образ вынесен в название книжки.

Северные топонимы привносят свой заметный вклад в создание колоритного образа Севера: *По широкой по Мезени, / По суровой, по осенней* («Сёмга») – какие точные и ёмкие определения характеризуют эту северную реку. Несколько стихотворений сборника посвящены Белому морю, одно из них так и называется «В Белом море», наше северное море зимой замерзает, но всё равно продолжает жить: *Если море замерзает, / Целиком – не исчезает* («Продолжение»); а летом на море совершается великое чудо – отливы и приливы: *Море, море, ты куда? / Не кончайся никогда!* («Отлив»). А где море, там и корабли – красивые, величественные:

*Корабли на реке!
На реке корабли!
Улыбается небо*

Над краем земли («Корабли на реке»).

У северных людей свои обычаи, свои привычки – особенные северные: кататься на собачьих упряжках: *Тренировки были тяжски. / Но зато – друзья в упряжке* («Гонки на собачьих упряжках»); отправляться на зимнюю подледную рыбалку: *Осторожнее, мальки! / Там, на крыше, – рыбаки* («Ледостав»); гулять по деревянным мосткам: *Деревянные мосточки / Разлинованы на строчки* («Деревянные мосточки»).

На Севере есть свои особые северные местные слова, вот, например, *угор*:

*И стоя на угоре,
Вдыхая дым печной,
Я не хочу на море.
Я здеиный.*

Я – речной («В деревне»).

На Севере можно обнаружить следы древнего ледника: *Эти мурные камни видели мир другим. / Все великие тайны я доверяю им («Современники»)*. На Севере по-особенному воспринимается время: *Там, где время роняет звезды в печаль снегов («Сполохи»)*.

«Всякое доброе дело – для большого сердца»

«Книги нужны для счастья», – так можно резюмировать маленькое авторское вступление. И действительно, книга Дениса Макурина «Новые русские сказки» (Москва, 2019) приносит много счастья своим читателям – большим и маленьким, счастья от встречи с настоящим чудом и истинным добром. А чудеса здесь наши северные, умельцами да мастерами сотворённые, и рассказано о них с большой выдумкой да с любовью безмерной, слогом ладным да складным, вкусным да ароматным.

Первая часть книги называется «Поморская окутка – лоскутные сказки». Нельзя не согласиться с автором: *У нас на Севере всегда творческие люди были*. И чудеса разные их руками сделаны. Вот железные кружевные флюгеры, сотворённые холмогорскими кузнецами по образу и подобию петуха, что из печной трубы вылетел да по ветру и закрутился-засуетился. А северное сияние – то Малая Медведица небесная на чудных гусях ухтостровских поигрывает.

Нынешнее село Ломоносово тоже по-сказочному образовалось: сначала поссорились, потом помирились три брата Двинских на Курострове – Денис, Михайло и Дмитрий. Оказывается, северяне раньше были горцами и потому вывели породу коров холмогорскую, только наше море Белое в настроении загадочное, вот и разрушило оно горы северные. А душевное тепло из деревни Буты по всей Русской земле распространилось через валенки да валеные же шапки-цибаки, там сработанные.

Много чего можно узнать из лоскутных сказок: и про ярмарку невест в Емецке, и про то, как в Зачачье капусту от зайцев спасали, тем самым рождаемость поднимали. Попутешествуешь по холмогорской земле со сказочником-выдумщиком, отправишься в другие не менее сказочные северные места: в Мезень да в Лешуконье, на Беломорье да в Пинежье, в Архангельск да в Несь с Каниным Носом.

На разные вопросы найдёшь в сказках ответ. Почему ночи летом белые? Зачем деревянные прищепки нужны? Отчего лоскутное одеяло счастье приносит? Откуда такая беда – на Севере, где юг, всегда холода?

Появятся в сказках и Михайло Васильевич Ломоносов, и Марья Дмитриевна Кривополенова, и купец Степан Щепёткин, и мастерица Настёна Цветкова. Прочитаешь сказки и повторишь вслед за автором: *На Севере выдумка да смекалка – родные сестры.*

Прослышал Денис Макурин про кота Семёна, который прошёл за шесть лет тысячи километров от Москвы до Мурманска, и написал про него повесть-сказку, рассказал о его приключениях невероятных с выдумкой заправской да с фантазией залихватской и закончил историю мудрыми словами самого кота Семёна: *Живём на Земле и ходим по земле, а стало быть, мы все – кто? Земляки!*

А ещё в книжке есть сказочное исследование об архангельских ремёслах, героями которого по воле автора стали Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Соловей-Разбойник и Леший – словом, полный набор самых что ни на есть сказочных персонажей. И в самом деле, почему бы им народными промыслами не заняться? Вот и занялись, и компанию склотили, «Бякой» её назвали по именам соучредителей – Бабы-Яги и Кощя.

Ну а в конце книги можно найти слова хорошие, которые непременно хочется и здесь привести: *Это уж так издавна повелось на Беломорском Севере: всякое доброе дело – для большого сердца.* А книжка эта – дело доброе: и написана, и издана хорошо. Ее приятно в руки взять, полистать да почитать хоть самим для себя, хоть для детишек вслух, и зазвучит она вкусно, сочно, душевно. Не верите? А вот попробуйте сами.

«Ведь все мы родом из детства»

Столетник с мёдом, горечь со сладостью – это вся наша жизнь. Волшебное снадобье, способное лечить любые душевные смуты и затемнения сладкими воспоминаниями детства. Не жалей, жизнь, сладости! Побольше мёду! Побольше! – так заканчивается повесть, давшая название книге Анастасии Астафьевой «Столетник с мёдом» (Вологда, 2021). Столетник с мёдом – метафора и реальное лекарство, вылечившее героиню повести, однако не само по себе, а вместе с заботой и любовью родного человека.

В книге три повести о детстве, написанные предельно откровенно, обезоруживающе искренне, исповедально и в то же время озорно, азартно, по-хулигански – о детстве же! Две первые повести – автобиографические, они, можно сказать, представляют собой детский дневник и состоят из коротких историй, зарисовок, новелл, имеющих названия. Создаётся впечатление, что сам ребёнок рассказывает о своих радостях и горестях, открытиях и потрясениях, но за этими непосредственными детскими заметками проглядывает иронический взгляд взрослого человека, ностальгически воскрешающего свои детские ощущения.

Повесть в рассказах «Июньский снег» посвящена первым школьным годам героини: от первого сентября первого класса до начала летних каникул после третьего. Ну, не то чтобы скрупулёзно рассказывается о годах учёбы и всяческих событиях, с ними связанных. Нет, от первого лица даётся пёстрая вереница забавных историй – нестандартных, необычных, именно потому детально запомнившихся автору.

Почти во всех этих историях фигурирует подружка главной героини Аси – шепутная, неунывающая, вечно затевающая всяческие каверзы Ленка, да что там говорить, просто оторва. В последней главке, конечно же, описано нечто неординарное, с точки зрения ребенка, как и во всех других, – а именно июньский снег (неслучайно так названа и главка и вся повесть): *Мы были счастливы, потому что только начиналось лето, каникулы, потому что мы были детьми, ещё свободными от знаний и преиспущений жизни, потому что шёл и шёл, как чудо, странный, никому не нужный снег.*

Вторая повесть названа строчкой из популярной песни 60-х годов «Нежной, ласковой самой!» – конечно же, речь здесь идёт о маме, «Милой маме» (так называется песня), а жанр определён автором ещё более нежно – «Маленькая повесть о мамочке». И воспринимается эта повесть не иначе как признание в любви самому дорогому и близкому человеку. И вновь короткие – порой даже очень короткие – рассказы, на этот раз они написаны от третьего лица, вот так, например: *Мама всегда была строгая и энергичная. Очень. И до онемения обожаемая! Когда она поздно вечером возвращалась из очередной командировки, дочь уже засыпала, лелея мысль о том, что утром, когда она проснётся, мама будет дома! И случилось чудо!*

В повести бережно воссоздаётся удивительный, неповторимый мир детства, а вместе с ним зримо прорисовывается образ времени, на которое пришлось детство писательницы, – с узнаваемыми деталями, ностальгическими ощущениями, со сравнением того времени с нынешним, однако не в пользу последнего. Ну вот, например: *В те времена не подозревавшие о грядущей технологической революции и в большинстве своём имевшие в квартирах лишь чёрно-белые небольшие телевизоры, которые показывали всего две программы, люди проводили выходные с пользой для здоровья. Поэтому зимний лесопарк за городом по воскресеньям просто кишел народом.*

До боли сердечной пронимает подробное описание лечебных процедур от простуды. Как всё это памятно: прогревание ног в очень горячей воде с горчицей, дыхание над картошкой, сваренной в мундире, горчичники, медицинские банки (глава «Горчичники, картошка и другие методы лечения»). А как интересно читать о том, как мама *растила из дочери творческого человека. Сознательно и упорно*, как она успешно вживляла в неокрепший мозг ребенка шедевры киноискусства, в резуль-

тате чего *Девочка впервые осознала, что потихоньку взрослеет...* (глава «Важнейшее из искусств»).

А ещё у этой повести замечательный финал, который, пожалуй, не стоит пересказывать, приведём разве только небольшую цитату: *Девочка уже давно стала взрослой, очень взрослой женщиной. И часто вспоминает мудрую фразу всех родителей: «Вырастешь – поймёшь...» И выросла, и многое поняла* (глава «Младшая дочь короля Лира»).

Третью повесть по инерции тоже поначалу воспринимаешь автобиографической, хотя имя героини не совпадает с именем автора. Действие её происходит в детском лёгочном санатории, в котором больные дети живут подолгу, здесь они и лечатся, и учатся, и живут своей детской жизнью – с дружбами-враждами, переживаниями-радостями.

Главной героине Тане Зелениной, от чьего лица ведётся повествование, двенадцать лет – возраст ершистый, занозистый, именно в таком возрасте особенно остро переживаются межличностные отношения. Как трагедию – страшную, обидную – воспринимает Таня весть о том, что её мама собралась выйти замуж, и потому в её жизни появится какой-то непонятный отчим. Это главное в повести, но ещё много всего важного и значительного случится с героиней, того, что сопровождало её физическое и духовное взросление.

Читаешь повесть и не особо задумываешься, в какое время происходит действие – оно вполне может быть и недавним, на некоторые характерные бытовые детали до поры до времени не обращаешь внимание. Но вот танцы в поселковом клубе на Восьмое марта, перечисляются звучавшие там песни: «Ландыши», «Пять минут», «Эх, Андрюша», в кино крутят «Серёжу» – задумаешься, однако. А потом санаторий сотрясает одно из ряда вон выходящее событие за другим, но всё затмевает 12 апреля – полёт Гагарина в космос. Так вот что это за время! *Мы ещё долго придумываем счастливое космическое будущее, постепенно погружаясь в сон, как в мечту.*

В аннотации этой замечательной книги сказано, что адресована она и школьникам, и взрослым, и пенсионерам, что *её можно читать наедине или вечерами в семейном кругу.* Действительно, ведь все мы родом из детства, и возвращаться в него время от времени никому из нас не помешает.

II. «СПАСЕНИЕ ОТ СМЕРТИ – РОЖДЕНИЕ СЛОВА»

СУДЬБА И КНИГИ ВЛАДИМИРА ПОТЕХИНА

Владимир Васильевич Потехин (1931 – 1990) всю свою недолгую жизнь проработал в сельском хозяйстве в родном Нейском районе Костромской области, с самого начала трудовой деятельности и до последних дней он вёл дневник, в котором фиксировал свои размышления о том, что случалось в его жизни, что происходило в деревне и в стране, а ещё писал стихи – тоже своего рода дневник, лирический, образный, иногда публиковал заметки и стихотворения в местной печати. В самом конце жизни В.В. Потехин берётся за перо, чтоб создать художественные прозаические произведения на основе своих дневниковых записей.

Дебютные книги стихов и прозы писателя-самородка из костромской глубинки вышли спустя более тридцати лет после смерти автора благодаря подвижничеству Нины Павловны Веселовой, выступившей в роли редактора и корректора, а по сути открывателя для широкой читающей публики нового литературного имени. Нина Веселова отмечает важность вклада Владимира Потехина в русскую литературу о деревне, при этом обращает внимание на то, что он «был бесконечно далёк от профессиональной писательской среды, обычно имеющей претензии на создание немеркнущих полотен», что он «превыше всего ставил ценности нравственные, корневые, земные, а не узко цеховые».

«Потом хватились, да уж поздно...»

В книге Владимира Потехина «Скворцы на берёзах» (Вологда, 2022) – три повести о деревенской жизни, о тяжёлом крестьянском труде, о судьбе русской деревни в XX веке, глубокие, социально значимые повести, имеющие немалые литературные достоинства, написанные в лучших традициях классической «деревенской прозы», и не важно, осознавал это автор или не осознавал. Главное, что он был искренен, правдив, равнодушен к тому, о чём пишет, верен своим нравственным принципам.

В повести «Приметы времени» речь идёт о первых трудовых шагах автобиографического героя в качестве зоотехника колхоза «Нельша» в 1955-1957 гг. (начальная главка так и называется «Первые шаги»), приметы того непростого времени честно и эмоционально зафиксированы в произведении (среди названий главок не случайно встречаются такие: «Думы о будущем», «Оппортунист», «Правда-матка»). Герой повести пытается разобраться, в чём причина неурядиц в отстающем колхозе, почему колхозники постоянно испытывают нужду, несмотря на то, что самоотверженно трудятся.

Молодой зоотехник с воодушевлением впрягается в разрешение проблем, подбадривая себя: *Вот тебе и задачи-проблемы. Решай, зоотехник!; Вот тебе, зоотехник, ещё задачи-проблемы.* А проблемы-то серьезные (– *У нас разбитые сани да вошь на аркане...*), и главная в том, что на пресловутые трудодни колхозники-труженики ничего не получают, работают бесплатно: – *А лешой ли в трудоднях-то! Что они ешь, что нет – одна радость!; Для кого же колхозник-то бедный работал бесплатно?! Для себя, что ли?!;* да ещё душат непосильные налоги: – *Платишь, платишь, и всё какая-то лешая недоимка, осподи прости.*

Видя равнодушие и искренность нового человека в колхозе, люди возлагают на него надежды, пытаются с его помощью добиться справедливости: – *Ну, как жить-то будем, зоотехник? Как живём, дак так, вроде бы, грех;* – *Ты человек новой, неспорченной, а эти, наши, пропились все.* Герой понимает, что отнюдь не в колхозниках проблема: *Так вот ты какой, колхоз «Нельша»! Кажется, начинаю к тебе сердцем прикипать. А люди-то, люди – хорошие люди!; С этими бы людьми любые дела вершить! Да вот оплата... Как горько, что люди работают почти задаром; Вон как люди болят душой за колхоз, за дела! А мне казалось, что им брело-ехало. Да нет! Говорят от души – доверяют, значит...*

И сам он старается не ударить в грязь лицом перед ними, быть достойным оказанного ему доверия, вот он на сенокосе: *А я? Эх, не отстать бы, не опозориться, не поддаться мужикам...;* а вот как он ладит с людьми: *Оказывается, и ждали они того лишь, чтобы именно я попросил. Большое дело, когда человека лично о чём-то попросишь; Не дай бог если заведётся скандал. Тогда всё пропало, тогда всё будет в тягость, на подозрени – тяжело так!* Работа работой, но бывает и праздник: *Русский человек работать-ломить умел и умеет, но и погулять по-русски не дурак!* (главка «Праздник»).

Как можно заметить из приведённых цитат, повесть эмоционально насыщена, поскольку герой её человек равнодушный, беспокойный, принимающий близко к сердцу всё и вся. К тому же, что тоже немало важно, язык повести максимально приближен к живой разговорной речи ее героев.

Но вот финал повести, завершающая главка не случайно названа «Тридцать три», спустя именно тридцать три года побывал автобиографический герой в тех местах, где начинал свой трудовой путь, и что же он видит, отчего вновь не может сдержать эмоции: *Но боже ты мой, как же всё изменилось! Как всё заросло! <...> А земля сиротеет... Горько!* Да, таковы приметы времени в честном, заинтересованном восприятии сына этого самого времени, способного мыслить, анализировать, а потому и чувствовать, переживать, страдать.

Переключается с первой повестью вторая, названная «Лесорубочки». В ней тоже рассказывается о послевоенной колхозной жизни, о бес-

платном и бесправном труде колхозников, вынужденных, чтоб как-то справиться с нуждой, отправляться зимой на заработки в лес, и взваливают на себя эту непосильную трудовую ношу совсем девчонки, те самые лесорубочки. Как тут не воскликнуть вслед за одной из героинь повести: – *Лешая жись! В войну переживали, сердце в крови, посяя войны хуже тово! Вот и поживи. Когда хоть лутше-то будет?*

Тем не менее эта повесть в большей степени не о тяготах, а о неизбывной радости крестьянского труда, о всепобеждающей молодости, о зарождающейся любви, о преемственности поколений (о многом могут сказать даже названия главок повести: «Жатва», «Симпатии», «Дороги», «На побывку», «Вместе», «Вечерка», «Заработок»). А ещё в повести говорится о том, как раскрывается, проявляет себя человек в коллективном труде, вот показательная цитата об этом: *Знакомых стало много, все узнали друг друга, пригляделись, оценили, кто чем дышит, у кого какой проступает характер. В тесном рабочем коллективе это быстро схватывается, каким-то внутренним чутьем. Душа отражается, как в зеркале, хотя и не показывает человек скрытые тайники, кривульки, закутки, они только ему самому и известны, да и то он до самой глубинной ясности не понимает себя...*

Есть в этой повести лирическое отступление, которое очень хочется привести целиком. Это гимн во славу русской деревенской женщины-матери, способной вынести любые испытания, не растратив душевной чистоты:

Удивительной родниковой чистоты души у простых деревенских женщин, живущих в лесной глубинке. И нет в их речах изысканных слов, и манеры их без галантных вывертов, а есть в них мудрая простота и простая мудрость души. Мягие неторопливые жесты и уважительная простецкая речь, и видится в их душах огонёк любви, доброты и сострадания. Ах, матери, матери! Не баловала вас жизнь излишествами. Ни платьев, ни еды, ни богатых хором. Не портила вас жизнь праздностью и бездельем. Да уж и какое тут высокое внимание, если глотали вы слёзы по погибшим мужьям своим да с воспалёнными от горя глазами шли в поле и на ферму. И обманы, и притеснения не испортили ваши души, не сделали злыми – какая тут золотая душа? Да цены ей нет!..

Не все такие, но большинство. Как же я, чёрствый, мало учился вашей мудрой доброте, как же мало впитал я вашей родниковой чистоты! Эх, ребята, начитаемся чего-то такого, нахватаемся чего-то большого, а на то, что рядом, на мудрость человеческую древнюю рукой машем, мимо проходим, гордимся учёностью. Да полноте, друзья! Не достигли мы их не думами, ни душой, ни сердцем, их, малограмотных матерей наших.

У этой повести проникновенный пронзительный финал: приносит юная героиня своей матери первый тяжело ей доставшийся лесной зара-

боток, мать со слезами на глазах произносит: *Теперь хоть маленько подыдемся из ямы...* И комок застревает в горле...

Есть ещё и постфинал – своеобразный эпилог, конечная глава вновь названа по количеству прошедших с момента основного повествования лет – «Тридцать пять»: встречаются спустя тридцать пять лет лесорубочки, ставшие уже бабушками, и слышим мы их вздох: – *Досталось... всем досталось...*

Жанр третьей повести, давшей название всему сборнику, «Скворцы на берёзах» определён не иначе, как «поэма». И действительно, получилось у автора эмоционально насыщенное, исповедальное, неравнодушное лирико-эпическое повествование, пусть и в прозе, ведь рассказывает он о самом дорогом и сокровенном: о детстве, о родственниках, о родной деревне – о счастье жизни, хотя и пришлось детство автора на тяжёлые предвоенные и военные годы, хотя и пришлось ему хлебнуть горя и лишений полной чашей.

Бывали поэмы в прозе в русской литературе: у Гоголя, у Сергеева-Ценского, у Ерофеева, у кого-то ещё, у Потехина получилась своя, особая – искренняя, душевная, проникновенная.

В авторском предисловии, вернее в том, что обозначено «Вместо предисловия», писатель как будто оправдывается перед возможными обвинениями в том, что он пишет о личном: *А что такое личная жизнь? Это частица жизни общественной...*, и ещё: *Время и люди, окружавшие меня, ушли в прошлое. И одновременно остались в настоящем и продолжат жить в будущем* – такова, по признанию автора, его «философия», которая призывает его сесть и написать от первого лица о том, что он знает и помнит.

Образ, вынесенный в название поэмы, взят из описания окружающего мира, открывающегося восторженному взгляду ребёнка: *Напротив окошек, на берёзе, что у самого тына, сидят и насвистывают скворцы.* Со скворцами ассоциируются и сами непоседливые деревенские ребята, о которых идёт речь в повествовании, тому порукой и выбранная для оформления обложки репродукция картины Александра Корнилова «Юные рыболовы» – по дорожке вдоль реки под берёзами идут босые мальчишки (справедливости ради отметим, что один из них в ботинках).

Последовательно, бережно, предельно эмоционально, главка за главкой создаётся лирическое повествование о том, что дорого автору. Вот первая главка «По солнышку»: *Думаю, надо для начала коротко рассказать обо всех, с кем рядом мы жили,* и описывает он всех деревенских жителей, идя «по солнышку» от дома к дому: *Вот мы и обошли деревню по солнышку и познакомились немного с её жителями.* Потом – о самом близком и родном: «Дедова изба», «Бабка Орина», немножко дальше главки «Мать», «Отец». Ещё назовём некоторые красноречивые названия главок: «Босиком по земле», «Душевное увлечение», «Забавы», «Золотые караван», «Хлебушко», «Теремок», «Рябина на крыше».

Важными, знаковыми, заветными представляются финальные слова первой главы, воспринимающиеся посвящением-прославлением:

Бедняки, крестьяне, жившие беднее бедного, – вот люди моей деревни. Все работали истово, веря в новую светлую жизнь.

Они ушли и унесли с собой первородный, истинно крестьянский быт, ревностное отношение к крестьянскому труду и ревностную же, которую в словах не выразишь, любовь к земле.

А после них всё поплыло по течению, пошло-поехало. Потом хватились, да уж поздно...

Далее в повести-поэме можно прочесть и такие горькие, выстраданные откровения: *Многое осталось и досталось нам. А много ли было нас-то?! Деревня от нужды, от рабской, бесплатной работы побежала. Побежала в город, где были и заработки, и выходные, и даже отпуска. И таяли деревни одна за одной. И сиротели поля, и луга, и пастбища. Поди наверстай!.. Никто не косит теперь на речках. Э-эх! Не с нуля ли опять будем начинать?; Вот так работали люди, от души. Верили в колхоз. Верили в лучшую, светлую жизнь. Верили искренно, и эта вера была чиста. Это потом, постепенно родилась паразитическая жилка: прокатиться за счёт других, поработать – авось не заметят – полегче, общее – это не мое...*

Приведем ещё некоторые цитаты. Вот экспрессивная, передающая особенности местной разговорной речи реплика бабки главного героя о колхозах, которая переключается с не менее экспрессивными репликами героев других повестей писателя: *Холхозы? Ломишь, ломишь в этом холхозе, а много ли хлеба-то дают?! Осударству всё и увозят, что мужики нарабатывают.* Или вот такие эмоциональные детские умозаключения: *Глупые взрослые! Да разве же прутом да ремнём урезонишь детство?!; Какие там койки для нас – любо-дорого на полу!;* авторские возгласы-обобщения: *Баякал нас лес, воспитывал душу, и было в нём непонятно хорошо, свежо и уютно; Но детская натура такая: неприятность быстро забывается; Когда все вместе – одно целое, каждый силен общей силой; Вот насколько люди привыкли довольствоваться малым!;* пейзажные зарисовки-олицетворения: *И солнышко шло с нами, улыбаясь ручью над макушками деревьев; И со мной бежит вприпрыжку солнышко; В природе тихо, кротко, солнечно;* патетические восклицания: *И Пахарь, и Конь тут вот вдовём... Делают своё извечно нужное дело. И я, пацан, здесь оказался, чтобы запомнить всё это на всю жизнь...; Я впервые увидел и почувствовал, что мир был красивым и мудрым, праздничным и щедрым; Ах, как косят мужики! Широко, вольно, ловко – нам бы так!; Ах, что за хлеб выпекали тогда на поду большой печи в нашей пекарне в селе!;* риторические вопросы: *Не верилось тогда, что доживём когда-нибудь до сытых времён. Но до лучших ли?*

Пишет Владимир Потехин и о том, как в нём пробудилась любовь к слову. Об этом можно прочесть в главке «Первая учительница», в ней

речь идёт не о профессиональном педагоге, а о родной матери автора, которая с большим желанием и задором учила его складывать из букв слова задолго до школы, разучивала с ним стихотворения, одно из них «Домик над рекою» Алексея Плещеева: *Уже взрослым я найду эти строки в сборнике Плещеева и перечитаю несколько раз подряд, возрождая воспоминания детства. И опять мне покажется, что навевнее, проще, образнее и лучше этих стихов я не знаю*». Кончается главка признанием-утверждением: *Знаю: это мать поселила во мне любовь к слову. А и всего-то закончила она два класса церковно-приходской школы. Да и со школьными учителями будущему писателю повезло, благодарно он вспоминает наставление учительницы русского языка: – Вдумывайтесь в слова! Вам откроется их смысл, связи и происхождение. Это ж так здорово!* Что ж, на благодатную почву упали эти зерна.

Завершается повесть-поэма так же, как и «Лесорубочки»: несёт герой матери свой первый заработок – мешок зерна, а мать со слезами на глазах: – *Кормить бы тебя получше надо, работничек... Худой ты совсем стал... А ломило в батьку. Бабы одобряют... И от этой материнской похвалы мне захотелось работать и работать ещё лучше, ещё больше. Лишь бы только платили...* В последней фразе вновь возвращается автор к больному, выстрадавшему – судьбе русского крестьянства в XX веке.

В предисловии редактора с красноречивым названием «Былое счастье лишь привиделось?» читаем: *Все три повести в этой книге обращены в прошлое, в котором автору чудился жизненный лад, особенно контрастирующий с первыми перестроечными трагедиями, которые он захватил. Не имеющий возможности как-то повлиять на глобальные процессы, он подспудно стремится запечатлеть, укрепить фундамент былого здания жизни в надежде, что он ещё пригодится в будущем. Отсюда и столь подробное, часто повторяющееся описание слаженных трудовых будней, которые воистину были праздниками. А может, и вправду былое счастье лишь привиделось?* Есть о чём задуматься. Впрочем, хорошие книги всегда побуждают к размышлению, потому они и хорошие.

«Душе моей одно лекарство – целебный труд!»

Охохонюшки – междометие, употребляемое при выражении чувства сожаления, досады, печали, горя, боли, удивления, восхищения и т.п. Так во всяком случае зафиксировано в толковом словаре. «Охохонюшки мои» – так названа поэтическая книга Владимира Потехина (Нея; Вологда, 2021).

Фраза, ставшая названием, позаимствована из стихотворения «Над словарем»:

*Будто книгу интересную,
Я люблю читать словарь.
И звучат слова чудесные,
И волнуют, как и встарь,*

*Неподдельных чувств полнёшеньки,
Как весенние ручьи...
Охохоньки, охохошеньки,
Охохонюшки мои.*

Комплекс родственных междометий повторится ещё раз в конце стихотворения:

*Не свернуть бы мне с дороженьки,
С неторёной колеи...
Охохоньки, охохошеньки,
Охохонюшки мои.*

Какое тут чувство? Сожаления? Досады? Удивления? Вероятно, и то, и другое, и третье. Однако, не без иронии, точнее, самоиронии. Такой несколько саркастический вздох: тем ли я занимаюсь, туда ли иду. Важно отметить, что живёт это междометие в самой что ни на есть народной среде, а вовсе не в поэтических салонах. Поэтому такое название книги стихов может восприниматься как определённый вызов или как не менее определённый знак для того, кому предназначена, кого может заинтересовать подобная поэзия.

Читаем в аннотации: *В сборник вошли никогда не публиковавшиеся ранее стихи крестьянского поэта из костромской глубинки Владимира Потехина. Автор писал их в советскую эпоху, когда в чести была открыто проповедуемая любовь к своей большой и малой родине, когда ценились патриотизм, трудолюбие, уважение к старшему поколению и истории страны. Вросший корнями в родную почву, он и поэзию воспринимал как нечто органичное окружающему миру, потому строки его полны звуков, запахов и разноцветья близкой ему природы.*

По тематическим признакам сборник поделён на пять частей, для названия которых взяты строки поэта.

В первой части, названной «Славлю всякий труд упорный», действительно, прославляется труд – созидательный, целебный, возвышающий, труд патетически провозглашается корнем всему, воспевается радость труда: *Славлю всякий труд упорный, / Труд простой – какой ни есть* («Сенокос»); *Душе моей одно лекарство – / целебный труд!* («Читая Фета»); *Пусть его возвышает / Повседневность труда* («Ключ»); *Труд этот наш – корень всему* («Рукопожатие»); *Здесь жизнь кипит, и, спящему не в такт, / Труд непрерывный песню запекает* («Тракт»); *Здравствуй, день чудесный, солнечный, / Здравствуй, радость труда!* («Песенка для косы»).

В искренность патетических строк легко верится, жизненная позиция автора представляется не показной – он, всю жизнь посвятивший нелёгкому сельскому труду, хорошо знает ему цену, он уверен в том, что только труд способен сделать человека по-настоящему счастливым, а потому очень органичны для лирического героя его поэзии такие мысли и слова: *День прибывает – дел не убывает, / Знать, быть всегда им во главе угла. / Светло на сердце лишь тогда бывает, / Когда влекут и радуют дела!* («Дела и время»); *Только работа даёт / чистые мысли тебе* («Вечер после работы»).

Особенно радует труд на земле, служение земле, отвечающей своим труженикам и служителям щедрым урожаем:

*Пойдём мы к цели дружно и упорно.
Нам не впервой нелёгкий этот труд.
Пусть в землю добрую ложатся наши зёрна
И добрым урожаем к нам придут* («Апрель»);

*И забота, и радость мне,
Если новый гектар засеян.
Я горжусь, что служу весне,
Что с любовью служу земле я* («Май»);

*В поле празднично вновь и просторно.
– Ну, товарищ, с утра работнём!
Жарко будет, наверное, днём,
А с утра и легко, и задорно!* («Рассвет»);

*В труде упорны и задорны –
Весна не ждёт, весна зовёт! –
Дневные перекроем нормы!
Механизаторы, вперёд!* («Сеятелям»);

*Держись, рабочая закалка!
Весна, горячие деньки* («Горячий день»).

Как видим, все приведенные стихи о сельском труде – весенние, именно весенний упорный, задорный труд является залогом богатого осеннего урожая:

*Люблю я осень, но и не скрываю,
Что радостней и правильно тогда,
Когда в большом народном караване
Есть также кроха моего труда* («Почерк осени»).

Лирический герой гордо говорит о себе:
*Я рабочим иду по Земле,
Я строитель и сеятель хлеба.*

*Я пою о дожде и тепле
И о солнышке с ясного неба («Я иду по Земле»);*

*Я иду рабочим шагом,
День в труде благодаря,
И полощет красным флагом
Над дорогою заря («Заря над дорогой»).*

Завершается раздел стихотворением «Рабочий поэт», в котором можно обнаружить такие строки:

*Я дверь закрываю
Пустым словесам –
Я труд воспеваю,
Работая сам!*

Название второй части сборника говорит само за себя – «Пою, что Родиной зовется», в ней воспевается родная сторона поэта, его родная деревня: *И сердце, памятью ранимое, / Заныло тихо у берёз. / – Ну, здравствуйте, места родимые! / Я вам всего себя принёс...» («У реки»);* *Чем я старше становлюсь по возрасту, / Тем сильнее край родной люблю («Истинное»);* *Я ж деревню полюбил / С детства – навсегда! («Друзьям»);* *Пою, что Родиной зовётся, / А к ней – особая любовь! («Уходящей во мглу»).*

Особенно горько поэту, что пустеют родные деревеньки, уходят в небытие: *Проезжаю по ним я частенько, / Видя жизнь безо всяких прикрас. / Деревеньки мои, деревеньки, / Лишь названья остались от вас! («Деревеньки мои»);* *Прощай, родная деревенька, / Понурая от перемен («Уходящей во мглу»).*

Важной составляющей этой части сборника являются стихотворения «Сергею Есенину» и «Моя родословная». В первом автор отдаёт дань уважения и поклонения великому крестьянскому поэту, продолжателем традиций которого он себя считает:

*Зачислен в списки ты навечно
Как гражданин и как поэт.
И от стихов твоих сердечных
Струится несказанный свет.*

Во втором – воспевает свою семью, свой род, хранящий верность деревне, глубинным корням:

*Ведь мой отец и дед, и деда дед
Исходят от Ивана-землепашца. И я вот.
А теперь уж сыновья
Пусть в эту жизнь крестьянскую врастают.
Продолжится династия моя,
Крестьянская династия простая.*

Название третьей части книги прозрачно – «Тем ясным утром началась война», эта строчка взята из первого стихотворения раздела

«Кровавые зори», его заглавный образ поэт повторит в стихотворении «Зимой 1943 года», рассказывая о гибели на фронте своего отца: ...*Зари кровавые подтёки / Слизала вечером метель...* Автобиографичны также стихи «День Победы», «Из детства», «В тылу», приведём показательные цитаты из последнего:

*Отцы ушли.
В тылу за дело
С оставшихся повышен спрос.
И дело – вот оно, поспело:
Спеши, браток, на сенокос!
Высок накал тех дней суровых.
В ходу и жнейка, и серпы.
Мы на быках и на коровах
Возили сено и снопы.
А голова в заботах кругом.
И вдовья жуть... И нож тоски.
Подростки в поле шли за плугом,
Наставниками – старики <...>*

*Вам слава, воины России,
Спасители родной земли!
Хвала вам, матери, родные,
За всё, что вы перенесли!
Обнашивались, голодали,
Одно сочтя за похвалу:
Что наши снова немца гнали,
Пока стояли мы в тылу.*

В четвёртой части, названной «Не дай же бог нам бесполезно тлеть», собраны стихотворения о смысле жизни о постижении собственного «Я»:

*Так просто всё. Но смысл какой таится!
Не дай же бог нам бесполезно тлеть.
Ведь можно на виду у всех дымиться,
Но не светить и никого не греть («Итог»)*

– в предыдущих строфах этого стихотворения говорится о том, как, сгорая в печи, дрова отдают *насущенное тепло*. В этом же разделе помещено уже упоминавшееся стихотворение «Над словарем», строка из которого вынесена в название сборника.

Исповедальность, предельная искренность откровенных строк поэта дорогого стоят:

*Палят орлы, а скромность ходит низом.
И, пресмыкаясь, многие ползут.
Я никогда не стану блюдолизом –
Была бы Правда! А спасает труд.*

*Пускай зигзаги в жизни я вычерчивал,
Но фарисейству враг был и судья.
И мне врагом была моя доверчивость
И откровенность добрая моя («Песенка о самом себе»);*

*Знай: подхалимы – нет их гаже! –
Для чина крутятся и лгут.
С людьми я очень трудно лажу,
Но и без них я не могу («Разговор»);*

*Грустно было б только радость знать.
С ней, с одной, мы многое упустим.
Нам без грусти радость не понять,
Радости не оценить без грусти» («Радость и грусть»);*

*Жизнь – не пытайся – не обманешь:
Она безжалостнее к тем!
Искать себя ты перестанешь –
И потеряешься совсем («Ищи»).*

И вновь выходит на передний план заветная для поэта тема труда как спасения – физического и духовного: *Пот рабочий в бане смой, / Грязь внутри – работой!* («Песенка о бане»); *И радостно нам жить и очень просто, / Когда ты дня не мыслишь без труда* («Сыну Виктору»); *Кем можешь стать – с упорством! – стань же, / Борись, и жизнь, и труд любя. / Пойми себя как можно раньше – / Ищи себя, ищи себя!* («Ищи»); *Я жду, а труд всему порука. / Я на безделье не ведусь* («Ожидание»).

Самой объёмной получилась завершающая сборник пятая часть, для названия которой взяты строки из открывающего её стихотворения «Лекарь»: *Ты сегодня мне сердце лечи, / Мать-природа, – кому ещё боле?* Понятно, что здесь собраны стихи о целительной для души поэта силе природы.

В этом разделе книги можно обнаружить множество ярких эпитетов, сравнений, метафор, вот лишь некоторые примеры: *Вон в грязном платье золушка-ольха* («Знакомой дорогой»); *И ели-воины стоят / В своих запахнутых шинелях* («Раздумье в лесу»); *Это брызнул солнца веер, / Тучи струнами прошил!* («Метель и солнце»); *С ветром и солнцем подсохли поля, / Гул с них несётся весёлый, задорный. / И отдаёт свои силы земля / В хлебные зёрна* («Музыка жизни»); *А над синей буркой леса, / Шитой золотом полей, / Улетает тихо лето / С тёплой грустью журавлей* («Утро августа»); *Снег – это консервированный дождь, / Такое чудо не ругайте зря вы! / Им раньше всех напьётся в поле рожь. / Воспрянут травы!* («Снег»).

Особый пафос поэзии Владимира Потехина состоит в том, что, воспевая природу, он неизменно воспевает и созидательный труд:

*Вот так же ветер раздувает
Костер потухший иногда.
Вот так надежда оживает
От плодотворного труда («Ветерок»);*

*...На стрежнях рек промоины темнеют,
В логах под снегом желтая вода.
Ждёт сроков всё, чтоб закипеть дружнее
Разливом жизни, счастья и труда («Мой месяц»);*

*И в этот настужь мир отворённый
Пусть беде не будет доступа!
Шагать нам на работу зорями
И пить здоровый воздух досыта! («Сумерки»);*

*Буди, буди меня, труба,
Тревожной музыкой врывайся!
Веди, веди на бой труда
И песней в сердце отдавайся! («В моём краю»);*

*Вечно быть земле и небу –
Сочетаться всегда.
Слава плугу, слава хлебу,
Человеку труда! («Песня жизни»);*

В радость жить – это значит трудиться («Майский вечер»).

Согласимся с редактором и составителем книги Ниной Павловной Веселовой, которая пишет в предисловии: *Многое из написанного Потехиным сегодня воспринимается афористично и просится быть заученным, как заповеди ушедшего поколения. Ведь после 1990 года, когда не стало поэта, жизнь в кужбальской стороне, как во всей стране, резко изменилась. Но народ – местный тоже – выстоял. И, быть может, не без помощи поэзии, которая незаметно вошла в душу.*

СЕРГЕЙ ДОМОРОЩЕНОВ О ПИСАТЕЛЯХ СЕВЕРА

Живая история с живыми персонажами

Сергей Николаевич Доморощенов к 85-летию Архангельского регионального отделения Союза писателей России написал замечательную книгу «Писатели Севера в необычном времени» (Архангельск, 2020), основанную на архивных материалах, практически неизвестных читателям.

В творчестве и судьбах северных писателей отразилось время – непростое, противоречивое, насыщенное. Писатели и призваны, прежде всего, отражать своё время, быть его летописцами, передавать его дух. В книге пристальное внимание автора обращается как раз на это, а также на характеры, личности, самобытность самих писателей, живших и творивших на Севере.

В книге 17 глав, посвящённых различным эпохам истории Архангельской писательской организации, каждая глава описывает события, произошедшие в годы правления конкретного руководителя северных писателей, поэтому хронологически главы неравномерны – охватывают от 2 до 17 лет. Весьма необычными и интригующими являются названия некоторых глав: «Графоманы: ни дня без поэмы или романа», «На коне – Чапай», «Елена Галимова и “золочёные лбы”», «Когда дороги заносит снегом...»

В первой главе речь идёт не только о создании писательской организации в Архангельске, но и о её предыстории: Пролеткульт, РАПП, архангельские делегаты Первого Всесоюзного съезда писателей, среди которых Александр Яшин и Пётр Калашников.

Конечно же, центральное место в главах отводится творческой биографии руководителей, которые оставили заметный след в северной литературе прежде всего как творцы, а уж потом как управленцы, тем не менее немало внимания в книге уделяется их организаторской деятельности. Вот их имена: Константин Коничев, Александр Чирков, Евгений Коковин, Георгий Суфтин, Николай Жернаков, Евгений Богданов, Дмитрий Ушаков, Николай Журавлев, Александр Лысков, Инэль Яшина, Елена Галимова, Елена Кузьмина, Василий Матонин, Владислав Попов.

Яркие, интересные портреты многих писателей Севера можно обнаружить в книге, очень человеческие, личностные портреты: Степан Писахов, Николай Ауров, Пэля Пунух, Юрий Герман, Марфа Крюкова, Владимир Мусиков, Владимир Жилкин, Ольга Фокина, Юрий Галкин, Анатолий Лёвушкин, Михаил Скороходов. Добрым словом упоминается большое количество творцов, чьи судьбы составили историю архангельской писательской организации, даётся краткая, но ёмкая характеристика их творчества.

Важно, что в книге в качестве показательных и точных иллюстраций к историческому повествованию приводятся художественные произведения: стихотворение Галины Рудаковой, посвящённое Писахову, пародии Георгия Суфтина, «Жалобы алкоголика» Николая Рубцова, стихотворение Дмитрия Ушакова, тогда студента Литературного института, «Прыжок в будущее», опубликованное в «Правде» по случаю запуска первого искусственного спутника Земли, скандальное стихотворение Анатолия Лёвушкина «Памятник», последние стихи Николая Журавлёва, поэтическое посвящение Александра Логинова Александру

Роскову, «Молитва» Ольги Корзовой, характерные фрагменты поэзии и прозы многих писателей Севера.

Большой интерес представляют выдержки из протоколов заседаний, из внутренних рецензий, бухгалтерских отчётов, писем читателей, других исторических документов, неизвестных широкой публике.

На страницах книги С.Н. Доморощенова предстаёт живая история с живыми персонажами. В авторском предисловии говорится: *А ещё я намеревался привлечь их [читателей. – А.П.] внимание к произведениям земляков.* Следует признать, намерение автора вполне осуществилось. Книга получилась информативной и по-настоящему интересной.

Жизнь – служению литературе

Гиперборея – легендарная северная страна в древнегреческой мифологии. Приставка гипер- в значении «над», «сверху» тут весьма показательна: гиперборея – то, что сверх Борея – северного ветра, она предполагает преодоление трудностей, испытание на прочность.

«Моя Гиперборея» назвал свои воспоминания выдающийся литературовед, критик, уроженец Крайнего Севера Александр Алексеевич Михайлов (1922 – 2003), такое название носит отдельная глава его книги «Северная тетрадь» в двух изданиях – 1976 и 1980 гг., а потом оно стало названием книги, вышедшей в Архангельске в 1999 году.

«Гиперборея Александра Михайлова» (Архангельск, 2021) – называется книга Сергея Доморощенова, изданная к 100-летию со дня рождения А.А. Михайлова, чья жизнь, пришедшаяся на самый трагический в истории России XX век, – это преодоление драматических жизненных обстоятельств, хотя внешне его биография складывалась вполне благополучно.

Закалку он получил в суровых природных и социальных условиях 30-х годов на Севере, но главным испытанием стала для него Великая Отечественная война, ею он измерял всю свою жизнь, все свои достижения и потери. Не случайно С. Доморощенов выстраивает биографию А. Михайлова с постоянной оглядкой на войну.

Первая глава, посвящённая детству, отрочеству, ранней юности героя книги, называется «Ещё далеко до войны...», о самой войне рассказывает глава «Вперёд, сапёрики!» – фраза, преследующая героя в тревожных ночных снах. Война для него была суровой и мужественной школой жизни. В главе последовательно и подробно рассказывается о каждой боевой награде А. Михайлова

А глава об испытаниях, преодолении последних лет его жизни озаглавлена «Держись, ротный!» Он – профессор, писатель, общественный деятель – ротный навсегда. Всё поверяется войной. Он хорошо знал изнанку войны, поэтому горячо поддержал не принятый многими роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты». Тем более, что сам Михайлов

на войне был сапёром, который всегда впереди и который ошибается лишь раз в жизни.

В этой главе приведён пронзительный, оказывающий большое эмоциональное воздействие фрагмент письма Александра Михайлова, в котором он с горечью рассказывает другу о проявленном по отношению к нему бездушию со стороны сотрудницы госпиталя для ветеранов войны, о пережитом им унижении: *я же солдат, служил Отечеству*. И дальше: *А когда вышел из госпиталя – не выдержал, заплакал*. Горло перехватывает. Такие эпизоды красноречиво характеризуют героя и его время.

Глава о первых послевоенных годах названа «Хорошо играл артист Михайлов». Казалось бы, при чём здесь артист? Подчёркивается не самая яркая страница биографии А.А. Михайлова, который в молодости был статистом в Нарьян-Марском городском театре. Не раз тогда в газете появлялись подобные похвалы в его адрес. «Прямо – народный артист!» – не скрывает иронии автор книги. Но в этом-то как раз и проявилась жизненная позиция героя повествования: даже занимая номенклатурные должности (а в ту пору он был комсомольским работником), он оставался артистом в широком смысле этого слова. Тогда же появились и первые его опыты на критическом поприще, которому он посвятит всю свою жизнь.

Для названия следующей главы – «Страстно любя литературу...» – взята фраза из характеристики, данной Архангельской областной писательской организацией, направляющей Александра Михайлова на Всесоюзное совещание молодых писателей. Здесь и об учёбе в Архангельском пединституте на историко-филологическом факультете, и о работе в должности главного редактора Архангельского книжного издательства, и о публикации литературных рецензий в прессе.

Дальнейшая карьера А.А. Михайлова идёт по партийной линии, он уже в Москве в Академии общественных наук, потом в ЦК партии. Название главы, отражающей этот период его деятельности, чётко расставляет жизненные приоритеты героя: «В ЦК неслышанно: отказался от повышения». Для него важнее творчество, литература.

Следующий этап – Литературный институт: профессор, проректор, руководитель семинара поэзии. Дорогого стоит признание, вынесенное в название главы, рассказывающей об этом, – «Его многие любят». Так сказал о нашем герое не кто-нибудь, а выдающийся поэт XX века Андрей Вознесенский, которого Михайлов всегда поддерживал, защищал, чьим творчеством неизменно восторгался. *Его многие любят. А это тоже дар...* – так продолжается фраза из воспоминаний Вознесенского, что весьма показательно.

«Всё не совсем так...» – опять же фраза, ставшая заголовком, теперь уже сказанная самим Михайловым, по воспоминаниям писателя

Александра Лыскова, в главе с таким названием речь идёт про 80-90-е годы, непростою времени, хотя бывают ли простые времена.

В биографическом очерке Сергея Доморошенова откровенно рассказывается об отношениях Александра Михайлова с сильными мира сего и с братьями-писателями, маститыми и начинающими, он много бескорыстно помогал молодым, поддерживал тех, кому необходима была поддержка. Его связывала дружба с Виктором Астафьевым, Фёдором Абрамовым, Константином Ваншенкиным.

В книге А.А. Михайлов показан, прежде всего, как человек. Автор приводит фрагменты писем, воспоминаний, большие цитаты из его многочисленных книг и статей. Перед читателями вырисовывается выразительная картина литературной жизни второй половины XX века. Большой интерес представляют зафиксированные в книге страницы творческой и человеческой биографии Александра Михайлова, связанные с такими яркими личностями, как Борис Пастернак, Илья Эренбург, Николай Рубцов, Александр Солженицын, Евгений Евтушенко, Юрий Казаков.

Александр Михайлов критически относился к себе, к своим взглядам, поступкам. Вынужденный всегда помнить о том, что можно и что нельзя писать, он пытался сохранять объективный взгляд на литературу, на социально-политические явления. К своим самым важным достижениям он сам относил книги о Владимире Маяковском, по его определению, самой трагической фигуре литературы XX века, с томиком именно его стихов Михайлов не расставался на фронте.

Александр Михайлов никогда не терял связи с родным Севером, интересовался состоянием северной литературы, много писал о творчестве писателей-северян, в частности, поддерживал Николая Жернакова, Владимира Личутина, Ольгу Фокину. Активно помогал в создании уникальной в своём роде «Поморской энциклопедии», передал свою библиотеку – многочисленные книги с автографами дарителей – Поморскому университету.

Сергей Доморошенов был знаком с героем своей книги, брал у него интервью, общался с его сыном. Подкупает, например, обезоруживающая откровенность такой записи из дневника Михайлова-младшего: *Говорят, что лучше всего человеку умирать тогда, когда ему ничего уже в жизни не интересно и не нравится, но отцу-то хотелось жить, он многим интересовался... Папа, наивный, всегда во что-то верил.*

Рассказывается в биографическом очерке и трогательная история о появлении оригинальной отличительной подписи – «Ал. Михайлов», которая казалась герою *понаряднее, что ли*, а ещё о том, как ему приходилось отстаивать право на такую подпись до той поры, когда *«л» уже не слетала, «Ал» приросло к фамилии.*

А.А. Михайлов был страстным спортивным болельщиком, и в этой ипостаси он представлен в книге. Интересны авторские сопоставления

жизненной роли героя с футболом: *Михайлов – инсайд. Не центрфорвард. У него много черновой работы, он – трудяга. И не роптал на этот счёт. Пасы давал хорошие.*

Яркая многогранная личность, талантливый литературовед, сочувливый мягкий человек, который *любил порядок в любой работе*, – таким предстаёт Александр Михайлов в книге Сергея Доморощенова. Читателям есть чем восхититься, над чем подумать, с чем поспорить, чему поучиться. Вот, например, горькие размышления Александра Михайлова, подводящего итоги жизни: *Кем мы были – спасители отечества или жертвы тоталитарного режима? Романтики социалистической идеи или стадо баранов, послушных звукам пастушеского рожка? Я не имею определённого ответа, но сам себя вижу в каждой из этих ипостасей.* Важно, что книга тоже не даёт однозначного ответа на сложные вопросы, провоцирует читателей на самостоятельный поиск истины через осмысленный критический взгляд на своё время и на самих себя.

Образ Александра Михайлова, созданный в книге С. Доморощенова, дополняют удачно подобранные фотографии, помещённые на вклейках: вот старший лейтенант Михайлов – открытый, чистый взгляд, пышный вихор спадает на лоб; а потом – несколько напряжённые, суровые Александр Михайлов и Фёдор Абрамов, под фото красноречивая подпись – «яростный спор», здесь же книга Ф. Абрамова «Братья и сёстры» с дарственной надписью: *Александр Михайлову на память о нашем незабываемом путешествии на Печору, в край великого Аввакума* – этому знаковому путешествию отведено в книге несколько страниц; на следующем развороте – Андрей Вознесенский обнимает за плечи рядом с ним стоящего А.А. Михайлова, оба улыбаются, и рядом седобородый Александр Михайлов за чашкой чая беседует с невидимым собеседником, на лице отразились тревога, озабоченность, ладонь обращена к визави; и последняя фотография – официальная, но очень душевная – улыбающийся А.А. Михайлов в мантии и шапочке Почётного доктора Поморского университета.

А ещё у рецензируемой книги замечательная обложка: у штурвала теплохода «Олёкма», идущего по величественной Северной Двине, стоит Александр Михайлов, его пронизательный взгляд устремлён вдаль, на высоком речном берегу открывается панорама северной деревни. На снимке запечатлено путешествие А. Михайлова по Двине вместе с поэтом Константином Ваншенкиным и архангельским журналистом Евгением Салтыковым в 1972 году, которое подробно описано в «Северной тетради» в главе «На Север за песней», и действительно, в результате этой поездки родилась знаменитая песня на стихи К. Ваншенкина «По Северной Двине».

Книга Сергея Доморощенова «Гиперборея Александра Михайлова», основанная на многочисленных документальных источниках, архивных материалах, тем не менее, отражает и неравнодушное, заинтере-

сованное, пристрастное отношение к описываемому самому автору, который не скрывает своей эмоциональной оценки того или иного фрагмента. В этом особая ценность объективного повествования, не лишённого, однако, и субъективного – человеческого – взгляда на то, о чём и как в нём говорится. Важно, что издание снабжено именованным указателем, в котором представлены все упоминаемые в книге персоны.

В одном из последних интервью Александр Михайлов заметил: «На мой взгляд, литературе, скорее, свойственна роль душевного целителя, а не политического воспитателя, пропагандиста и агитатора». Стоит прислушаться к словам мудрого, много пережившего человека, посвятившего всю свою жизнь служению литературе.

Дон Кихот поморского замеса

В названии книги Сергея Доморощенова «Сказочник весёлый, невесёлый человек: биографический очерк о Степане Писахове» (Архангельск, 2022) заложена антитеза, ставшая её основной мыслью, – судьба весёлого сказочника была отнюдь не сказочной, не весёлой: *Невесёлый человек Степан Писахов веселил читателя в качестве сказочника.*

В предисловии «От автора» С.Н. Доморощенов, комментируя анкету Писахова как члена Литературного фонда СССР, отмечает, что не на все вопросы Степан Григорьевич ответил точно. Почему так получилось? На этот вопрос призвана ответить книга.

Конечно же, автор отдаёт должное И.Б. Пономарёвой, её книге «Главы из жизни Степана Писахова», оставшейся незавершённой, и задаётся вопросом, почему Ирина Борисовна остановилась, что смутило её в судьбе художника и сказочника? В этом он тоже намерен разобраться в предпринятом им труде, а ещё он считает своим долгом развеять многочисленные мифы, которыми обросла писаховская биография (в книге можно встретить такое ироническое замечание по этому поводу: *Написано пером – вырубая клавишами компьютера*).

Здесь же Сергей Николаевич делится размышлениями над тем, что составляет суть натуры С.Г. Писахова: *ему были чужды приблизительность, дилетантство, потому что Север он любил до слёз.* И тут же читаем: *Степан Григорьевич – своего рода чудик, яркий человеческий тип, который так блистательно описал Василий Шукшин.*

Как отмечает Василий Матонин в предисловии с показательным названием «Задерживаясь в вечности»: *Степан Писахов пытается идти в ногу со временем, но как бы прихрамывает, задерживаясь в вечности. В его сказках и биографии всегда находится что-либо «неуместное» для любой власти. Безусловное признание пришло к Писахову, когда он успокоился и перестал быть опасно неожиданным.* Итак, Писахов – опасно неожиданный чудик, сказочник, не терпящий приблизительности, лю-

блещущий родной Север до слёз, задерживающийся в вечности. Об этом и книга.

В книге девять глав, в них последовательно, скрупулёзно исследуются материалы о жизни и творчестве Степана Писахова, что-то подвергается сомнению, что-то безоговорочно принимается, довольно часто автор в своих комментариях высказывает свои предположения о том, как мог бы отреагировать его герой на то или иное событие, на то или иное мнение о нем. Приведем примеры таких комментариев: *Вздыхнул, наверное, Степан Писахов...; А что касается «пешком», то Степан Григорьевич остался бы посмотреть «Русалку»...; ...Живи, Степан Писахов, и жди, когда за тобой придут...; Раз Писахов ходил к леодоколам, то с капитаном Ворониным снова встречался; Тут Писахов наверняка внутренне вздрогнул, услышав: «Не посадили пока Стёпку-то?»...; Степан Писахов знал, о чём шепчется камнеломка с ветерком; Для Степана Писахова тоски в Архангельске, мне представляется, не существовало; Степан Григорьевич присочинил. Вероятно, уже в стариковском возрасте. А почему бы и не присочинить?*

Подкупают личные эмоциональные замечания автора по тому или иному поводу. Ну вот, например: *Нелегко прожить холостяком – в голове непорядок может произойти; А писательство часто начинается с журналистики, – вот и отправился художник на фронт. А тем беляком, каким его будут представлять, он не был вовсе; Пасьянсы Степан Григорьевич частенько раскладывал. Красные придут – плохо, белые придут – плохо. И вот опять красные пришли...; На мушке у власти Писахов был – вот и проснулась энергия. А другой бы в таком положении скис; Впрочем, нуждается ли Писахов в моем оправдании?...; Ну ещё бы детей не любить?!.. Но к взрослым-то Писахов, конечно, по-разному относился...; Сам ли Степан Григорьевич был отчасти творцом этого мифа или без него обошлись – кто теперь скажет?...; Сострадал Писахов одиноком – соснам, кошкам, сараям; Надо же, какая экзальтация!..*

Для меня стало большой неожиданностью то, что сквозной образ книги, напрямую связанный с её главным героем, – это ни кто иной, как легендарный Дон Кихот! Оказывается, роман Сервантеса – любимая книга Писахова. Читаем у автора: *Сервантес стал любимым писателем Писахова на всю жизнь. И было ему больно, когда Дон Кихота «брали в насмешку» (по выражению Степана Григорьевича).* И на протяжении всей книги Сергей Доморощенин вновь и вновь обращается к сервантесовским героям, говоря о судьбе Писахова: вот рассуждает он о родительской любви, которая накладывает повязку на глаза отца, чтобы не замечать недостатков нескладного сына; вот как будто бы вспоминает юный Степан романс козопаса о всего лишь кромке платья надежды или слова служанки Леонеллы *о том, что у любви нет лучшего помощника по части исполнения желаний, чем случай.*

О дружбе Степана Писахова и Леонида Леонова рассказывает автор не иначе, как о взаимоотношениях Дон Кихота и Санчо Пансы: *Не согласитесь ли, мой юный друг, быть моим Санчо Пансо в этой поездке? Пусть я ростом не вышел в Дон Кихота, но что-то от него у меня, пожалуй, есть.* Волей автора Степан Писахов, отправляясь на войну, вспоминает странствующего рыцаря Сиронхила Фракийского, которого погубил огненный змей: *Революция – это огненный змей, с которым в одиночку не справиться, тут много рыцарей требуется. Писахов был одним из них? Вряд ли. А вот как передаёт автор обиду Писахова на то, что недостаточно хорошо, по его мнению, был отмечен его юбилей: «Неужели права бабушка Санчо Пансы, которая говорила: сколько человек имеет, столько он и стоит», – вздыхал Писахов, сидя над письмом.*

В одной из глав можно прочитав фразу: *Не даёт мне покоя «Дон Кихот»...* Или как вам покажутся вот такие авторские допущения: *Дон Кихот считал, размышлял Писахов, что родился по воле небес в век железный, дабы воскресить золотой. Но был ли когда золотой век? Кажется, на свете только железные столетия. Где спрячешься от них?..; Наверно, Писахов, как и Достоевский, грустил. Но не всю же жизнь. Когда столетие особенно грохочет железом, Дон Кихоты раздражают. От них ведь много неприятностей: поди знай, что у них на уме. Они-то думают, что борются со злом, а достаётся ни в чём не повинным.* Сочувственно цитирует автор петрозаводского литературоведа Юрия Дюжева, который считает, что в своём герое *Сене Малине Писахов воплотил многие черты любимого литературного персонажа – Дон Кихота.*

Интересно не спеша, основательно двигаться вслед за автором от факта к факту, от события к событию, от документа к документу и открывать для себя героя повествования, погружаясь в его художественный мир, и с каждым разом всё более и более пленяясь обаянием его личности.

Представляются очень удачными ёмкие, выразительные названия глав. Вот первая «И начал он жить...»: понятно, что речь в ней идёт о рождении, детстве и отрочестве Писахова, именно так он и пишет в автобиографии: «Жить начал в 1879 году...». Здесь же говорится о его родителях, о его роде и родственниках. Вторая глава, названная весьма показательно «Без дружбы с деньгами», рассказывает о годах учения героя, задумавшего вопреки родительской воле стать не кем-нибудь, а художником. С деньгами, действительно, будущий прославленный живописец, художник Севера, дружбу не водил, в общем, не водились они у него. Кончается глава так: *А то, что недоучка – ну, бывает. Добрал образования позже...*

В названии третьей главы «При солнышке тепло, при батюшке – добро» переосмысливается известная поговорка, замена *матушки* на

батюшку не случайно: состоятельный купец Григорий Писахов всё-таки не бросил на произвол судьбы своего непутёвого сына, жаждущего странствовать по миру, подкидывал иногда деньги, но всё-таки не только об этом речь в главе, здесь говорится о неизбывной любви Степана Григорьевича к Северу, ставшему главным героем его картин, именно на Север, в Арктику всегда стремилась душа художника, совершившего полтора десятка арктических путешествий, вдохновлявших его на творчество: *При Севере-батюшке тоже добро*. Приведу показательную цитату из этой главы о восхождении на Пилу-гору на Новой Земле: *Вся жизнь Степана Григорьевича Писахова – как восхождение на горы. На одну, другую, третью... Через тучи, которые порой закрывали от него простор земли и моря. Настолько плотно, что жить не хотелось*. Или вот ещё цитаты из этой главы, ярко характеризующие личность героя книги: *В те годы, когда Писахову было около тридцати, его особенно мучили вопросы: «Кто я есть? Что я смогу сделать в жизни? Не зря ли мечусь туда-сюда? Не надо ли прекратить ездить по разным странам? Не лучше ли дома остаться?..»;* *Всю жизнь было у него такое в заводе: шлепать, а то и от души трескать по спине тех, кто симпатичен*.

Символично название четвёртой главы – «Выстрел в будущее», здесь рассказывается о Первой мировой войне, о революции, о Гражданской войне и интервенции, а что же это за выстрел, да ещё в будущее? Во время Гражданской войны Писахов отправляется в качестве корреспондента газеты на фронт, в одной из его заметок читаем: *С разрешения капитана С-го я пустил снаряд к большевикам, встав на место стреляющего*. А вот как об этом пишет биограф: *Тот писаховский выстрел из пушки стал выстрелом в будущее. И слышен он был не только при жизни Писахова*. Действительно, не раз ему будут поминать о «белом» прошлом.

Пятая глава, посвящённая 1920-м годам, называется «На Поморской, 27 как на почтовой станции», поясняет название приведённая в главе цитата из очерка Владимира Лидина «Оберегатель Севера»: *Писахова знают в Архангельске, как домик Петра Великого или памятник Ломоносову. И дом Степана Писахова – это путевая почтовая станция, которую не минует ни один исследователь Русского Севера*. Это так, но было и чего опасаться Писахову в те годы. В связи с этим в конце главы вновь вспоминается роман Сервантеса: *Любопытно, перечитывал ли Степан Григорьевич «Дон Кихота» в зрелые годы? Вероятно. Но, могло быть, дошел до слов Санчо Пансо: «Ах, ваша милость, до чего же у вас голова не в порядке!» – и остановился. Это около четверти романа. До приключений ли идальго ему было? Хотя почему бы и не вспомнить ему бедного героя с благородными помыслами: тому хочется, как лучше, а его в клетку!.. У Писахова была своя клетка: сиди в ней и почаще помалкивай*.

Шестая глава рассказывает о тридцатых годах, и названа она «В “прекрасной сказке”» – сразу обращаешь внимание на кавычки: да, именно на этот период приходится расцвет таланта Писахова-сказочника, только вот годы и для него, и для всей страны были отнюдь не сказочные. В названии седьмой главы цитируется письмо С.Г. Писахова, датированное июнем 1945 года: «Рад и горд, что я русский», это он пишет о прослушанном по радио Параде Победы. Немало было горя и отчаяния в 40-годы, но немало и поводов для гордости и радости.

50-е – последние годы жизни Писахова, название восьмой главы, рассказывающей о них, цитирует писателя Юрия Казакова, высказавшего свое впечатление о знаменитом северном художнике и сказочнике: «...заговорил, засмеялся, стал необычайно привлекательным». Именно таким Степан Григорьевич представлялся многим по-настоящему ценящим и любящим Север людям. Вот ещё показательная цитата: *Если о возрасте спрашивали, отвечал по-разному. То – восемнадцать. А то, вполне серьёзно, – пятьсот?* И здесь не обошлось без Дон Кихота: *«Новым птицам на старые гнезда не садиться», – говорит Дон Кихот. Но Юрий Казаков, «птица» моложе Писахова почти на пятьдесят лет, побывал в старом писаховском гнезде.*

О посмертной судьбе Писахова и его творческого наследия речь идёт в заключительной главе книги «Другая жизнь Степана Григорьевича». Обращает на себя внимание саркастическая реакция автора на предложение, высказанное в статье «Памяти Степана Писахова», о том, что «Поморская улица, неразрывно на протяжении десятилетий связанная с его жизнью и творчеством, стала бы носить и его имя»: *... что значит «и его имя»? Двойное название? Поморская-Писахова? Такое дворянское название... Горькая авторская ирония проглядывает в строках о главных лицах области, никого из которых к почитателям таланта Писахова отнести нельзя: *им надо было бы лучше знать творчество сказочника и с юмором относиться к юмору – было бы на пользу делу и себе.**

Сожалеет автор и о том, что снесли в Архангельске родной дом Писахова: *Горожане переезжали из неблагоустроенного жилья в квартиры с централизованным отоплением и прочими благами – замечательно. Но вместе с грязной водой (печи и холодные туалеты) был выплеснут ребенок – родовое писаховское гнездо.* Не радуется С.Н. Доморощенова установленный в Архангельске на углу Чумбаровки и Поморской памятник Писахову, названный скульптором Сергеем Суюхиным «Здравствуйте, люди добрые!»: *И по-прежнему протягивает Степан Григорьевич отполированную до медного блеска руку всяким и невсяким горожанам и гостям Архангельска. Только вопрос: разве Писахов протягивал руку всем подряд?..*

Однако немало и хорошего в посмертной судьбе великого художника и сказочника, поминают его люди добрым словом, издают его книги, картины его видят зрители, открыт музей его имени. *Узнай Степан*

Григорьевич об этом и многом другом, засмутился бы, слова его стали бы запутываться в бороде: «Андели, андели! Не забыли меня, голубанушки. Спасибо...» И заплакал бы Степан да Григорьевич, – так заканчивается эта замечательная книга.

ДЕЛА ЗЕМНЫЕ И КНИГИ ДМИТРИЯ ЕРМАКОВА

«И нужно просто жить...»

Где-то над макушкой планеты, над самым ледяным полюсом, клубились, сбивались в огромные небесные моря тучи. И двинулись на юг, гоня вперёд себя ветер. Так начинается краткая, по определению самого автора, повесть вологодского писателя Дмитрия Ермакова «Дела земные», давшая название его книги повестей и рассказов. Речь идёт о зарождении урагана, который *будто проверял на прочность дела земные.*

Этот самый ураган, волей автора, оказал немалое воздействие на героев повести. Разбил стекло вокзала и тем самым чуть не убил Алексея Егорова, который отправился на филологическую конференцию в Финляндию. Растревожил старого отца Алексея в ветхом деревенском доме: *Хоть бы Лёшка приехал.* Загнал жену Алексея Галину в машину сослуживца, который *налетел, как тот ураган, смял, улетел.*

Впрочем, не о урагане повесть, а о делах вполне земных, о бренности жизни. *Ах, эта жизнь! Гори она огнём!* – это из стихов Сергея Чухина, вологодского поэта, друга Рубцова. Почему? Исследует Алексей Егоров его поэзию. И ещё филологические мысли и разговоры проявятся на страницах повести. Но всё равно больше здесь о жизни – о земных делах.

В книге разные повести и рассказы, о разных человеческих судьбах, о разных делах земных. Вот Батон – вольный человек, герой одноименного рассказа – уверенный, великодушный, независимый, сказано же – вольный.

А вот «Три брата» – повесть о трёх крестовых братьях. Унесла фантазия автора в далёкие времена истории российской. Исполняют важное государственное дело, преодолевая, казалось бы, непреодолимые препятствия, побратавшиеся, обменявшиеся крестами Терентий, Семён и Левонтий.

А потом читатель вместе с писателем переносится в не менее сложное и запутанное время – 90-е годы XX века. Рассказ назван по фамилии героя «Ножиллов». Жёсткое, суровое время: если ты дашь слабину, то и тебя не пожалеют.

Главный герой рассказа «Чемпион» – подросток Колька Журавлёв из ставшей вдруг неблагополучной семьи. Рассказывается про его духовное взросление, которое случилось не без помощи хороших и добрых

людей. И да, конечно, стал Колька чемпионом, даром что ли так рассказ называется. Но главное – стал он Человеком настоящим.

Вызывает уважение герой повести «Серьёзное дело» Сергей Труфанов, филолог, ставший мясником, – личность цельная, неординарная. Серьёзно он относится к серьёзному делу, и к другой своей жизни, и ещё другой жизни: *И нужно просто жить и просто выполнять свои обязанности.*

Героями двух рассказов с символическими названиями «Приключение» и «Счастье» являются бывшие детдомовцы Олег Рогов и Сергей Хомутов. Достоинство проходят они через выпавшие на их долю испытания, потому что сами они достойные люди – мужественные, принципиальные, надёжные. Внешний сюжет рассказов острый, увлекательный, однако более важный – внутренний сюжет, приводящий к счастью: *Спокойное счастье разливалось над заречным лесом, над тихой водой, над посёлком, над всем миром. Счастье сгущалось в тумане, обнимало, прятало...*

На философские размышления о времени, о смысле жизни выходит Дмитрий Ермаков в своей малой прозе – лирически одухотворённой, созерцательно возвышенной. Хотя речь в ней всё равно идёт о делах самых что ни на есть земных.

Вот Ванька – дурачок, пришибленный, блаженный, но какой он чистый, светлый, мудрый душой. Как иначе рассказать о нём и о том, что его спасает? Этот рассказ так и называется «Ванька»: *Слушай, это же не просто так, как-то же по-другому теперь надо жить, да?*

А вот рассказ «Молитва». И нет там, вроде бы, даже намёка на молитву, однако молитвенное, душеспасительное, покаянное, умиротворяющее проблескнёт сквозь житейские земные заботы и дела: *«Господи, пусть не кончается это никогда, пусть не кончается», – прошептал или только подумал Кирилл Медведев. Ах, вот же она молитва!*

И в финале книги то ли притча, то ли бесхитростная детская фантазия, однако обозначенная автором как «правдивая история» «Лямки и хлюстики» – душевно, забавно, трогательно. И Доброта, безраздельная, искренняя Доброта. Такая эта книга!

И ещё вместо послесловия интервью писателя: *Бог есть, умирать придётся, жизнь прекрасна – вот о чём он хочет поведать людям.*

«Тайный остров» – честная история о вечном

На озере есть тайный остров, на котором вечно молятся вечные иноки, да только не всякому он доступен, не всякому открывается – только чистому душой человеку в великие церковные праздники или перед великой бедой. Был на этом острове монастырь, пришли в него воровские люди, и исчез остров, исчезли монахи, да и воровских людей тех больше не видели.

Явились монахи тайного острова Ивану Попову – жителю села Семигорье, что у Сухтинского озера, накануне Великой Отечественной войны: – *Опять враг на Русь пошёл. Будем молиться. А ты иди и не бойся. Иди! Бог с тобой, Иван... Вернёшься – вместе помолимся.*

Таково исходное событие романа Дмитрия Ермакова, который так и называется «Тайный остров», и рассказывает он о судьбе деревни в войну и после войны, об утрате и обретении веры, о предназначении и крестном пути людей, хлебнувших горя и нашедших счастье. В центре повествования – герои-семигоры Иван Попов и Дмитрий Дойников, Фёдор Самохвалов и Осип Поляков, их судьбы, их искания, их озарения. Кто-то стал председателем колхоза, кто-то дьяконом, потом монахом, кто-то офицером...

А ещё появятся на страницах романа странники – слепой да глухонемой, вечные божьи люди, как будто пришедшие из давних времён, и расскажут они вещи, провидческие сказки про Солдата и Смерть и про Фомку, что назвался богатырём, да и победил всех.

Кто же слышит таинственный колокольный звон и пение незримых певчих на тайном острове? Кто-то всё же слышит... Книга первая романа называется «Незримые певчие». Помните, у Рубцова: *Незримых певчих пенье хоровое...*

А вторая книга – «Седьмой сын», действие её кочует из пятидесятих в семидесятые, из шестидесятых в восьмидесятые годы XX века, а то и вовсе углубляется в 1863 год. И события показаны разные: война с Германией, война с Японией, Венгерский мятеж, хрущёвский волюнтаризм, сталинские репрессии, афганская война. И на фоне этих глобальных событий – простая жизнь простой северной деревни Семигорье.

То ли приснилась, то ли привиделась одному из героев романа притча не притча, сказка не сказка – историческое озарение «Седьмой сын»: *В семи деревнях, стоявших на семи горах-холмах побывал Иван-седьмой сын, провело его по Волховой дороге перо ветра... И вернулся он в родные края через семь лет. И был он уже не Иваном, а стал он волховом Святомиром.*

А ещё в романе можно обнаружить тексты из дореволюционного журнала, многочисленные документы, исторические справки, фольклорные произведения.

Получилась честная история о вечном: о Любви, Надежде и, конечно, о Вере.

«И вечность уже за тобой»

На весь мир славится удивительное вологодское кружево. Решил Дмитрий Ермаков рассказать о нём в форме сказов, придерживаясь самых настоящих сказовых канонов, но и от реальности далеко не уходя, а ещё добавив своё доброе, с любовью сказанное слово.

Двадцать сказов, сказок и историй для всей семьи составили эту замечательно оформленную душевную книжку «Кружевные сказы», которую в руки взять приятно, а взяв, и почитать от души (иллюстрации Дарьи Ятвицкой).

Сначала говорится в ней о том, как появилось вологодское кружево. Оказывается, впервые сплела его мастерица Катерина из села Ковырино, чтоб порадовать свою дочку Настеньку, которая болезненно тосковала о том, что чудесная красота снежинок не сохранится и неизбежно исчезнет вместе с растаявшим снегом. И сплела ей матушка *тёплую снежинку* из ниток, не уступающую по красоте и изяществу природным снежным кристалликам. Так и сказка названа – «Тёплая снежинка».

Сама Настенька вскоре тоже стала кружевницей, да ещё какой – лучшей, а узоры сказочные, чудесные она подсматривает у самой природы, непревзойдённой выдумщицы и мастерицы. Вот из-под её добрых рук в кружевах расцветают весенние вишни да яблони, колеблются на ветру лёгкие летние пушинки одуванчиков, серебрятся искринки инея на голых безлиственных осенних кустах, переливаются замысловатые морозные узоры зимних окон. *По всей земле добрая слава о вологодском кружеве разлетается* (сказка «Добрые руки»).

А есть и другая версия зарождения вологодского кружева – военная, рассказывается о ней в сказке «Солдатское кружево». Привезли барин-офицер и солдат-рекрут из Парижа, где они окончательно победили грозную наполеоновскую армию, французские кружева в родные вологодские места. И подхватили девушки северные заграничную диковинку, да и стали сами плести кружево получше иноземного: *Поди-ко таких морозных узоров на стёклах, да снежных накидок на деревьях во Франши-то и не бывало...*

В кружевных сказках Дмитрия Ермакова поддерживают и опекают вологодских кружевниц – ни много, ни мало – матушка Императрица Российская и сама Царица Небесная Пресвятая Богородица (сказки «Дорогой заказ» и «Про жадную купчиху, матушку-Императрицу и Любашу-кружевницу»). Попадёт кружевной платочек из Вологды в руки царевны Анастасии в пасхальное утро 1917 года («Утро Пасхи»).

Оказывается, кружевным ремеслом можно одарить-наградить за добрые дела («Ремесло в награду»), однако не только женское это ремесло, при необходимости и мальчишки, да и мужики могут им овладеть («Мужицкое дело»).

Дмитрий Ермаков самые разные исторические события так или иначе связывает с вологодскими кружевами – революция, гражданская война, репрессии 30-х годов («Колокольчик», «Разбойник Коновалов», «Ночь на Василия»): *Всякое бывало в старые-то времена.*

В четырёх кружевных историях обращается писатель к святой теме Великой Отечественной войны. «Фронтовые сказки» – о том, как юная медсестра Лена Трифонова рассказывала раненым бойцам светлые

сказки, *и утихла боль, и отступал грохот орудий*, а после войны фронтовая медсестра стала писательницей Еленой Триновой и написала свои «Кружевные сказки». Старая кружевница вспоминает о том, как привезли в детский дом, где она работала воспитателем, детей из блокадного Ленинграда, и научила она одну из девочек кружева плести: *Плетёт кружева рядом со мной да всё мне про Ленинград рассказывает, какой это красивый город* («Девочка из Ленинграда»).

У героини истории «Гармонист и кружевница» не вернулся с фронта муж – весёлый Саша-гармонист, с которым они полюбили друг друга на кружевных посиделках с плясками да с задорными частушками под гармошку: *Только вон фотография на стене, два письма да гармошка от моего Александра Ивановича в память и осталась*. Накрыта та гармошка, конечно же, полотенцем белым с любовно сплетённым кружевным подзором. А кружевной платочек мастерицы из деревни Семёново Валентины сбережёт от гибели на войне её мужа – тракториста Валентина, ставшего на фронте танкистом («Валентин и Валентина»).

Прилетел кружевной ангел в наши дни из Вологды в посёлок под Донецком, *а почти сразу за посёлком – разделительная полоса. По ту сторону – украинские войска, по эту – донецкое ополчение* («Ангел прилетел»).

Передаётся из поколения в поколение в семье потомственных кружевниц скромный кружевной воротничок как залог семейного благополучия, и не продали его, как бы нужда близко ни подступала («Кружевной воротничок»). А ещё кружево-то может быть деревянным, резным – наличники, выпиленные мастером на все руки по образу и подобию вологодских кружев, украсили дом, где живут кружевницы («Кружевной дом»).

Предоставит слово автор и самим вологодским кружевницам, и зазвучит со страниц книги певучая, круглая северная речь. Так, поведает столетняя бабушка о своей трудной судьбе да о своём кружевном приданом, которое собирала она всю жизнь – себе ли, дочке ли, внучке ли, а пригодилось оно Вологодскому музею кружева: *пусть люди смотрят, пусть молодые кружевницы учатся – мне не жалко* («Кружевное приданое»).

И ещё одна замечательная пожилая кружевница появится на страницах книги – бабушка Петровна, давно слепая, да руки-то её помнят, чувствуют, а главное, с душой она относится к своему рукоделию. Душа тоже имеет зрение, может, ещё более надёжное, чем у глаз. А с какой любовью и нежностью описывается в этой истории под названием «Другое зрение» старая Вологда: церковки с куполами, деревянные дома и мосточки, дворы с дровяными сараями, детские забавы... И всё это запечатлено было на белоснежной чудесной скатерти, сплетённой старой мастерицей, – вся Вологда!

*Вьёт-повьёт кружевница свою стародавнюю сказку,
И коклюшки звенят, и стучат, и шуршат колыбельную мне*
– заканчивается эта удивительная добрая книга песней «Кружевница»:

*Бог с тобой, кружевница,
И вечность уже за тобой.*

Распахнутая душа

Свою книгу, посвящённую жизни и творчеству Николая Рубцова, Дмитрий Ермаков назвал «Берега Рубцова». Название символическое, это и реальные берега морей, рек, озёр, куда заносила судьба поэта (на обложке помещены фрагменты географических карт), и берега в метафорическом смысле, обозначающем грань между земной жизнью и вечностью. Жанр книги определён как «роман-отзвук». В строгом понимании это, конечно, не роман: книга, по сути, состоит из трёх рассказов и одного эссе, объединённых одним главным героем, в ней предпринимается попытка проникнуть в его внутренний мир, раскрыть тайну его творчества.

Знаменательно, что Николай Рубцов становится персонажем художественного повествования, мы слышим его голос, ощущаем его чувства, вместе с ним размышляем о житейском и возвышенном.

Отзвук, согласно словарю, это и отражение звука, эхо, и звук, доносящийся издалека, и ответное чувство на что-нибудь, и то, в чём обнаруживаются следы чего-либо. Отзвук – это то, что оказало воздействие на душу, отозвалось в ней.

Факты биографии Николая Рубцова, документы, стихи – всё это легло в основу книги. Однако это именно художественное произведение, предполагающее свободу авторского вымысла. От автора зависит, насколько органичен и правдоподобен будет его герой. Нужно сразу сказать, что образ Рубцова в книге Ермакова получился живым, убедительным, притягательным.

В этой книге речь идёт всего лишь о нескольких эпизодах из разных периодов жизни поэта, однако создаётся цельное представление о его человеческой и творческой биографии благодаря вспышкам воспоминаний, навеянных тем или иным описываемым событием, диалогам героя с его собеседниками, его внутренним монологом и творческим озарениям.

Первая часть – «Берег юности» – об учёбе Н. Рубцова в Кировском горном техникуме Мурманской области, но мы узнаём также о его детстве, о попытках его поступления в мореходки Риги и Архангельска, об учёбе в Тотемском лесном техникуме, о работе в архангельском тралфлоте. Глазами юного героя мы видим и оцениваем окружающих, но и его самого рассматриваем с помощью других персонажей. Жажда

морской романтики, бродяжий дух, первые стихи, которые напоминают есенинские, хотя сам юный поэт ещё толком и не знаком со своим великим предшественником. Мы узнаём о его умении поставить себя так, чтоб его не трогали, не задирали, и о том, как залихватски он играет на гармонии и поёт частушки на радость товарищам, и о его горьких размышлениях о своей неприкаянной судьбе: *что это за сила гонит и гонит его с места на место, срывая, когда уж вроде бы устроился, прижился.*

Учительница техникума хвалит юного Николая: *Вы хорошо чувствуете музыку и слово.* Он ей отвечает: *Я не просто чувствую, я этим живу.*

Вскользь в этой части романа упоминается о встрече Рубцова в библиотеке Кировска с длинным худощавым парёнком с голубыми глазами, в котором угадывается будущий писатель Венедикт Ерофеев. Случится между ними спор о литературных вкусах, которые, конечно же, у них не совпадают.

Приводится ученическое сочинение Николая Рубцова всё о тех же берегах: *Так с реки детства начинается для человека океан жизни. А в океане и шторма бывают, и штиль... Всё бывает.*

Своеобразным мостиком между первой и второй частями книги служит не кто-нибудь, а поэт Батюшков, о котором услышал Рубцов когда-то от детдомовской воспитательницы, а потом уже на корабле он читал пушкинские подробные разборы «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова.

Во второй части романа, названной «На берегу Леты» рассказывается об одном дне Николая Рубцова (на это указывает подзаголовок), когда он отправился навестить могилу Константина Батюшкова в Спасо-Прилуцком монастыре, да и сам Рубцов в детстве жил в тех же Прилуках.

Еще одна переключка с первым рассказом – спонтанный литературный спор с неким Василием Петровым, который упрекает Рубцова: *Вы как будто из прошлого века.* К слову, Рубцова уже знают, узнают, только что вышла его книжка «Звезда полей», значит, действие происходит в 1968 году.

Совершим мы вместе с поэтом путешествие по обоим берегам реки Вологда, окажемся в местах, связанных с детством поэта, затронем трагические страницы истории, побываем на могиле Батюшкова, посидим у рыбацкого костра.

Вот показательный разговор с рыбаком, который предположил: *Тебе чего, сорок поди-ка...* Рубцов отвечает: *Тридцать три будет... Возраст Христа... Ты веришь в Христа? А надо верить, надо...*

И ещё у одной могилы постоим мы вместе с героем – на могиле его отца.

Вернулся домой Николай Рубцов, вспомнил весь день, взял ручку, вписал в записную книжку без исправлений стихотворение «Вологодский пейзаж» и лёг спать. *И спал он на берегу реки... Реки вечности...*

И опять мы увидим Спасо-Прилуцкий монастырь, за стенами которого скрыта могила Батюшкова, из окна автобуса «Вологда – Тотьма», на котором Николай Рубцов отправился в село Никольское (третья часть книги названа «На старой дороге»). И опять нас ждут переключки с другими частями: народное признание поэта (Рубцов подписывает газету со своими стихами и портретом), образ мифической реки Леты (паромщика он приветствует: *Ну, здравствуй, Харон. Перевези меня на ту сторону, домой*). Интересно, что первый раздел этого рассказа написан от третьего лица, а второй – от первого: мы как будто слышим внутренний монолог Рубцова, навеянный путешествием по старой дороге, открылась его взору *Вся Русь! И надо только сделать последний рывок и раствориться в ней словом...*

Завершает книгу самая объёмная четвёртая часть – это путешествие по страницам книги Николая Рубцова «*Душа хранит*», это прижизненное издание 1969 года, которое попало в руки автора в одной из районных библиотек, и решил он проследить развитие внутреннего поэтического сюжета, как сам признается, *пройти с ним от стиха к стиху*.

А дальше помещены стихи Рубцова и комментарии к ним Ермакова – тот самый отзвук. Внутренний сюжет поэтического сборника поведователем делит по своим ощущениям на семь глав – у самого Рубцова разделы в книге не выделены. С чем-то можно согласиться, с чем-то поспорить. Восприятые поэтических образов – индивидуально, лично. Однако неравнодушное, взволнованное осмысление поэзии заслуживает внимания и сопереживания.

Вот, например, авторский комментарий по поводу рубцовского стихотворения «Привет, Россия...»: *И вновь на родине. И в малой родине, в низком доме с крапивой под оконцем – вся Россия. Только здесь и можно передохнуть от ветра, что гнал по всей земле... Здесь покой, в котором слышно даже пение незримых певчих (говорят, мать поэта пела когда-то в церковном хоре, так не её ли голос и слышал он?!)*...

А вот чем заканчивается книга: *Всё. Чистого стихотворного текста 89 страниц в книжке небольшого формата... И на страницах – распаханная душа, всё, что сохранила она и хранит по сей день бескорыстно и жертвенно для каждого из нас... Спасибо. То есть – спаси Бог.*

Распахнутая душа Рубцова, распаханная душа Ермакова – распаханная навстречу им свои души читатели, соприкасаются души, резонируют. Душа – одно из ключевых слов-понятий русского менталитета, русской картины мира. В этом ещё раз убеждаешься, читая книгу Дмитрия Ермакова про Николая Рубцова.

«Привычное дело бессмертной души»

Что отозвалось, то и сказалось, – пишет Дмитрий Ермаков в послесловии к своей книге «От земли. Василий Белов». Выход книги приурочен к 90-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Василия Ивановича Белова.

Книга выдержана в жанре «повесть-отзвук», в предисловии, вернее, в том, что дано вместо предисловия, читаем: *...это будут мои рассуждения о жизни и творчестве, в связи с жизнью и творчеством Василия Белова. Назову их так – отзвук на его жизнь и слово...* То, что описано в книге, – это, действительно, отражение звука голоса Василия Белова, эхо его мыслей, чаяний, переживаний, доносящееся издалека, из глубины времён, если не сказать, вечности.

А почему повесть? Это очевидно. Перед нами разворачивается последовательное повествование, освещающее жизненный путь героя, прослеживающее его духовную эволюцию. Герой повести преподносится прежде всего как художник, не случайно две части книги названы так: первая – «Рождение художника», третья – «Одинокий художник», а промежуточная – основная – часть названа концептуально, значимо – «Глазами народа», ведь наш герой от земли, это подчёркивается заглавием книги, это неоднократно декларируется в самой книге.

Есть в русском языке фразеологизм *от земли* – так принято называть тех, кто занимается сельским хозяйством, тех, кто имеет деревенские корни. От земли питаются растения в прямом смысле слова, в переносном – от земли подпитываются писатели-почвенники.

Вот о берёзке, которую вместе с братом посадил подросток Вася Белов: *От земли взяла берёзка силу жить. Так же – от земли – набрался силы и сам Василий Белов. И тоже «вымахнул выше отцовского дома».* А вот о писательском даре героя повести: *Превосходный язык, живое русское слово, достались писателю Белову и от деда, и от читанных при лучине книг, и от матери, и от того мира, в котором жил, и от земли, на которой возрос...*

А вот о его собратьях по перу, о его единомышленниках: *Так что же отличает именно «деревенщиков»? Все они, конечно же, «от земли». Деревенская жизнь, все виды деревенских работ, ремёсел, разговоры – всё это у них в крови, с молоком матери впитано. И даже если они покинули деревню (а они все её покинули, иначе бы не стали писателями), деревня не покидала их, там оставались их матери (отцы у большинства погибли на фронте).*

Эти рассуждения помещены в главке с показательным названием «От земли», в ней как раз и рассказывается об уникальном литературном направлении XX века, получившем название «деревенская проза», и о том, что В.И. Белов «всегда оскорблялся» словом «деревенщик», по свидетельству его вдовы Ольги Сергеевны. В этой же главе можно обнару-

жить и такое умозаключение автора: *Все – от земли и в неё же вернёмся, в деревне ли, в городе ли...*

Важно, что в качестве эпиграфа к книге взяты слова одного из лучших исследователей русской деревенской прозы Юрия Селезнёва: *Если мы действительно хотим знать свою Родину, сегодня нам для этого уже не обойтись без Белова, без его слова о родной земле. Потому что земля Белова – это вся русская земля.* Вот и ещё одно важное, знаковое значение слова *земля*, которое имеет прямое отношение к рецензируемой книге. Да, и название второй части книги «Глазами народа» позаимствовано у известной статьи Юрия Селезнёва о народности литературы.

Дмитрий Ермаков убеждён: *Через Белова заговорило русское крестьянство.* Может, излишне категорично сказано, поскольку и до Белова и после него в литературе крестьянство говорило и говорит, но по сути это верно. Именно глазами народа, глазами русского крестьянина мы смотрим на мир посредством творчества Василия Белова. И в связи с этим приведём ещё одну цитату из книги: *Голгофа русского крестьянства, смерть, но и воскрешение его, и жизнь вечная – вот суть, пожалуй, и всего творчества Василия Белова.* Какая точная метафора – Голгофа! Глава «Эпопея крестьянской Голгофы» посвящена трилогии В.И. Белова «Час шестый».

Суть жизненного пути героя повести передана в такой лаконичной авторской формулировке: *Дерзнул вырваться из мирка в мир – и вырвался.* Последовательно в книге описаны основные этапы биографии Василия Белова, и не просто описаны, но охарактеризованы, отрефлексированы автором.

Побываем мы на родине Белова – ольховой стране (для меня откровением стало такое замечание: *Ольха, пожалуй, самое «беловское» дерево, чаще всего упоминается в его произведениях – от ранних стихов до рассказов и романов*): «Ольховая страна» – родина Василия Белова... *Вон и Тимониха прилегла на пологом угоре.* Что сказать? Красиво!

Заглянем мы и в родословную писателя, чтоб понять, откуда что пошло. И даже вслед за автором попытаемся представить, как *пробуждается душа художника.* Узнаем, что и руки у Белова были на месте, и живое слово ему открылось с младенчества, и о том, что *Судьба хранила его для подвига*, и о том, какая тропка вывела его на Путь истинный. Это всё в первой, скажем так, собственно биографической части книги.

Во второй части говорится о предназначении Белова как истинно народного писателя, о главных его произведениях. Ключевой образ в творческой характеристике писателя – конечно же, образ Лада: *Картины русского лада: природы, труда, жизненного уклада показаны с высочайшей художественной силой. Но с такой же силой показаны и картины разлада* (это о трилогии «Час шестый»); *В ладу жить ладно, а вот в строю... В строю только воевать навверное удобно...* (о подмене кре-

стьянского лада колхозным строем); *Вот когда всё хорошо, по-Божески, это и есть лад; А всё же лад был, пусть больше в мечте, в сказке, но был. И есть. Потому что без мечты жизнь невозможна, а Русь крестьянская всё-таки живёт. И будет жить* (а это об удивительной беловской книге, которая так и называется «Лад»).

В этой же части публикуется «Больничный дневник» Сергея Чухина за 1983 год, зафиксировавший ценные свидетельства о личности и творчестве В.И. Белова, анализируется неоднозначно в своё время встреченный критикой роман писателя «Всё впереди», названный здесь романом-предсказанием и романом-предупреждением, а ещё можно сказать, романом-блужданием: *Само по себе «блуждание» – это находжение в неведении, на грани выбора пути, в пограничном состоянии...* Показан Белов и как человек действия, в чём можно удостовериться, читая его публицистику.

Большую ценность представляет глава, рассказывающая о встречах Дмитрия Ермакова с Василием Беловым, – случайных и неслучайных. Получилось девять новелл, лирических зарисовок, прозаических миниатюр – искренних, проникновенных, сугубо личностных. В них по особому открылся герой книги. Вот пара финальных фраз: *На всю жизнь мне вопрос задал* (миниатюра «Вопрос»); *Вроде бы, ну и что тут такого? А всё помнится и помнится, и приобретает, пусть только для меня, всё более глубокий смысл...* («Замок от Дрыгина»).

В третьей части книги помещены размышления автора, основанные на неторопливом, вдумчивом чтении Белова: его очерков «Дважды в году весна», «Дорога на Валаам», предисловия к сборнику статей философа Ивана Ильина, повести «Голос, рождённый под Вологдой», эссе «Душа бессмертна». Здесь много цитат из самого Белова: *Вот так всегда, начнёшь цитировать Белова и не знаешь, где остановиться. Всё – важно!* Обращают на себя внимание сентенции автора книги, навеянные мыслями Белова, повторяющие его заключения, вот, например: *В искусстве важна не свобода, а соразмерность; ...творчество не может быть мучительным, страдают и мучаются бездарные. И ещё добавлю: творчество это любовь, любовь не может быть мучительной, мучаются те, кто, не любя, изображают любовь...*

Парфразируя слова Ивана Ильина о книге Ивана Шмелёва «Лето Господне», Дмитрий Ермаков восклицает: *Но ведь точно эти слова можно повторить о беловском «Ладе»! Да, будто не книгу читаешь, а саму Россию видишь...* От себя добавим: только ли о «Ладе», не обо всём ли творческом наследии Василия Белова можно именно так сказать?

Последняя глава книги названа «Душа бессмертна», в ней об одноимённом эссе Белова, но не только. В качестве эпиграфа даны три строки, заключающие важные смыслы беловского творчества:

*Жизнь –
Привычное дело
Бессмертной души.*

Эти строки принадлежат самому Дмитрию Ермакову, в чьём творческом багаже есть книга русских хайку «Время жизни», в той книге у этих строк есть приписка-пояснение: «(у могилы Белова)».

Заканчивается глава так: *«Душа бессмертна» – простые два слова. А ведь это итог его жизни и творчества. И заветы нам. И мне... Вот это И мне... дорогого стоит: книга Дмитрия Ермакова «От земли. Василий Белов» хороша именно личностным подходом, ведь это отзвук – искреннее ответное чувство на жизнь и творчество большого писателя и замечательного человека.*

«Ожизнение словом»

«Время жизни» – так назвал Дмитрий Ермаков, казалось бы, совершенно не похожую на другие его сочинения книгу – сборник русских хайку. *Мой язык – русский, а значит, и взгляд на мир – русский,* – пишет в предисловии автор. Однако *хайку* – совсем не русское слово, обозначающее совсем не русский литературный жанр. Но это лишь форма, инструмент. Содержание творений Ермакова – русское. Эти строчки – пружина мысли или образа, – так определяет сам автор

И всё-таки ближе мне как читателю изначальное авторское обозначение жанра – «краткострочия», оно и точнее, поскольку эти короткие произведения не всегда укладываются в необходимые для хайку три строки с определённым набором слогов.

Язык – взгляд, язык – примета. Интересны лингвистические наблюдения автора, который вглядывается в форму слова, в его внутренний смысл. И видятся ему *волшебные удвоения русской речи*. Они, действительно, волшебные: слова ли, фразы ли, сочетания слов, словообразовательные ли пары: *Иван-чай – чай; незабудка – не забыть; дом – дым; крестьянин – крест и христианин; судьба – суд; позвала – отозвался; подорожник – дорога; Русь – Россия*. Чуткое отношение к языку порождает новое слово ожизнение.

*В крестьянине
Христианин и крест
Соединились.*

*Судьба –
Суд
Над состоявшейся жизнью.*

*Именование –
Ожизнение
Словом*

Есть в книге посвящения писателям-творцам, построенные на цитатах, аллюзиях. Пушкин, Фет, Есенин, Рубцов. А ещё Василий Белов, Юрий Казаков.

*Всё ближе,
Роднее,
Неизбежнее -
Пушкин.*

*«Нивы сжаты, рощи голы...»
Всё повторяется в мире.
Мир жив.*

*«Россия, Русь,
Куда я ни взгляну...»
«до боли...»*

Самое частотное слово в книге – Вечность. Основные темы: Слово, Творчество, Бог, Россия. Основной символ – Крылья, Полёт.

*Из вечности
В вечность дорога –
Млечный Путь*

*Русь,
Россия –
Стихия духа.*

*На свой вопрос
Поиск своего ответа –
Вот творчество.*

*Спасение от смерти –
Рождение Слова.*

*Бог
Слышит
Мысль.*

*Вечность
Постигается временем.
Слово –
Молчанием.*

*У всякой птицы свое крыло,
Свой и полет.
Человек же сам
Творит себе крылья.*

«Дмитрию Ермакову присуще своё поэтическое мироощущение, своё – долгими годами выстраданное слово, своё видение и слышание мелодики строки и всего звучащего пространства стиха», – пишет автор предисловия к книге «Время жизни» Николай Коновский. Согласимся с ним.

«НЕСМИРЕННЫЕ» ГЕРОИ И КНИГИ ДМИТРИЯ КОРЖОВА

«В ладонях нас качал любимый город...»

Так они и жили здесь. В обнимку с ветром. Между небом и морем. Вверху – небо. Внизу – море. Между этими двумя мирами, двумя непримиримыми планетами, как между двумя жерновами, и жил Мурманск.

Это из третьей части романа Дмитрия Коржова «Мурманцы», которая так и называется «Город между морем и небом». Знаковое название. Город, Море, Небо – важные, ёмкие символы в многогранном творчестве поэта, прозаика, литературного критика, журналиста, общественного деятеля мурманчанина Дмитрия Валерьевича Коржова.

Оду родному городу он пропел в историческом романе-трилогии «Мурманцы» (2008 – 2015) – именно так себя называли первые жители приморского города в Заполярье, «города на краю земли».

В трилогии нашли отражение ключевые моменты истории города: 1918-20 гг. – когда всё только начиналось, 1942 год – когда городу выпали наиболее тяжкие испытания, 1960-е годы – время свершений и надежд.

Герой первой части трилогии сравнивает Мурман с подводной лодкой: *Зимний Мурман напомнил Алексею подводную лодку – весь словно бы ещё под водой, неопределённый, неясный, скрытый от глаз. Но при этом таящий где-то глубоко неведомые пока, незримые силу и мощь. Редкие огоньки в окнах одиноких строений, мнилось ему, очень похожи на свет горящих вполнакала ламп внутри идущей под толщей вод субмарины. И та же тьма вокруг, тьма без конца и без края.*

А вот мурманское небо, каким его видят герои романа «Мурманцы 1942»: *Небо... Низкое, холодное. И пустое. Даже солнца там, в вышине, не было. Только тёмные, будто в окопной грязи, облака, похожие на дым, что клубится из какой-то далёкой, невидимой поднебесной трубы, словно непроницаемым занавесом скрывая от посторонних глаз неоглядную высь.*

Оду Мурманской земле Дмитрий Коржов поёт почти во всех своих произведениях, о чём бы он ни писал, всегда у него найдутся интересные образы, важные слова о Городе. Даже в повести «Доброволец», действие которой происходит на Балканах, в Боснии, во время жестокой

гражданской войны конца XX века, появляются мурманские пейзажи: сравнивает герой повести, мурманчанин, боснийские и кольские «просеки» среди скал: *вырубленные в сопках проходы*; а в Белграде рассказывает сербской девушке по имени Вёсна про свой *удивительный, очень светлый и тёплый город* на далёком Севере.

Поэт поёт вдохновенный гимн своему родному городу:

*Я люблю этот город солёный,
Сотворённый из моря и скал,
На камнях к небесам вознесённый,
Не на час, не на день – на века! <...>*

*Жизнь моя с этим городом слита,
Срок настанет – свободна, легка –
На Папанина или на Шмидта,
Словно птица, уйдёт в облака.*

Мурманск – полноправное действующее лицо творений Дмитрия Коржова. В них органично себя чувствуют и *странная кольская зима-весна*, которая представляется *старой неповоротливой бабкой*, и белые ночи, когда *все вокруг становятся белыми, молочными, пасмурными*, и осень, которая разговаривает *негромко уверенным, но очень усталым голосом*, и полярная ночь – *тягучая и чёрная, как вода Кольского залива*, и бесконечный холодный мурманский дождь, *незаметно, тихой сапой, наглухо закрывший незакатное солнце полярного дня серенькой сетчатой завесью*.

Город рождает образы – трепетные и мужественные, неброские и яркие: *В ладнях нас качал любимый город, / Гранитному подобен кораблю; И белизна скупая неба / От стужи город мой хранит; На спящий мореходный Мурманск / Вновь снега белые легли; И дождь всё шёл и нас не слушал, / А город с небом наскоро сшивал; ...И кружатся слова неторопливо / Над чёрной гладью Кольского залива; Звучат дворы, проулки крыши – / Прислушайся! И ты услышишь;*

Вместе с героями Коржова мы проходим по Мурманску, зримо представляем его в подробнейших деталях, вслушиваемся во вкусные сугубо местные названия: тут тебе и *Челюсти* – улица Челюскинцев, и «*Пятина*» – площадь Пять Углов: *Но Пятина... Пятина была хороша всегда*; и «*Крыло*», и памятник Кириллу и Мефодию, и Роста. И дальше, дальше, дальше... Как будто, действительно, побывал в Мурманске, явственно ощутил его аромат, окунулся в его атмосферу, очутился *в городе, где молодым / Так легко обруться в дым*.

Прогуляемся по городу вслед за героем повести «Школяры»: *Главный проспект протянулся через весь Город – вдоль залива, мимо порта, причалов и набережной, Театрального бульвара, магазинов и кафе – с сопки на сопку – вверх-вниз, вверх-вниз – от озера до озера.*

От Преображенского до Бедового, то приближаясь к водной глади холодного Моря, то удаляясь от неё в глубь материка.

В повести «Вперёд, в прошлое!» Дмитрий Коржов намеренно использует фантастический ход, чтоб попутешествовать во времени и побывать в разных периодах истории любимого Города, который неизменно номинируется именно так с прописной буквы без названия – какое там название, ведь речь идёт о городе, единственном в своём роде: *...Город звал. Город звал и манил. Как расплёсканное штормом море, раскинулся он вдоль чёрной воды никогда незамерзающего Кольского залива, разлёгся вольготно на сопках – сам кум не брат!*

И, конечно же, здесь тоже появляются образы Неба и Моря, которые представляются вполне себе одушевлёнными существами:

Что же до неба, к которому стремились высоченные потолки новообретённых городом домов, то оно следило за происходящим из-за облаков. Порой казалось, что делает оно это совершенно равнодушно. Но – не безмолвно, нет. Оно разговаривало – дождём и снегом, а подчас – неакатным солнышком, чистым и светлым.

Море – чёрное, тяжёлое – ворочалось чуть в стороне. Такое далёкое и такое близкое. Большое. Студёное. Родное.

А ещё важно отметить и это: *Да, дома. Но Город – не только они. Город – это люди. И дома-то ведь именно для них. И ими созданы. Именно они сделали Мурманск таким, каким мы его видим теперь. В жизни ничего не бывает сразу, с неба не падает. Всё постепенно. Постепенно, шаг за шагом, год за годом.*

В Мурманске рождается и гибнет отчаянная, безоглядная, безнадёжная любовь героев беспредельно искренних, проникновенных, исповедальных рассказов Дмитрия Коржова, суть которых можно передать четверостишием Коржова-поэта:

*А я стою оставленный –
Ботиночки в пыли,
Смущённый и подавленный
Вращением Земли.*

Или вот это короткое стихотворение, которое очень хочется привести целиком:

*Говорила холодно и жёстко:
«Оглянись, – да ты же не живёшь –
С безрассудством пьяного подростка
Ты или кричишь, или поёшь!»*

*...Говорила, как приговорила –
Слово, словно взвисяшая плеть.
Я стоял – беспомощный, бескрылый –
И не знал – кричать мне или петь.*

В стихотворении «Мы» – знаковым, поколенческом – автор признаётся: *Любовь – это та же война, и ещё: Мы все в эти годы любили, Но мало любили нас...* А стихотворение, которое, собственно, так и называется «Любовь», содержит такие формулы: *Любовь – засада, что всегда без правил; Любовь – азарт полуночной тревоги, / На выбыванье жёсткая игра.*

Притча не притча, охотничья байка о сороковом медведе, который обязательно погубит удачливого охотника, дала название рассказу и книге «Сороковой медведь» (2015). Рассказ этот вовсе не об охоте, хотя можно то, что описано, и так называть, рассказ о холостяке-ловеласе Мите, который порхает по жизни легко и беззаботно, срывая цветы удовольствия. Да вот встретил он своего «сорокового медведя», и всё у него пошло наперекосяк.

Слог рассказа лёгкий, бегущий, ироничный, тем ощутимей, обречённой воспринимается то, что случилось с героем, отяжелив, остановив и опечалив его бег по жизни: *Ну не было в нём в тот день злости, не было! Одна немота и мертвечина.*

Мягкая, нежная акварель, торопливые мазки и много воздуха – такое послевкусие оставляет по себе изумительный рассказ «Мелодии осени». Мимолётное видение: *Словно подхваченный ветром лист, бесшумно и легко, парит над землёй незнакомая девушка.* И устремляется герой рассказа Лист, Листище в безумное блуждание в пространствах любви. *Как иногда прекрасны люди в своём безумии.* Но Лета, Лета, Лета... Такое имя у возлюбленной. Она ускользает, исчезает... *А утром выпал снег. И мир снова стал чист и хрупок. Осень кончилась.*

Рассказ «Позову я голубя...», и тоже об обречённой, безнадёжной любви вопреки песне – странной, протяжной, раздольной, которая подарила название рассказу: *Позову я голубя, позову я сизого – пошлю дрольке письмо, и мы начнём всё сызнова...* Нет, не начнут, и от этого горько, обидно: *Как это часто бывает, холод и тьма пришли, не объявляя о себе заранее, когда их никто не ждал...*

А ещё в книге «Сороковой медведь» есть уже упоминавшаяся повесть о войне «Доброволец», которая заканчивается так: *Только тьма вокруг: беззвёздная, дикая, чужая. Сараевская тьма...* И московский рассказ «Хунхузка» о вспышке сильной страсти, которая погасла так же быстро, как и вспыхнула.

Стихи Дмитрия Коржова о любви объединены в сборник «Девье сердце» (2017). В предисловии к нему Илья Виноградов пишет: «Подаренная поэтом читателю любовная лирика – многогранный, пёстрый пейзаж самых сокровенных человеческих отношений».

*А город вертится и кружится,
И за тобой бежать готов
Любой проспект, любая улица
От Росты до Пяти Углов.*

«Дарованный свыше Учитель...»

Среди персонажей романа Дмитрия Коржова «Город между морем и небом» появится моряк-радиист Маслов, есть у поэта Коржова стихотворение, посвящённое писателю Виталию Маслову: *В далёкой Сёмже упокоен / Державиший небо на плечах.* О Виталии Семёновиче Маслове (1935 - 2001) – Человеке с большой буквы напишет Д. В. Коржов, по его собственному признанию, свою лучшую на сегодня книгу – «Несмиренный живописец» (2018).

«Подобает быти живописцу смирену...» – *полтыщи лет назад это писано, однако не до смирения нам.* С такого авторского предупреждения начинается книга. Герой книги был живописцем – Большим, Несмиренным.

Жанр книги обозначен как роман-биография.

В ней много документального: по первому образованию Коржов – историк, он умеет и любит работать с первоисточниками.

В ней много поэтического, возвышенного, страстного: все-таки Коржов – поэт, поэзия в нём бурлит, прорывается, оставляет след в его прозе.

Много в книге личного, откровенного, ведь речь в ней идёт не о ком-нибудь – о близком, дорогом человеке:

*Дарованный свыше Учитель,
Испытанный светлый талант –
Он звал меня бережно – «Митя»,
Как матушка в детстве звала.*

Начинается и заканчивается книга Сёмжей – далёкой поморской деревней на краю земли. Но это *Живая деревня, Сёмжа – в наших душах. Навсегда.* Так перекликаются названия первой и последней главок книги.

И стоит Сёмжа *у предельной черты, на границе – между небом и землёй, берегом и морем, приливом и отливом, жизнью и смертью.* И опять: Небо, Море... Маслов соприроден своей деревне. Слово-то какое составлено – *соприроден!* Ещё не раз прозвучит оно в книге.

Герой книги предстаёт перед нами непримиримым, резким, упрямым и в то же время душевным, пронзительным, чутким ко всему живому и искреннему.

Много в книге самого Виталия Маслова – его произведения, его воспоминания, его дневниковые записи. К примеру, вот он, мальчик, вдали от родной деревни рыдает в телефонной кабине, слыша мамин голос, – и расплываются страницы, комок застревает в горле...

Сёмжа, Каменка, Мезень – родные масловские места, они стали родными и для Коржова, пропущены через его сердце, через его боль: *Каменка – это горечь. Пустота и ужас запустения; Мезень – удивительный, абсолютно поэтический город.*

Отъезд Виталия Маслова из родной Сёмжи всю жизнь воспринимается им как неоплаченный долг перед сверстниками, которые остались, этот долг, по признанию писателя, никогда ему не отработать. Отсюда, видимо, истоки созданного Масловым Дома Памяти в Сёмже.

А потом морские будни, морская романтика и вечное преодоление, вечное мужество. Арктика, полярные моря – это и закалка характера, и закалка таланта. Именно тогда родились первые масловские рассказы.

И долгие годы на легендарном ледоколе «Ленин». Вместе с ним входит в жизнь В.С. Маслова, становится – не сразу, трудно – родным для него Мурманск. Да вот не появится этот город на страницах масловских книг. И его «ледокольный» роман «Искушение» всё ещё не опубликован.

«Любовь побеждает всё» – так называется одна из главок книги «Несмиранный живописец». И это востину так. Речь идёт в ней о жене, о детях, о далёком, всегда желанном для моряка – вечного скитальца – береге.

И из всего этого прорастает, крепнет его главная тема как писателя: *Я с радостью развязал горло моим дорогим людям, чтобы они заговорили...* И они заговорили – жители поморской деревни Крутая Дресва: они – эти простые, искренние, настоящие люди, которые сделали Маслова настоящим, искренним, честным писателем.

Большую роль в становлении Маслова как художника слова сыграл Фёдор Абрамов, который так подписал свою книгу: *Виталию Маслову – побратиму и земляку, в которого верю.* С таким напутствием, с таким духовным завещанием, с такой эстафетой нельзя было не состояться, не занять своё незаёмное место в славной когорте писателей-деревенщиков.

И ещё были знаковые и значимые фигуры в судьбе Виталия Маслова – Виктор Конецкий и Семён Шуртаков, их роли в становлении Маслова-писателя отводится немало место в книге.

Важная тема, в раскрытии которой сильно ощущается личностное, неравнодушное отношение автора – Дмитрия Коржова, это тема, обозначенная в названии одной из главок, – «Без поэзии в прозе нельзя».

Виталий Маслов всю жизнь писал стихи, но они практически неизвестны читателю. Имя ему сделала проза. Об этом рассуждает Коржов, и, наверное, в большей степени о себе, о своём творческом двуединстве – поэта и прозаика: *Поэзия – обжигает. Проза – греет; Проза – земля. Поэзия – воздух.* И вывод: для хорошей прозы необходима хорошая поэтическая школа – так считал Маслов, так считает Коржов.

Глубокий анализ творчества героя книги сквозь призму его биографии, осмысление судьбы человеческой через становление писательское – всё это есть в книге.

И ещё о важном – о том, как В.С. Маслов со товарищи возродил в России День славянской письменности, проявив немалое мужество,

упорство, хорошую истовость и дерзость. Многие пытались, а сумел Маслов. Это очень показательно и красноречиво характеризует героя книги «Несмиранный живописец». А чего стоит уникальная в своём роде история установки памятника первоучителю славянским Кириллу и Мефодию в Мурманске!

Следующая глава книги не случайно названа «Почти брусиловский прорыв». Она о Славянском ходе, задуманном и осуществлённом Виталием Масловым. В этой «новой форме общения со страной» участвовал и продолжает участвовать Дмитрий Коржов. Эта глава и последующие особенно дороги автору, ведь это уже не история, это сама жизнь, прожитая рядом с Масловым и проживаемая после него.

Виталий Семенович Маслов мечтал – ни много, ни мало – о духовном единении славян, о создании Союза славянских православных государств. Не он первый, не он и последний. В.С. Маслов был убеждён: нужно ставить перед собой высокие благородные цели и всегда работать на будущее.

Виталий Маслов предстаёт в книге и как наставник молодых писателей, которых он пестовал так же искренне, истово и несмирненно, как он делал всё в своей жизни. Литературная жизнь Кольского края представлена в книге зримо, прочувствованно, ведь это и жизнь самого автора Дмитрия Коржова – равнодушного, страстного, несмирненного.

И, конечно, в книге нашла адекватное отражение горечь утраты. Подробно, последовательно описывается последний год земной жизни Виталия Семёновича Маслова, его смерть, переходящая в бессмертие. Здесь появляется неожиданное сопоставление Маслова и Достоевского, приводятся рассуждения о необходимости возвращения империи как «неоспоримого центра славянского и православного мира».

Такая она – эта книга. Такой он – её герой. Такой он – её автор. Неуёмный, несмиранный живописец.

ОТКРЫТАЯ ДУША ВАЛЕРИЯ ЧУБАРА

«Дождь, как и солнце, на свете есть...»

Дождь – один из любимых образов Валерия Чубара. Дождь – самый распространенный тип погоды в Ленинграде-Петербурге, в городе, в котором он родился, в котором учился, в котором сделал первые шаги в литературном творчестве:

*Вечность, над городом взмыв, летит,
дождь остаётся за ней, как след.
Вечно про грусть, про дожди стихи
мы сочиняем в семнадцать лет.*

*В первых стихах отдаём им честь:
хочется вальс танцевать и петь!
Дождь, как и солнце, на свете есть,
грусть, как и радость, умеет греть.*

Дождь сопровождает автобиографического героя его первого опубликованного рассказа «Только переночевать» (1983): *Дождь превратился в ливень. За грязными стёклами телефонной будки сплошная серая пелена рушащейся с темнеющего неба холодной воды.* Промокший, герой пытается найти ночлег в Ленинграде у друзей и знакомых. Находит его, но сначала переживает несколько отказов – обидных, может, унижительных. Этим рассказом открывается сборник избранной прозы Валерия Николаевича Чубара «Солнышко на плече» (Архангельск, 2022), вышедший к 60-летию писателя.

С этим рассказом перекликается завершающий книгу рассказ, самый свежий по написанию, «Ночлег» (2021). В нём представлен своеобразный художественный отчёт о том, что написано за годы литературной деятельности. И тоже дождь, но теперь не в городе – в походе, ночью, в лесу: *Я лежал неподвижно, слушая, как дождевые капли всё чаще и чаще стучат по тенту палатки. Теперь я не был одинок. Мне было хорошо и спокойно. Я почувствовал, что засыпаю. Но я по-прежнему слышал, как шумит дождь.* Автобиографический герой вспоминает о том давнем питерском дожде, описанном в первом рассказе. Упомянутся и другие произведения: «Возвращение», «Бычий хвост», «Конюшня Анны».

Рассказы и повести в новой книге располагаются в строгом хронологическом порядке по дате их написания. Можно проследить преемственность, творческую эволюцию писателя, развитие внутреннего сюжета сборника – а он есть, он развивается.

Важно, что проза Валерия Чубара представляет собой неразрывное единство с его же поэзией. Поэт и прозаик не конфликтуют, они плодотворно взаимодействуют, помогают друг другу. Образ, компактно упакованный в поэтических строчках, получает развитие в прозе, которая созвучна стихотворениям – по настроению, по выразительности, даже по ритмике.

При желании можно отыскать прямые параллели: *Да синее слово «СТОЛОВАЯ» весь вечер в окно смотрело / и буквою «Я» / испорченной / подмигивало / нам* («Эти стихи написаны в полуподвале на Петроградской...»); *... Что-то подгнило в неоновом механизме. Последняя буква истерично подмигивала: «Столовая-я-я-я-я-я». Казалось, вся пошлость и подлость мира воплотились в этой синей, фамиллярно подмигивающей букве. Дело было, конечно, не в ней, но именно глядя на эту подмигивающую мне в осенних сумерках неоновую букву, я понял, что не хочу оставаться в этом мире* («Возвращение»).

Последний рассказ «Ночлег» – подробный, дотошный, это, можно сказать, беллетризованная инструкция для туристов: как выбрать место для ночлега, как поставить палатку, как приготовить ужин в походных условиях. Подробность, детальность привлекает, притягивает, вызывает доверие, располагает к автору. И вообще, довольно часто герои В. Чубара действуют, существуют в походных, заведомо некомфортных условиях. В рассказах и повестях воспевается романтика путешествия, романтика преодоления. Что интересного может произойти дома, в четырёх стенах?

Питерская студенческая жизнь: книги, литературные споры, философские беседы, влюблённость, дружба, братство – романтика. Актёрское служение, студийное братство, богемный образ жизни – безусловно, романтика. Но вот, вроде бы, далёкий от романтики тяжкий труд, тяжелые испытания. Или вот мистика, аллегоричность, почти антиутопия. Но всё – через призму романтики.

И, конечно же, лошади, неизменная романтика с ними связанная, однако за ней обыденное, рутинное, неизбежное, самоотверженное – ведь лошади живые, их нужно кормить, за ними нужно ухаживать. А чудеса нужно делать своими руками – самый что ни на есть романтический подход.

Казалось бы, очень романтично название книги, ласковое, доброе – «Солнышко на плече», что-то трогательное, светлое, оптимистичное. Однако отыщем где-то в середине книги одноимённый рассказ – совсем другое ощущение, совсем другое восприятие: за внешней ласковостью горькая ирония что ли, если не что-то более приземлённое, жёсткое: *У меня не железное сердце, – подумал он. – Не железное. Кровь может течь только из живого сердца, а из железного не может. Но что проку в том, что оно не железное? Весь мир вокруг меня заполнили грубые начала, невесть как весь мир заполонило зло, а я даже и не подумал о том, что надо сопротивляться, оказать сопротивление этому злу.*

С названиями произведений сборника не всё однозначно, порой неожиданно, парадоксально – задумаешься, почему именно так названо, а не иначе. Название – очень важный компонент, в котором выражается авторская позиция.

Это может быть строка из песни: «На маленьком плоту», «Майскими короткими ночами», «Вместе весело шагать», присловье-поговорка: «У kota за ухом черно», цитата из прецедентного текста: «А ещё у нас ледяники есть», разговорная реплика: «Привозят, увозят», «Только переночевать», «Расскажи мне сказку», звукоподражание: «Зинь-зи-вер». Или вот нарочито красивая фраза, может быть, поэтическая строчка: «Неспешным шагом по опавшим листьям» – прочитав рассказ, осознаёшь степень её саркастичности.

Название может просто указывать на место действия: «Башня», «Супермаркет», «Шиес», «Конюшня Анны», но на проверку оказывается, что локатив является не простым указанием, а знаковым символом.

Символом может выступать какая-то, на первый взгляд, незначительная деталь, например, «Шиповник на Тоомпеа», если бы не название, даже, может быть, не обратил бы на эту деталь внимание. Именно название акцентирует, подчёркивает, провоцирует к размышлению: *Я шёл позади и смотрел на Зойку, а ещё я смотрел на серую каменную стену справа и на кусты шиповника, растущие на самой вершине. На кустах уже не было листьев, только ярко-красные точки ягод на чёрных колючих ветках. А на этом участке стены не было больше ничего, только шиповник.*

Вот прямое указание на основное событие: «Возвращение», «Последний переход», «Смерть человека», «Ночлет». Указание на человека, героя-героиню, содержащее в себе оценку, характеристику – «Травестюшка», «Боец». Или показательное обращение: «Герр Питер», но ведь это не о человеке, а о городе: *Герр Питер, здесь, где встречались город и море, мне о многом следовало поразмыслить – но этого не произошло. Только мачты запомнились: склоняющиеся надо мною, словно пытающиеся прислушаться к моим мыслям мачты...*

Имя собственное «Бычий хвост», правда, то, что это топоним, узнаешь, лишь прочитав рассказ, а до того могут возникнуть определённые ассоциации, которые не пропадут даром, помогут погрузиться в атмосферу описываемого.

Но вот «Сын» – почему сын? Чей сын? Есть ли у главного героя, работника военкомата, прошедшего войну, сын? Может, в каждом призывнике он видит сына? Это название для меня так и осталось интригующей загадкой: *Они мне почудились, – подумал Виктор. – Этот мужчина и его сын. Почудились. Как там Вадимыч сказал? Дымовая завеса в мозгах? Вот. Почудились.*

В названии может быть выражено что-то иносказательное, неординарное – «Белая шерстка драконов»:

Ирку хоронили бесснежным ноябрьским утром. Но, когда зроб начал опускаться в яму, выдолбленную в стьлой земле, пошёл снег.

Словно белые драконы слетели с небес.

Название часто бывает обманчивым.

Очень оптимистичная детская песня «Вместе весело шагать» имеет самое прямое отношение к названной так повести о подростках, почти детях. Однако вторая часть названия «Мы стоим за гаражами» всё переворачивает с ног на голову, окунает нас совсем в другую действительность – жёсткую, жестокую, беспощадную. И само соседство в одном заглавии двух фраз – официально оптимистической и обезоруживающе безысходной – подчёркивает пропасть между ними, лицемерное попустительство, не желающее замечать нелюбезную изнанку.

В книге пронзительно, предельно откровенно говорится о минувшей войне, разоблачительно-обличительно о войне вообще как преступлении против человечности. Одухотворённая, высокая романтика противопоставлена сомнительной, надуманной романтике определённых социальных групп. Тревожность, неизбежность трагедии, пронизывающие прозу писателя, – это одновременно проявление и романтизма, и рационального взгляда на мир. Будни – простые, обыденные, нередко подспудно являются героическими, правда, самими героями они таковыми не воспринимаются.

И лошади, лошади, много лошадей. Они как люди, нет, лучше людей. В центре внимания писателя их нравы, характеры, причуды. Лошади не безымянные, каждая имеет имя, именно имя – не кличку. Какие-то уже нам известны по стихам, где тоже много лошадиных имен.

Подо мной вороной Мэр.

Надо мной ветер тучи гонит.

Почему я ещё не умер?

Потому, что я – конник

Хочется понять, разобраться, почему эти люди так много времени проводят с лошадьми, в конюшне. Им здесь лучше, чем с людьми? Судьбы у них непростые, путанные, но это не важно, они – конники («Конюшня Анны», «Последний переход», «Неспешным шагом по осенним листьям»).

На страницах книги очень много литературных цитат – стихи, проза, отсылки, упоминания, ожидаемые и неожиданные. Вдруг Писахов как спонтанное средство перевоспитания сноба-зануды, заносчивого, невыносимого («А ещё у нас ледяники есть»).

Немало в книге повествований от первого лица, и это далеко не всегда отвлечённый рассказчик или автобиографический герой, нередко писатель примеряет на себя самые разные маски, проза приобретает черты драматургии, её очень легко представить на театральных подмостках.

Я видел замечательный спектакль Северодвинского драматического театра «Чтобы не было забыто, что было на войне», сквозной линией в нём проходит инсценировка рассказа В. Чубара «Зинь-зи-вер». Актриса Анна Венгерович трепетно и откровенно сыграла историю женщины, пережившей войну, которая безжалостно прошла по её судьбе.

Вот юная девчонка на первом свидании: восторг, влюблённость, осознание своего бесконечного счастья. Затем мы видим блокадный Ленинград: страшный голод, все мысли о том, как сохранить детей, уберечь их от неминуемой гибели. Героине не даёт покоя подслушанный разговор в очереди за хлебом: одна женщина спокойно говорила другой, что решила перестать кормить одного из детей, чтобы спасти хотя бы более сильного. Эта мысль засела глубоко и чуть было не осуществилась – много лет героиня казнит себя за это, просит прощения у взрослой до-

чери за проявленную слабость. А дочь не разрешает ей плакать, вспоминая о войне, – сколько можно! А как же забыть?!

И вот перед зрителями уже глубокая старушка, почти потерявшая память, но вдруг в её сознании воскресает то, что забыть невозможно... Актриса убедительно представляет разные ипостаси своей героини, находит нужную интонацию, подбирает выразительный пластический рисунок роли, и поразительный по силе своего воздействия рассказ находит адекватное сценическое воплощение.

Мне самому доводилось ставить в руководимом мной студенческом театре «Балаганчик» спектакль по неординарной пьесе Валерия Чубара «Выборы», любезно предоставленной автором нашему творческому коллективу. Пьеса состоит из двух частей, между собой как будто не связанных. Персонажам приходится делать важный, определяющий их судьбу выбор: между долгом и призванием, между добром и злом, буквально между Богом и Дьяволом. Форма у пьесы подчёркнуто абсурдная, ироничная, содержание – сугубо серьёзное, реалистичное. И яркая, всепоглощающая театральность действия. Эти черты присущи и прозе, и поэзии писателя.

Елена Галимова в предисловии к книге стихов В. Чубара «Одинокое слово» (Архангельск, 2021) в качестве «двух главных черт, двух свойств созданного им художественного мира» называет романтизм и театральность. А. Семаков в предисловии к книге рассказов и повестей В. Чубара «Конюшня Анны» (Архангельск, 2011) пишет: «Драматизм – вот слово, которое, на мой взгляд, точнее всего характеризует прозу Валерия Чубара».

Соглашусь, но, пожалуй, добавлю ещё одну характеристику, которая, впрочем, может восприниматься как неизбежная производная от названных выше, – это напряжённая тревожность. Она присуща всему творчеству Валерия Чубара: и поэтическому, и прозаическому, и драматургическому.

Даже в светлых, добрых, лиричных, домашних произведениях, как например, «Расскажи мне сказку», без напряжённой тревожности не обходится. И эта тревога не от паники, не от безысходности, она от неравнодушиности, от искренней заинтересованности, от взволнованной сопричастности, от принципиальной гражданственности.

Важно, что Валерий Чубар по роду основной деятельности журналист, радиийщик, публицист, непрерывно держащий руку на пульсе действительности. Он автор и ведущий передачи о театре и кино «Первый ряд», сам имеющий немалый театральный опыт: был и актёром, и заведующим литературной частью театра. Он активно участвует в литературной жизни, является членом правления региональной писательской организации, редколлегии областного литературного журнала «Двина», экспертного совета Всероссийской литературной премии «Чистая книга»

имени Фёдора Абрамова. Вся эта многогранная деятельность, конечно же, накладывает отпечаток на художественное творчество писателя

Роман Валерия Чубара «Сон на закате» (Архангельск, 2012) – значительное явление в литературе. Это роман-катастрофа, роман-предостережение, роман-притча, яркий по форме, глубокий по содержанию. В аннотации приводятся слова автора: *В любой книге – часть души её создателя. В этот роман я постарался вложить всю свою душу целиком.*

Эти же слова, думаю, в полной мере относятся и к этой его книге – книге избранной прозы «Солнышко на плече». В ней отразились открытая душа и беспокойное сердце талантливого писателя и замечательного человека. Такая книга не может не найти отклика в сердцах и душах неравнодушных читателей.

«Есть тепло на Земле...»

В своё «Избранное» (Архангельск, 2012) Валерий Чубар включил стихотворения из четырёх книг, а также не публиковавшиеся ранние стихи. У этого сборника интересная обложка: в оконном проёме разрушенного храма силуэт стоящего человека, приглядевшись, можно предположить, что это сам поэт, хотя черты его лица не проглядываются. Интересно, так же пристально вглядываясь, рассмотреть облик лирического героя поэзии Валерия Чубара. Создаётся впечатление, что тоже видишь лишь силуэт вдаль, но с каждым новым стихотворением этот самый облик становится всё более отчётливым и притягательным, однако определённая дистанция всегда ощущается.

Листая сборник, обращаешь внимание: как много имён собственных на его страницах. Хочется разобраться, какие они, какую роль им отводит поэт в своих стихотворениях.

Вот Земля – в глобальном, планетарном значении, как будто видимая из космоса. Таков взгляд поэта: *...а потом – продолжали свой путь бесконечный / по дорогам летящей в пространстве Земли* («Память тронь лишь – она, как струна отзовётся...»). Как планета Земля видится герою стихотворения «Маленький принц», тому самому из сказки Экзюпери: *На сухой, солёной, странной, страстной / на покрытой иглами Земле...* («Маленький принц»). Земля в поэтическом контексте предстаёт живым существом: *Ветер крепчал. Крепчалось дыханье гневной Земли* («Лето погубило. Скончалось преждевременно...»); и это дыханье Земли ты ощущаешь ежечасно, пока жив: *Ты живёшь на Земле – дует ветер. Ты умираешь – / дует ветер, ах, как он дует, ах, как!* («Ветер с Двины»), поскольку *Есть тепло на Земле – / на Земле есть ещё и холод, / ветер быстро, быстро напомнит тому, / кто о том забыл* («Ветер с Двины»).

Показательно приложение *мать*, определяющее номинацию нашей родной планеты: *Вот ваш дар, что надобен мне, люди, / дар про-*

иальной матери-Земли («Уздечка»). Земля – прибежище земной жизни, земных чувств: *Когда-нибудь. Где-нибудь. А пока / жить тебе на Земле* («У края деревни, в саду ночном...»); *Сильна, как смерть, любовь – / и, словно смерть, она пугает, / тревожит, дразнит, завлекает, / сулит бессмертье вновь и вновь / нам на Земле...* («Прославим летние дожди...»); именно на Земле рождаются стихи: *Не в высях, где абстрактные морозы, / но на Земле, где люди и огни, / стихи проходят тот же путь, что проза, / и дальше продолжают путь – одни* («Среди вражды, раздора, дрызг и сплетен...»).

Вообще, космический взгляд на мир свойствен поэтам: *Вкруг Солнца движутся миры, / как мы – заложники игры* («Игра с огнём»); *Мы кричим, появляясь на свет, / мы грозим кулачками Вселенной, / потому что нам холодно* («Путь на север...»), однако опустимся на грешную землю и посмотрим, собственные наименования каких земных объектов становятся неотъемлемой частью поэзии Валерия Чубара.

Родной город поэта – Ленинград-Петербург, с этим городом связано его становление как личности, как творца, поэтому не случайно довольно часто в поэтических строчках упоминается название северной столицы, топонимы и урбанонимы, с ним связанные: *Ни черта у нас не было – лишь Ленинград, / да ещё рваный плащ, а в кармане – Шекспир* («Ленинградских дворов проходных полумрак...»). Ленинград для поэта хорош в любое время года: *По Ленинграду осень шла. / Желтела листве в рвань* («Воспоминание о сером дворе»); в любую погоду, которая чаще здесь бывает плохой: *Ленинград нам готовил плохую погоду. / Счастье, слава – об этом он сказок не плёл* («Проездом»).

Ленинградский пейзаж неизменно порождает удивительные эпитеты и метафоры, вот знаменитая ленинградская белая ночь, как будто просвечивающая историю города: *Ночью сквозь прозрачный Ленинград / видно всё на сотни лет назад* («Белая ночь»); вот неожиданно сменяющие друг друга неизменные спутники ленинградской погоды – осадки: *Ядом лилий с клеймёных плеч снег снижается / в Ленинград. / Как стрельба из засады – дождь, / как гранаты – внезапный град* («Враг»).

Ленинград-Петербург волей поэта нередко одушевляется, проявляя разнообразные намерения и чувства: *Дотянуться до неба шпильями / ночью хочется Ленинграду* («Ночью тихо... Хрустальной лилией...»); *Нам не пел орган и кларнет не пел – / как кузнецик, нам Ленинград звенел* («Нам не пел орган и кларнет не пел...»); *Заблудившийся в трёх столетях, / сумасшедший Санкт-Петербур?!* («Заблудившийся в трёх столетях...»).

Конечно же, в ленинградских стихах не обошлось без притягательного образа Невы, которая в поэтическом контексте предстает то скрипкой, то стебельком: *И смычками мостов нам играл Ленинград / на дождями облаканной скрипке Невы* («Ленинградских дворов проходных полумрак...»); *Он [Ленинград. – А.П.] смеялся в час предрассвет-*

ной мглы, / он качался на стебельке **Невы** («Нам не пел орган и кларнет не пел...»).

Упомянутся в стихах и другие знаковые городские наименования: *Дождь над **Васильевским** качается / и сеет брызги в стёкла мокрые* («Васильевский остров. Дождь»); *Ночью тихо... Хрустальной лилей / неба купол над **Летним садом*** («Ночью тихо... Хрустальной лилей...»); *Ты в пещере на **Кузнечном** / перед сном в клубок свернись* («Кольбельная для рыжей лисы»); «*Мерседесы*» *катили в **Смольный***. / *Облепили **Зимний** бомжи* («Заблудившийся в трёх столетях...»); *Эти стихи написаны в полуподвале на **Петроградской***... (начальная строчка стихотворения).

Интересно, что в названиях трёх стихотворений наряду с топонимом через точку обозначается «Дождь» как самая частотная черта ленинградского пейзажа: «Ленинград. Дождь», «Васильевский остров. Дождь», «Екатерининский парк. Дождь». А вот в стихотворении с собственно названием «Дождь» Ленинград сопоставляется с Парижем, как будто ночная дождливая погода порождает неопределённые видения и грёзы, здесь вполне уместны разделительные сочинительные конструкции: *То ли **Латинский квартал, Париж**, / то ли блестит под луной **Нева**...*; *То ли та крыша – музей **Клюни**, / то ль это **Русский музей** в ночи;* *То ли у **Сены** дворец **Шайо**, / то ли у **Мойки** уснули львы;* *То ль темной **Нотр-Дам** укрыт, / то ли **Кронверк** уплывает в ночь.* Сопоставление с Парижем появится в сборнике «Избранное» ещё однажды, правда, более контрастное – с французской столицей «потягается» пригородная архангельская деревня: *...ведь в **Перхачёве** – это не в **Париже**: / дома пониже и асфальт пожже...* («Хочу воспеть я запах сенажа...»).

Вечное противопоставление Питера и Москвы тоже найдёт отражение в одном из стихотворений В. Чубара: *Застрели в **Москве** – как заноза в ладони. / И **Москва** по-железному твёрдой толпой / ковырялась вокруг, чтоб достать нас* («Проездом»).

Анафорические восторженные восклицания-обращения к знаменитому ленинградскому пригороду составят основу другого стихотворения: *О **Павловск!** / Осенний **Павловск!** <...> О **Павловск!** Тишайший **Павловск!** <...> О **Павловск!** Предснежный **Павловск!*** («О Павловск!...»).

Анафора с гидронимом «Это ветер с Двины», являющаяся зачином каждой из шести строф, формирует замечательное стихотворение «Ветер с Двины», посвящённое городу Архангельску, ставшему, можно сказать, второй родиной для В. Чубара, во всяком случае, местом жительства на долгие годы: *Это ветер с **Двины** – не попутный, / а встречный ветер. / Верь поэту, верь ветру – они не солгут тебе* («Ветер с Двины»). Однако само название города на Двине в поэтическом контексте сборника не употребляется, можно обнаружить только образованное от него

прилагательное, что интересно вновь в сопоставительном аспекте, навеянном прецедентным текстом, о котором речь пойдет ниже: *И откуда-то из-за архангельских сосен / наплывала на сердце испанская грусть...* («Кэтти»).

В сборнике помещён поэтический цикл «Норвежский дневник», который, конечно же, не обошёлся без упоминания топонимов. Уже в первом стихотворении цикла даётся метафора, однако созданная не поэтом, он использует зафиксированное им образное представление норвежцев об очертаниях своей страны на карте: «*Это – Норвегия*», – / *говорит Лена Норли, / закатывая рукав. // «Посмотри на мою руку, / представь, / что это – Норвегия»* («Это – Норвегия»); в финале стихотворения поэт подхватывает предложенную ему языковую игру: «*До завтра!*» – / *говорит Лена Норли, / протягивая мне на прощанье Норвегию*.

В цикле упоминаются названия норвежских городов: Осло, Тронхейм, Тромсё, а также глобальные топонимы: Арктика, Север: *Простая девушка, живущая в Тромсё?* («В гостиничном номере...»); «*Это оружие, – гласит табличка, – / пытались использовать в Арктике / охотники на белых медведей*» / «*Однако, – добавляет табличка, – / в условиях Севера это оружие / оказалось неэффективным*» («Шмайсер» – немецкий автомат...»).

Знаковый топоним Соловецкие острова встречается в странном названии одного из стихотворений сборника, дважды используется нарицательное прилагательное, от него образованное: *Уйти соловецкими дорогами...* («Остров»); *Камни соловецкие / тяжёлы* («Памяти Юлии Матониной – поэтессы, погибшей на Соловецких островах в сентябре 1988 года»).

Кроме того, отметим употребление ещё двух топонимов в историческом и публицистическом аспектах: *Встал, залиывая раны, / лагерем, туману рад, / отходящий к Орлеану / погибающий отряд* («Баллада об огненных хризантемах»); *О Чечне немыслимая повесть / на экране... Ей не прекословь: / ненависть не знает слово «совесть», / а война вообще не знает слов* («О Чечне немыслимая повесть...»). А также топонимы, связанные с библейскими событиями, поданные весьма своеобразно: «*Почём апельсины в Гефсиманском саду?*» / «*Почему не обеспечены буфеты народу?*» / *Пожалуй, очутившись в самом аду, / они будут спрашивать: «Какая погода?»* («Голгофа»).

Далее перейдём к анализу антропонимов в поэтическом творчестве Валерия Чубара. Это прежде всего имена деятелей литературы и искусства как в прямом, так и в метонимическом значении, их выбор даёт представление о вкусовых и мировоззренческих предпочтениях лирического героя стихотворений: *А нам было всё едино. Жевали / свой хлеб без масла, / спорили о Тарковском, Ван-Гоге / и Дебюсси. / Безденежные и бесправные, / но яростно не безгласные, / мы жили, ни Бога, ни дьявола /*

согласия не спросив («Эти стихи написаны в полуподвале на Петроградской...»); *С неба капли тёплые тихи. / И – Андрея Белого стихи...* («Белая ночь»); *А я держу коня под уздцы / и помышляю о Лао-цзы* («Детей катают пять лошадей...») – интерес представляют рифмы, подобранные к антропонимам.

Трижды употреблено в сборнике фамилия великого английского драматурга Уильяма Шекспира, при этом речь идёт не о нём самом, а о его творчестве, точнее о книге, в которой оно зафиксировано: *...да ещё рваный плащ, а в кармане – Шекспир* («Ленинградских дворов проходных полумрак...»); *Под слезливую лиру / бродячих кустов / ты читала Шекспира / в вагоне пустом <...> Мы читаем Шекспира, / дом едва осветя. / Между нами и миром / кулисы дождя* («Гамлет»).

Показательно в этом плане употребление фамилий певцов, звучащие записи голосов которых создают ощущение их реального присутствия в определённой локации: *В тесной мансарде грустит Дассен, / с ленты магнитной к душе идя* («Дождь»); *После тупо молчали, / души красным облив, / а Высоцкий кричал нам / про коней и обрыв* («Жили в общем-то сносно...») – как видим, творчество упомянутых исполнителей понадобилось для адекватной передачи душевного состояния лирического героя. Подобный эффект создаётся, когда фамилия творца обозначает его изображение: *А с твоей спины, с твоей футболки чёрной / молчаливый Цой / неподвижный взор свой устремил на реку <...> И смотрел на реку Виктор Цой, прищурясь, / и текла река...* («...И текла река. И небо над рекою...»).

В стихотворении, посвящённом трагически погибшей поэтессе Юлии Матониной, её имя включено в метафорический контекст: *Осень позвала её: / «Юль – пойдём...»* («Памяти Юлии Матониной – поэтессы, погибшей на Соловецких островах в сентябре 1988 года»). Видимо, о ней же речь идёт и в другом стихотворении: *Они придут за тобой, поэт. / Винсент и Юля, / в сентябре, в июле – / они придут за тобой, поэт* («Они придут за тобой...») – имена Юлии Матониной и Винсента Ван-Гога, ушедших из жизни соответственно в сентябре и июле, приобретают символический смысл – тревожное напоминание о смерти.

Имена создателей произведений искусства неразрывно связаны с их персонажами: *Ты – Рибейры принцесса, / мой отец – Тициан. / Ты – святая Инесса, / я – святой Себастьян* («Себастьян и Инесса») – герои стихотворения сопоставляются с образами картин «Святая Инесса» Хосе де Рибера и «Святой Себастьян» Виччелио Тициана; *Беспокоиться Кэтти начнет – я «Гренаду» / или «Смерть пионерки» вклею целиком. // Если б знали Светлов и Багрицкий, как чутко / относилась кобыла к поэзии их!* («Кэтти») – лирический герой умиряет строптивую кобылу чтением стихов известных советских поэтов, здесь же обыгрывается строчка из стихотворения Михаила Светлова «Гренада» об испанской

грусти украинского хлопца, у Чубара: *И откуда-то из-за архангельских сосен / наплывала на сердце испанская грусть...*

Имена литературных героев как прецедентные феномены обладают немалым выразительным потенциалом в поэтическом тексте. Так, в стихотворении «Гамлет» лирический герой стремится постигнуть заглавный образ, соизмеряет его с самим собой: *Только Гамлету тесно / в доспехах стихов. // Только Гамлета душит / погубленный век. / Он – ца-рапина в душах, / он – живой человек. / Он здесь, рядом, со мною / в дождливой ночи.* В этом же стихотворении обобщённое, нарицательное значение приобретает имя другого персонажа шекспировской трагедии: *Влезли Озрики в джинсы / и в бармены ушли. / Им достаточно места / в любой из эпох.*

В цикле Валерия Чубара «Перечитывая “Маленького принца”» представлены стихотворения, озаглавленные именами героев этой сказки А. де Сент-Экзюпери и как будто бы написанные от их лица: Лётчик, Роза, Король, Честолюбец, Пьяница, Фонарщик, Делец, Географ, Лис, Торговец, Стрелочник, Змея, Маленький принц. Конечно же, эти имена также представляются здесь обобщёнными, почти нарицательными в результате осмысления-интерпретации поэтом образов их носителей.

Органичны в стихах Валерия Чубара имена собственные из произведений Джона Толкина: *Смешались века и дни, / и Средиземье легло / под копыта твои!* («Бархат»); – *Морвен, но ты жива* («Баллада о камне горести»), поэт сам является создателем ряда произведений в жанре фэнтэзи, он даже упоминает название одной из своих повестей в поэтическом контексте: «*Сыновья полей*»? *Пусть будет так! / В мир мечты дорога уведёт* («Сыновья полей»? Пусть будет так!»).

В стихотворении «Два всадника» В. Чубар сопоставляет, точнее, противопоставляет два образа – легендарного Александра Македонского и персонажа знаменитого романа Сервантеса Дон Кихота, приходя к интересным наблюдениям и заключениям: *Жил такой герой – Александр. / Жил такой чудак Дон Кихот. / Под одним был трон – палисандр. / Под другим табурет – урод; удостоились упоминания в стихотворении и лошади этих двух всадников: Под одним был зверь – Буцефал. / Под другим одёр – Росинант.* К слову, к лошадям поэт неравнодушен, но об этом несколько позже.

Среди антропонимов, использованных в анализируемом сборнике, очень мало имён исторических личностей, их упоминания единичны: *...и – фрегаты первые Петра...* («Белая ночь»); *Понтий Пилат пообедал и выпил* («Голгофа»); *Курут, ссутулившись, юнкер Бестужев / в джинсовой куртке потёртой* («После премьеры») – в последнем примере, скорее всего, речь идет об актёре, исполнявшем роль Бестужева в спектакле. В «Балладе об огненных хризантемах» дважды упоминается название исторического события: *Длилась ночь. Дымилось лето. / Шла Столетняя война; ...Дальше – пропастью – столетья / и Столетняя*

война... – здесь интересная языковая игра на основе использования со-
звучных однокоренных слов.

Традиционные для мировой поэзии персонажи древнегреческой
мифологии единично представлены в поэтическом творчестве
В. Чубара: *Сейчас ударит ливень! Невпопад / шальные мысли – колесни-
ца Феба / на нас несётся!* («Грозилом небо взорвано! Гроза...») – образ-
ное описание грозы; ...*Спуститься в жёлтый ад осенний <...> и не
найти там Эвридики, / найти один бескрайний дождь...* («Орфей») –
образное описание осени.

В поэтическом контексте В. Чубара можно обнаружить и библей-
ские образы: *Каин точит нож, Саломея пляшет, / хохочет Хам* («Чер-
ное колечко с пальца на палец мы передаём...») – олицетворение миро-
вого зла; *В гостиничном номере / раскрываю томик Нового Завета / и
вижу сделанную чернилами надпись: «Мона». // Матфей, Марк, Лука,
Иоанн – / и Мона...* («В гостиничном номере...») – к слову, образ Мо-
ны станет лейтмотивом всего «Норвежского дневника», цикла, в кото-
рый входит это стихотворение.

Конечно же, в сборнике используется и образ Иисуса Христа,
правда, в несколько неожиданном ракурсе: *И что-то кричал Иисус Хри-
стос / сквозь рёв озверевших телепрограмм* («Вдогонку, взатажку, взал-
хлёб, взасос...»); *На левой стене – бесёнок, / на правой стене – Хри-
стос. / Христос из журнала вырезан, / глянец лоснится лик, / а бес, от
руки нарисованный, / чёрен, застенчив, дик* («Мансарда»).

Использует поэт имена персонажей стихотворений – реальные или
вымышленные, неважно: *И дворник дворнику сипел: / «Да брось их к
чёрту, Вань!»* («Воспоминание о сером дворе»); в посвящениях к стихо-
творениям могут быть указаны имена конкретных людей, которые фигу-
рируют и в поэтическом тексте: *Пожалуй что, Жанна, ты всё же цы-
ганка – / цыгане в кочевьях не смотрят назад* («Жанна»); *Коль уж срав-
нил конюшню с кораблём, / Наталья с Ольгой здесь за капитанов* («Хо-
чу воспеть я запаха сенажа...»).

А вот зарисовка с природы, в которой даётся колоритная речевая
характеристика посетителей бара: – *Серж, да расслабься, она ж – урод!*
*/ Сунь-ка соломинку, Серый, в рот! <...> Ленка, я бы поклялся / в том,
что люблю тебя, Ленка, / только поклясться нечем... <...> – Вить, ты
как-то намекал мне – / только не подъехать к Анне. / Хочешь, с Аллой
познакомлю? / Алла нынче очень в форме!* («Бар»).

Особое положение занимает придуманное имя Улла, давшее
название циклу стихов: *Разве знал, что Уллой назову, / прокляну, про-
славлю я тебя?* («Позвонили в дверь. Толпу пустил...»); это имя звучит
выразительным рефреном-эхом, составляя эпифору: *Шумно о камни во-
да плеснула – / Улла... / Тайна зловецего, ярого, яркого, вечногo гула – /
Улла...* («Шумно о камни вода плеснула...»).

Казалось бы, вовсе непоэтичные названия торговых марок, ставшие привычными наименованиями соответствующей продукции, находят применение в поэтическом контексте: – *Вить, с джинами нет фонтана – / только лейбл здесь «Монтана»* («Бар»); *Кофе рождаются в недрах «Омний»* («Бар»); *Ведь это вам не «Орбит» на ксилите* («Хочу воспеть я запах сенажа...»); *«Шмайсер» – немецкий автомат – / и советский пулемёт Дегтярёва / встретились в музее Тромсё* («”Шмайсер” – немецкий автомат...»).

Интересно, что название автомобиля отечественного производства в разных стихотворениях приобретает одинаковый показательный эпитет: *Ждёт у подъезда умытая «Волга»* («Голгофа»); *Поменяли умытые «Волги» на «Вольво»...* («Беспокойство – особое свойство поэта...»).

В стихотворении, состоящем только из четырёх строк, название торговой марки помогает создать ёмкий выразительный образ:

Изучен мир до запятой.

Всё ясно. Всё обыкновенно,

как штамп «Нева» на бритве той,

которой ты вскрывала вены («Изучен мир до запятой...»)

Среди имён собственных, используемых в поэзии Валерия Чубара, особое место занимают клички лошадей. Поэт – конник, его отношение к лошадям трепетное, восторженное, он любит этими прекрасными созданиями, преклоняется перед их благородством и мудростью. Так, как само собой разумеющееся он упоминает имена одних и тех же лошадей в разных стихотворениях, то, что это лошади, вполне понятно из контекста: *...верхом на Айве, – сокращённо – на Айке* («Жанна»); *Улеглась на траву Айва. / Ауст глаз тревожно скосил* («Одинокий костёр в ночи...»); *Ногу в стремя – и вновь в седле. / Ну-ка, Ауст, не подведи! <...> Ну-ка, Ауст, держись бодрей, / выше голову, рысь прибавь! <...> Мы воскреснем, Ауст, – и вновь / уплывём с тобой в море трав* («Ногу в стремя – и вновь в седле...»).

Имена лошадей могут быть необычными и порождать двусмысленные ассоциации, при этом игра смыслами представляется довольно выразительной: *А в деннике – смешной и длинноногий – / спит жеребёнок с кличкой Пегас* («Хочу воспеть я запах сенажа...»); *Подо мной вороной Мэр. / Надо мной ветер тучи гонит. / Почему я еще не умер? / Потому, что я – конник* («Подо мной вороной Мэр...»).

Конкретным лошадям Валерий Чубар посвящает стихи, вынося их клички в заглавие, в этих стихах создаются яркие, полнокровные – вполне себе человеческие – образы заглавных персонажей: *Мне вручая кобылу по имени Кэтти, / много жутких вещей рассказали о ней. <...> Кэтти напрочь сносила плетни и заборы, / Кэтти их проходила буквально насквозь* («Кэтти») – кобыла сопоставляется с одноименной героиней «Трёх мушкетеров» Дюма – служанкой миледи; *Весь как есть в морковку цветом, / уши рыжие торчком – / нарекли создание это / при*

рождении **Стрелком**. / Образ точный подвернулся: / этот рыженький конёк / был по меткости укуса / ворошиловский стрелок! <...> Обожал **Стрелок** кусаться, / уши нервно зажимать, / независимо держаться / и властей не признавать» («Стрелок»); Открытый манеж заснежен. / Солнце слепит глаза. / Конь **Бархат** один в манеже – / тёмно-гнедой рысак («Бархат») – в этом стихотворении рефреном звучат обращения к коню с ритмично повторяющимися императивами, помогающими создать романтическую атмосферу: *Рыси, Бархат, рыси! / Лень вытряхни из меня, / в мечту меня унеси, / в неведомые края!* – ср. также: *Шагай, Бархат, шагай!; Галоп, Бархат, галоп!*

Завершает сборник стихотворение с символическим названием «Вечность», вызывающем разнообразные, в т.ч. философские, ассоциации, но дело в том, что Вечность здесь не абстрактное, а вполне себе конкретное имя конкретной лошади: *Родилась жеребушка – назвали Вечность. / Нет бы Вичка иль Внучка – а то ведь – во как! / Вечность – суций ребёнок, сама беспечность / у мамашаи Веги под чёрным боком.* И это обстоятельство позволяет поэту создать удивительные по красоте и глубине образы, выйти на серьезные размышления и умозаключения на основе игры смыслами созвучных слов: *...до Вечности могут достать рукою; Вечность так же наивна, как и все дети, / но в глазах её неземная мудрость.* С Вечностью хорошо побродить над рекою, побеседовать на угоре, полюбоваться зеленым морем трав и порассуждать о том, что не будет смерти: *И когда я поддамся тоске смертной, / и потухнет взор, и поникнут плечи, / Вечность тихо придёт жеребушкой серой / и негромко напомнит: всё в мире вечно.*

МАСТЕР ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ – НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВ

«Есть что-то сладкое, поэтическое, щемящее...»

Николай Васильев – мастер лирических пейзажей, настоящий поэт в прозе. Лиризм, согласно словарю С.И. Ожегова, предполагает «чувствительность в переживаниях, в настроениях; мягкость и тонкость эмоционального начала». Всё это в полной мере относится к пейзажам Н. Васильева, составивших его книгу «Вселенная полей» (Вельск, 2019). Описания природы, пропущенные через личное, субъективное, насыщенные метафорами, сравнениями, эпитетами, другими выразительными языковыми средствами, подкупают своей открытостью и откровенностью, простотой и сложностью, парадоксальностью и неординарностью. Привычное, обыденное представляется необычным, неожиданным через призму пристрастного, неравнодушного взгляда автора.

Вот, например, как написано об открывающемся из окна мчащегося автомобиля виде: *Кому не знакома покойная радость зренья беско-*

нечной анфилады оцепеневшего леса, да ещё спрямлённого архитектурно дорожным полотном?! («Одно воспоминание...»). Однако останавливает, настораживает ненормативность употребления *радость зрения*. А кто сказал, что лирическое должно быть строго нормативным?

Или вот такая метафора, которая последовательно реализуется в пейзажных зарисовках: *Весёлый аэропорт птиц за окном!* («Эскизы января»); и ещё авиационное: *Аэропорты берегов, взлётные площадки льдов* («Апрельское»). Или такое душевное, чудное, вынесенное в заголовок: *Серовато-жёлтыми ватками с юга плывут и плывут облачка. Нет в них ещё пронзительной летней белизны, но и эти – лёгкие, уютные – как боженька в лапоточках по сердцу* («В лапоточках по сердцу»).

Пейзаж – жанр изобразительного искусства, поэтому вполне ожидаемыми представляются образы, навеянные живописью: *Вот уж снежный авангардизм...* («Мартовское»); *И так обдаст левитаном вспыхнувший кусочек леса, так пахнёт палехом на тебя, что внутри всё задрожит от счастья* («Сентябрьские эскизы») – ёмкий, выразительный метонимический перенос, основанный на обыгрывании имён собственных. Не случайно в названиях рассказов книги можно обнаружить слова, напрямую связанные с изобразительным искусством: эскизы, картины, зарисовки.

Космичность основного образа, давшего заглавие всей книги – «Вселенная полей», в полной мере раскрывается в предисловии Владислава Попова, названном «Вселенская юрта Николая Васильева», в основе которого поэтическое обозначение весеннего неба: *Уютная вселенская юрта. В её центре плывут рядна, волокна, кудели облаков* («Снежный ливень»). Разве только приведу пример очень выразительной космической метафоры: *Ночью, часа в два, просыпаюсь. Темно по-прежнему. Глухо. Но на небе мне в глаза глядит ветка Большой Медведицы с перспелыми гроздьями звёзд*.

В книге пять разделов, каждый из них открывается живописной цветной фотографией. Пейзажи распределены по временам года: зима – название раздела «Эскизы января», весна – «Весеннее», лето – «Вселенная полей», осень – «Тень золота», пятый раздел «Лесная элегия» включает три рассказа, скажем так, мировоззренческого, экзистенциального толка. Вот как начинается рассказ, давший название этому разделу: *Я бы взял их за руки, провел по лесам и сказал: «Зрите, чады, что сотворили отцы ваши»*.

Много интересного – в смысловом, изобразительном, эмоциональном плане – открывается при внимательном неторопливом чтении лирических пейзажей Николая Васильева. Что-то удивляет, что-то умиляет, что-то восхищает, что-то настораживает. Удивительные по красоте, проникновенные, гармоничные зарисовки порой сменяются вычурными, нарочито усложнёнными образцами словесной живописи. Не оставляет равнодушным пронизательный, восприимчивый взгляд автора на род-

ную природу, не могут не оказывать эстетического воздействия искренние проявления его поэтической, художнической натуры, его чувствительные переживания обязательно находят отклик в душе читателя.

Подробнее хотелось бы остановиться на одной выразительной грамматической особенности, явно любимой автором книги, во всяком случае он очень часто её использует в своих лирических пейзажах. Речь идёт о субстантивации прилагательных и причастий в форме среднего рода, благодаря которой образуются существительные, обобщённо называющие явления, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом, например: *прошлое, настоящее, далёкое, прекрасное*. Николай Васильев нередко использует подобные слова в качестве заголовков своих рассказов: «Мартовское», «Апрельское», «Соседское», «Холодное», «Легкое», «Предвечернее», или целого раздела – «Весеннее». В васьильевском контексте встречаются оригинальные окказиональные образования: *синичье, вербное, еловое, земляничное* и др. Ловлю себя на том, что сам, описывая книгу Н. Васильева, активно употребляю анализируемые конструкции, поскольку они так и просятся на бумагу.

За такими наименованиями скрывается некоторая неуловимость, неопределённость, неназываемость описываемого. Ассоциативно они связаны с семантикой емкого по содержанию местоимения *нечто*, с которым исходные прилагательные составляют атрибутивные сочетания, например: *нечто странное*. Это самое *нечто* обозначает что-то, недоступное человеческому восприятию и осмыслению, не называемое человеческими словами. Такое *нечто* органично для лирических пейзажей: *Пройдешь сто метров, а впереди то же не впускающее тебя Нечто, а сам ты всё в той же точке отсчёта. Нечто обнаруживает себя, но не открывается до конца* («Эскизы января»).

Частотность неопределённых местоимений в рассматриваемой книге довольно велика: *Кажешься иногда лишним в напряжённом диалоге неба и земли. Что-то совершается между ними* («Мартовское») – действительно, как назвать это «что-то»? Местоимения определяются рядами прилагательных, однако содержание явлений, ими обозначаемых, не становится более очевидным: *И наполняешься чем-то давним, почти древним, бывшим всегда. От веку* («Мартовское») – а что это древнее, давнее?; *В июле, например, есть что-то вечное, убаюкивающее. То, чему кажется, нет исхода* («Всё спряталось»); *Ты уходил, уезжаешь к чему-то заповедному после привычного* («Вселенная полей») – противопоставление привычного и непривычного, заповедного; *День теплый и пасмурный наглухо. Весь день что-то предвечернее вокруг* («Картины ноября») – парадоксальное совмещение темпоральных признаков.

Использование этой синтаксической конструкции в художественном контексте открывает для читателей бездну ассоциаций, пробуждает их воображение: *Песчинки пыли посверкивают розовато-янтарным*.

Что-то фантастическое, неземное в их коллоидной взвеси, а с ней и во всей речной дали. До самого горизонта... («Настроение»); Есть что-то сладкое, поэтическое, щемящее в твоей чужести потаённой жизни деревеньки, куда заехал на велосипеде в пути к себе («Зарисовки мая»); Ощущение некоей закупоренности мира и тебя самого в чём-то тихом, совсем тихом, настороженном, хотя и очень-очень красивом («Декабрьские зарисовки») – подкупает стремление автора постигнуть самого себя через постижение природы, которая необходима именно для этого: Они [животные и другие природные объекты. – А.П.] нам всё-таки больше нужны. Для чего-то важного, полузабытого или совсем забытого («Записки на лыжне»).

Перейдём к собственно субстантивам, выразительно обозначающим некие сущностные явления и конгломераты признаков в контексте лирических пейзажей Николая Васильева.

Прежде всего, выделяются субстантиваты-колоризмы, которые отражают концентрацию цвета: *Опаловое* *езде. И в самом тебе* («Немножко зимы») – здесь также обращает внимание перенесение автором состояние природы на состояние человека, колоризм при этом приобретает переносное значение; *Седое* *разрослось* («Декабрьские зарисовки») – субстанция, характеризующая насыщенностью цвета, одушевляется, выступая в функции субъекта. Выделяются яркие метафоры: *Солнце вырывает из забвения таинственный мрак донных песков, камней, трав, возит по темени омутов, плавит разводы зелёного, багряного, жёлтого* («Сентябрьский дивертисмент»); *Хорошо смотреть из тенистого развала на вершинки верб, ив, берёз. Они сказочно преобразены солнцем и утоплены в немислимой синьке апреля – роскошные люстры коричневого и звёздно-белого, омытые светом весны* («Снежный ливень»).

Подобные конструкции выразительно передают цветовые оттенки и степени их проявления: *Теряешь чувство пространства, настолько всё слилось в едином цветовом – приглушённом седовато-синем* («Декабрьские зарисовки»); *И так красиво светло-опаловым обдало кусты сирени с первыми бутонами под окнами!* («Холодное»); *Песчинки пыли посверкивают розовато-янтарным* («Настроение»); *Нежно-зелёный след снегохода по целине реки, по её центру. То прервётся белым, то снова изойдёт в идеально ровное зелёное, как будто кто специально заливал шов мягкой акварелью* («Мартовское»); *По всем полям – взрывы охристого* («Снежный ливень»); *А он стоял и долго-долго смотрел на четырёх скворцов, уюмившихся на вязи берёзовой верхушки, окунутой в синее-синее* («Соседское»); даётся оригинальная образная характеристика колоризмов через однородные субстантиваты: *Под их [призраков. – А.П.] брюшинами светит пшеничным, тёплым, а сама поляна дышит огнями ровно, глубоко, щадяще* («Декабрьские зарисовки»); *Почти не видные в прошлом году, они [иван-чай и березняк. – А.П.] поднялись в*

метр, выживая искусственный свет, заселяя поляну **живым, зелёным** («Лесная элегия»).

Субстантивированные притяжательные и относительные прилагательные адекватно выражают проявление существенных свойств природного мира: **Еловое и сосновое в дни марта и апреля побеждается в солнечные дни горящими ивняками** («Снежный ливень»); **Ничего грибного!** («Картины ноября»); **Отцвела заячья капуста, красуется ещё фиалка, забелело земляничным на угорах, в чистоте травы** («Холодное»); **И стенкало на задворках синичьим** («Снежный ливень»); **Снопья солнечного теряют здесь свою мягкость, домашность, смешиваясь и застывая в холодноватом цементном свечении** («Лесная элегия»).

Они составляют выразительные однородные ряды с субстантивами, образованными от качественных прилагательных, характеризующих природные объекты: **Заблестели, вспыхнули в хвойном и жарком стволы берёз** («Мартовское»); **У реки ветряные простыни раскачивают белое, вербное...** («Снежный ливень»); **Зимнее синичье, одинокое, сменилось пересвистом в разных участках рощи** («Снежный ливень»); **Вслед толчее листа ольхи, мороси, в глубине леса раздалось птичье, далекое, слабое и многоголосое...** («Осенний день заволосател»); **Сентябрьский дивертисмент воздушного, легкого в солнечных анфиладах дорог и просек лишён летней суеты, задумчив, тих** («Сентябрьский дивертисмент»).

Природные выразительно отражают перешедшие в существительные качественные прилагательные: **И живое, и мёртвое стремится от земли, от корней, от влажного и мрачноватого вверх, к солнцу, к последнему теплу** («Сентябрьский дивертисмент»); **Зато сохнувшие травы бугров призывно тянут посидеть на них, поглазеть на пёстрое и гомозливое вокруг** («Снежный ливень») – в последнем примере субстантиваты указывают на разноцветье флоры (*пёстрое*) и разнообразие фауны (*гомозливое*).

Сгустки характерных признаков времени года выражают соответствующие субстантиваты: **Нет, никак и никто не ошибётся в дне, когда впервые смешается в нём настоящее весеннее с оцутимым настоем летнего!** («Снежный ливень»); **Декабрьское набрало в лёгкие воздуху и не хочет выдохнуть** («Декабрьские зарисовки») – в последнем примере обращает на себя внимание выразительное олицетворение.

Субстантиват *человеческое* ёмко отражает конгломерат того, что связано с человеком, которое уточняется однородными членами предложения: **Странно видеть привычное, человеческое под водой** («Холодное»); **Проезжая гать, словно покидаешь человеческое, наоптанное, понятное сердцу** («Вселенная полей»). Отметим неожиданное употребление в данной функции притяжательного прилагательного, подвергшегося в художественном контексте субстантивации: **А у домов снова охватило птичьей войной, и забылось ласковое, внуково** («Птичьи

войны»). Слово *русское* концентрирует в себе нечто сущностное национальное: *Ни в какое другое время не выпирает так древнее, русское* («Дуализм»).

Исследуемые конструкции адекватно отражают субъективное эмоциональное, чувственное восприятие мира человеком, которое, собственно, и составляет сущность лирического пейзажа: *Какая-то большая птица сорвалась снежным потоком со схрона своего и тут же исчезла в густом лапнике. Жутковатым* глянулось её отчаянное шевеление в ревущих дебрях... («Снежный ливень»); *Но блеск его* [стекла. – А.П.] невыразителен, он не радует глаз, будто смотришь на грязно-белую паутину, опутавшую *смятое, давнишнее, истёртое*... («Холодное»); *Река не пускает в знакомое*, закрывает его от тебя («Холодное»); *В раскарчёванном людьми месте всегда есть дикое, чужое*, как когда попадаешь на незнакомый берег глухой лесной речонки («Лесная элегия»).

В подобных конструкциях органично употребление слов *душа* и *сердце*, указывающих на вместилища, в которых сосредоточена область человеческих чувств и эмоций: *Ясное, доброе, понятное сердцу* хлынуло мне в глаза, будто толкнуло ласково в грудь: *возвращайся!* («Эскизы января»); *Каждая лесина открыла подол солнечной, мягкой прошлогодней травы. Лохматое, золотистое, душу греющее* приглашает посидеть («Снежный ливень»); *Пространство скрывает от глаз неоправимое, саднящее сердце* («Лесная элегия») – в последнем примере *сердце* выступает в объектном значении, однако омонимия форм именительного и винительного падежей создаёт двусмысленность предложения.

Окказиональными в контексте лирических пейзажей Н. Васильева представляются субстантивированные причастия: *Хотел подавить растущее* («ниже горла высасывает ключицы») *работой у дома* («Зарисовки мая») – лирический герой пытается преодолеть гнетущее его психоэмоциональное состояние, далее в тексте читаем: *навалилось одиночество и бессмыслие, ничтожность собственная и растерянность; Вступаю в чудом уцелевшее и пытаюсь воскресить в памяти контуры бывшего леса* («Сентябрьские эскизы»); *В их овражной сутемени вдруг дятел. Покосился глазом, повертелся на стволе и сорвался в затенённое* («Снежный ливень») – в последних примерах субстантиваты обозначают некие неназванные пространства: то, что уцелело, и то, что затенено.

В ряде случаев выразительность рассматриваемых субстантиватов среднего рода подчёркивается близкими с ними по семантике безличными конструкциями, обладающими высоким изобразительным потенциалом в художественной речи, приведём несколько примеров из рассказа Н. Васильева «Мартовское»: *Влажно, мягко, уютно. Того и жди, что в ладони закапает прохладным – серебряным и золотым; В берёзовой роце обдаёт прохладным и светлым, и космос приутихает в тебе; На выходе из роци лак стройных берёзовых стволов засверкал, в не-*

го брызнуло *зеленоватым* – при этом подчёркивается неактивность субъекта, независимость действия и неопределённость ситуации.

Итак, язык лирических пейзажей Николая Васильева очень выразителен, в этом мы смогли убедиться, проанализировав примеры употребления лишь одной, правда, довольно частотной, грамматической особенности, связанной с переходом прилагательных и причастий в имена существительные среднего рода.

«Освящение души красотой мира»

Николай Васильев выпустил книгу эссе «С ней люблю, негодую и плачу» (Вельск, 2022). Название – это строчка из стихотворения Николая Рубцова, на обложке помещён его портрет. Фамилия поэта 11 раз повторяется в анафорическом вступлении к книге – каждый новый абзац начинается с неё: тезисы, постулаты, важное – чеканно и ёмко. Обращает на себя внимание третий абзац: *Рубцов распет народом в тысячах и тысячах песенных вариантах. Но в дымке будущего он ждёт своего Георгия Свиридова, чтобы воплотиться в музыкальную фреску, достойную его творчества.* Значит ли, что среди тысяч ныне существующих музыкальных интерпретаций рубцовских стихов нет ни одной, достойной поэта? Таков уж максимализм, на который автор имеет право, поскольку, по его откровенному признанию, молодым он в Рубцова *воплотился, нырнул в него и растворился в нём без остатка. Вышел только через двадцать лет, а сейчас он встал рядом с поэтом и с болью и радостью переживал всё пережитое им.* Об этом Николай Васильев посчитал нужным сказать в разделе книги, названном «Вместо предисловия».

Это обстоятельство многое объясняет и в форме, и в содержании книги - перед нами прочувствованное, пережитое, выстраданное, глубоко личное, личностное восприятие рубцовской поэзии. Максималистское, субъективное, однако заслуживающее доверия и сочувствия: *А годы шли, я стал на десятилетия старше моего «брата». Во мне поселилась жалость. Жалость из кропотливого и любовного изучения его жизни и поэзии. И мне всё чаще по-отечески, или как старшему брату хотелось обнять его, защитить, а то и поплакать над ним.*

Вернёмся к названию книги, оно взято из стихотворения Николая Рубцова «Сергей Есенин»:

Это муза не прошлого дня.

С ней люблю, негодую и плачу.

Много значит она для меня,

Если сам я хоть что-нибудь значу.

Подобно тому, как Рубцов резонирует в своих чувствах и эмоциях с музой Есенина, Васильев резонирует с музой Рубцова – такая преемственность просматривается. Именно поэтому ему открывается то, что,

возможно, не доступно другому – менее пристальному взгляду, другому – менее сострадательному сердцу.

В эссе «Жгучая тайна», наверное, в самом объёмном в книге, скрупулёзно исследуется таинственное как *одна из магических, притягательных сторон* рубцовской поэзии. Именно в этом эссе заинтересованно, с радостью открытия отмечаешь яркие, дерзкие, поразительные утверждения автора: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» – *Это, безусловно, поэтическая симфония с увертюрой, лейтмотивами, кульминацией, потрясающим вершением её, со всеми необходимыми форте и пьяно; Сама фамилия – Рубцов – отзывает нас к словам рубец, рана, изрубцованный... И тема врачевания души, возможно, одна из самых глубоких тем его лирики; Рубцов – языковой фундаменталист: никаких практически побрякушек словесных мы у него не находим; Освящение души красотой мира, любовью рождает свет. Свет!; Воистину Рубцов был очарованным странником родной земли!*

Эссе «Сказочная глушь» начинается с такого безапелляционного замечания: *Корень-царь в поэзии Николая Рубцова – «глушь», «глух». А потом оно разворачивается, разъясняется, проясняется: Музыка рубцовской глуши не раздражительна, она целебна, она поэтически привлекательна; Рубцовская глушь может быть сказочной, святой, загадочной и таинственной, древней, оваянной историей и облагороженной культурой русского народа, разнородно музыкальной, родной и близкой сердцу, необыкновенно поэтической, врачующей.*

Дальше читая книгу, можно узнать, что *Вода – самая проявленная стихия в лирике Николая Рубцова («Много серой воды...»); слова «времени» – ключевые слова поэзии Николая Рубцова, особенность его поэтического сознания («Достославная старина»); в «Осенних этюдах» – мощнейший поэтический сквозняк, который идёт сквозь душу, сквозь сердце, сквозь память.*

Интересно вместе с автором сопоставить поэзию Рубцова со стихами других поэтов (Михаил Лермонтов, Алексей Жемчужников, Александр Блок, Михаил Анищенко), с произведениями других видов искусств (картинами Константина Васильева, фильмами Андрея Тарковского), обнаружить осенне-зимнюю составляющую лирики Рубцова, в поэзии которого весна и лето почти вовсе не представлены, *пронзительно* понять, что *почти вся лирика Рубцова о поэзии*, а сам поэт не кто-нибудь – *великое дитя.*

А ещё внимательно, неторопливо перечитать отдельные рубцовские стихотворения и сверить свои ощущения с ощущениями автора эссе. Специального упоминания-осмысления в книге удостоились 14 стихотворных произведений Н. Рубцова, среди них: «Отплытие», «В горнице», «Старая дорога», «Душа хранит», «Добрый Филя», «Родная деревня».

Интересно, что Николай Васильев и в этой своей книге активно использует излюбленное грамматическое явление – субстантиваты среднего рода, в т.ч. в сильной позиции заглавия, одно из эссе названо «Световое», в нём анализируется световая и цветовая лексика рубцовской поэзии.

В субстантиватах среднего рода, употреблённых в книге, концентрируются не природные, а литературные признаки: *Изьми из него* [стихотворения «Русский огонёк». – А.П.] *«историческое» горькое сиротство старухи, пожелтевшие фотографии, страшную войну, её бережливое и тревожное одновременно «скажи, родимый...», лирическое, авторское с его одиночеством и сиротством, и – рухнул бы гимн, не состоялся* («Достославная старина»).

Чаще всего субстантивированные прилагательные составляют однородный ряд из трёх и более компонентов, приведём показательные примеры из эссе «Жгучая тайна»: *Сказочное, таинственное, фантастическое и даже мистическое* населяет поэтический мир Рубцова; *Утрата деревенской Руси для поэта сродни утрате чудесного, тайного, необъяснимого, как и у Лермонтова, не поддающегося логике...; Как в бурлящем колдовском котле, в поэтической медитации Рубцова проступает древнее, тайное, сокрытое.* Как видим, здесь доминирует семантика таинственности, нечто подобное можно обнаружить и в другом эссе: *Мистическое, таинственное, поэтическое* начинает звучать в ней [воде. – А.П.], *когда она соединяется с другим водным словом – «вода»* («Много серой воды...»).

Колоризмы в этой книге приобретают переносные значения, характеризующие литературное произведение: *Тёмное и чёрное, с одной стороны, белое и светлое, с другой – значительно преобладают* («Николай Рубцов и Константин Васильев»); признаки, связанные с различными проявлениями человеческой сущности, также подвергаются метафоризации литературного толка: *И авторская любовь окольцовывает их* [героев стихотворения. – А.П.] *подростковое, юношеское, задиристое, смягчает, вносит ностальгические нотки* («Родная деревня»); *Первая же строчка бросает в родное: «Размытый путь. Кривые тополя»* («Отплытие»). Нечто подобное наблюдается и при субстантивации причастий: *Торопящееся, бегущее, молодое, жаждущее перемен, ищущее себя* сменяется пушкинским *«люди премудрые тихо живут», покоем «возлюбленной тишины»* («Добрый Филя»).

Наибольший интерес представляет употребление автором субстантивата *рубцовское*, в котором концентрируются специфические признаки, характеризующие творчество Николая Рубцова, его включение в однородные ряды с другими субстантиватами: *Какое рубцовское, осеннее: «дождь и грязь», «в тумане», «вечер тёмный беззвёздный»* («Встречи и расставания...»); *И тогда рождается внешне совсем вроде не приметное, протенькое на первый взгляд, но – глубокое, особое, неповтори-*

мо-рубцовское при внимательном прочтении («Я уплыву на пароходе...»).

Приведём заключительную фразу книги: *И мы, проходящие, с годами чувствуем высоту поэзии Николая Рубцова, её равность великим русским поэтам.*

ВРАЧУЮЩЕЕ СЛОВО ЕЛЕНЫ КАЗАКЕВИЧ

Добрая сказка о времени и о себе

Книга для семейного чтения, рассказывающая семейную историю о семейных ценностях. Именно так, трижды используя прилагательное *семейный*, хочется охарактеризовать книгу «Сага о Тыгдымской Лошади» (Архангельск, 2022), автором которой является известный не только в Архангельске детский писатель и в то же время директор Северного медицинского центра им. Н.А. Семашко, доктор медицинских наук, профессор Елена Владимировна Казакевич.

Семья, описанная в книге, – просто замечательная, отношения в ней – самые что ни на есть добрые и нежные. Почему бы об этом не рассказать публично? Искренне поделиться радостью и счастьем, сказать во всеулышание добрые слова о своих самых родных людях, в конце концов, без ложной скромности показать положительный пример для подражания? Ведь, по сути, каждый писатель пишет, прежде всего, о себе, делится своим и только своим взглядом на мир. К тому же с помощью автобиографии, подчеркнута субъективной истории своей семьи можно создать объективную насыщенную картину своего времени, которая будет интересна многим, поскольку каждый найдёт в ней что-то своё – родное и близкое. А если ещё подключить буйную фантазию, пустить в правдивое повествование сказку, тогда история станет по-особенному привлекательной.

Так и произошло с книгой Елены Казакевич: правдивая история с реальными фактами и датами, с подлинными именами действующих лиц, будучи облечённой в сказочную, фантастическую форму, превратилась в интересную познавательную волшебную сагу, рассказанную за-просто и откровенно, иронично и трогательно. Почему так получилось? Писательница придумала замечательный сюжетный ход, ввела в повествование симпатичного сказочного персонажа, призванного создать необыкновенную, по-настоящему волшебную атмосферу и стать связующим звеном между разными хронологическими и локальными привязками действия благодаря сверхреальной возможности преодолевать пространство и время.

Спрóсите, что это за персонаж? Да вот же он, вернее она, упоминается в названии книги. Это та самая Тыгдымская Лошадь! Её так и

звали Лошадь или Лошада, никакого другого имени она не признавала. А фамилия у неё – именно фамилия – Тыгдымская, как иначе, лошадь ведь так и скачет: «Тыг-дым, тыг-дым, тыг-дым...», да и прозрачные ассоциации с легендарно-анекдотическим Тыгдымским Конем только добавляют радостной непосредственности – забавно же.

А как же в простой городской семье появилась Лошадь? Да, просто появилась, и всё, сказка ведь, зачем усложнять. Вот как начинается эта чудесная книга: *Лет так тридцать пять тому назад, а может быть, даже все тридцать шесть, в одной семье появилась Лошадь. Вы спросите, как она появилась? Очень просто. Пришла, постучала копытом в дверь, ей открыли, она зашла и стала жить прямо в городской квартире на девятом этаже. Да-да, не удивляйтесь! Или не верите? Зря. Всё было именно так.* И сразу задаётся необходимый тон – лёгкий, ироничный, доверительный.

Вот дальше: *Дома было тепло и уютно. Все домочадцы заботились друг о друге и о Лошади стали заботиться.* В общем, Лошадь, или Лошада, стала полноценным членом семьи, она *всегда могла любую беседу поддержать* (сказочная же лошадь!), она модница, очень любит наряжаться, а ещё очень любит читать, слушать музыку, петь, танцевать, принимать ванну, болтать по телефону, пить чай и ещё много всякого всего – словом, «Лучшая в мире Лошадь», как на это прямо указывает название одной из глав.

Надо рассказать и о семье, приютившей Лошаду. Это Бабульчик – бабушка Ася (на самом деле Ирина Юрьевна, а Ася – это домашнее имя), школьная учительница, Дедульчик – дедушка Владимир Павлович Денисов, моряк, мама Лена, врач, папа Славик, тоже врач, и дочка Ася (действительно, Ася, по-другому Асёна).

Действие начинается, как и указано в начале, 35-36 лет назад, то есть в 1986-87 годах ещё в Советском Союзе, а именно в Архангельске. Приметы времени – вещи, события, обычаи – любовно и трепетно представлены в книге, мало того, доступно разъяснены юным читателям, а у тех, кто постарше, они способны вызвать щемящее ностальгическое чувство. Рисуются почти идиллические, но вполне себе правдоподобные картины, одна из глав так и называется – «Такая простая хорошая жизнь». Органично в канву повествования включаются стихотворения автора, эмоционально и образно поддерживая описания тех или иных событий.

А потом Лошадь исчезла – *ускакала в дальние края, в другие времена*, оставив прощальную записку. Грустно, конечно. Но Бабульчик утешала всех вот такими добрыми и нежными словами: *Она вернётся! Заюшки мои родные, лапоньки мои ненаглядные, она точно вернётся!* И не сочтите за навязчивый спойлер, она, конечно же, вернулась и рассказала о своём удивительном путешествии по дальним краям и другим временам. Благодаря Лошади члены семьи узнали о своих предках,

вспомнили себя в детстве, в юности. А читатели прочувствовали, можно сказать, примерили на себя страницы истории нашей страны – трагические и героические, тревожные и весёлые, прониклись хитросплетениями разных человеческих судеб, побывали в самых разных местах, но чаще всего в наших северных краях. Для заправки приведём интригующие названия некоторых глав: «Что такое счастье», «О роли рук и пальцев в истории», «О персидском после и Надежде Константиновне Крупской», «О войне и Белом море», «В колхозе, но не на картошке».

Отправилась Лошадь и в командировку в будущее, в наш XXI век, и совершила самое настоящее чудо, чтобы сделать членов своей любимой семьи по-настоящему счастливыми. Очень трогательным, похорошему сентиментальным и добрым получился финал, который невозможно читать без слёз – очищающих, исцеляющих, одухотворяющих. Но обо всём этом вы узнаете, открыв и прочитав эту замечательную книгу, которая очень хорошо издана и великолепно проиллюстрирована художницей Катей Плаксиной.

«Мир и счастье в доме том»

В книге забавных детских стихов Елены Казакевич «Вперемешку» (Архангельск, 2021), действительно, всё вперемешку: смешное и поучительное, игровое и лирическое. Поэтические произведения сборника распределены по шести разделам, каждый раздел открывается вступительным стихотворением, в котором задаётся тема и настроение раздела.

Вот «Скороговорки»: интересно, а что получится, если всем известные скороговорки сказать помедленнее и разобраться во всех хитросплетениях их действующих лиц. Выяснится, что рак, который цапнул Греку, вовсе не злой, а хороший и добрый, просто не надо его тревожить и пугать: *Не тревожьте рака, дети, – он вас может укусить!* А ещё мы узнаём, что ни в коем случае ничего ни у кого не надо красть, как это сделали Клара и Карл, ничего хорошего из этого не выходит. А из дров, которые лежат на траве, можно построить дворец: *Всем, кто строил, дружно крикнем наше громкое «ура»*. Ещё в этом разделе можно прочитать о том, как живёт семейство Колпаковых, переколпаковывающее колпак, как оказались в тундре кедры и выдры и почему кукушонок оказался смешон в капюшоне, который ему сшила мама-кукушка.

Второй раздел, называющийся «А послушайте-ка, вот где какой народ живет!», приглашает в путешествие по странам мира. Мы побываем в Чехии, где гуляет Чих, в Японии, где даже кот мяукает по-японски, попьём чай в Англии, покатаемся на слоне в Индии, узнаем, что такое счастье по-датски, побываем на уроке в китайской школе, станем свидетелями вполне себе мирного итальянского скандала. А ещё поэтесса пригласит нас в необычную страну Чуланию и познакомит нас с её жителями – чуланками и чуланцами:

*Чуланцы так прекрасны
И вместе с тем – страшны!
Красивы и ужасны!
А мы – удивлены!*

Завершает раздел не какое-нибудь, а логопедическое стихотворение «Такса-полиглот», читая которое вслух, можно поупражняться в произнесении трудных звуков: *Как это классно – владеть языками!*

Дальше идёт раздел «Про любовь», и он, конечно же, про любовь, а ещё про семью, ведь в семье всё должно строиться на любви: *Мир и счастье в доме том.*

А почему бы не поиграть в слова, тем более в такие, которые вроде бы похожие, но совсем разные, а какие-то слова и вовсе ни на что не похожие, а просто непонятные, вот из таких стихотворений, обыгрывающих омонимы (*гребешок, лисички, лук, ключ, лавка, коса, норка*) и редко употребляемые слова (*парасоль, митенки, шапокляк, пенсне, портмоне, мулине, кашне*), состоит раздел «Странные слова»: *Если слова эти вам не знакомы, срочно берите словарь! Словарь – он, конечно же, сложная книжка. Словарь – это вам не букварь!*

Раздел «Я шагаю по Земле» об открытиях, которые можно сделать, если внимательно присмотреться к окружающему миру. Вот радуга, вот гроза, а вот ветер-проказник, который норовит вырвать из рук зонтик. А зачем нужен микроскоп? С его помощью можно разглядеть микробов. А чтоб они не вредничали, нужно мыть руки. А сколько интересных и забавных живых существ на свете: стрекоза, божья коровка, улитки, и ёж, и медведь. А без кота, как говорится, действительно, жизнь совсем не та:

*Без кота жизнь – скукота!
А с котом жить – лепота!
И котов заводят люди,
точно знаю, – неспроста!*

Завершает книжку раздел «Вперемешку», давший ей название, в нём *получилась удивительная смесь*. Вон как смешались трубочист и страус, глупая муха и посиделки на носгах, колокольчики-близняшки и кукушка из часов, а также чих и самовар. А вон какой необычный получился новогодний шарф и как он здорово украсил праздник! Вот такая смесь – забавная, весёлая, игровая, изобретательная, фантазийная. А каким ещё быть стихам для детей? Именно таким. Ведь дети сами любят играть и фантазировать, а потому с радостью включаются в увлекательную словесную игру.

А ещё детские книжки должны быть яркими и красочными, с забавными рисунками. Эта книжка именно такая благодаря замечательному оформлению Кати Плаксиной.

А как тут не воскликнуть!

Чтобы детская книга была по-настоящему увлекательной, нужно взять в качестве её героя какое-то необычное сказочное существо, которое обязательно подружится с ребенком и станет причиной всевозможных приключений. А уж если это самое существо окажется ещё и пришельцем с далёкой планеты, то совсем здорово! Тут сойдутся элементы научной фантастики и сказки, сказочные чудеса соединятся с чудесами науки – получится не только интересно, но и познавательно.

А почему бы к этому букету не добавить детективной интриги? При этом никак не обойтись без вечного противопоставления добра и зла, поэтому не помешает выстроить сюжет книги на остром конфликте положительных и отрицательных героев. Всё это можно обнаружить в книге Елены Казакевич «Оssidжи. Очень Странное Существо, Интересное До Жути» (Архангельск, 2020).

На обложку вынесено имя главного героя, это, действительно, необычное сказочное существо, пришелец из космоса, все, кто с ним сталкиваются, легко расшифровывают его имя, эмоционально восклицая: *Очень странное существо – интересное до жути!* А как тут не воскликнуть! Чего-чего только не может Оssidжи: и дерево большое свалить, и большую кучу дров наколоть, и побивать шишки с большого кедра, а ещё превратиться в любое живое существо, приняв его форму.

А что же всё-таки представляет собой Оssidжи, что в нём необычного? Это светящийся прозрачный шар, похожий на мыльный пузырь, внутри которого плавают два симпатичных глаза. Подзарядившись солнечной энергией, Оssidжи способен на многое – преодолевать огромные расстояния, схватывать на лету любую информацию, легко трансформироваться внешне и внутренне, подстраиваясь под любую ситуацию.

А ещё ему очень-очень всегда хочется кому-нибудь помочь – такой у него исключительно позитивный настрой. И такой случай ему скоро представился: в окрестностях дачного поселка с замечательным названием Душевный, в котором жили почти сплошь одни душевные люди, Оssidжи спас попавшего в беду мальчика Тимошу. Ну, а потом он, конечно же, подружился и с Тимошей, и с его дружной семьёй, включая таксу Вафлю и котёнка Абрикоса, и с его соседями по поселку Душевный – очень душевными людьми.

Однако среди обитателей Душевного оказался один совсем не душевный человек – злой, завистливый, вредный, всегда хмурый товарищ Брюхов, он-то и станет причиной острой конфликтной ситуации, во время разрешения которой героям книги предстоит пережить и испытать многое. Тут-то в полной мере и проявятся элементы детектива, триллера, научной фантастики и приключенческой литературы, что и делает эту книгу особенно интересной, занимательной и поучительной.

Ну и, как полагается, эта книга замечательно проиллюстрирована художником Ильёй Есауловым, так что её очень увлекательно не только читать, но и разглядывать, такой ведь и должна быть хорошая детская книга.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА АНАТОЛИЯ БЕДНОВА

Поэтическое путешествие в глубь веков

Анатолий Вадимович Беднов (1965 – 2022) – человек разносторонне одарённый: филолог по деду, поэт по отцу, историк по образованию, публицист по призванию. Его поэзия очень насыщенная, велеречивая, густая, населена она большей частью историческими личностями, чаще всего в содержательном плане она погружена в прошлое, однако, по сути, говорит взволнованно и тревожно о настоящем. Поэта интересуют «Обозримые дали» – так показательно названа подборка его стихотворений в альманахе «Красная пристань» (1998, № 2, С. 238-242). На фестивале-конкурсе «Остров надежды» имени Александра Грина за цикл исторических стихов Анатолий Беднов стал победителем в номинации «След в истории» (альманах «Остров надежды-2020», С. 40-48).

Отправимся же в увлекательное путешествие в глубь веков с помощью поэтических произведений Анатолия Беднова.

Вот базилевс Византии, тревожащийся за спокойствие своей державы, за прочность своего трона, но всё это мирская суета, ибо: *И сам Христос глядел из темноты / На смертного глазами цвета вишни. / И свет нездеишний озарял кресты, / Хранящие девиз «Сим победиши!»* («Византия»). А вот славянский бог Сварог куёт мечи для обороны твердыни Отечества: *И чужеземные вожди / Склоняют скипетры и жезлы. / Смирись же, сеятель вражды – / Славянский бог куёт железо!* («Сварог»).

Яркий символический образ – цветущие вопреки всему орхидеи на развалинах дворца самоуверенного монарха («Орхидеи»). Кубанская степь как будто впитала в себя молитвы и страхи прошедших по ней представителей разных племен – аланов, скифов, абреков, греков, хазар, славян: *И не боясь встревожить тени – / Народы, веры, языки, – / Бесстрашно или ночью степью, / Горланя песню, казаки* («В Кубанской степи»).

А вот колоритный образ российского мореплавателя датского происхождения Мартына Шпанберга, исследователя Камчатки, первооткрывателя ряда островов Курильской гряды: *Дерзкий Шпанберг, Бог тебя хранил, / Но порой испытывал на крепость* («Мартын Шпанберг»). Какие фривольные в этом стихотворении географические метафоры и сравнения: *Королевство – два узда русских. / Выглядит на карте тра-*

согузкой / (С ним Норвегия как длинный хвост) – речь идёт о Дании; На карнизе Азии висит, / Как сосулька длинная, Камчатка.

В исторических стихотворениях Анатолия Беднова можно узнать о том, как турецкий хлеб спас от голода Ирландию («Турецкий хлеб»), о том, как плывут с надеждой на лучшую долю переселенцы в незнакомые края за океаном («Поднимают на борт якоря...»), о дружбе и взаимовыручке русских и норвежских мореплавателей: *С морским царём порою в ссоре / И русский кормицик, и норвег, / Друг с другом труженики моря / Судьбою спаяны навек* («Грохочет Баренцево море...»); о том, как сам Творец небесный является к творцу земному – гению Буонарроти: *Вот Он явился, юный и вечный. / Вздрыгнул и кисть обронил старик. / Руки Господь возложил на плечи / И произнёс: «Не страшись, твори!»* («Буонарроти»). В стихотворении «Вот человек: в раздумья погружён...» с помощью сопоставления двух скульптурных произведений показаны два разных взгляда на мир.

Величественно торжественен стиль поэтических экскурсов поэта, отчётливо ощущается в них дух древности, читатель как будто смотрит на мир глазами человека прошедших веков («Есь», «Кочевник»), а в этом стихотворении как будто мы слышим голос человека из прошлого, хотя вполне может быть, что это наш современник, чтящий традиции предков («Над станицею весной дух сиреневый...»).

А вот летняя пейзажная зарисовка из дня нынешнего с вездесущим назойливым тополиным пухом и хмурым сонным котом («День и ночь в небесах золотым колобком...»). Или зимний пейзаж – дивная ночь полнолуния, когда *вьюга мечется как полоумная* («В эту дивную ночь полнолуния...»).

Злободневные вопросы современной жизни

В центре внимания автора романа «Дайна» (Волгоград, 2021) Анатолия Беднова национализм и связанный с ним экстремизм, а также их пагубное влияние на развитие общества. В аннотации говорится: *книга предназначена тем, кто пытается найти ответы на злободневные вопросы современной жизни. И прежде всего – о национальной идентичности, месте русского народа в реалиях XXI века, взаимоотношениях людей разных поколений и разных мировоззрений, опасности, которую сулят неокрепшим умам всякого рода экзотические увлечения.*

Крайний национализм распространяется, как эпидемия, да что там – пандемия! Он, как снежный ком, катящийся с горы, увлекает за собой всё и вся. Быстро вспыхивает, моментально разгорается, охватывая всё подряд безжалостным пламенем. Да, события в романе подаются гиперболочно. Может быть, именно так и не бывает в реальности. Если вначале всё более или менее логично и убедительно, хотя уже некоторые деталистораживают, то дальше – больше. В конце концов доходит до

абсурдной жестокости, до тотального безрассудства. Понимаешь, что жёсткий сюжет развивается именно так, а не иначе, чтобы заострить внимание читателя на острых проблемах, встряхнуть его эмоционально, встревожить, предупредить.

Обиженный злопамятный герой романа решился на месть – изощрённую, выношенную, даже переносимую: жестокие русские прогнали славный народ голядь со своей земли, всех поубивали, а потом стёрли саму память о славном прошлом этого народа, поэтому назрела настоятельная необходимость восстановить справедливость, отомстить, причём, жестоко отомстить. И вот, заразившись этой безумной идеей, оголтело, фанатично, озлобленно изрыгают проклятья русским и дошкольники, и подростки, и молодёжь, все поголовно хотят записаться в ряды доблестной голяди, все готовы бороться за её благополучие с мнимыми и реальными врагами. Кто-то рисуется и бравирует, кто-то цинично пользуется ситуацией, кто-то неосторожно выпускает спящего джинна из бутылки. Процветает бездоказательная демагогия, царствует нелепая, слепая, жестокая злость.

Всё перемешалось в горниле всепожирающего огня: семейные неурядицы и любовные промахи, лидерские амбиции и расчётливое приспособленчество, поиски врага, виновного во всех бедах, эйфория, взлёт и бесславное падение, откровенная конъюнктурность и слепой фанатизм, наивность и благодушие, угрюмая упёртость и бесшабашная легкомысленность.

Чтобы разобраться в истоках повального безумия автор предпринимает экскурсы в прошлое. Вот проливается первая кровь, появляется первая жертва, и уже не остановить череду жестокостей. Повязаны все от мала до велика. Да, автор признаётся, что всё описанное происходит в некоей параллельной реальности, да, всё здесь предельно гипертрофированно, но, что самое страшное, всё это допустимо, может быть, не так сконцентрированно, сгущённо, но допустимо – и понимаешь, что этого никак нельзя допустить. В этом основной пафос книги. Поклонение идолам и низвержение идеалов – одного свойства, одним миром мазаны. И потому закономерно, что одно мракобесие легко сменяется другим, и всё начинается заново, и от этого становится реально страшно.

В книге представлены интересные наблюдения автора за нашей действительностью, описаны вполне осязаемые, узнаваемые жизненные ситуации, приводятся показательные и разоблачительные примеры. Всё переплетено, всё очень зыбко – в этом главная опасность. Вроде, абсурд, но чем абсурднее, тем страшнее.

Нет смысла пересказывать весьма замысловатый сюжет, характеризовать многочисленных персонажей, анализировать конкретные события, во всем этом читатель сам разберётся. Остановимся лишь на символическом названии и приведём некоторые цитаты.

«Дайна» – что за слово такое? Оказывается, на языке исчезнувшей голяди это песня, старинная колыбельная песня, которая напрямую связана с образом матери. Это символ духовных истоков, нравственных начал, который становится символом бессмысленной жестокости.

Вот как рассуждает один из героев романа, претерпевший, пожалуй, самые поразительные трансформации: *Каждый по-своему переступил незримую черту, границу и уже не будет прежним. Но никто из окружающих не догадывается, какую страшную границу пересек он.*

Стиль книги ярко характеризует вот эта удивительно пессимистическая пейзажная зарисовка, предваряющая описание одного из самых жестоких деяний персонажей: *Стояла поздняя осень, тоскливая и унылая, словно классический русский запой. Вдоль дороги мрачной шеренгой торчали деревья, голые и поникшие, как узники концлагеря перед нацистскими автоматчиками. На голых же полях промышляли чёрные, белоклювые грачи, которые должны были улететь в тёплые края, но глобальное потепление внесло свои коррективы в их планы. Через дорогу пробежал серый, как всё кругом, заяц.*

А вот финал – фрагмент рассуждений ещё одного персонажа, пришедшего на смену тем, кто до этого фигурировал в романе: *Русских хотят видеть имперской нацией, европейцами, евразийцами, монархистами, коммунистами, националистами, демократами, православными патриотами. А они – просто живут себе. Это всех и бесит!* Ну что ж, такое умозаключение многое объясняет в смыслеловом и в экспрессивном послые этой по-своему замечательной книги.

«ПРИ БОЛЬШОМ ДЕЛЕ КУРАЖИТЬСЯ НЕКОГДА» О повести Николая Журавлёва «Звонкие согласные»

Повесть о школе известного архангельского поэта, долгое время бывшего руководителем областной писательской организации, Николай Андреевича Журавлёва (1935 – 1991), написана в 1989 году, вышла в Архангельске отдельным изданием в 1991 году: перестройка-перекрыжка, школьная реформа, идеологическое брожение, социальные эксперименты, переосмысление прошлого, мечты об иллюзорном будущем. Повесть получилась довольно жёсткой, прямолинейной – тут и криминал, и противостояние консерваторов и новаторов, и попытка разобраться в проблемах трудных подростков, когда непонимание взрослых приводит юных к непоправимому. Много здесь декларативного и сейчас кажущегося надуманным, искусственным, однако много и важного, мудрого, прозорливого. Чего, например, стоит пророчество одной из героинь: *Ратуя о Храме, создаём вертеп. Выдержит ли страна такое сооружение? Ведь государства, как и люди, умирают от сердеч-*

ной недостаточности. *Оглянешься – и страшно: мы уже не граждане, мы – хамы.*

Повесть Николая Журавлёва «Звонкие согласные» афористична: многие фразы – автора ли, персонажей ли – представляют собой ценные и меткие наблюдения. Вот метафора, вынесенная в название, – это лингвистический термин (одна из героинь повести учитель-словесник), но и резкая характеристика особого рода людей.

– Я согласна с учебником, – заявила девочка-отличница на просьбу учительницы рассказать, что она сама думает о прочитанном.

– Звонкая согласная! – выкрикнул её одноклассник, мальчик умный, принципиальный, признанный лидер класса.

Этот диалог представлен на первых страницах повести. И уже задан тон, дана почва для размышления: раз есть звонкие согласные, то есть и глухие, но есть и несогласные, а какие же? – значит, гласные! И не то, чтобы все герои так легко распадаются на эти категории. Хотя есть такой грех в повести: положительные её персонажи всегда положительные, отрицательные – всегда отрицательные. Кто-то показан схематично, пунктиром, про кого-то мы знаем больше, глубже погружаемся в его душевный мир.

События описываются неординарные, порой шокирующие, на их фоне вскрываются и анализируются насущные социальные проблемы. Книга ценна как портрет того непростого времени, но многое в ней представляется до сих пор актуальным: будь то ответственность родителей за судьбу растущих детей, за их духовное формирование, или важная роль школы в воспитании подростков, причём не с помощью специальных воспитательных мероприятий и акций, а всем свои укладом, повседневной деятельностью, или взаимоотношения в семье, социальные беды, гендерное противостояние.

Как будто бы поводом для написания повести послужило письмо-исповедь подростка, довольно едкое и бескомпромиссное. С него начинается книга, письмо адресовано писателю-«сердцеведу». В нём намечаются основные сюжетные линии и идейный пафос повести. Начинается письмо с почти точной цитаты из Виктории Токаревой: *У моих родителей общий сын и общая испорченная жизнь, поэтому мы все живём порознь.* Можно предположить, что подросток, автор письма, довольно начитанный, поэтому и вернул понравившуюся ироничную формулу популярной писательницы. *И пишу я Вам потому, что больше некому писать.*

Надо полагать, письмо задело писателя за живое – и появилась повесть. Вызов брошен. Читателей ждёт открытая публицистичность, почти детективное напряжение сюжета, нераскрытая до конца интрига – здесь действует некая загадочная, таинственная, вездесущая сила, некое подводное течение того беспокойного времени. В уста автора начального письма повести писатель вкладывает и важные рассуждения ближе к

финалу, отражающие главные идеи произведения: *Ну сами посудите, какую истину можем постичь мы, если унижены всеобщими бедами, кошмарными подробностями державного прошлого, страхом перед будущим, семейными распрями и личными обидами? Нет опоры для души. Потому и тянемся за тем, кто позовет, в надежде хоть на какое-то понимание, доверие и конкретное дело. <...> У вашего поколения была цель, пусть не та, как теперь утверждают газеты, но цель, которая поднимала вас, звала к действию, а у нас нет ориентиров. Мы вроде как без будущего вовсе.*

В повести приведён еще один интересный документ – дерзкое, максималистское сочинение думающего подростка (того самого, кто создал заголовочную метафору) на небанальную тему «Что я думаю о своем времени?». Вот лишь несколько цитат из него: *Чувствуешь себя сиротой при живых родителях; До восемнадцати лет водят нас на помочах, а едва переступим этот рубеж – сразу же ответственность за безопасность всей страны возложат вместе с солдатскими погонями на наши хлипкие плечи; Мне безразлично, как Вы оцените эту писанину. Я своё достоинство измеряю не школьными баллами.*

А как актуально и животрепещуще звучат сейчас горькие рассуждения о так называемой школьной реформе – прошло время, но проблемы остались: *Реформа школы, на которую общественность возлагала большие надежды, не прорисовывалась. Единственное осязаемое явление – добавка к учительской зарплате. Солидная добавка. Но лучше бы её не было, потому что она стала поводом для попреков со стороны стоящих над школой кураторов и причиной распрей среди части учителей, жадно бросившейся набирать лишние часы. Когда тут думать о качестве обучения и воспитания? Мы не можем без перекосов в самых благих начинаниях. Словно и зарплата повышена для того, чтобы ссорить далеко не дружное сообщество учителей и смелее обвинять в «упущениях, недосмотре, недоработках». Остальное-то ни в техническом обеспечении, ни в укладе школьной жизни не изменилось. Или вот ещё: Занимаемся выводиловкой оценок, нравственно перерождаясь сами и калеча детей. И ещё удивляемся, откуда, мол, у нас некомпетентные, безответственные люди на ответственных постах. Почему многие руководители не умеют разговаривать с народом, а на трибуне боятся оторваться от бумажки? Мы не научили их мыслить. <...> Сеem путоцветы.*

Немало собственно художественных достоинств у этой повести Николая Журавлёва.

Например, выразительные пейзажные зарисовки, помогающие раскрыть душевное состояние героев: *Весна была в той поре, когда вихлявый апрель и с зимой не прочь пококотничать, и лету готов улыбнуться; Давно пожухли карминно-золотистые краски сентября, уже листвоёй-октябрь управился со своими хлопотами;*

ёмкие портретные характеристики: *Эти зимние глаза: без доброты, без милосердия, – холодили душу; Весь облик его выражал скрытую боль и затаенный протест; Большие, непропорциональные для приземистой фигуры руки нервно двигались: то приглаживали торчащий ёжик волос на голове, то прятались в карманах серого пиджака;*

оригинальные тропы: *У нас как в той геометрии, где острота углов зависит от договорённости сторон; Единообразия – закон нынешней школы. Всеми средствами воздействия она стремится к тому, чтобы вырастить питомцев одинаковыми, как ягоды на рябиновой кисти. Неважно, какие внутри: горькие или сладкие, лишь бы снаружи все были красненькими, Школа вроде океана, где пересекаются все четыре ветра: в ней заинтересованы общество, учителя, дети, родители; Это ведь поражение – извечно сирота, а у победы находится много отцов.*

Приведём вереницу цитат-афоризмов, цитат-размышлений из повести, распределив их по темам.

Вот о школьной программе: *Литературе нельзя научить. Литература сама учит; По нашей минпросовской программе молодёжь не проходит ни через труд учения, ни через учение труду; Школьная жизнь похожа на бесконечный поток, несущий то пень неразумных страстей, то мутные выбросы невежества, то обломки несовершенных надежд.*

Об учителе: *Плохой учитель работает с учащимися, хороший – с человеком; Повелевать легче, чем сотрудничать; Услужливая память воскресила эту цитату не столько к случаю, сколько для успокоения совести (рефлексия хорошего учителя о неизбежных компромиссах); Если работа учителя – творчество, то для этого нужны не только навыки, а прежде всего талант и основная его составляющая – самопожертвование.*

А вот о подростках: *Восьмиклассники – не восьмилетки. Их взрослые суждения определены возрастом и личностным интересом к жизни; Чувство товарищества, а значит, и неизбежная оглядка друг на друга, свойственные мальчишкам, у девочек развиты меньше; Подростки, как правило, народ замкнутый, редко откровенничают с незнакомыми о душевных болях, о домашних тревогах, чтобы не выглядеть нытиками, болтунами, не показать ущербности бытия, когда вокруг все так благополучны.*

И о педагогике: *Надо уметь слушать, если хотите откровенности; Социальное «дно» действеннее школьной педагогики; Педагогика – не производство гаек – никакой метод на поток не поставишь. Результат упирается в личность учителя; Школа нуждается в гуманизации не словесной, а истинной; Собственно, в том и состоит цель обучения, чтобы сделать ученика способным развиваться дальше без учителя; Сами средства воспитания служат часто не наполнению, а опустошению души. Пустые же души сами после себя оставляют пустыню.*

Рассуждают герои и автор повести о нравственных категориях: *добро не всякий раз порождает ответное добро, но зло всегда злом отзывается; Хотя о вкусах и не принято спорить, но как ни крути, это один из признаков человеческой культуры, эстетического понимания природы; через сердце мудреет разум; совесть – и высший командир, и суд наш; Страдания совести – это стадия выздоровления души; Власть одного человека над другим – скрытая форма сумасшествия; Праведность не афиширует себя, а себялюбию нужен блеск и гром, чтобы ослеплять и оглушать окружающих;*

о взаимоотношениях полов: *женщина держит дом за три угла, а мужчина за один (отсылка к народной мудрости); самой природой предопределено женщине опираться на чье-то надежное плечо; Женщины испокон стремятся к этому, само чувство мужчины проверяют податливостью его своей воле;*

о психологии человека: *Люди часто не приемлют в других те черты характера, которых не имеют сами. И обозляются, и ищут криминал в том, что заслуживает внимания и поддержки; Мёртвые уносят с собой все недостатки и оставляют в памяти любящих только достоинства; Человек, перешагнувший однажды нормы поведения, способен, если это сошло ему с рук, переступить через что угодно; Бесталанные люди извечно завистливы и никому не прощают превосходства ума или профессионального мастерства; Романтика запретного подобна сну: проснешься – и исчезнет сладость; человек, уверенный в своём деле, в своём знании, всегда улыбкив; нерешительность – признак посредственности человека.*

Интересны и неоднозначные мысли о перестройке, социальных преобразованиях в стране: *Вокруг «белых пятен» много чёрных мыслей. Громкоголосые «правдоискатели» себя утверждают, а не истину; Пережили застой – переживём и гласность; Совестьливым и честным сегодня не выстоять – сомнут твердолобые; Как же можно перестраивать общество, отмахнувшись от культурного, нравственного воспитания? «Колбасная» идеология приведёт к тому, что у человека отрастёт желудок, а чувства и мысли атрофируются; Нигилизм пожирает нас, а растерянные души легко деградируют; Бегать на митинги, чтобы продемонстрировать свою активность, не могу. Для этого надо быть бездельником. Да и не вижу проку в надрывной говорильне. Нужны конкретные дела; ...мало творчества, но много игры идёт на всех сценах жизни. Приспособление к новизне – это один из видов приспособленчества; Демократия с трудом пробивается сквозь демагогическую пену мастеров словесного обновления и массовую нравственную инфантильность.*

Наконец, о мироустройстве: *Мир извечно держится на заблуждениях. Возможно, потому и держится, что истины открываются нам не сразу, иначе невообразимое отчаяние захлестнуло бы человечество,*

непримиримая вражда и одичание; Человек за тем и приходит в этот мир, чтобы соединить воедино разрозненное и дополнить то, что неполно; жизнь – не существование, а поприще.

И напоследок замечательная развёрнутая метафора: *Время всё раставляет по своим местам, отсеивая и умирняя крайности. Каждую весну куражится спорница – шальная талая вода. Спорит с коренными водами речушек и речек, дыбит льды, грохочет, пенится, сметая всё на своём пути, но добежит до большой реки и присмирееет. При большом деле куражиться некогда. Потому все крупные реки спокойны. Они знают себе цену. Работают без суеты, размеренно, мудро.*

СЛЫШИШЬ ЖИВЫЕ ГОЛОСА, ВИДИШЬ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ Драматургия Марины Вахто

Поэт и прозаик Марина Вахто, преуспев в лирике и эпосе, в последнее время чаще обращается к третьему роду литературы – драме. Вышел первый сборник её пьес «Дворик» (Архангельск, 2022), в котором представлены самые разные драматургические жанры, самые разные театральные традиции.

Первоначальный смысл слова *драма* обозначает ‘действие’, именно так переводится с греческого этот литературоведческий термин. В самом деле, действие, развивающееся здесь и сейчас на глазах читателей-зрителей, – главное в драматургии, действие, проявляемое через конфликты в диалогической форме. Характеры и образы в драме обязательно яркие, выпуклые, драматургические выразительные средства непременно оказывают особое эстетическое и эмоциональное воздействие.

В полной мере драматическое произведение реализуется на театральной сцене в синтезе с другими видами искусств: музыкой, живописью, хореографией, пантомимой, да мало ли чего ещё может понадобиться для создания спектакля. В этом плане драматургия – вещь прикладная, она всего лишь исходный материал для создания спектакля. И всё-таки именно драматург закладывает идею и дух будущей постановки, даёт крепкое основание, базу для сценической интерпретации пьесы. Качество спектакля во многом зависит от качества драматургического материала.

Пьесы Марины Вахто – качественные, интересные по замыслу и воплощению, в них заложена небанальная интрига, которая держит внимание читателей-зрителей на протяжении всего действия, они глубоки по мысли, оригинальны по форме, насыщены эмоционально и экспрессивно, а потому оставляют по себе прочное, терпкое послевкусие,

будь то классическая драма, мелодрама, детектив, комедия – лирическая, эксцентрическая, авантюрная, фарсовая.

Открывается книга военной драмой с, казалось бы, неуместным фривольным названием – «Милочки»: военный госпиталь, раненые бойцы, медицинский персонал, гастролирующая певица. Действие происходит в 1944-45 гг. В центре драматического конфликта – любовь, сильное глубокое чувство, которое, однако, проявляется противоречиво, поскольку кого-то провоцирует на жертвенность, верность, кого-то на малодушные, эгоистические поступки. Но вот в финале две героини, вроде бы, антагонистки, две вдовы, две Милочки, именно так их называли погибшие мужья, оказываются на сцене вместе – вдвоем, одна успокаивает другую, и уходят обиды, недоразумения, отступает горечь, появляется надежда на лучшее:

Куликова. Успокойся, успокойся. Это всего лишь гроза. Гроза...

Верховская, *недоверчиво, по-детски*. Гроза?

Куликова. Хорошая июньская гроза. Не бойся.

Гром смолкает. Слышится шум ливня.

Куликова, *встаёт, подходит к окну*. А вот и дождь пошёл. Смотри, как хорошо! (*Верховская встаёт, подходит к окну*). Первый мирный дождь...

Обе смотрят на дождь за окном. Шум его постепенно затихает, и нарастают звуки танго: «У меня есть сердце, а у сердца – песня, а у песни тайна – тайна – это ты».

С этой драмой тематически, эмоционально перекликается маленькая пьеса, названная прямо и просто – «Вдовы», при этом четко обозначается статус героинь, которые, тем не менее, говорят о своих мужьях, как о живых, ну вот так, например: *Мой-то давеча всю ночь спать не давал. И сегодня привязался – спасу нет!*

Не могут они смириться с тем, что мужей нет, живы они, всегда рядом, и посоветуют, и побранят, если надо. Героини тоже как будто противопоставлены друг другу, одна учительница, другая простая колхозница. Но нет, не противопоставлены: доля вдовья у них одна и верность, крепкая верность.

Еще две драмы представлены в сборнике, они тоже, можно сказать, перекликаются между собой, как будто бы дополняют друг друга.

Драматическая история страсти «Свеча горела» неслучайно названа словами из, пожалуй, самого известного стихотворения Бориса Пастернака, тоже о страсти, но не только. Это стихотворение волей драматурга исполняется до начала действия, в качестве эпиграфа под мелодию Френсиса Лея «История любви». Авторская ремарка: *Слышны звуки метели, свист ветра. Ощущение ночи, непогоды, одиночества.*

А как иначе, ведь «Мело, мело по всей земле...». Завершается первое явление, и стихотворение продолжается всё под ту же музыку.

Между явлениями второго акта – снова поэтическая, надбытовая интермедия (под ту же томную мелодию) уже в исполнении самих героев этой мучительной любовной драмы, напоминающей чеховскую «Даму с собачкой», но лишь напоминающей, здесь всё другое – от антуража до чувства, от жизненных обстоятельств до нравственной позиции. Света горела, да, видно, догорела совсем...

А вот драма «Верность Лебединова» – уже в говорящем названии заложена её основная идея. Деревенская патриархальная семья, её глава деспотично защищает идеальный по его представлениям порядок в делах семейных, однако деспотизм здесь не лучший помощник, а потому берут верх обиды, к тому же не обошлось без коварства, на обиде же замешенном. Но верность-то, заявленная в названии, с годами не исчезла, лишь укрепилась. Тут-то и быть счастью! Правда, всё зависит от того, как его понимать. Оно, может, всегда с нами, наше счастье, главное, уметь его разглядеть да почувствовать.

Половина пьес сборника относится к самому оптимистичному комедийному жанру. Комедия совсем не обязательно должна быть легкомысленной и непритязательной. Да, она чаще всего простодушна, нарочито развлекательна, однако хорошая комедия не чужда глубины и мудрости. Комедии Марины Вахто хорошие, добротные, с мудростью и глубиной в них тоже всё нормально, однако подаются они в яркой, выпуклой, порой гротесковой форме.

Согласно теории литературы первооснову комического составляет несоответствие: мнимого истинному, иллюзорного или декларируемого реальному. Вот на таких видимых или подозреваемых несоответствиях строятся и комедии М. Вахто.

Название сборнику дала пьеса «Дворик», авторское обозначение жанра – лирическая комедия в стиле Twist. Она, действительно, получилась очень музыкальной, ритмичной, танцевальной. Английское словечко twist буквально переводится как ‘обвивать, скручивать, крутиться’, вот всё в ней обвивается и скручивается – калейдоскоп колоритных характеров, букет парадоксальных ситуаций.

Действие происходит в 60-е годы в дворике старого двухэтажного дома, в котором совместно – фактически одной семьей – проживает целый интернационал: русские, украинцы, евреи, казахи, грузины. Читателям и зрителям всегда интересно узнать, как сложилась дальнейшая судьба полюбившихся героев. Автор предлагает нам финал-эпилог, в котором как раз и даётся исчерпывающая информация об этом: в судьбах людей отразилась и судьба нашей страны.

А вот каковы финальные слова этой трогательной и смешной истории в исполнении эксцентричной мудрой старушки Баси Шмулевны: *Будьте смелыми... будьте красивыми!... А на кольце царя Соломона была ещё одна надпись: «Ничто не проходит».* И финальная ремарка: *Посте-*

пенно сцена пустеет. Остаётся одна Бася Шмулевна. Она садится на лавочку, за стол. Поза задумчивости и... вечности.

Марина Вахто в своём драматургическом творчестве прежде всего ориентируется на самостоятельные театральные коллективы, а в них чаще всего женский состав численно явно преобладает над мужским, поэтому ими особо приветствуются пьесы с большим количеством именно женских ролей, причём, хороших ярких ролей и непременно главных.

Вот такую-то пьесу с показательным названием «Курсы хороших жён» предлагает драматург. Речь в ней идёт о реальных курсах, которые организовал один предприимчивый мужчина (единственный мужской персонаж в пьесе). Предваряет пьесу список действующих лиц и характеров, в котором, соответственно, даются авторские характеристики персонажей.

Каждая из героинь, а их пять, выходят на сцену с горьким признанием: «Я – плохая жена!», а вот покидают они подмостки с полной уверенностью в обратном. Курсы ли в этом повинны, совершенно не важно, главное, у каждой героини появилась возможность в полной мере проявить себя, чтоб саму себя лучше понять, а ещё высказаться, выговориться о наболевшем. Вот и высказываются они довольно красноречиво, автор дарит своим персонажам весьма эффектные реплики, которые, наверняка, найдут отклик и поддержку в зрительном зале. Ну, вот такие, например:

Инга. Да уж... какой спрос с мужчин... Это женщина должна быть в доме – хозяйка, в гостях – королева, в постели – проститутка... Ну, плюс ещё коня на скаку, в избу горящую...

Елена. Тьфу на тебя! Раньше мне казалось, что я понимаю женщин, как понимаю себя. А оказывается – нет! Нет! Каждая женщина – это планета, до которой ещё не долетал ни один астронавт! Смейся, смейся... Ты уже вторую неделю с нами, но так ни в ком и не разобрался.

В финале вновь звучит песня Ф. Лея «История любви», видимо, у автора к ней особенное отношение. Нужно сказать, Марина Вахто чётко прописывает, какая музыка должна звучать в тот или иной момент действия.

В дачной комедии с двусмысленным названием «Люди Августа» тоже преобладают женские роли. Действие пьесы происходит в августе на даче некого Августа Любимовича Кумольцвейгера, который на сцене не появляется. Ключевая фраза: *Здесь всё Август решает!*

В финале комедии всё переворачивается с ног на голову, и оказывается, что персонажам специально было приготовлено испытание, чтоб они смогли прочувствовать степень ответственности за содеянное когда-то. Есть над чем задуматься. Вот тебе и комедия.

А люди... что люди... у каждого – свои грехи... Сколь людей, столь и грехов. Пусть живут, каменьев-то в душах, глядишь, меньше останется. Это финальная реплика пьесы. Что ж, мудро!

«Человек, который рано ложился спать» – авантюрная комедия положений, по законам этого жанра в ней много всего навверчено-переверчено, одно за другое цепляется-выворачивается. А на поверку оказывается всё просто, ведь герои – Мужчина и Женщина, именно так, без имён, а значит, не обойдётся без любви.

Отношения между мужчинами и женщинами – вечный двигатель сюжета литературных произведений всех времён и народов, и тема эта неисчерпаема, какие её вариации ни предлагай. В этой пьесе прописан замечательный дуэт, с помощью которого оригинально прокручивается вечный сюжет. Еще два персонажа нужны лишь для фона, ну и для динамики действия. Но речь здесь о двоих, хотя в названии говорится об одном, видимо, так – для затравки. Интрига, загадка, тайна – движущая сила драматургического сюжета.

К комедии «Мадам Тик-Так, или “Свадьбы не будет!”» Марина Вахто считает необходимым дать авторское предисловие о том, что *не имеет никакого значения: когда, где и с кем случилось то, что случилось.* И дальше: *Тогда, что же имеет значение? А! Это – любовь, добро и юмор, которые в любые времена, в любой стране, у любого народа оставались неизменны!*

С этим не поспоришь. Пьеса – ироничная пародия на типичную комедию как будто бы из западной жизни с типичным антуражем: богатое наследство, обманы, измены, неизвестно, кто чей сын, кто чья дочь, дежурная зануда-злодейка, неожиданные встречи, влюблённые, которым чинятся всевозможные препятствия, и неизменный вожделенный хэппи энд. В любой авантюрной комедии, однако, можно извлечь нравственный или хотя бы житейский урок.

А ещё Марина Вахто пробует свои силы в создании классического герметичного детектива. Именно строго в этом жанре выдержана пьеса «Кто вас убил?», все атрибуты детектива в ней налицо: напряжённый сюжет, элементы триллера, когда реально страшно, и, как и положено, все друг друга подозревают, до конца совершенно непонятно, кто же всё-таки убил и убил ли. К тому же в финале читателей-зрителей ждёт сюрприз с полным разоблачением всех и вся. Да и подоплёка этой жутковатой истории довольно серьёзная и поучительная. Словом, как говорит со вздохом одна из героинь: *Вот, вроде всё хорошо кончилось, а на сердце всё равно тяжело.*

Когда читаешь сборник пьес Марины Вахто, невольно сопоставляешь их с классическими и современными образцами различных драматургических жанров. И это нормально! Литературные и театральные традиции никто не отменял, преемственность – вещь хорошая. Так, вечная пикировка влюблённых в драме «Милочки», их состязание в остро-

умии воскрешает в памяти шекспировскую комедию «Много шума из ничего», в которой тоже действие развивается на фоне войны: любовь и смерть ходят рядом. Коллизии и настроение ностальгического «Дворика» навевают воспоминания о «Покровских воротах» Леонида Зорина: уходит в прошлое то, что было дорого, но оставляет осязаемый след в душе. И таких аллюзий и реминисценций можно ещё назвать немало. Само их наличие расширяет смысловое пространство представленных текстов, создаёт их художественную многозначность и наполненность.

Ещё хотелось бы отметить живой, точный, меткий язык пьес Марины Вахто. В драме очень важно создать осязаемые, правдивые, выразительные речевые образы, чтобы каждый персонаж выделялся, имел свои ни на кого не похожие характерные особенности. Драматургу это удалось, читая сборник, слышишь живые голоса, видишь живых людей. А это главное.

В каждой пьесе можно обнаружить героя, а то и не одного, чья речь особенно хороша и цветиста, и поэтому она обязательно обращает на себя внимание. Это может быть носитель народного краснословья или просто любитель пожонглировать, поиграть словами.

Вот как в «Милочках» изъясняется пожилая санитарка Евдокия Ефимовна: *Это ж чистая холера, Санька-то! Ему, коли сильно надо, так чёрта причастит!*

А это упомянутый зубоскал Санька Скороходов собственной персоной: *Кино – это такая штука! Такая, брат, штука! Вот смотрю я на это диво, и будто сам той жизнью живу! И сердце стучит с такой силой, что если б зарядить его зенитными снарядами, то мессеры падали бы с неба, как горох!..*

В «Дворике» как не заслушаться речами рассудительной ироничной Баси Шмулевны: *Не будем уже спорить за музыку и портить клетки нервов, это не деньги, их даже нельзя попросить взаимы.*

Пьесы Марины Вахто разнообразны, увлекательны, поучительны, они хороши и по содержанию, и по форме. Их интересно читать, но всё-таки хочется им пожелать счастливой и плодотворной сценической жизни. Ведь по-настоящему драматургия раскрывается только на театральных подмостках.

«ЛЮДЯМ ВСЕГДА НАДО ПОМОГАТЬ...»

Честная проза Антона Шушарина

Несокрушимая стена жестокого равнодушия – такой пронзительный образ можно обнаружить в рассказе «Ангелы в ночи», давшем название первой книге Антона Шушарина (Архангельск, 2016). Рассказ имеет подзаголовок «Записки санитаря». Герой рассказа – студент, подрабатывающий санитаром на «Скорой помощи», поэтому он нередко

сталкивается с нелицеприятными сторонами человеческой жизни и смерти, *сталкивается с людским несчастьем, просеивает его через свою душу*. Об этом, собственно, его записки.

Врач, с которым он дежурит, спрашивает: *А почему на Скорую пошёл работать?* Он отвечает: *Интересно. Видишь город наизнанку*. Однако очевидно, что герой явно чужой в компании людей, которых он романтично называет теми самыми ангелами в ночи.

Посвящает писатель этот рассказ своей бабушке, её образ появляется уже на первых страницах: главный герой видит бабушку во сне – ласковую, с добрыми морщинками, слышит от неё такие слова: *Людям всегда надо помогать, выручать из беды*. А потом наяву видит совсем другую старушку – несчастную, больную, беспомощную, никому не нужную. В этом рассказе представлены обезоруживающие умозаключения неравнодушного человека: *привычная грязь и вонь – приметы современной глубинки, где научный прогресс обогнал уровень и культуру жизни; Любопытно, что, будучи живым, человек зачастую никому не нужен*.

Герою рассказа «Темнеет рано», служащему начальником отряда в колонии строгого режима, один из эков говорит: *Здесь чтобы работать, нужно быть мерзавцем. А ты другой*. И опять герой представляется чужим, непонятным и непонятым. И тем не менее персонажи рассказов писателя там, где они считают нужным быть, видимо, из своего рода романтических соображений – они намереваются пробить всё ту же *несокрушимую стену жестокого равнодушия, ведь людям всегда надо помогать*.

Эти герои автобиографичны, автор испытал на себе то, о чём пишет, считает своим долгом рассказать об этом в художественной форме. Он выступает поверенным и адвокатом своих героев, он приоткрывает перед читателями завесу тайны, позволяет им заглянуть туда, куда они никогда не заглядывали – из равнодушия ли, из боязни ли, из брезгливости ли, мало ли из-за чего. Но ведь и там, за той чертой люди, чаще обездоленные, несчастные, никчемные, по-разному складываются их судьбы.

Вот герой рассказа «Полная чаша» – афганец, которому часто снится война, ранение, он ожесточился, противопоставил себя всему и вся и даже родному брату, поскольку не приемлет его прагматичности, торгашности, благополучности: *Чем хуже ему приходилось, тем больше он начинал понимать, что для существования человеку нужно совсем мало, а для хорошей жизни – слишком много, но он ничего не собирался менять, потому что был из числа тех людей, которые никогда не признают своей неправоты*.

По-своему протестует, противопоставляя себя обществу, музыкант – персонаж рассказа «Раскинулось море широко». В этом рассказе можно встретить интересные рассуждения о смысле человеческой жизни:

Отчего в человеке столько беспокойства, неудовлетворённости? Почему лишь по прошествии времени он способен оценить, насколько счастлив он был в тот или иной период своей жизни? Счастье всегда в прошлом. Может быть, это оттого, что мы всегда спешим, слишком нетерпеливы, всегда что-нибудь обрываем. Мы пытаемся заглянуть за горизонт, пренебрегая красотой окружающей нас действительности, в тщетных поисках чего-то большего...

Смерть любимой жены выбила из колеи героя рассказа «Журавлиная герань», жизнь ему представляется бессмысленной, к тому же старость, немощь, никчемность: *Он уже в тягость даже самому себе*. Однако надо жить, потому что он всё-таки нужен своим родным, уже рождённому и тем, кто вот-вот родится.

Вторая книга Антона Шушарина «Щенки» (Москва, 2022) полностью посвящена жизни за решёткой – в воспитательной колонии для несовершеннолетних, в лагере строгого режима. Сюда из первой книги органично перекочевал рассказ «Темнеет рано», кроме него, здесь помещены давшая название сборнику повесть и ещё шесть рассказов.

В зоне свои законы, своя система ценностей, там всё иначе, неслучайно один из рассказов так и называется – «Иначе». Вот ряд показательных цитат: *В зоне слова и договорённости имеют огромный вес; ...люди отбывают там свою жизнь; Тут никому нельзя доверять, даже себе!; Зона учит терпению всех: и эзков, и сотрудников; В тюрьме все только и делают, что врут, изворачиваются, хвастают; Главное в зоне – это режим, ему подчиняются и осуждённые, и сотрудники*.

Обитатели зоны сами себя чувствуют изгоями, страдают от этого, они уверены, что нынешнее их состояние временное, что они больше никогда не окажутся снова в подобной ситуации. А потому нередки в этой книге исповеди, откровения, мучительная саморефлексия героев. Но ведь есть и такие, для кого зона – дом родной, именно там они в полной мере осознают свою значимость.

Блатные воровские законы всеильны или всё-таки есть на них управа? Кто на самом деле властвует в зоне – начальник или так называемый смотрящий? И эта непростая проблема поднимается в книге. Следует сразу заметить, никакой блатной романтики в этой честной книге нет. Есть искренняя заинтересованность в судьбах людей оступившихся, есть пафос предостережения от неверного шага тех, кто может оступить. И всё это убедительно, ощутимо, действенно благодаря несомненному таланту прозаика.

У заглавной повести «Щенки» – показательное название: именно так пренебрежительно, грубо называют подростков, тем более тех, кто ведёт себя вызывающе, дерзко. Но в повести фигурируют и настоящие щенки – детёныши собаки, именно с ними воспитанники колонии для несовершеннолетних чувствуют родственную связь: *Он же как мы, неустроенный. А так у него семья будет*. И потому особенно пронзитель-

но сопоставление судеб главного героя и прирученного им щенка: *Он шёл не спеша, глазел по сторонам, ему казалось, что он вернулся с войны и обладает таким знанием, которое недоступно большинству проходящих мимо людей, ведь он заглянул за...* Повесть «Щенки» принесла Антону Шушарину звание лауреата Всероссийской литературной премии имени В.П. Астафьева.

Читателям книги предстоит узнать *правила внутреннего распорядка* (см. одноименный рассказ) и неизбежные исключения из них, проникнуться исповедью кумира молодежи, прошедшего через круги зонавого ада: *А сколько талантов пущено по ветру из-за невнимательности родителей?* («Гениальный ребенок») и исповедью убеждённого зонавца в притворе зонавской церквушки: *Я потерял контроль над собой, находился в каком-то кровавом тумане. Почти не трезвел, сходил с ума, был одинок и почти обезумел* («Притвор»).

Можно узнать о том, как освободившийся колонист пытается убедить своего остающегося за решёткой собрата в том, что *Тюрьма – это не модно. Наколки – стыдно* («Свидание»); о том, как тянет свою служебную лямку молоденький психолог – *худенький лейтенант в овальных очках* («Карантин»); о том, как постигает мудрости жизни молодой начальник отряда лагеря строгого режима: *Сильные люди даже в неволе остаются свободными, потому что свобода – она внутри. А слабых ломают. Естественный отбор. Сидячий марафон* («Темнеет рано»).

Заметим в заключение, что Антон Шушарин считает нужным перед каждым произведением сборника поместить следующий текст: *Автор просит учесть, что все негативные эпизоды, описанные в произведениях, никак не являются отражением истинного отношения сотрудников к осуждённым и осуждённых между собой. Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями – чистая случайность.*

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ **Проза Александры Кудрявцевой**

Книгу Александры Кудрявцевой «Марека» (Москва, 2019) составляют одноимённый роман, одна небольшая пьеса и шесть коротких рассказов.

Название у романа необычное. Изображение девушки на обложке помогает предположить, что Марека – это имя. Так оно и есть. Этим именем назвали главную героиню по настоянию деда: *Ты, Ольга, девку-то Марекой назови. Пусть хоть в имени деревня наша останется. Она спросит – ты расскажешь, её кто спросит – и она расскажет, так и будет земля-то наша вспоминаться.* Соединились в этой самой Мареке две крови – южная и северная, две древние крови, однако ныне оскуде-

вающие, – караимская и чудская: *две крови течёт, две совершенно разные крови с совершенно разной исторической и генетической памятью. И от второй крови никак не откажешься, потому что она, не спрашивая желаний, всё равно даёт о себе знать.* Что же вышло из такого слияния? Об этом, собственно, и роман, в котором две части – «Иудейская скала» и «Чудь».

Прослеживаются судьбы двух древних народов, так или иначе отразившиеся на судьбе главной героини и её родственников по той и по другой линии, – судьбы непростые, запутанные. В романе много внимания уделяется отображению традиций, ритуалов, обычаев обоих народов, неразрывной связи поколений, когда размываются грани между мирами мёртвых и живых. Главной героине Мареке даны от природы особые способности, многое она может, и потому велика у неё ответственность за всё, ею свершаемое или даже помышляемое.

Сюжет напряжённый, тревожный. Внутренняя жизнь героини мучительно-насыщенная. Из всего этого формируется густая, терпкая ткань повествования, которая не отпускает, ведёт за собой в глубины и высоты в прямом и переносном смыслах. Караимы построили свой священный город высоко в горах, видимо, поэтому их преемников не покидает ощущение полёта. Чудь белоглазая уходила в землю, чтоб спастись от завоевателей, а потому её потомки крепко держатся за эту самую землю.

Не обошлось в романе без мистики, некой игры в потусторонность – яркой, выразительной, а потому и захватывающей, правдоподобной игры. Образы романа – густые, глубокие, насыщенные. Погружаясь в замысловатый сюжет романа, увлекаясь им, во многое можно проникнуть, многое постичь в сущности человеческой жизни, в загадках межличностного притяжения-отторжения, ну и, конечно, в проблеме национального самосознания.

Одноактная пьеса в девяти эпизодах «Мост» – забавная и в то же время серьёзная. Суть её заключена в тексте плаката, который разворачивают действующие лица в финале: «Шенкурску нужен мост!», однако поднимаются в пьесе проблемы не только конкретного северного городка, ставшего местом проживания писательницы, бывшей москвички. В предисловии справедливо отмечается: *Сюжет основан на реальных событиях и вскрывает типовые проблемы практически всех отдалённых уголков России.*

Рассказы, завершающие книгу, короткие, ёмкие, парадоксальные: как будто туго сжатая пружина стремительно разворачивается, больно ударяя или пронзая, как гвоздь из одноимённого рассказа.

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ СМЕСЬ

О романе Александра Бушковского

В новом романе Александра Бушковского «Ясновидец Пятаков» говорится о вечном неизбежном противостоянии Добра и Зла, остро поднимается вопрос Веры, которая помогает сделать правильный выбор. В центре внимания четыре героя, во всяком случае, о них мы узнаём больше, чем обо всех остальных персонажах. Один из них – повествователь, молодой человек, которого одолевает жажда писательства, другой – его шеф, человек могущественный и влиятельный, именно он настоятельно попросил рассказать подробно о том, что собственно и стало содержанием книги, третий – тот самый заявленный в названии ясновидец, который из-за обретения им сверхъестественных возможностей стал причиной произошедших невероятных событий, а четвертый – тот, кто волей судеб стал инструментом или даже воплощением Зла.

Заглавный герой – Гавриил Петрович Пятаков – тяготился своим архаичным именем, однако именно оно, вероятно, и наложило весомый отпечаток на его судьбу, которую завидной трудно назвать. Дед вёл с ним, ребёнком, разговоры о жизни и смерти, о его тёзке небесном Гаврииле. Досталась ему от деда книжечка *с таким истёртым переплётом, что названия просто не было видно*, с наказом никому её не показывать: *Будешь читать, будет всё нормально, а нет – горя ханнешь*. Читал Гавриил книжицу исправно, да забросил было её, но потом снова к ней вернулся, в церковь ходил, каялся в своих грехах, коих накопилось немало. Случилось с ним несчастье, угодил он в больницу с тяжёлыми травмами, и открылся ему дар ясновидения, мог он слышать чужие мысли и транслировать свои. Как тут не вспомнить о его тезке – архангеле Гаврииле, который открывает тайное знание Бога, раскрывает тайны будущего.

Но он видит меня насквозь! И знает то, в чём я сам себе боюсь признаться; Он меня как рентгеном просветил, – такова реакция тех, кто слышит то, что транслирует ставший ясновидцем Пятаков. Это Алексей Алексеевич Темчинов по прозвищу Чингисхан, в прошлом кадровый военный, потом главарь банды, чудом избежавший физического уничтожения, а ныне бригадир грузчиков, которому однако были многое и многие подвластны. И один из подопечных Чингисхана, Михаил Станиславович Медвежонок, от чьего лица ведётся повествование, это весьма восприимчивый молодой человек, которого, по его собственному «цветистому», с претензией на красоту признанию, *река жизни вращала в водоворотах событий, несла по стремнинам желаний, окунала в омуты страстей*.

О чём же узнали герои, читая мысли Пятакова? О том, что есть добро без изъяна и абсолютное зло, что свободы лишиться невозможно, что страшнее смерти отсутствие веры и утрата надежды, что *за спиной*

обрыв, и оглянуться нельзя – засосёт и утянет за край, поэтому нужно нащупать путь от обрыва, срочно начать что-то делать.

А кто же четвертый герой? Слышит ли он Пятакова, верит ли он ему? Оказывается, слышит, верит и поэтому боится его. Это Пётр Фомич Плимплус, идеал которого – истинная свобода и полная независимость, и он готов ради достижения этого идеала буквально на всё, готов сметать любые препятствия и, прежде всего, мешающих ему людей. Нет, смириться с тем, что какой-то Пятаков с его сверхвозможностями может всё испортить, Пётр Фомич никак не мог, потому и пустился во все тяжкие. Ну а в финале случилось то, что случилось, – спойлерить не будем. Напомним, что главное в этой книге вопрос Веры и борьба Добра со Злом.

И ещё интересно, что все четыре основных персонажа книги не лишены творческих амбиций. Пятаков в не самый счастливый момент жизни взялся за перо: *Пиши, Гавриил, пиши! Что тебе ещё делать? Опять запить? Не поможет, сам знаешь.* Чингисхан в молодости сочинял рифмованные четверостишия, в чём ни за что никому не признался бы, что не помешало ему оставаться ценителем поэзии и вообще изящных искусств. О творческом потенциале Михаила Медвежонка можно судить по его повествованию и рефлексиям по этому поводу: *И пусть некоторые находят, что слишком часто я использую клише и штампы или, наоборот, поэтические гиперболы и метафоры, не имеющие отношение к делу, мне всё изложенное ниже представляется весьма похожим на правду, а главное, не слишком уж косноязычно рассказанным...*

Ну а Плимплус – филолог, вузовский преподаватель: *Он копался в художественных текстах, разбирал их на молекулы, но своего текста не собрал. Он требовал от студентов анализа литературных произведений от древности и до сего дня, но сам таковых не создал. Что толку изучать литературу, когда самому нечего сказать?* Да, не самый лучезарный образ филолога представлен в романе, но спишем его на юношеский максимализм героя, выступающего в качестве повествователя.

Согласимся с вынесенным на обложку мнением авторитетного писателя и филолога Алексея Варламова: *Роман Александра Бушковского – это поразительная смесь приключений, злодейства, милосердия, чуда и любви. Читается на одном дыхании, удивляет, тревожит и в конце концов оставляет нас с верой в то, что мы находимся под надёжным прикрытием Неба. Сегодня это ценно как никогда.*

КАК НИ ПОВОРАЧИВАЙ СУДЬБУ

Такая разная проза Игоря Гуревича

Зона отчуждения аэропорта – *целый мир, наполненный своими соблазнами*, рождающий состояние полной свободы: не надо никуда спешить, вспоминай своё, слушай истории попутчиков. Об этом – в авторском предуведомлении, названном так же, как и вся книга повестей и рассказов Игоря Гуревича «Зона отчуждения» (Москва, 2020).

Истории разные – забавные и трогательные, поучительные и гротесковые. Вот «Цыганская кофта» – об изощрённом обмане, о профессиональном облапошивании. Обидно, конечно, но кофта-то цыганская крепкая – сносу ей нет. А вот про собаку – вальяжную, наглуую, хозяйка с ней измаялась, однако некий казус всё изменил («Где у собаки холка?»). Или про виртуозного артиста, играющего на тончайших струнах человеческих душ, хотя речь-то идёт об обыкновенном автобусном «зайце» – зато вдохновенном «зайце» («Однажды в автобусе»). Рассказ «Похороны Фроси» о матери и сыне, об ответственности и любви: *Кто-то из темени за кругом света облегчённо вздохнул.*

А дальше воспоминания – *острые гвозди, пробившие память насквозь – внутрь* (это опять автор в лирическом отступлении-предисловии не удержался от метафоры). И предстают перед читателями горькие судьбы, и бьёт наотмашь жестокая несправедливость («Кузьма-Казимир», «Голда значит “золотая”»). *Наши воспоминания ткут наши мифы. День за днём. Старательно перебирая лапками, как паучки. Откуда и берётся это кружево?* («Колыбельная для Вацлава»).

А разве кого-то может оставить равнодушным воспоминание о детском восприятии мира и жизни, об осознании счастья быть дома в окружении родных и любимых: *Я молчал и старался дышать как можно тише, чтобы не потревожить маму. Я был счастлив* («Возлюби болезнь свою...»).

Изощрённый авторский сарказм неистощим, когда высмеивается абсурдный служебный идиотизм, цинизм поздней советской идеологии («Анонимная надпись», «Ведро колумбийской картошки», «Кого нести будем?») – есть над чем посмеяться, есть о чём задуматься, есть и чем проникнуться.

А вот о горячей смеси юношеской гиперсексуальности и суровых психологических комплексов, а ещё о первых уроках коммерции, состоящих в обломах и открытиях («Одесса, ты мама?»).

Поражает своей предельной искренностью, пронзительной чувствительностью рассказ «Рейган, мы не едем» о сборах семьи в эмиграцию – слёзы и смех здесь перемешиваются, не различишь: *Это выглядело одновременно мучительно и бестолково.*

Завершает раздел рассказов авантюрная история «Цена свободы» о том, как поиск пикантных приключений оборотился для героя благодаря изобретательности его жены простым семейным счастьем.

Далее идут две повести-перевертыши, собственно, «Зона отчуждения» с подзаголовком «Две жизни». Здесь ключевым представляется корень от прилагательного *чужой*, да и приставка *от-* вполне себе на месте. Оказывается, как ни поворачивай судьбу, всё равно финал безысходный: только в первом случае трагическая случайность, ставшая закономерным итогом (жизнь первая: «Я твой сын...»), во втором – целенаправленное деяние и закономерное возмездие (жизнь вторая: «Всё могло быть иначе...»). Жёстко, реалистично, сгущённо-вязко, терпко, хлёстко. Беспощадно всё это, но справедливо!

В сатирической повести о циничных предвыборных играх «Осенний чос» переплелись живые колоритные человеческие и природные картины с заведомо фальшивыми деяниями героев, однако всё-таки пробивающимися в душевность.

Несколько странной кажется повесть с не менее странным названием «Сцены из жизни Яшки Штейнбока», ведь крысёныш Яшка там постольку-поскольку, это повесть по большей части о нелёгкой женской доле.

Завершает книгу Игоря Гуревича повесть, созданная на автобиографическом материале, «Работа с родителями» – о том, как сразу после института он оказался на должности директора малокомплектной поселковой школы. Это калейдоскоп разрозненных историй из школьной жизни без особого соблюдения хронологии событий, навеянных отдельными вспышками некоторых памятных эпизодов, – скажем так, ироничные мемуары. Тут тебе и плейбойство, и пройдошество, даже некоторое бахвальство и запоздалый стыд. А почему работа с родителями? Просто выбран такой аспект многогранной директорской деятельности для повествования, за эту самую работу герою были и выговор, и благодарность, а проверить и измерить её всё равно невозможно.

Приведём напоследок цитату из предисловия Александра Лыскова «Проза поэта»: *Если и существует в природе вдохновение, как особое, неконтролируемое состояние, позволяющее писателю без усилий нанести на бумагу слова и предложения, вести замысловатое действие, увлечь читателя, которому в финале становится жаль, что книга закончена, то, несомненно, именно под действием такого настроения и созданы все произведения Игоря Гуревича.*

III. «И СЛОВО ВДРУГ ЯВЛЯЕТСЯ ТЕБЕ...»

«И ПРОСТО, И СВЕТЛО ЖИВУ В ГЛУБИ РОССИИ...»

О книге Ольги Корзовой «Они – моя родня»

На обложке книги стихотворений Ольги Корзовой – синички на голых ветках. Название сборника – «Они – моя родня» (Москва, 2020). Открываем стихотворение, давшее заглавие книге:

*Они – моя родня,
Им хлеб крошу-ломаю
И новые стихи
тихонько говорю.
И слушают они
от октября до мая,
И слушать мне велят
от мая к октябрю («Они – моя родня...»).*

Речь идёт о птицах, которых лирическая героиня подкармливает долгой холодной зимой. Птицы, чаще всего именно синицы, не раз упоминаются в поэтических строчках:

*Я чувствую синичьи коготки:
Отважно корм берут они с руки...
(«Я чувствую синичьи коготки...»).*

*Чу! Синичка играет стаккато,
Исполняя его по стеклу («Музыка»).*

*Пока бреду с ведром
Среди моих синиц («Как вязок зимний быт...»).*

Они – верные друзья лирической героини именно в тяжёлое зимнее время, поскольку

*По весне, будто сон,
Разлетятся синицы мои
По садам, по лесам –
Упорхнёт легковесная стая... («По весне, будто сон...»);*

а если припозднится весна, то и синицы пока останутся с героиней:

*Хоть на солнце весна поёт,
Но синицы ещё при мне,
И ночами растущий лёд
Не даёт провздохнуть во сне
(«Набираю ведро с колен...»).*

Через образ синиц передаётся неизбежное одиночество лирической героини, остающейся верной родной земле несмотря ни на что, этот мотив проходит через весь сборник:

*Моё синичье царство не достанется
Теперь уже, наверно, никому.
Осталось мне смириться и состариться,
Переходя в неведомую тьму
(«Моё синичье царство не достанется...»).*

Родство с птицами неоднократно подчёркивает поэтесса:

*Слетается ко мне и на ладонь садится
Мой маленький народ, крылатая родня
(«Не стоит выбирать, журавль или синица...»).*

А ещё – «безысходное» родство со всеми приметамы родного края: с камушком, с бугорком, с родником, с полем, с мостом, об этом в стихотворении, открывающим сборник, «Безысходное наше родство...». Об этом, по сути, и вся книга.

*Безысходное наше родство
С каждым камушком возле дороги,
С бугорком, приютившим его,
С родником у часовенок строгих,
С прежним полем и старым мостом –
И взглянуть невозможно без грусти –
Не отложишь любовь на потом.
Не уйдёт. Не пройдёт. Не отпустит.*

Родство именно безысходное – нет исхода с родной земли:

*Всё такое старое, больное.
Всё такое близкое, родное –
Дом, крылечко, лодка и скворешня,
И деревня, ставшая нездешней («Всё такое старое, больное...»).*

Да, всё стало старым и больным, да, деревня стала «нездешней», но разве можно всё это покинуть, бросить на произвол? Для лирической героини ответ однозначен – нет.

Характеризуя родной край, поэтесса чаще всего использует эпитет «заброшенный»: *...В краю заброшенном твоём* («Зачем печалишься о многом?...»); *...В край заброшенный полетела* («Птица»); *...И над русским заброшенным полем* («Глухозимье»); *Бескрайний луг, заброшенный навек* («Осенины»).

Вымирают, исчезают деревни, уходят в небыль:

*Вымирает край.
Лес вырубят – и вовсе не житьё... («Сороковины»);*

*А скольких деревушек не осталось –
Исчезли, точно выгорев дотла
(«Я не отдам полцарства за коня...»);*

*Мне б только смотреть с высоты
На эти дома,
На ушедшие в небыль деревни... («Молитва»).*

Деревни «тают» – такой удивительный образ появляется в стихах Ольги Корзовой:

*Тает, уменьшается деревня... («Увозили Женьку на ве-
ка...»);*

*[Деревня. – А.П.] Вот взмахнёт крылами – и растает,
А меня печалиться оставит («Всё такое старое, боль-
ное...»);*

*...деревенский мир в краю моём,
Растаявший стремительно и скоро («Сенокосные озера»).*
Поэтесса в стихотворении «Пчела» вспоминает, как в её детстве,
*Раскосив гнездо пчелиное,
Братья, дымом из земли
Пчёл прогнавши, соты вынули
И опять косить пошли;*

и вот сейчас кажется ей,
*Что возмездья пробил час,
Со старинных наших пажитей
Жизнь выкуривает нас.*

Действительно, всё меньше и меньше становится жителей в север-
ных заброшенных деревнях, «истончается человеческое древо»:

*Человеческое древо
Истончается вокруг.
Были ветки справа, слева –
Ничего не стало вдруг.
Без единого побега
Ствол, ушедший в облака,
Молча ждёт зимы и снега,
И покоя – на века («Человеческое древо...»).*

Для Ольги Корзовой деревенский исчезающий, заброшенный мир не безымянный, не абстрактный, он имеет свои имена, свою конкретику, лирическая героиня хочет, чтоб родные имена (микротопонимы) её родной деревни, которая, конечно, тоже исчезнет, остались в стихах, эти имена – сама поэзия. Об этом стихотворение «Родные имена», вот его финал:

*Дома пустые, древние –
Волово, Наволок...
С моей родной деревнею
Исчезнут – будет срок –
Кривое и Верётея,*

*Горбатница... Как сон,
Растает – и не встретимся –
Поэзия имён.*

Обратите внимание, вновь используется глагол *растаять* в значении «бесследно исчезнуть».

Показательно и вот такое стихотворение, защищающее родной край от реальных и потенциальных критиков-недоброжелателей, начинается оно так:

*Обижаюсь, услышав,
Что реки – маленькие,
Деревушки – невзрачные,
Край – заброшенный.*

Не маленькие реки, каждую весну превращаются они в моря:

*А весной стою
Над морями синими;*

причудливые имена рек сами просятся в поэтическую строку, сами по себе выразительны:

*Кена, Чурьега, Сónдола –
Все красавицы.*

Каждый дом деревушки – с именем, со своей историей:

*И дома называю
Хозяев именем,
Пусть дымок
Не над каждою крышей
Тянется.*

И останется всё родное и близкое навсегда с лирической героиней: цветочки, травинки, поженки, перелогы – при жизни и после смерти:

*А когда повезут –
Будет день –
Дорогами
В наволоцкий край,
На моё пристанище,
Мимо серых поженок
С перелогами...
Нет, не мимо! –
Со мной они останутся
Навсегда... («Обижаюсь, услышав...»).*

Лирическая героиня чувствует неразрывное единство с родной землёй:

*Чтоб зря не тревожилось поле,
Наклонюсь и его обниму,
Буду гладить ладонями травы.
Не расстанемся – корень один
(«По снегам осторожно ступая...»);*

*Засыпаю, прижав к изголовью
Землю, где родилась и живу
(«Не люблю времена перехода...»).*

Она сама себя ощущает частью родной земли, родной природы:
*Сама себе кажусь большим кустом,
Задумчиво бредущим через поле («Куст»);*

*А я кустом седым
Стою над миром белым («Печной струится дым...»);*

*А когда я кошу траву,
И сама становлюсь травой... («Эта летняя немота...»);*

*Врастаю в травостой,
Ложусь землёю, подчиняясь плугу,
И знаю: ночью мне шуметь листвою
И соловьём свистеть на всю округу ... («Начало лета»);*

*Я была и листвою, и поляной,
И ручьём, отрицающим смерть («У лесной опушки»);*
она готова стать самой землёю после смерти:

*Позволь мне остаться
На стрелке затерянных рек
Песком или камнем,
Прибрежною белою глиной («Молитва»).*

Заросли травой некошенные луга, наступает лес на бывшие пожни:

*Затравёла-замурáвела
Вся округа до небес.
Богатырскою заставою
Поднялся на пожнях лес («Пчела»)*

– обращает на себя внимание замечательный окказионализм *затраветь-замураветь*, созданный на основе фольклоризма *трава-мурава*; давно нет коней ни на деревенских улицах, ни на полях:

*Что лошади, когда для государства
Обузой люди? («Я не отдам полцарства за коня...»);*

опустели деревни:

*...стало тихо нынче в школе,
Закрит большой сельповский магазин.
Хоть флаг ещё торчит над сельсоветом –
Дверь заперта... («Куст»).*

Трудно живётся людям в заброшенном краю:

*Белеет чисто поле,
И реками отрезана земля.
За почтою, за хлебом, на укол –*

*И надо бы, да нынче не по силам <...>
Полмесяца автобусы не едут,
И на Онеге мост снесло опять.
Случись вот что, хоть ляг да помирай («Сороковины»);*

*Скосило с девяностых полсела –
Болезни, водка... («Я не отдам полцарства за коня...»)*

Зреет трагическое предчувствие, об этом тревожное стихотворение со знаковым названием «Запах беды»:

*А старухи опять
запасаются мылом и солью.
Запах близкой беды
им доподлинно с детства знаком.
И молчит в ожиданье
пустынное русское поле,
А с окраины тянет
и порохом, и табаком.
Да не тем, заграничным,
с заморским густым ароматом,
А махоркой простой,
словно старый встряхнули кафтан.
И уснуть я не в силах,
как будто и впрямь виновата
В том, что плачут старухи
и смотрят с тоской на экран.*

Встают за поэтическими строками удивительные человеческие судьбы.

Вот героиня стихотворения «Бабушка с табуреточкой», которая несмотря на немочь

*держалась,
Будто и нет беды,
Словно бы всё обычно;*

много испытаний выпало на её долю: *Пашня, война, ухабы*, однако

*Из своего угла
Выбраться та решила
Только когда слегла.*

Вот увозят из родной деревни постаревшего и занемогшего инвалида Женьку

*от скорбей и ран,
От забот великих или малых,
тем самым безвозвратно отрывая его
От его столетних самоваров,
От реки, бегущей вдоль лужка,*

От избы, совсем ещё не старой («Увозили Женьку на века...»).

Вот собралась соседки на сороковины сестры хозяйки дома, помянули, посетовали на «бесчисленные беды», вспомнили власти «добрым словом», а потом, как о чём-то будничном, обыденном хозяйка заговорила с гостями о том, где и что у неё припасено на собственные похороны:

Ведь вам придётся хоронить меня.

Кому ещё? Вам вроде не чужая («Сороковины»).

С трепетом и любовью пишет поэтесса о родных людях:

А у мамы кукол не было –

Настоящих, ни одной.

Были очереди хлебные,

Дольше, чем война, длиной («А у мамы кукол не было...»);

о своём детстве в родном доме:

Мы не вмещались

за дощатый стол.

Была я младшей,

И в семье – девятой.

Отец и мама.

Бабушка, ребята

И мы с сестрой («Мы не вмещались за дощатый стол...»);

А всё же вспомню: брат привёл коня

И к плугу встал, а бабушка учила

И хмурилась: ломает борозду –

Хотелось ей, чтоб внук освоил дело

(«Я не отдам полцарства за коня...»);

о горьких утратах:

Мне грустно. Мой брат не приехал,

Не будет его никогда («Не бойтесь, синицы и галки...»);

о преемственности семейных традиций:

Ночник материнский и лампу отцову

В субботу зажгу я опять («Лампы»);

о целительной силе близкого родства:

И сестре я звоню поутру –

Человеческий голос послушать («Глухозимье»);

Дай мне руку, сестра,

Чтоб на раннем ледке не упасть («Чёрный лёд»).

Год за годом, день за днём течёт жизнь, сменяют друг друга времена года, пейзажная лирика поэтессы оборачивается философской, в ней сгустки вековой мудрости, в ней простота и ясность мироздания:

Опасно человеческой природе

Жить, ощущая зиму на подходе
(«Не отошло, а будто бы застыло...»);

И кажется – не давит небосвод,
Как будто бы и правда – всё в порядке («Начало лета»);

...как безмятежны дни,
Когда они наполнены тобою [летом. – А.П.]
(«Не верилось, а всё-таки пришло...»);

Берега водой размыты вешиною,
И вельнем щучьим сломан лёд.
На берёзах в радостных скворечниках
Жизнь нетерпеливая идёт («Мысли»);

Но всё-таки сгорает жизнь не зря:
И ровное свечение, и пламя,
И золотая мудрость сентября
Смягчают переходы меж мирами
(«Малиновое летнее житьё...»);

Отпустив журавлей,
Остаёмся один на один
С неизбежным ненастьем,
Что, может быть,
Кончится к лету («Осень крикнет внезапно...»).

И прорастает живое Слово:

Просвета нет ни в небе, ни в судьбе.
И хочется душе живого слова.
И Слово вдруг является тебе
Воробушком обычным на столбе
Иль ягодкой шиповника лесного
(«Порой бредёшь средь зимней тишины...»).

Родную северную природу лирическая героиня ощущает всем своим существом:

Страшно привстать-присесть
Страшно рукою двинуть,
Словно в груди моей
Северные ветра
Шалой гремят водой,
Ходят-качают льдины («Сердце-то как стучит...»);

родной северный край прорастает сквозь её душу и тело:

Северным небом синим
Хочется жить и жить

*И не считать увечья,
Словно их вовсе нет («Бабушка с табуреточкой»).*

В стихах Ольги Корзовой создаются изумительные образы-метафоры:

белая ночь – одуванчик:

*На одуванчик ночи белой дунь,
Не то застынет время, как в музее
(«О Тихоне земля смиряет ход...»);*

«сенокосные озёра» – старые пожни, залитые весенним паводком:

*Там, где звенели косы каждый год,
Качался поплавками клан утиный,
Пуская рябь по верху тёмных вод («Сенокосные озёра»);*

нарождающийся день – тесто, становящееся хлебом:

*Поднимается день,
будто тесто в квашне,
Набухает, ползёт
и становится хлебом...
(«По утрам тяжелеют обычные вещи...»);*

появляются великолепные неожиданные сравнения:

*Желанной сенокосною порой,
Где звон косы на дальних перелогих
Сливается с вечернею зарёй
И ставят стог, как будто славят Бога
(«О Тихоне земля смиряет ход...»);*

*Дремлет поле, бескрайнее поле,
Как младенец, на женских руках
(«По снегам осторожно ступая...»);*

*И даже время движется с трудом,
Как будто стрелки облепило снегом
(«В жильё ночами прячется зима...»).*

Сказочное, фольклорное проглядывает в стихах, иначе и не может быть при таком подходе к творчеству, при такой любви к родной земле:

*Придумаешь сказку – и с нею живёшь.
А разве прожить без неё?*

(«Придумаешь сказку – и с нею живёшь...»);

поэтому органично на страницах сборника себя чувствуют и Леший, и Баба Яга, и Конёк-Горбунук, и Берендеево царство.

Вот «одушевляется» декабрьский Лес, чтоб упрекнуть людей в экологических проблемах:

*Облик человеческий
Нам ненавистен. Вы всему виной
(«Мне захотелось выйти в тишину...»),*

а лирическая героиня чувствует себя лесной царевной, с которой разговаривает Леший:

*«Слава богу,
Что вновь домой вернулась, дочка, ты»
(«Совсем другое время за деревней...»).*

Традиции предков, вековые устои не должны исчезнуть, нам, нынешним, должно брать пример с ушедших поколений русских крестьян:

*И ближе современника стал пращур
С его простой, суровою судьбой,
Заботами о доме и о пашне
(«Теперь всё чаще хочется молчать...»);*

*В северных наших краях
живы обычаи местные.
Если хозяина нет,
палка стоит у ворот.
Если надолго ушёл,
смотрит крыльцо перекрестиной.
Взглянет прохожий на дом,
взглянет – и мимо пройдёт («Перекрестина»).*

Отцы и деды защищали родную землю на жестокой, бесчеловечной войне:

*Но Родину он закрывал собой,
И было ей, как девочке, не страшно
(«Теперь всё чаще хочется молчать...»);*

немало испытаний выпало на долю тех, кто остался в тылу:

*...тяжеск военный волок –
Год засчитай за пять («Бабушка с табуреточкой»),*

а павшим на войне

*...Кому – могила братская,
А кто – поверх земли... («Родные имена»).*

Помня об этом, нужно стоять до конца, нельзя отступить, чтоб не было стыдно перед предками:

*Не дай отступить,
Когда отступает век
И прадед молчит,
Укоризненно глядя
Мне в спину («Молитва»).*

Надо жить просто и светло и не усложнять простое:

*И просто, и светло
Живу в глуби России
И радуюсь снегам
И милому письму... («Как вязок зимний быт...»);*

*Не стоит
Стараться перемены объяснять,
Сложней, чем надо, делая простое
(«Всё опустело разом: дом и двор...»).*

И самое главное – не терять надежду на то, что Россия устоит:

*...Лихолетье минует.
Не ведаю, поздно ли, рано,
Но распадут поля,
И дороги проложат опять,
И поднимут кресты
Работающие руки Иванов,
Свято верящих в то,
Что Россия должна устоять... («На широких ветрах...»).*

Елена Галимова, рассуждая об актуализации мотива стояния в современной северной поэзии, подчёркивает: «Стояние за родину – это всегда осознанное действие, по сути своей – подвиг, может быть, самый высший и трудный, поскольку он требует не только отваги, но и терпения. <...>

Тем удивительнее, на первый взгляд, что мотив стояния начинает активно развиваться в современной северной литературе, прежде всего – в поэзии. Не в военное время и не в произведениях, посвящённых войне.

В стихотворении Ольги Корзовой «Молитва» «наличествуют почти все смыслы и образы, с которыми связано существование мотива стояния в современной поэзии Севера. Это и образы умерших деревень, за которыми – обезлюдение Русского Севера, стремительно ускорившееся в последние годы, и мотив слияния лирической героини с родной землёй в стремлении если не спасти и защитить, то в любом случае не предать и не оставить, а остаться с ней и в ней навсегда, стать ею; и мотив единства в готовности стоять насмерть человека и всего деревенского и природного северного мира, и важность этого деяния, по сути составляющего главный смысл жизни человека, живущего на северной земле, – что явно выражено молитвенным обращением» (Галимова Е.Ш. Актуализация мотива стояния в художественно мире Северного текста русской литературы // Северный текст русской литературы. Вып. 5. Русский Север в системе точек зрения. Архангельск, 2020. С. 17-23).

Мотив стояния – основной в новой поэтической книге замечательной северной поэтессы Ольги Владимировны Корзовой, которая убеждена в том, что:

*Наша память жива,
И покоя душа не приемлет,
И в родимом окне
Неустанно горит огонёк («На широких ветрах...»).*

«А ДАЛЬШЕ – СВЕТА ТОРЖЕСТВО И ЖИЗНЬ!»
О книге Александра Логинова
«Возвратите мне Родины свет золотой»

Разные определения поэзии существуют. Каждый поэт определяет её для себя по-своему, Александр Логинов делает это так: *Поэзия – это когда тьму, нависшую над нами, прорезает молния. И весь первобытный хаос раскалывается, и грохочущие глыбы его приходят в движение. Это ливень, а затем радуга, соединяющая людские сердца через небесное сияние...* Это цитата из авторского предисловия к книге поэта «Возвратите мне Родины свет золотой» (Архангельск, 2020). Предисловие названо «Предвестие любви», потому что без любви не бывает поэзии.

На обложке помещён рисунок художника Романа Выдрина «Каменное солнце» – арка над рекой Свидь, действительно, каменное солнце. На оборотной стороне обложки фотопортрет поэта А. Логинова и выдержка из его тревожного стихотворения «Дети в цинковых гробах...» о современной жестокой войне, которой *дьявол свой ведёт отсчёт*, в этом стихотворении воскрешаются легендарные образы прошлого:

*Бьётся насмерть Пересвет
В лютой схватке с Челубеем.*

В книге есть ещё один портрет автора, графический, кисти художника Александра Тярина, на этом портрете Логинов как будто тоже из тех времён, когда сражался Пересвет.

Строка, давшая название сборнику, взята из стихотворения «Антрацитный паук», в котором заглавный жуткий образ олицетворяет то страшное и жестокое, что нависло над русской землей, что противостоит Божью Слову. Вот более полная цитата:

*И тростинка души в небеса прохрипела:
«Возвратите мне Родины свет золотой,
Отпустите на волю и Слово, и Дело!».*

Итак, на обложке заявлены тема и нерв поэтической книги, в предисловии – намечен творческий вектор. Названия разделов сборника призваны обозначить его символику: «Люди-корабли», «Ночное гадание», «Вид из осеннего окна».

Что говорят о новой книге Александра Логинова коллеги-писатели? Вот отзыв Александра Лыскова: «...грандиозные образы перекатываются под его поэтическим напором – родина, народ, пространство, коридор времени, история. Всё сгущено, как воздух севера, как воды в соляных источниках. Его тема – мировые потрясения, колебания Вселенной». А вот что пишет Дмитрий Ермаков: «Читая стихи Александра Логинова, невольно делаешь остановки... Чтобы переждать спазм в горле, успокоить сердце... Это читая. А как же он это писал?...» Д. Ермаков в своем отзыве неоднократно сопоставляет стихи

А. Логинова со стихами Николая Рубцова – согласимся, такая связь, конечно, проглядывает.

В аннотации сборника можно прочитать: *Ещё не преодолены последствия грохота и лязга исполинской ломки страны, произошедшей на стыке тысячелетий. Её отголоски по-прежнему напоминают о себе. Они, безусловно, отчетливо слышны в книге, эти отголоски.*

Уже первое стихотворение книги настраивает на определенный лад:

*Опричники и скоморохи.
Стальная ночь. Калёный лёд.
В России жить не так уж плохо –
Не каждого сбивают влёт.*

Здесь же говорится об ответственности всех и каждого за всё, что происходит в стране и мире:

*...Но в роковой священный час
С врагом Отечества сразиться
Придётся каждому из нас.*

Размышления о судьбе Родины рождают горькие, тревожные, взвыскующие поэтические строки:

*За что был русский мир наказан?
Ответь нам, Разум Мировой! («Дорога»);*

*Спящая моя Родина взорвана поводомьем!
(«Иногда мне снится замерзший Стикс...»);*

*...Высоко-высоко птица Русь над землёю парит,
Величаво и гордо.
Отчего ж мое сердце всё чаще и чаще болит?
Отчего мне так горько...
(«В неоглядной России, в перелётной России моей...»).*

Душа лирического героя жаждет простора и воли:

*Горних вершин не хватает мне,
Душит равнинный ветер
(«Наполовину пуст мой стакан...»);*

*Возврати мне пропащую душу,
Без души пропадать не хочу! («Диктатор»).*

Поэт находит спасение в благословенном, животворном Слове:

*Перед словом заветным склоняя чело, плачу
(«Помню, в детстве, как только ступлю за порог...»);*

*...Но золото листов
Мечтает жизнь отдать за явленное Слово...
(«Река обнажена. Ни ряски, ни осоки...»);*

*И Божьявленное Слово
Прожгло свинцовый панцирь туч
(«Северный ноктюрн»);*

*И согревает сердце слово,
Спускающееся с небес
(«Из глухозимья в глухозимье...»).*

Сильная позиция любой книги – её последние слова. Вот заключительное четверостишие сборника:

*Встаньте! Да будет жатва,
Дети большой семьи!
Вот вам рукопожатье
Из глубины земли («Солнце. Зенит. Время»).*

Поэзия Александра Логинова наполнена, буквально пронизана мировой литературой, в поэтических строчках органично себя чувствуют Денис Давыдов и Александр Блок, Райнер Мария Рильке и Артур Рембо, Александр Сергеевич Пушкин и Эмиль Золя, Уильям Шекспир и Лев Толстой. Так, образ Марины Цветаевой напрямую связан с образом России:

*Встречай сынов, святая Русь!
Уже встает во мгле родимой
Маринин придорожный куст –
Неопалимый («Русский исход»).*

Создания поэтического гения Пушкина становятся символами судьбы страны:

*О Господи, помилуй и спаси!
Из круговерти злой, из мглы белесой
Опять явились пушкинские бесы
Со всех дорог завьюженной Руси... («Север»).*

В качестве эпиграфов приводятся цитаты из произведений Антона Чехова и Сергея Есенина. На основе своего читательского опыта лирический герой А. Логинова делает неожиданное для себя открытие: прочитав и сопоставив «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина и «Мать» Максима Горького, он заключает:

*И такая горькая мысль
Душу мою прожгла,
Сожгла.
Она и теперь во мне,
Как барабан револьверный,
Крутится.
Возможно, вот так и произошла
Русская революция («Музыка. Лёгкий рой пчел...»).*

В сборник помещен ряд посвящений поэта литераторам-современникам одной с ним группы крови: Михаилу Анищенко, Влади-

миру Личутину, Александру Роскову, Инэль Яшиной, Ольге Корзовой. Стихотворение, посвящённое А. Роскову, заканчивается так:

*Нам суждено испить из смертных чаш,
Но мы спасёмся –
верю! –
русским словом*

(«Я научился плакать у дождя...»).

Интересно посмотреть, какие ещё личности упоминаются в поэтическом контексте Александра Логинова, какие имена понадобились поэту для раскрытия поэтического сюжета, для определения знаков времени? Здесь окажутся Беринг и «беспалый Борис» (именно так назван Ельцин), Федор Ушаков и Младший Сенека Луций, Анка-пулемётчица и Чапаев, Лу Андреас Саломе и Эдуард Мане, Бисмарк и Бах (персоналии даны так, как они фигурируют в стихах).

В радиопередаче Александр Логинов сетовал на то, что в рецензиях и отзывах не идёт речь о стихах, которые как будто бы выбиваются из общего круга, «как колючки вылезают», и упомянул такие названия: «Ножичек», «День единства», «Утро ветерана». Что ж, остановимся именно на них.

Стихотворение «Ножичек» представляет картинку из детства: юный лирический герой отправляется с отцом в лес по грибы, конечно же, с ножичком. Образ отца весьма колоритен:

*Я не знаю,
Что за думы
У батяни в голове.
Но он любит чёрный юмор,
Выпить стопку
Или две...
Но зато в грибные дни
Чист душой,
Вина ни-ни.*

Чёрный юмор батяни заключается в том, что

*Для него грибы все в лицах.
Каждый гриб
Как лицедей,
Что мечтает воплотиться
В представителя людей...*

Вот царь грибов, а вот министры и вожди.

*Ножик – вжик!
Мой папка смел.
Воевал. И отсидел.
«Сварит мамка нам грибницу
Из министров и вождей...».*

Сюжет стихотворения «День единства» таков: в указанный в названии праздник пируют на свалке лирический герой и его знакомый бож, толкуя о том, о сём, об «остроте момента», бож при этом философски изрекает:

*Да, эта местность безобразна,
Но это родина моя;*

<...>

*И если это не Россия,
Тогда ответьте мне – а что?*

День единства, как и следует из его названия, объединяет, однако, всё и всех:

*...Гуляет свалка, веселится.
Палёным пахнет и гнильём.
Гуляют бандюки в столице
Вместе с ворами и жульём.*

*И олигархи на Канарах,
И воробышки на мосту,
И зэки справные на нарах,
И постовые на посту.*

«Утро ветерана» – такого названия в сборнике нет, однако, скорее всего, речь идёт об этом стихотворении, вот его начало:

Какое утро! – Как в детстве русом.

...Я собираю отдельно мусор.

Что же разделяет лирический герой? Шмотки, объедки, портреты вождей. Швыряет в окно телевизор.

*Ну всё как будто! Но нет – осталась
В углу прихожей скупая старость.*

Да пусть она кимарит. А что же ещё? Боеприпасы! А вот их поближе положим, чтоб были под рукой:

*Ещё сгодятся стихов торпеды,
Чтобы приблизить наш День Победы.*

Такие они, стихи-колючки Александра Логинова. Тут комментарии, пожалуй, излишни. Да и зряшное это дело – комментировать стихи!

И напоследок другое «Утро»:

*Рассвет как азбука. И детство где-то рядом.
И горькой музыки раскаты не слышны.
Ты небосвод ощупываешь взглядом
И разрываешь пути тишины.*

И прорастают слова, и рождаются строки, и слышны голоса:

*Они звенят в российском захолустье –
Пречистые, пронзают дол и высь.
Река времён впадает с гулом в устье,
А дальше – света торжество / и жизнь!*

«СИЯНЬЕ СЕВЕРА, МНЕ ДУШУ ОБНОВИ!»
О книге Валентина Суховского «Дали долинные»

Поэтическую книгу «Дали долинные» (Москва, 1989) Валентин Суховский посвятил светлой памяти своей бабушки, «воспитавшей его душу», как говорится в посвящении. Поэт отдаёт дань уважения всему своему роду, семье, говоря о судьбах родных людей, он говорит о судьбе родины, говорит с любовью и болью:

*Пробились слёзы умиленья,
Остуду в сердце растоя.
Поёт былинные сложенья
Родная бабушка моя... («Голос бабушки»).*

Первое стихотворение сборника – «Матица» – начинается так:

*Основательно, без сумятицы
Избу ставили на века.
Узнаю по надёжной матице
Богатырскую крепь мужика.*

*Глубь веков Руси не исчерпана,
И не всё врагом сметено...
То, что прадедом предназначено,
То исполнить мне суждено.*

Через образ основательной, крепкой, надёжной крестьянской избы поэт передает мысль о незаблемости вековых народных традиций, которые могут и должны быть основой жизни нынешних и будущих поколений, себя самого, во всяком случае, он не отделяет от этой преемственности: *И пока я жив, не раскатится / Ни один золотой венец.*

Образ этого самого золотого венца как основы Дома и Рода рефреном повторяется в следующем стихотворении «Из крестьянской родословной», в котором речь идёт о судьбах предков поэта: *А остался от судьбы / Золотой венец избы.* В другом стихотворении с горечью констатируется: *И рушится с родиной связь / С венцами заветной постройки* («Визг санок, бубенчиков смех...»).

Стихотворение «Из крестьянской родословной» неожиданно заканчивается притчеобразным пятистишием:

*О дуб, хвала твоим корням!
Трудились истоиво, не чая,
Что ствол пойдёт на Божий храм,
Плоды достанутся скотам,
А ветви гения венчают.*

Похоже, что именно древний могучий дуб изображён на обложке – покорёженный временем и ненастьем, однако могучий и крепкий. Следует отметить, что книга очень хорошо проиллюстрирована художником

Борисом Сопиным, чьи графические работы дополняют и подчёркивают поэтические образы.

Нужно сказать, что одическое междометие «О» ещё дважды встретится в сборнике, формируя особый пафос поэтических строк: *О, сколько их сгорело в этой пыли!* («Скорбь») – речь идёт о трагедии 30-х годов XX века; *О, есть и отрада в трудах неустанных, / Когда миг и вечность сольются в одно!* («Художник в работе, весь в поисках цвета...») – о радости вдохновенного творчества.

Наиболее частотным в книге В. Суховского является величественное и торжественное слово *Русь*, которому поэт явно отдаёт предпочтение, по сравнению с номинацией *Россия*. Исконное, древнее наименование нашей Родины для него само по себе выразительно, поэтому оно почти не имеет в поэтическом контексте каких-либо эпитетов, они единичны: *светлая Русь, родная, удалая, весёлая Русь; торжественная, великая Русь*, конечно же, встретится и *Русь Святая* как устойчивое сочетание, характеризующее славную историю страны:

*Благословил вдруг Сергей Преподобный
Стоять за Русь Святую до конца.
И русский дух возвышенный, свободный
Вдруг выпрямил в достоинстве сердца* («Очищение»).

Не менее важным для поэта – северянина по рождению является и сочетание *Северная Русь*.

Приведём ещё несколько показательных примеров со словом *Русь*: *Как всегда на Руси, в час веселья / Грусть высокая всходит у нас* («На Мезени»); *Куда бы ни пошёл, на сердце сладко – / Роднёй богата, хлебосольна Русь* («В желанное раздумье окунусь...»); *Где б ни был я, влечёт меня сюда: / К деревне, полю и речному руслу. / Нерасторжимо в сердце навсегда / Всё, что зовем мы родиной и Русью* («Деревня»).

А вот контекст со словом *Россия*, занимающий сильную позицию конца стихотворения: *И взгляда нет мудрее и светлее, / И кажется: Россия вся – родня* («От недоверья, хитрости, обмана...»). Важно, что слово *Русь* органично сочетается в поэтической контексте со словами *родина, родной* и их производными.

Принципиально часто употребляет В. Суховский слово *русский* в разных значениях: и как субстантиват, обозначающий представителей русского народа, русский танец или обобщённое наименование, характеризующее концентрацию национальных свойств: *А наше русское, родное, / Как совесть, надо бы сберечь* («Колодца сруб обледенелый»); и как определение, характеризующее различные объекты и субъекты: люди, сёла, крестьяне, земли, дух, гармошка, судьба, холод, удаль, красота, баня: *Тройка – истинно русская стая – / На столетья слилась со страной* («Зов деревни сквозь ветры лесные...»); и в составе терминологического наименования *русская печь*: *К чужеземцам неласкова русская печь. // Русских бережно лечит она от хворобы* («Русская дума»); и в

заголовках стихотворений: «Русская муза», «Русская дума»; и в устойчивых – почти сакральных – сочетаниях *русская душа* и *русский путь*: *Во времени неопалимо / Сокровище русской души* («Друзьям из Великого Устюга»); *Видно, должен был пройти / Поле смерти, поле жизни, / Чтоб понять в своей Отчизне / Вечно русские пути* («Гуслиару») – Ср.: *Сколько силы крестьянской убито, / Синеглазой российской души? / Сколько кровушки братской разлито / И в столицах, и в ратной глуши? («Зов деревни сквозь ветры лесные...»)*.

Обращает на себя внимание фольклорный строй многих стихотворений Валентина Суховского, тут отражаются и былинно-песенные традиции:

*...И повёл гуслиар за Русь
Богатырским бранным полем.
В этот миг сыновнюю долю
Оберучь нести берусь («Гуслиару»);*

*Чтоб судьба моя спелась как песня,
Не хватало мне тройки лихой
И любви безоглядно чудесной,
Неразрывной с родной стороной («Несбывшееся счастье»);*

и частушечно-плясовые интонации:

*Шаркуны бренчат,
Колокольчик – в звон.
Эх, тоска – с плеча,
Грусть из сердца – вон! («Эх, гужи завяжи...»);*

*От играньца
В сердце жар-костёр.
На свиданьце,
Как на пляску, скор («Игрище»).*

Нельзя не отметить афористичность ряда поэтических строк, вот лишь два примера из одного стихотворения «Запущено отчее поле...»: *Ещё реставрируем храмы. Пора реставрировать дух!; Все черпают силы в народе. / А кто их народу вернет?*

Яркие выразительные средства рождаются из-под пера поэта – метафоры, сравнения, выразительные созвучия: *Ни главок ни свергали, ни голов («Правда»); Запущенной земли нет злее: / Змеиным жалом – сорняки («Дума о земле»); Воронцы – голенастые птицы – / В зыбком свете над полом парят («В избяном полумраке утра...»); Стволы крестьянские рубили, / На коих держится страна! («Воспоминание о 1962-1963 годах»).*

Необычное атрибутивное сочетание *дали долинные*, вынесенное в название книги, можно обнаружить в двух произведениях сборника в сильной позиции начала или конца, в одном из них оно повторяется

дважды, обрамляя стихотворение: *И открылись вдруг дали долинные, / Вознесенье холмов к небесам* («И открылись вдруг дали долинные...») – в финале союз и будет заменен на *а*; обратим внимание на то, что дали хоть и долинные, однако с холмами, ср. в другом стихотворении: *Дали долинные. / Ветер с холма. / Песни былинные / В древних домах* («Слово о Баяне»).

И вообще, словечко *дали* одно из излюбленных у поэта: *И даль откроется глазам* («Вот в сумраке осеннем, стылом...»); *...даль осветит вспышка грозовая* («Забудь меня»); *Раздвинулись, заголубели дали* («Далёким лесом веет от поленниц...»); *Даль поднебесная в разрывах засквозила, / И хлынул свет на сумеречный лес* («Отечество»); *Озарены пределы пожжен, / И дали убранных полей...* («Ещё кочевьем журавлей...»).

Большое количество имён создателей русской словесности можно встретить на страницах сборника В. Суховского: Аввакум, Пушкин, Батюшков, Кольцов, Некрасов, Есенин, Ирина Федосова, Александр Яшин, Сергей Орлов, Николай Рубцов, Виктор Боков, в посвящениях упоминаются Владимир Личутин, Валентин Устинов, Валентин Сорокин. Сам этот список красноречиво свидетельствует о читательских и мировоззренческих предпочтениях поэта, о его принадлежности определённой литературной традиции: *Нет, приходит она не с парнасов, / А идёт из народа, от его глубины. / И крестьянскою песней восхищался Некрасов, / И в поэмах Федосовой плачи слышны* («Русская муза»); *Оживает в сердце Русь Кольцова. / Не забудем мы своих корней!* («В поднебесье сутемь распалась...»).

Чаще всего автор вспоминает Николая Рубцова, с которым был лично знаком, одно из стихотворений, датированное октябрём 1970 года, носит название «Из последних встреч с Рубцовым», заканчивается оно так: *Шалея под взглядом Рубцова, / Ликует и поет душа*. Из этих строк ясно, как относится автор к личности и творчеству Рубцова. В стихотворении «Русская муза» представлен его образ, который волей автора вдохновляет саму русскую музу: *Озарялась она в скудном быте Рубцова / И бродила за ним по дорогам в глуши*.

В другом произведении рубцовская поэзия, можно сказать, выступает как мерило русской духовности:

И вот в крещенский русский холод

Рубцова горько перечтём.

Остался он навечно молод,

Моложе нас, а мы живём... («Вот в сумраке осеннем, стылом...»).

Конечно же, в этом сборнике Валентина Суховского создаётся яркий, колоритный образ родного и близкого для поэта Русского Севера. Широкая палитра северных топонимов представлена в книге: Архангельск, Вологда, Великий Устюг, Соловки, Мезень, Печора, Вельск, Двина, Вага, Виледь, Вель, Корелы, Кимжа, Пижма, Пречиста, Долго-

щелье, Лешуконье, Верховье, Чушевицы, Блудново и Бобришный угор, ряд из них, а также их производные вынесены в позицию заглавия поэтического произведения: «На Мезени», «На мезенской Пижме», «Вологда», «Двина», «Друзьям из Великого Устюга», «Вельский говорок», «Пречиста», «На Верховажской дороге». Северу посвящены важные и знаковые стихотворения, в названиях которых закреплён их центральный образ, – «Сиянье Севера» и «Северная импровизация».

Любование и восхищение северной природой и северными людьми неизменно сопровождают поэтический образ Севера:

*В минуту трудную, как нежный свет любви,
И память мне волшебным исцеленьем.
Цветы зеленые, взойдите вы прозреньем!
Сиянье **Севера**, мне душу обнови! («Сиянье Севера»);*

*Двина, Двина...
Течёшь ты ночью белой,
Как **Север** весь, загадочна, светла («Двина»);*

*Крестьяне **Севера**, вы жили как цари,
В одном дворце – зимой, в другом – всё лето.
С утра до вечера в окошках две зари
Сияли, как золотые эполеты*

(«Крестьяне Севера, вы жили как цари...») – упоминается северная традиция использования летних и зимних домов, да и могучие северные избы вполне выдерживают сравнение с дворцами;

*Здесь нету на избах запоров.
Приветны избышки в лесу.
Мезенцы с великих просторов
Богатую душу несут («На мезенской Пижме») –
традиционно на Севере не принято было запира́ть двери.*

Восхищает автора *красота родникового слова и северный певучий говорок*, которым он сам прекрасно владеет, поэтому органично включает местные словечки в свой поэтический контекст: *И сиверком высту-жен Север* («Вот низкое небо подёрнулось сумраком серым...»); *Сколько, бабы, вёсен отшумело, / А жених – баской да молодой...* («Мужик»); *В слове искреннем «божатка» / Веет русский дух родной* («Далеко, в краю родимом...»); *Кто клюкву высыпает в пестери... / Скрипит перевесло́ моей корзины...* («Болото») – значение диалектизмов проясняет контекст стихотворения, в котором речь идёт о сборе ягод; *Дильно, словно сном, / Срубы рубятся; / Вишь: бревно с бревном / Как голубятся!* («Плотническое») – в сноске поясняется слово *дильно* ‘одновременно мастерски и чудесно’. Воспроизводит поэт и такую диалектную фонетическую черту, как цоканье:

И так ковыряет глазком,

*Как будто я с кем-то сличаю.
– Разгоним кручину чайком!
У нас не скущают за чаем!* («Вельский говорок»).

Родной говор для поэта – целительное, облагораживающее душу средство:

*Расплескался ли говор родной
Над колодезной светлой водицей –
А пропали усталость и зной.
Отсвет чувства играет на лицах
(«Вдруг с одной из холмистых высот...»);*

*Речь напевная густая
Душу облегла.
От тепла в ней лёд растает,
А от света – мгла* («Даль морозная. Дорога...»).

Есть в сборнике стихотворение, которое называется «Идиллия», оно завершается такими строками:

*И любо мне видеть дань русской природы
Достатком в привольной крестьянской избе
И ладных коров на дворище, зароды,
Весёлых ребяток – как праздник в судьбе.*

Однако автор далёк от идиллических представлений о действительности, он осознаёт, что деревня гибнет, что грозный XX век не прошёл бесследно по крестьянским судьбам, об этом он пишет с горечью и болью:

*И долг, и совесть, ну а пуще – истина
Не позволяют прошлому молчать* («Скорбь»);

*Но кто же так в безумство бросил Русь
И вёл к самоубийству, к разоренью?!
Сказать я во весь голос не берусь,
Но время для раздумья, для прозренья
(«Крестьяне Севера, вы жили как цари...»);*

*Не слепой я и вижу, как пресна
Стала жизнь, удивления нет,
Яд ехидства извёл, но воскреснет,
Возродится над родиной свет...* («Весна на родине»);

несмотря ни на что он верит в возрожденье и воскрешение всего, что было святым для народа:

*Кто же нас баламутил все грани стереть,
Рушить сказку церквей, бросить землю, деревню?!
Возродим всё святое! Взорлим духом древним!
От стыда поруганья нам горько гореть...* («Русская дума»).

Одно из стихотворений сборника озаглавлено субстантиватом «Северное», в нём характеризуется специфика северной погоды, накладывающей отпечаток на жизнь северян:

*Ты уйди!
Ты не стой на холоде.
По домам пора.
По домам.*

*...Как накурено
в этом городе!*

*Навалился,
наполз туман;*

Забирается стужа в валенки, / и слова застревают в горле...

Нередко появляется на страницах сборника сама *Арктика*, которая представляется живым существом с непростым характером, старухой-царицей северных широт, распорядительницей судеб своих подданных:

*...в человечьи планы
вносит **Арктика***

*свои
поправки,*

*то смиряясь,
то вдруг сатанея
так,
что не подымешь головы... <...>*

***Арктика**
пронизывает шубы
яростным дыханием
морозов.*

***Арктика**
показывает зубы
ветром исковерканных
торосов («На дрейфующем проспекте ты живёшь»).*

Однако *Арктика* не способна к обману, она прямолинейна и честна:

*Но **Арктика!**
Ты даже
миражами
обманывать
не хочешь никого («Мираж»)*

– дело в том, что мираж в арктической пустыне, в отличие от миража в южной пустыне, не демонстрирует *памятники лжи* – спасительные оазисы, а честно и открыто громоздит второй этаж торосов:

Я замер

поражён:
на горизонте
плавали
торосы

вторым,
не очень ясным этажом («Мираж»).

Арктика пленяет, притягивает, и человек заболевает так называемой арктической болезнью, он уже не может без Арктики:

Заболел я **Арктикой** –
это
значит **Арктика**
сердце взяла
и неласковым голосом ветра
человека
к себе
позвала! («Арктическая болезнь»).

Кроме глобального топонима Арктика, в стихотворениях сборника встречается ещё ряд показательных географических названий, помогающих поэту выразить образ Севера: Амдерма, Диксон, Тикси, Обь, Ангара, Олёкма, Каменные Двери: *Нет погоды над Диксоном. / Есть метель. / Ветер есть. / И снег. / А погоды нет* («Нелётная погода»); *Расказал про то, как, / дороги / не пробив, / застрял корабль в протоках / разлившейся **Оби**, / как он случайно спасся / у **Каменных Дверей** / и кончилиась запасы / подмокших сухарей* («К вопросу о полярных волках»).

С помощью топонимов создаются выразительные поэтические звучия:

Но...
за семь тысяч вёрст,
в **Тикси**,
прямо среди бела дня
догнала
весна
меня
и сказала:

«Грязь меси!» («Я уехал от весны...»)

– рифма, однако, фиксирует ошибку в ударении топонима;

А ты
далёко.
Как детство, далёко.
Далёко,
как эта река
с названием-всплеском:

Олёкма

сейчас от тебя далека... («Слышишь?!»).

Чтобы подчеркнуть специфику Севера поэт эффектно использует подчёркнуто не северные топонимы, которые выступают единицами измерения, здесь не обошлось без гиперболы:

А твоего

солнца

хватит

на десять Африк.

А твоего

холода –

на несколько

Антарктид... («Где-то оторопь зноя...»).

Крайний Север традиционно противопоставляется Большой Земле – не Северу с более благоприятными природными условиями, на Севере принято тосковать о Большой Земле, потому что на ней остались любимые:

Есть Большая Земля –

с полями,

с лесами,

есть луга,

где ромашки цветут,

где озёра глядят голубыми глазами,

есть земля,

где нас любят и ждут («Песня о Большой Земле»).

Производные от ещё одного глобального топонима – *Полярный круг* тоже являются средствами выражения образа Севера: *полярники*, *полярные трассы*, *полярные старожилы*, терминологические сочетания: *полярная ночь*, *полярный медведь*: *...будешь бредить полярными трассами, / будешь видеть снежные / сны...* («Арктическая болезнь»); *Я видел парней – / старожилы полярных, / острящих, / отчаянных, / спорщиков ярых* («На Севере был я однажды...»); *Шерсть поднята на холке – / в пору бы / зареветь, – / но, глядя на лагерь, / тихонько / ворчит полярный медведь* («Про медведя»).

Наиболее ярко образ Севера представлен наименованиями природных северных реалий, а также метафорами, сравнениями, эпитетами, их характеризующими. Крайний Север – это необъятная холодная ледяная пустыня, покрытая торосами, над ней бушуют вьюги и бураны: *С нашим домиком / полюс почти по соседству – / ледяные, немые поля...; Вьюга в наше окошко / стучится свирепо, / по округе снега расстеля...* («Песня о Большой Земле»); *В эти разметнувшиеся шири / слишком много мы / труда / вложили...* («На дрейфующем проспекте ты живёшь»); *Длиннохвостые ветры лижут / лёд, / который на солнце плавится...* («Не крикливо и незаметно...»); *Где-то метель по насту / цупальцами / тарыхтит...* («Где-то оторопь зноя...»); *Взвизгивали, / бесновались метели* («Летчики»); *Вмиг освистав / торосистые пики, / ме-*

тели покуражатся / и спрячут / все вехи, / все привычные тропинки
(«Горячий Север»).

В стихотворении «Арктическая болезнь» с помощью ряда одно-
родных придаточных условия красноречиво говорится о том, почему
Север, Арктику нельзя не полюбить:

*Если б вы, хоть однажды,
увидели
угловатую царственность
льда,
если б вы, хоть однажды,
поняли
долгожданного солнца
приход,
если б лёгкие вы
наполнили
звонким воздухом
этих широт...*

Одно из северных чудес – полярный день, когда солнце не закаты-
вается круглые сутки:

*Но странно
считать в порядке вещей,
что **солнце**
из принципа
вообще
не уходит за горизонт («Немного экзотики»).*

Север – это тундра, тайга, светлые реки, таёжные цветы, это и
назойливое комарё. Всё это находит отражение в северных стихах Ро-
берта Рождественского: *И над молчаливыми льдами, / над бесконечной*
***тундрой** / висели на ниточках звёзды, / готовые / оборваться* («Ушёл
самолёт»); *Там – / **тайга**, / там – простор, / в любом ручье – / хариусы. /*
Реки там такие, / что / с морем / потянутся!.. («Разговор с горой Ка-
радаг»); *Здесь **ночь**, / у которой не сыщешь / dna. / Скалы, / как сумрач-*
ные легенды... («Письмо из бухты Н.»); *В буреломах, / на кручах / пыла-*
ют жарки, / как закат, / как облитые кровью желтки («Таёжные цве-
ты»); *Занозистый звон комариный. / Корявые сосны...* («Слышишь?!»).

Север способен исцелять, придавать силы:

*Сюда придешь
хворым,
сюда придешь
печальным, –
подышишь
настоям хвойным
на берегу песчаном.
Рискнёшь сразиться с ветром, –*

до финиша
   на равных!
 Шагнёшь к реке
   светлой,
 послушаешь птиц
 ранних.
 Следя
   за нервной
   леской,
 обожжёшься
 чаем, –
 и сразу:
   конец
   болезням!
 Каюк
 твоим печалям!..
 («Тем, кто не видел землю вблизи»).

Но Север – это ещё и закалённые, мужественные, негибачаемые полярники, их поэт называет великанами, фантазёрами: *Бросив гордый вызов пустыне, / по одной / по своей / охоте / великаны / живут на льдине, / фантазёры / по льдине ходят...* («Не крикливо и незаметно...»); *Я жил с ними рядом, – / смеясь и печалюсь, – / с людьми, / за которых я жизнью / ручаюсь!* («На Севере я был однажды...»). Вспомним, что именно им посвящено заглавное стихотворение книги, именно им холодный Север представляется горячим.

Итак, Север репрезентируется в книге Р. Рождественского «Горячий Север» с помощью следующих лингвистических средств: лексема *Север* и её производные; северные топонимы и их производные; наименования природных северных реалий, а также метафоры, сравнения, эпитеты, их характеризующие; лексемы, образно характеризующие покорителей Севера.

«ЗОРКИМ ОКОМ ВЗИРАЕТ ВЛАСТИТЕЛЬНЫЙ ШКИПЕР» Образ Петра Первого в поэзии Анатолия Лёвушкина

В зрелом возрасте, будучи уже известным поэтом, Анатолий Ильич Лёвушкин (1922 – 2001) переселяется из Рязани в Архангельск. И хотя до конца дней своих он оставался верен своей малой родине, дорогой сердцу Рязанщине, посвящая ей немало вдохновенных строк, всё-таки главной темой творчества поэта становится Север и суровое северное море.

Анатолий Лёвушкин не понаслышке знал о тяжёлых моряцких буднях, о крутом нраве полярных морей, поскольку вдохновение для

своих стихов и поэм, сделавших его признанным поэтом-маринистом, он черпал не в кабинетной тиши, а во время плавания на судах Северного морского пароходства в Заполярье и в Арктику.

Сами названия поэтических сборников или их разделов красноречиво свидетельствуют о творческих привязанностях Анатолия Лёвушкина – сборники: «Открытое море» (1967), «Зимний берег» (1973), «Остойчивость» (1978), «Паруса» (1980), «Люция» (1985), разделы: в сборнике «Неведомый праздник» (1969) – «Отплытие», в сборнике «Венец» – «Взводень» (1970), в сборнике «Час двадцать пятый» – «Студёные мили» (1975), в сборнике «Эхо» (1982) – «Законы моря».

Принципиальным для автора является заглавие «Остойчивость», обозначающее морской термин – способность держаться на плаву, поскольку главными героями его произведений становились люди мужественные и стойкие, чьи характеры и души закалены и выстроены морем: *Остойчивость – / моряцкая настойчивость: / всему назло / держаться на плаву!* («Остойчивость»).

А.И. Лёвушкин – автор ряда поэм, содержание которых напрямую связано с Русским Севером и с его подлинными героями: «Михайло Ломоносов», «Георгий Седов», «Снежная исповедь» (о полярном исследователе Владимире Русанове), «Соловецкое чудо», «Север в огне» (об освобождении Севера от интервентов в годы Гражданской войны).

Образ Петра Великого он создает в поэме «Корабельные люди» (о строителях российского флота) и в стихотворении «Кормщик Антипа».

По поводу поэмы литературовед Святослав Педенко пишет: «И очень ценно, что поэт сумел показать не только внешность, поступки, но и глубинные движения души Петра (художественный вымысел здесь вполне оправдан: мы не знаем *что* думал Петр, но он *мог* думать так, как это показывает Левушкин)».

Поэма «Корабельные люди» небольшая по объему, она состоит из 12 глав. Проследим развитие сюжета поэмы, а вместе с ним и образа Петра Первого по главам.

1 глава. Плывет Пётр Первый на Север, *край, / что отныне державною милостью избран*, он велит: *Ладить здесь корабельные верфи!* Однако *Осуждают бояре царя суету*, в стране и без того много проблем. Непреклонен царь: *Коли надо, на дыбе вся Русь захрустит*, ради того, чтоб *Развеваться морскому российскому флагу!*

Подчёркивается жесткость нрава Петра: *не жалея гребцов, в струге плыл государь*, его неприхотливость в одежде, его беспокойный характер:

*Царь чуть свет на ногах
с табакурною трубкой во рту,
в грубой куртке, в заляпанных глиной ботфортах;*

его стремление всё и вся изведать, проверить самому: *...поглядит и, ленивых зело матеря, / сам полезет на мачту ботфорты отбросив;* его страсть к разгулу:

*В куцей своей одежонке
прёт помазанник божий в кабацкий вертеп,
на колени берёт непотребную женку.
Запускает охальник свою пятерню
в оголённые бухлые белые груди;*

его самодурство: *Да очами сверкнет: / – Трезвых здесь не терплю!* Ропшут бояре свиты: *От него, лиходея, не ведать добра;* желают ему зла: *Хоть бы Бахус разнёс государя утробу!*

Как видим, принципиально сталкиваются разные стили – торжественный и вульгарный: *прёт помазанник божий в кабацкий вертеп.* Для характеристики царя используются слова, с почитанием царской особы не совместимые: *лиходея, охальник.*

Яркая деталь внешнего вида подчёркивает целеустремленность, решительность царя: *Космы жёстких волос царь откинул со лба, / дышит свежестью моря солёной и волглой.* Ему по душе свежесть студёного моря, он уверен в правильности избранного им пути.

2 глава. Братья Баженины – *холмогорские богачи*, что на замыслы *горячи* – понимают выгоду выполнения царских поручений: *Лишь бы пожаловал царь подряды – / деньги бы валом купцам в карман!; Царь лихоимцам ни в чём не спустит – / а на фрегаты не жаль казны!* Тут не зазорно подольститься к царю, называя его: *надёжа, всемиловитый*, чтоб выпросить разрешение *беглых приютить холопов и прочий гуляющий сброд на верфях.*

Баженины здесь характеризуются не иначе, как: *пронырливые козлы в огороде с капустой, пройдохи, кровопивцы, паскудники, купцы-иуды*, поскольку *Быть корабельщикам взаперти!; И трударей лихорадка мает / да на погостах сжирает червь*, однако жестокость, притеснение корабельщиков приносит плоды: *На стапелях корабли вздымая, / разрастается чудо-верфь.*

В 3 главе появляется ещё один персонаж – талантливый могучий помор Пахом, мастер корабельного дела, которому предстоит встреча с самими царём:

*У Пахома руки быстрые –
искусны и сильны:
не одну лодью выставил
для северной волны.*

Пусть вокруг царит жестокость, поскольку *Государя слово веское. / Карает государь!*, делай своё дело да помалкивай, тем более, что Пахом на особом счёту: *А Пахом – особа важная / у батюшки царя*, тем не менее к нему приставлены дюжие стражники, чтоб он не мог сбежать:

У Пахома – бас простуженный

поморские глаза:

злянет он – и стража дюжая шарахнется назад.

Глава 4. Пирует царь: *Государь-благодетель сам Пётр Алексеевич / бражный кубок могучею дланью берёт. Широко распростёрлись российские земли! Но какой ценой? Сотни тощих крестов. Сотни робких могил.* Ненасытен аппетит императора:

*И туда, где в метелях не видно ни зги,
где звенят полуночные мёрзлые дали,
каменеет земля подо льдом до нутра, –
и туда доберутся державные длани,
загребущие, цепкие руки Петра.*

Ещё не раз в поэме появится образ могучей, державной, но и загребущей длани царя, именно длани, а не ладони, чтоб подчеркнуть и торжественность стиля, и историзм содержания поэмы.

Пётр желает пресечь разграбление чужеземцами богатств Севера:

*Нет, чужак, тех мехов за полушку не купишь,
не ухватишь тайком, аки алчущий тать.
И слагается царский сиятельный кукиш
из ручищи, что доброй ковриге под стать.*

И опять столкновение разностильных средств: *сиятельный кукиш*, и снова акцентируется внимание на могуществе царской руки в прямом и в переносном смысле. На месте здесь и лексические архаизмы: *аки алчущий тать*. Подчёркивается обоснование избранного государем пути: *Да не будет без моря Петрова держава! / Без могучего флота России нельзя!* И не важно, сколько для этого потребуются жертв, тем не менее в финале главы появляется пронзительное сравнение: *...На погостах – трава зелена и шершава. / И синеют цветы, словно мёртвых глаза.*

В 5 главе передаётся ночной разговор корабелов, которые тревожатся о том, что *вздумал царь русских немцами сделать; корабельное вольное дело / повернуть норовят на антихристов лад*, русские лёгкие поморские суда – кочи хотят заменить заморскими судами, на которых обязательно *позастрянешь во льду*. Ощущается большая обида в словах мастеров: *...Над рассветной Двиною – тревожное небо, / Закипает шелоник, горяч и суров* – яркий образ использует поэт, шелоник – тёплый, мягкий юго-западный ветер, и вдруг закипает суров.

6 глава. Ещё один персонаж – беглый холоп Ивашка, оказавшийся на Севере, на царском флоте: *Быть матросом государевым – / маета*. Да угораздило его стать соперником самого государя на любовном фронте: *Царь-то Петр свет Алексеевич / стал «свояк»!* – отмечает он с горькой иронией, однако это обстоятельство не останавливает решительного любовника: *Нож матрос от крови вычистил / наострён! / Час-то, царское величество, / не ровён!*

В 7 главе мы знакомимся с чужеземцем Генрихом Вейсом, который *всей Европы блюдет интересы: / неусыпно следит за российским царём*, ведь эти самые интересы идут в разрез с планами русского царя: *Возлюбила Фортуна на Севере Вейса. / У туземцев меха он скупал, словно крал*. В глазах Вейса Пётр – *дикий варвар*, который *как равный, встает на морские пути*. *Великан москвит в поражение не верит. / Только с Генрихом Вейсом и царь не шути!* Он спаивает матроса-голодранца Ивашку, предсказывает ему *большую удачу*. Можно предположить, на что подстрекает чужеземец ревнивого матроса.

В 8 главе показано любовное соперничество Петра и Ивашки за внимание девы Олисавы:

*Два пришельца ночных
к девке в ставню стучатся.*

Слава богу, вдвоём им сойтись не пришлось!..

Похотливое соперничество сопоставляется с брачными играми животных:

*Два сохатых спешат за лосихой сквозь чащу
Никуда ни свернуть, ни укрыться нельзя! <...>
Каждый в гневе ослеп. Каждый – ярая злость.*

И тут по-особому раскрывается образ царя Петра, мы становимся свидетелями проявлений его самодурной необузданной страсти, ради которой его ничего не остановит:

*Ты попробуй-ка, девка, такого не встретить:
он не только тебя, блажь придёт – всю Россию,
не жалея, пошлёт на жестокую смерть.*

При описании царской страсти и бахвальства удачно используется показательная гипербола: *И, ручищами девичьи плечи давя, / шутит: / – Так-то всё Белое море облаплю, / а не токмо, строптивая дура, тебя!..* И здесь появляется ещё одна яркая деталь, характеризующая внешний облик Петра: *И, смеясь, сатанинскими жалит очами, / жалит так, ровно душу пронзает насквозь...*

Ему противопоставлен соперник – *молодой, и красив, и отчаян*, хотя Петра в ту пору старым тоже не назовешь, у соперника другой настрой:

*Только ты бы меня, Олисава, любила!
Только б ты на меня посмотрела светло!
Для тебя, Олисава, что хочешь добуду!
Ты – отрада одна в бесталанной судьбе.*

Однако романтические грёзы Ивашки не отрицают его ревнивой решительности: *Мне б царя повстречать у тебя на пороге, / даром что государь – быть ему мертвецом!*

Глава 9. *Сам великий монарх, всей России надёжа, / соизволил гостить в беломорском краю*. Пётр осматривает верфь, корабли, братья

Баженины так вот и лезут из кожи – / Напоказ выдают добродетель свою.

Встал сиятельный гость пред помором Пахомом:

– Вот он,

истинный сын корабельной земли!

Ой хорош корабел! Мастер дела морского!..

Царь в восторге, он в азарте срывает камзол, хватается топор, и начинается трудовое соперничество помора и царя, как двух братьев, как ровни:

*А видать, государь на работу радетьель –
так и ходит топор блещут щепки в траве...*

*Да, слышать, испытал свой топор благодетель
на людских головах, на стрелецкой Москве.*

Никуда не деться и от такого соперничества, и потому звучат дерзкие справедливые слова Пахома в ответ на царскую похвалу, не сробел он, *стоит пред царём богатырски высок:*

– Ты бы в плотники шёл, государь, в корабли!

Ты бы лодьи снастил!.. А не головы сёк...

Какова же реакция Петра? И вот новые штрихи к обрисовке его образа в поэме: *Вспыхнул Пётр, нышет весь, передернулся даже* – конечно, заделали его за живое дерзкие слова, однако, хоть грозен, но справедлив государь: *Обступила Пахома свирепая стража. / – Нет! Не трогать его! – прохрипел государь.*

Глава 10. Любуется Ивашка красавцами морскими – фрегатами: *Он никак не поймёт, что так радуется, греет / хоть сейчас на всю верфь громко песню запой.* Однако появляется нехристь купец Вейс, подзуживает он Ивашку подпалить корабли. И сдаёт Ивашка Вейса, сдаёт сам себя: *– Эй, дозор! Государево слово и дело! / Вы хватайте купца! Да вяжите меня!* Признаётся он в убийстве боярина Колыча, в бегстве на Север, в том, что улещал его чужеземный купец загубить корабли, да заодно и в том, что: *А зазноба царя... Тут одна, из поморок... / И меня, что Петра, целовала в уста...*

В 11 главе описывается молебствие Петра на Соловках: *В Соловецкой обители в сумрачном храме / на молитве стоит повелитель Руси.* Это для него час истины, час откровения, нравственное испытание, суд совести. Вот как об этом пишет Святослав Педенко:

«Одна из сильнейших сцен в поэме – молебствие царя в Соловецкой обители, где с тёмных икон глянули на него лица простых мужиков, сотнями и тысячами гибнувших и под топором палача, и от непосильной работы на строительстве новой столицы, и на Архангельских верфях, где в муках рождался русский флот... Так ли правишь, не понапрасну ли загублен народ? – как бы спрашивают они, и под этим вопрошающим взглядом Петру становится зябко, страшно: “Кто же он для Руси? Венценосный ли пастырь? Созидатель ее? Али лютый палач?”

Научный, исторический ответ на вопрос о роли Петра, искоренявшего остатки средневековья на Руси средневековыми методами, известен, но поэт находит своё, художественное решение: на пути к Соловкам буря сильно потрепала, но не потопила ладью царя, а раз так, “значит, править Петру всей великой державой, всей мятежною Русью, и быть по сему!”».

В главе употребляется показательный эпитет, характеризующий царя: *Отвечай, божий раб, / Возгордившийся Петр!* Ему как будто является сама Богородица в облике босой стрельчихи с младенцем, которая рыдала, просила за мужа: *Богородица ль это? / Нет, это Россия! / Это та же стрельчиха с дитём на руках!*

И, действительно, как божий знак воспринимает Пётр свое чудесное спасение в морскую бурю, поэтому: *Время – снова творить тяжкий дерзостный путь* – очень точные использованы здесь эпитеты, характеризующие царскую долю.

Пусть рассудят потомки.

Пусть взыщут потомки.

Пусть грядущая Русь не забудет Петра!

– не скрывая пафоса, восклицает поэт.

И вот финальная 12 глава. *В день святого Петра по цареву велению / вышел в дальний поход Русский воинский флот.* Торжествует Архангельск, любят горожане кораблями, что *величавы по-царски, поттичьи легки*, гордятся трудами корабельных людей, как будто бы сам владыка морей привередливый Нептун одобряет содеянное, во всяком случае: *На форштевнях фрегатов – русалки резные, / да ослабил Нептун свои загадочный лик.* Врагу несдобровать, поскольку *У Российской державы – могучие плечи, / их не зря омывает морская волна!* – интересная метафора создана поэтом.

У поэмы величественный, выразительный финал:

Распахнулась, кипит беломорская кипень,

гневно грохает в борт несмирившийся вал.

Зорким оком взирает властительный икипер,

тяжкой дланью зажав корабельный штурвал.

У С.Ф. Педенко читаем: «Поэт нашёл точные слова, рисующие символический образ: да, длань Петра была необычайно тяжка для народа, но она же твердо держала штурвал, направивший Россию к морскому могуществу». Эта самая длань – самая характерная деталь, с помощью которой А. Лёвушкин создаёт яркий, колоритный, живой образ Петра Первого в поэме «Корабельные люди».

С этой поэмой перекликается стихотворение «Кормщик Антипа», оно напрямую связано с поэмой и по форме, и по содержанию, в нём рассказывается о том самом чудесном спасении Петра на пути к Соловкам. Действие происходит в Пертоминском монастыре на берегу Унской губы Белого моря, именно туда сумел привести царский корабль корм-

щик Антипа, проведя его сквозь коварные Унские рога во время шторма (правда, топонимы в стихотворении не упоминаются).

В решительный момент кормщик обматерил царя, отогнав того от штурвала. Стихотворение представляет собой диалог царя и кормщика как раз по этому поводу на фоне роптания царевой свиты, требующей строгого наказания *дерзкого смерда* за непочтение к царской особе.

*И вот пред царскими очами
поставлен схваченный помор.*

Пётр сунит бровь.

– Изрядно правил!

В Поморье родился не зря!..

*Пошто же ты, солёный дьявол,
обматерил меня, царя?!*

Пересилив страх, кормщик молвил:

*– Тут, государь, такое дело –
чуть что – и судно в щепки, в прах!*

На море, вишь, какая встряска?

На море ныне – суций ад!

*Тут, государь, твоя указка
вот, истый бог, была не в лад!*

Пётр, поборник справедливости, проявляет великодушие:

Смеётся Пётр. Светлеет взором.

– С колен, Антипа, поднимись!..

*А мы, бояре, пред помором
навек в долгу за нашу жизнь.*

Чем же царь отблагодарил спасителя? Вручил ему шапку со своей головы, чтоб тот носил ее и в ней задаром во всех кружалах пил водку:

Пируй во здравье! С чувством, с толком!

На то теперь – твои права.

*Да пусть цареву треуголку
достойно держит голова!..*

Память о славном кормщике и царевом подарке жива в поморских селах, завершается стихотворение таким гордым заявлением от лица современных поморов:

– Мы в море плаваем не мелко.

А пьём, как требует душа.

*Ещё Антипина похмелка
в поморских правнуках свежа.*

В Архангельском краеведческом музее хранится подлинный памятный крест, который установил Пётр Первый на берегу Унской губы в честь своего чудесного спасения, а в современном Пертоминске в 1993 году была торжественно установлена его реплика. Чтят поморы память о царе-мореплавателе, который стоял у истоков Российского флота.

Итак, в поэзии Анатолия Лёвушкина Пётр Первый представлен как непреклонный, целеустремленный, решительный властитель жестокого нрава, грозный, но справедливый, характер его беспокойный, слово его веское. Он стремится всё и вся изведать, проверить самому, он неприхотлив в одежде и в быту, трудолюбив, не чурается грязной работы, склонен к разгулу, к необузданным страстям, нередко проявляет самодурство, упрямство.

В поэтическом контексте с разных точек зрения Пётр характеризуется следующими номинациями: *государь-благодетель, батюшка царь, царское величество, повелитель Руси, государь-самодержец, помазаннык божий, великий монарх, всей России надёжа, властительный шкипер* и в то же время *лиходея, охальник, дикий варвар*; показательны эпитеты, характеризующие царя: *всемилостивый, сиятельный, строгий, возгордившийся*. Его жизненный и государственный путь оценивается не иначе, как *тяжкий, дерзостный*.

«ПО-РУССКИ, ПО-АРХАНГЕЛЬСКИ, ПО-НАШЕМУ...»

О стихах и песнях Сергея Григорьева

Грандиозно, с размахом и в то же время очень душевно, подомашнему отметили в 2019 году в Архангельске 50-летие поэта и композитора, врача по основной профессии Сергея Анатольевича Григорьева. Отметили в самом престижном зале – театре драмы имени М. Ломоносова, в сотрудничестве с самым знаменитым коллективом области – Государственным академическим Северным русским народным хором. И это не случайно, творчество Сергея Григорьева народно по своей сути, оно выдержано в лучших песенных традициях Севера. Его песни органично звучат и в фольклорном, и в бардовском, и в эстрадном стилях. Юбилейная программа называлась «Посвящение Русскому Северу», и это верно, поскольку большинство песен виновника торжества о родном крае – Севере, Пинежье, Архангельске...

Уже вышло несколько дисков с песнями С. Григорьева, пользующихся большой популярностью. Сергей Анатольевич стал инициатором создания аудиоальбома, посвящённого 100-летию со дня рождения нашего великого земляка Фёдора Александровича Абрамова, на котором записаны любимые пинежские песни писателя, авторские композиции, посвящённые его жизни и творчеству. Заглавная песня диска «Я с Абрамовым не был знаком...» и ещё несколько песен написаны Сергеем Григорьевым.

Да, есть диски, есть широкая известность С.А. Григорьева как автора-исполнителя, как композитора, пишущего для многих популярных певцов и коллективов. Но вот книги до сих пор не было – настолько тре-

бовательно, ответственно и, если хотите, трепетно относится поэт к публикации своих творений.

В 2021 году в Архангельске вышла первая книга стихов и песен Сергея Григорьева «Журавель» – проба пера и в то же время результат многолетних творческих исканий. В книге два раздела – «У отчего дома» и «Я вхож был в рай...»

Первый раздел посвящён Русскому Северу и открывается он величественной, торжественной песней, почти гимном:

*Наш Архангельский край
В полном здравье и силе,
Ты звездою сияй
В ожерелье России! («Русский Север»).*

И всё-таки главная ценность и этого раздела, и всей книги – признанные подлинным народным духом стихотворения, созвучные родниковому фольклору Севера. Такова песня «Ой, ты, Север», в ней Север предстает в образе красавицы с русой косой, в которую, как лента, влетается *синева быстрых рек*. На плечах красавицы – парчовая шаль цвета осенней листвы, её сарафан – *ромашки и бархатный клевер*.

Север для поэта – *отрада!* Но ближе всего ему Пинега – *милая, дивная*, из которой черпает он *припевы с куплетами полным ковшом* («Пинега дивная», «Пинега! Милая Пинега!»).

Удивительный исконный язык – пинежская говóря становится главным героем стихотворения «Пинежье, нежье моё» с изумительными созвучиями: *Пинежье, нежье, ёжье, безбрежье*. Да и, нужно сказать, по всей книге изрядно порассыпаны фонетические, лексические и грамматические приметы северных народных говоров, и при этом они органично себя чувствуют в поэтическом контексте. Поэт любуется милым его сердцу Пинежским краем, но горько ему от того, что *времечко избы беднит*, однако всё то же время упасло его от *бессловéси проклятой*. Какое точное и меткое окказиональное слово здесь появляется – *бессловесь*. Действительно, нет ничего её страшнее!

По Архангельску, столице Русского Севера, шествует лирический герой то торжественным маршем («Архангельск – город воинской славы»), то лёгкой прогулочной походочкой («По Архангельску иду»). С Архангельском у него связаны романтические воспоминания о славной девчоночке-архангелогородочке («Архангелогородочка»).

Славится Архангельский край уникальным рождественским печенем – козулями, как будто бы из волшебной сказки выскочившими, поражающими *диво-дивной красотой*, сотворённых с любовью *по-русски, по-архангельски, по-нашему* («Козули»).

О столице Поморской печалится лирический герой на чужбине, ностальгируя по родным местам («На чужбине»). Колоритны и притягательны эти самые места, составляющие понятие «малая родина», – наши северные места. Вот остров Кего, где *много белого снега, и рассвет зо-*

лотой («Кегостров»), вот заповедные Малые Корелы, где *так много старины*, искусно и мастеровито сработанной простым топором вопреки расхожей фразе о грубой *топорной работе* («Малые Корелы»). А вот деревенька Леуново, где сенокосные стожары *пишут в небе деревенский стих* («Леуново»). Достойны восхищения и преклонения *наши кораллы – гряда Соловецкая*, острова высокой духовной силы:

*Эх, Соловки, соловьи вы, соловушки,
Солод и соль, разносолье столовое,
Пусть же сияют церквушек головушки,
Полнятся брагой братыня с эндою! («Соловки»)*

Сияет на северном небе великолепное северное сияние, что *Птица-Жар* («Северно сиянье»). Рыбачат в Белом море мужички-рыбачки, отводят душу, в то время как дома в одиночестве маются их жены – *золотые рыбоньки* («В Белом море»).

Самые разные фольклорные черты проявляются в стихотворениях и песнях первого раздела сборника Сергея Григорьева: тут и напевность протяжной песни, и частушечный дерзкий задор, и весёлый перепляс, и колыбельная, и сказка, и молитва. Здесь и традиционные народные образы, выраженные словечками с эмоционально-оценочными суффиксами, характерными для фольклора: *реченька, матенка, горюшко, камушки, смертушка*, здесь и излюбленное песенное имя – *Аленушка*, и выразительные дефисные конструкции: *мама-матушка, сына-сынушко, печаль-разлука*. Органично в певучей поэзии С. Григорьева звучат народные названия праздников: *Иван Купала, Яблочный Спас, Ильин день, Покров*.

И вот накануне Петрова запел на траве-мураве сер журавель...

Да-да, завершает первый раздел книги самая ранняя из всех помещённых здесь и самая знаменитая, широко известная по всей России, ставшая визитной карточкой поэта Сергея Григорьева, подлинно народная песня – «Журавель». Её поют многие – именитые и безвестные – поют душевно, проникновенно, трогательно, а иначе её и не спеть:

*Где же ты, журавель,
Во какие стороны,
Во какие края
Мне лететь за тобой?!*

По праву и вся первая книга поэта названа «Журавель». Другого названия и не представишь.

Второй раздел сборника «Я вхож был в рай...» отличается напряжённым внутренним сюжетом, отражающим духовную эволюцию лирического героя, его тревоги за судьбу Родины, за её нравственное состояние. Поэт обращается к истории – далёкой и близкой, пишет о животрепещущем, остросоциальном. Здесь находится место любовной и пейзажной лирике, философским рассуждениям и личным откровениям.

Своеобразным мостиком от первого раздела ко второму становится написанная в лучших фольклорных традициях песня «Во лиху годи-

нушку». Речь идёт о минувшей страшной войне – Великой Отечественной, но не только о ней, поскольку поэт поднимается здесь до широких обобщений, говорит о войне как тяжелейшем испытании, как преступлении против человечности. В центре внимания – неизбывное горе матери, потерявшей сына на поле брани:

*Во семнадцать годиков
Помирать ли соколу?!
Пуля наземь бросила
Да на рожь-зерно!*

*А родная матушка
Слёзы-да по горнице:
«Пусть могилка соколу
Будет сон-травой!»*

Эта пронзительная песня воскрешает в памяти традиционный исконный народный эпос, высокую народную поэзию...

Тема Великой Отечественной войны развивается ещё в двух стихотворениях-песнях, созвучных уже другому – современному фольклору.

Вот «Штрафная рота» с её горькой бравадой и подспудным трагизмом:

*Нам в спину пулемёты
И пулемёты в грудь.
Штрафную нашу роту,
Россия, не забудь!*

А вот почти фольклорный герой – *разбитной и весёлый* центральный персонаж песни «Ванька-взводный», который *не прятался за спины* солдат, который *первым шёл в размен рукопашной*, который в двадцать лет уже седой.

В русской памяти живёт легендарный покоритель Сибири Ермак, которому посвящено одноимённое стихотворение, тоже соотносимое с песенным фольклором. Отдаёт дань уважения поэт староверам, мужественно стоящим за свою веру до конца («Староверь»). Грустит лирический герой на старом деревенском погосте, горько исповедуется перед своими пращурами («Эпитафия деду»). Вглядываясь в высоту небес, он видит там *коровье стадо облаков* с играющим на рожке пастушком, сынишкой ветра-менестреля, именно с этим небесным пастушком лирический герой ощущает свое духовное родство:

*Люблю парнишку за игру!
Он не фигляр и не паяц,
Он самоучка, как и я («Самоучка»).*

Разные времена года, разные состояния души: *Весною хочется мечтать и верить, Душою петь, и ярче жить!* («Весенняя капель»). Или вот такая строка, давшая название стихотворению: *Я всего лишь ли-*

сток листопада. Исповедальные стихи сменяются детской песенкой, высокая лирика – залихватски-бесшабашным припевом: *Ах, ты жизнь моя забубенная!* («Идёт кораблик»).

Любовные стихи написаны и от имени мужчины, и от имени женщины – разные маски примеряет поэт. Он восхищается красотой и обыкновенным тихим счастьем: *Да будет дом теплом двоих согрет!* («Двое»). Есть в сборнике череда посвящений дорогим, близким сердцу людям, перед талантом и душевной гармонией которых поэт преклоняется.

Можно обнаружить и облечённые в стихотворные строки горькие сожаления о том, *как скоро пали мы духовно* (стихи так и называются по первой строчке), и тревожные мысли о властной силе денег («Деньги»). Органично в поэзии Сергея Григорьева, врача по профессии, звучит призыв, давший название стихотворению «Давайте мир лечить...». Вечные библейские образы поэта помогают лучше разобраться в нас сегодняшних.

А в финале книги «Requiem»:

*И спросит с меня Всевышний
За все мои песни и вирши,
За взлёты, падения и за грехи,
За то, что я душу порвал на стихи.*

Свою вторую книгу Сергей Григорьев назвал торжественно, даже пафосно «Слово аз глаголю» (Архангельск, 2023) – высокий стиль создаётся за счет архаизмов, но эта фраза ещё и акrostих, начальные буквы которого составляют инициалы автора – Сергей Анатольевич Григорьев. Что ж, пафос не чужд поэзии, высокий стиль подчёркивает приподнятость поэтического слога, архаизмы, восходящие к древнерусскому языку, прямо указывают на духовные истоки, которые подпитывают творчество поэта. Сборник открывает парадоксальное четверостишие, которое воспринимается как эпитафия, в котором заключается творческое и человеческое кредо автора: *Я остаюсь человеком, / Чтобы не выбиться в люди.*

Книга распадается на тематические блоки, хотя строгого деления на них автор не предлагает. Начинается сборник с самого близкого, самого заветного – стихотворений, воспевающих родной для поэта, с детства любимый заповедный Пинежский край, подчёркивается именно детское восприятие родного и любимого, используются детские ассоциации, детская игра слов: *Ангельская – Архангельская область, ...пинежский – Пинежский уезд* («Ангельская область»). Подкупают искренние откровения-признания: *Здесь душевное духовным / Стало вдруг само собой* («Пинежье мое родное»), *Свой земной непокой и покой / Я на Пинежье вижу* («Ах, как хочется мне...»). Знаковым местам, людям, событиям Пинежья посвящает Сергей Григорьев свои произведения: «Пи-

нега-речка», «Голубино», «Карпогоры», «Петровская ярмарка», «Иоанну Кронштадтскому».

Великий уроженец Пинежья Фёдор Александрович Абрамов назвал Русский Север «краем родникового слова», это образное обозначение стало крылатым, привычным, само собой разумеющимся, активно используемым многими северными авторами, Сергей Григорьев – не исключение, поэт в стихах отдаёт дань уважения писателю-земляку, прославившему его родной край:

*Из абрамовского родника
Животворная влага струится,
И идут к нему издалека
Родникового слова напиться* («Из абрамовского родника»).

*Я с Абрамовым не был знаком,
Но духовно он дорог и близок:
Вижу бабушку в Пряслиной Лизе,
А в Пекашино – отчий свой дом*
(«Я с Абрамовым не был знаком»).

*Привет, абрамовская Русь!
На две зимы и на три лета!* («Карпогоры»).

Родниковое слово, по определению Фёдора Абрамова, – это «живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер», это «многоцветное краснословье», которым пронизана вся жизнь на Севере и повседневная, и праздничная. Родниковое северное краснословье – обиходная говоря, протяжная и плясовая песня, озорная частушка – гармонично входит в строй поэтического творчества Сергея Григорьева, народного по своей сути, тому порукой многочисленные фольклоризмы и диалектизмы, которые щедро рассыпаны по его стихам и песням: *красна девица, лебёдушка, ясный сокол, судьбинушка, сердеченько, запёчье, задорница, гулеванить, прясло, бабий кут*.

Обращают на себя внимание поэтические метафоры, которые зиждятся на подлинно народном мировосприятии, важно, что они занимают сильную позицию – начало стихотворения: *Читает луг внимательно корова, / Страницы трав листая языком...* («Читает луг внимательно корова»); *Окна скривили рты, / Их глазницы пусты...* («Окна скривили рты»); *Белы церковки стоят – берёзы русские, / Золотятся в осень кроны-купола* («Белы церковки стоят – берёзы русские...»).

Очень органичны в творчестве Сергея Григорьева женские песни про женскую долю, про женское счастье: *Я ль не хозяйка – варю да пеку, / Шью да стираю, пою-молочю!* («Хозяйка»); *И пока я жива, я плету кружева – / Я же русская женщина, русская* («Кружева»). И это вполне объяснимо – лучшими исполнительницами его песен являются замеча-

тельные певицы народного направления: Алла Сумарокова, Татьяна Семушина, Татьяна Пахова, солистки Северного хора, именно специально для них многое и написано поэтом и композитором, который убеждён: *Есть в русской песне много силы. / Уж запоём, так запоём!* («Родная песня»).

Родной Север для Сергея Григорьева не ограничивается милым его сердцу Пинежьем, в сборнике можно обнаружить стихи и песни, посвященные и другим северным местам: «Усть-Цилемская горка», «Моя Онега», Малые Корелы («Не ищите по свету чудес», «Третьяковская изба»). Поэт признаётся, виртуозно играя словами: *Север с детства – севера моя!* («Здравствуй, город родной!»).

Немало вдохновенных строк адресованы родному городу Архангельску, для наименования которого поэтом создаётся ряд пронизанных сыновней любовью перифраз: *столица поморская моя, город сильный и красивый, столица Русского Севера, мой город с именем ангельским, город светлых людей*. В поэтических строчках воспеваются Северная Двина, части Архангельска: остров Кега, Соломбала, знаковые городские объекты: Красная пристань, Троицкий проспект, шхуна «Запад».

Важный тематический блок сборника составляют стихотворения на военную тему, это и фольклорные стилизации («Шел Ванюша во солдаты», «Много минуло, много схлынуло»), и баллады о судьбах, опалённых Великой Отечественной войной («Фронтальная медсестра», «Смотрела родная взглядом чужим», «Играла девушка на скрипке», «Письмецо», «Вдовья доля»), и личная семейная история автора («Ни конверта, ни марок»), и торжественные гимны в честь Великой Победы («Весна Победы», «Юнгам Северного флота»). Забывать о войне нельзя, об этом буквально кричит поэт:

*А, может, не было войны?! –
Всё это бред великосветский...
Но внуки внуков знать должны,
Что победил народ советский!!!
(«А, может, не было войны»).*

Равносильна войне, по мнению автора, и другая беда – разор в стране, об этом он с болью и горечью пишет в стихотворении «Во все века Россию грабили», начальные строки трех строф которого повторяются в финале, создавая напряженный трагический накал:

*Во все века Россию грабили,
Во все века Россию хаяли,
Во все века Россию мучили...*

Спасение в вере, об этом проникновенно и пронзительно поэт пишет в стихах и песнях, пронизанных христианскими мотивами: «Покаянная свеча», «Соты окон», «Покров», «Светлый праздник Рождества», «Рука Творца», «Дороги к Храму», «Мессия», «Под шум июльского дождя», «Причашусь я дождем».

*Всё будет хорошо, поверь мне,
Добрый друг!
Христос вернётся к нам
Воочию и присно.*

*Он разорвёт коварства мерзкий круг,
И обретёт пришедший свою пристань («Соты окон»).*

Входит в книгу пейзажная, философская, любовная и, конечно же, исповедально-автобиографическая лирика, особо выделяются стихи про маму. Автор пишет романсы и шуточные песни, по-театральному примеряет на себя маски самых разных персонажей, играя самыми разными стилями: *Чёрной краскою жизнь не окрасить, / Ибо правит в ней Царство Добра* («Не печалься, мой друг, не печалься»); *Тельняшку жизни надо рвать / На белые полоски* («Песня оптимиста»). Иронически автор напоминает о своей основной профессии: *А заболеете – у вас есть врач Григорьев. / Коль будет плохо – вспомните о нём* («Перед Новым годом»).

В двух стихотворениях книги используется весьма показательный образ, красноречиво характеризующий лирического героя, – «распашонка-душа», значит, душа у него открытая, широкая, нараспашку: *Это жаром полыхает / Распашонка-душа* («Учинился дым с огнём»); *Я, бывало, забрало открыв, / И, души разорвав распашонку, / Напоказ выставлял свой порыв / И гримасничал хуже ребёнка* («Про обиды свои умолчу»).

А в финале сборника Сергей Григорьев вновь обращается к судьбе России: *Величава ты, Русь, обескровлена, / То прорухами, то амбарностью* («Песнь третья»); *И мне не надо ничего, / Пускай поёт моя Россия* («Я люблю тебя, Русь»); закрывает театральным занавес: *Занавес! И я на авансцене. / Занавес! И я для вас пою* («Занавес»); исповедуется перед публикой: *Никто не знает, где упасть, / Где сгинуть суждено. / И к жизни пламенная страсть / Нас губит, как вино* («Нет, жизнь сначала не начать»).

Творческая и человеческая жизнь поэта Сергея Григорьева продолжается, пламенная страсть к жизни обязательно подвигнет его к созданию новых произведений, которые, я уверен, найдут отклик в душах многочисленных его поклонников. И быть по сему!

«ДУША МОЯ – БЕСКРАЙНИЙ РУССКИЙ СЕВЕР» Образ Севера в поэзии Алексея Гушана

«Вкруг солнца» – назвал книгу своих избранных стихов Алексей Гушан (Москва, 2019). В книге четыре раздела – четыре времени года: зима, весна, лето, осень – один оборот Земли вокруг солнца. На обложке

– маленькое солнышко одуванчик. Эта книга представляет собой лирический дневник – пейзаж природный и пейзаж душевный.

Зима и лето – по 15 стихотворений, весна и осень – по 14. Стихи невелики по объёму, каждое умещается на отведённой ему страничке, самые большие – 5 строф из четверостиший. Есть ещё отдельно стоящее стихотворение, своеобразный пролог – «Выбор», о том, какие бывают поэты, какого из них выбрать в качестве альтер эго: *О, Боже правый, что за испытанье / Мне выбирать из этого всего.*

Каждому разделу предпослан эпиграф (И. Бродский, Ф. Тютчев, Г. Шпаликов, А. Тарковский), названия разделов, соответствующие временам года, даны только в оглавлении, в самой книге их заменяют эпиграфы. Ещё есть предисловие автора и послесловие критика. Послушаем автора: *Книга «Вкруг солнца» – это моя попытка вступить за то, о чём болит душа и о чём она поёт, за то, что жизненно важно для меня!* А вот критик Валерия Исмиева: *Это поэзия тишины и живёт она в тишине пребывания в жизни как в мистерии круговращения года с его трудными одолениями и терпеливыми буднями.*

Остановимся только на образе Севера в сборнике, ведь как признаётся автор: *Душа моя – бескрайний русский север, / Но кровь моя – молдавское вино.* Интересно, как уживаются столь разные ингредиенты в едином существе поэта Алексея Гушана, который утверждает: *И северной земле не изменял, / Хотя судьба по-всякому кружила...*

В сборнике есть стихотворение, названное «Голос Севера», которое завершает летний раздел. Образ Севера – в сильной заголовочной позиции. Мы слышим реальный голос Севера, который *о многом сказывать готов*: плывут бухтины, бредут диковинные сказы, слышна говоря северная, перед глазами читателя встают невообразимые берега, эдемское сияние неба, проявляются северные реалии: деревянные коньки, повесть с духмяным запахом лета, овины, байны, огороды... И в финале сокровенное признание поэта: *На этом свете ничего нет выше, / Чем откровенье родины без слов.*

Образ Севера конкретизируется точными названиями родных мест поэта – топонимами, которые сами по себе поэтичны: *Прионежье* рифмуется с *нежен*, *Приоятье* – с *объятьях*, органичны в поэтическом контексте Онежское озеро и обонежская говоря, пинежская глушь, речка Устья, которая вспоминает Слово, сами по себе выразительны производные от топонимов прилагательные: *беломорский, олонецкий, карельский, поморский.*

Природное, северное находит в поэтическом контексте Алексея Гушана адекватное образное воплощение. Зимой *на лету застывают слова* (как тут не вспомнить писаховские «Морожены песни»); *Осень, как таёжная медведица, / Глубже пробирается в леса*, при этом слышится *северное хриплое дыхание* предзимья; *Выгнал сиверко лето с горы* – традиционное для северной поэзии одушевление северного ветра. Сен-

тябрь обозначается северным природным перифразом *месяц клюквы и зрелой смолы*, октябрь, по воле поэта, покрывает *красным рукавом дальние брусничные болота*. А вот ещё яркие образы, создаваемые с помощью названий северных ягод: *Я в чернику бессонных ночей / Добавлял молоко Прионежья; Меж сосен звонких, валунов замшелых / Поэзия лежит морошкой спелой; И нашу жизнь из перспелой клюквы / Пресуществляет в сладкое вино.*

Север прочно ассоциируется с колоризмом *белый*, экспансия белого – цвета, света, снега – формирует образный ряд ностальгического стихотворения А. Гушана, вот его первая строфа:

*Привезите мне белого цвета Онежского озера.
Привезите мне белого света олоонецкой полночи.
Привезите мне белого снега с дороги просёлочной
В час, когда уходящего солнца следы подморозило.*

Лирический герой уверен: *в такой белизне и сердца станут более светлыми.*

Находят отражение в поэтическом контексте северные артефакты:

– традиционная северная щепная птица счастья:

*Летит ко мне Поморский голубок!
Спешит родной, наверное, оттуда,
Где на снегу январский снег глубок,
И глубоко предвосхищенье чуда*

– обращает на себя внимание обыгрывание разных значений прилагательного *глубокий*;

– северные домотканые половики:

*Белый свет домотканой дорожкой по полу расстелется
– метафора;*

– сказочные львы как элемент северной домовой росписи:

*Со стен глазют львы –
Творенья чьих-то рук.
И никакой Москвы
На сотни вёрст вокруг*

– показательно противопоставление северного *края лихого* и Москвы;

– северная традиция ставить палку, метлу у входной двери как знак того, что хозяев нет дома:

*А бывало и так. Уходя по делам из дома,
Подпирали обычные двери волшебной палкой.
И в те двери зайти не решился бы незнакомый.
Не решился б, ей-богу – не надо ходить к гадалке.*

Одно из стихотворений поэт посвящает Успенской церкви, сгоревшей в карельской Кондопоге 10 августа 2018 года. Ещё одному стихотворению предпослано такое авторское посвящение: *Деревянным хра-*

мам Присвирия, которые мы не смогли сберечь на родной земле, посвящается.

Органичны в поэтическом контексте Алексея Гушана северные народные словечки и речения: *угор, шебаршить, блукать, глухая малина* (о ежевике), *чин чинарём, глазливая ночь*, уже упоминавшиеся: *бухтина, байна, говоря, поветь, сиверко*. Вот лишь один пример:

*И каждый день идёт чин чинарём,
Покуда есть в поленнице поленья,
И пышет печь, как водится, теплом,
И пишутся легко стихотворенья.*

Показательно стихотворение «Рецепт», смысл которого можно сформулировать так – Север лечит от душевных недугов, хандры, от всяческих хвороб: *Восстав с печального одра, / Ступай по вековому следу / На Севера...* Поэт Алексей Гушан, верный северной земле, сам неизменно следует этому рецепту и ведёт своих читателей заветной тропой на Север, на котором остаётся его душа.

«ВСЕЛЕННОЙ В УНИСОН ГРУСТИТЬ – НЕПРЕВЗОЙДЁННОЕ ИСКУССТВО...» О книге Ильи Виноградова «Желтолистье»

Мурманский поэт Илья Виноградов назвал свою стихотворную книгу окказиональным словечком «Желтотравье» (Санкт-Петербург, 2021), которое дважды встречается в сборнике:

*Дождь просеянный искрится
Желтотравье серебра.
Осень, от тебя не скрыться!
Где уж скрыться от себя («Осень, манят спозаранку...»).*

*И станет невесомо и легко,
Когда поймёшь, что на земле конечны
Дома и желтотравье. И, конечно,
Мы сами. И добро, и зло
(«А здесь стоял, пожалуй, раньше дом...»).*

Образ прозрачный, вполне понятный, связанный с осенью, временем красоты и увядания, временем подведения итогов, временем, когда особенно ощущаются бренность жизни и величие бытия.

Справедливости ради следует отметить, что на обложке сборника изображены осенние листья: на серо-буром фоне солнечно выделяются жёлтые, для них автор приберёт ещё один окказионализм *разнолистие*, построенный по той же модели:

*Какая тишина поёт в лесу!
В какое разнолистие одет он!*

*Каким, должно быть, добрым было лето,
Когда и осень как нельзя к лицу
(«Средь сини журавли вдруг прокричали...»).*

Осень явно любимое время года для поэта, ну да здесь он не одинок, стоит вспомнить хотя бы Пушкина, и не страшно, что осенняя пора связана с печалью, но эта печаль светлая, одухотворяющая:

*Осенний ветер треплет лес,
Река листвою обрастает.
На поле вытекла с небес
Печаль тягучая густая. <...>*

*Печаль приходит лечь на грудь
Из самой глубины Вселенной.
Пространство хрупкое в горсти
Сожмёшь задумчиво до хруста...
Вселенной в унисон грустить –
Непревзойдённое искусство...
(«Осенний ветер треплет лес...»).*

Завершает сборник стихотворение, названное «Краснолесье» (тот же словообразовательный тип), можно только догадываться о каком лесе идёт речь: осеннем ли, сосновом, или всё-таки сказочном, красивом:

*Терем леса полон света,
Радостен кукушки счет,
Пляшут нимфы в чаще где-то,
Что-то водится ещё*

В начальном стихотворении книги декларируется знаковое, важное для автора противопоставление деревянного – естественного, настоящего и пластмассового – противоестественного, искусственного, к последнему поэт причисляет и одноликую массовую культуру, финал у стихотворения печальный, отчаянный, прорыв к настоящему соотносим со смертью, что ж, поэтическая гиперболизация призвана воздействовать на эмоции, будоражить разум:

*Но сбегу я – поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава богу, гробы деревянные.
Как когда-то дома и лодки
(«Как добротна мебель из дерева...»).*

Настроение и смысл этого произведения подчёркивается ярким художественным средством – сопоставлением родственных созвучных слов, близких, но не тождественных по значению: *Как добротна мебель из дерева / И тепла добротою леса!*; *Только мир сплошь вокруг пластмассовый, / Словнодушный бездушный ящик*. Подобных примеров использования этого удачного приёма можно привести множество, см. выше *конечны – конечно*, или вот ещё: *Верь верным, сто веков знако-*

мым знакам... («Поверьям вняв, как гибели бегут...»); Когда не в почёте честь, / Величие не в чести («Слоны»); Ночь глуха и бесконечна – / Чиста нечисти приют («Ночь глуха и бесконечна...»); Я ж стою, глазами глупо хлопаю / И, глядишь, прохлопаю вот-вот («Долго ли, какой заветной тропкою...»); Скоро листья долистают / Постаревший за год год («Осень, маянт спозаранку...»); Что же пялюсь в небосвод, / Облачный в облака?.. («В зимнем небе облака...»); Не предвечный покой вековой... («Старец»).

В этом плане большой интерес представляет поэтическое сближение этимологически родственных, однако разошедшихся по смыслу слов *печаль* и *печать*, с помощью которого создаётся ёмкий образ:

*И печать печали чистой
На челе храня,
Вслед душа вот-вот умчится
Расчехлённая («Солнце грянуло под вечер...»)*

– в последнем слове развивается метафора стихотворения *солнце сорвало чехлы туч*.

*Только не найти меча там,
Логика зашла в тупик –
Знать, печалью опечатан
Человечьих душ тайник («В чаще»).*

Парадоксальность мышления, метафоричность высказывания в принципе отличает поэтический язык от повседневного, в творчестве Ильи Виноградова они проявляются по-особому, помогая поэту выразить заветное, важное, выстраданное. Заявленное в начальном стихотворении противопоставление настоящего – природного, душевного и искусственного – неестественного, бездушного так или иначе реализуются в стихах сборника:

*Я ж глянцевою пугаюсь красоты,
Где дух иссох под чёрствым мёртвым лаком.
Где, словно в манекене, пустота,
И даже эха нет – темно и глухо.
Боюсь пустот... («Поверьям вняв, как гибели бегут...»).*

*Всё надеюсь впустую
Отыскать где-нибудь
Человечью простую
И понятную суть («Мне приснился компьютер...»).*

На знаковом противопоставлении чёрного и белого строится стихотворение «Белград», посвящённое столице Сербии, пережившей натовские бомбардировки:

*Чёрное забыть готов
Убелённый зноем город.
Но средь лета колет холод*

Спины сгорбленных мостов.

В стихотворении «Подлодка в темноту уходит...» поэт отдает дань восхищения и почитания героическим будням подводников, которые всегда находятся на грани жизни и смерти:

*В кругу огня, воды, металла –
Стихий враждующих, чужих, –
Вдали от прочного причала,
В глубинах гибельных, глухих
Их дом*

однако сами моряки не думают о героизме и риске: *Работы нет страшнее нашей, / Но мы не думаем о том. // Мы помним близкое, родное...* – тоже своего рода противопоставление.

Казалось бы, на противопоставлении поэта и народа выстраивается стихотворное посвящение «Глеб Горбовский», однако автор приходит к важному выводу: *Но поэт и есть народ*, потому что *О себе как будто пел, / А на деле – о народе.*

Неожиданные, запоминающиеся образы встречаются в поэтических строчках книги. Вот счастье в облике кота:

*Но, моё увидев замешательство,
Счастье шасть ко мне на зависть всем.
– Заживём, – мурлычет, – замечательно!
(«Долго ли, какой заветной тропкою...»).*

Вот страх, подобный паучьей сети:

*Сквозь липкий страх – паучью сеть –
Прорвёмся по тропе манящей,
Оставив паука смотреть,
Как покоряется нам чаща
(«Сквозь липкий страх – паучью сеть...»).*

Вот звёздный ковш Большой Медведицы: *Ковш гнутый по ночам / Вычерпывает тьму («Южный крест»); Нечто очень важное ночь прячет / В семизвёздном выгнутом ковше («Птицы спят, и дремлет месяц даже...»).*

Колоритные герои появляются в стихотворениях поэта: лесник Никодимыч, у которого печаль от большого ума («Запах неба и дыма...»); седовласый старец, *блаженный вполне* («Старец»); заполошный звездочёт, предсказавший *век чудес: Будет счастье, войн не будет!* («Звездочёт»).

Лирический герой то запросто ведёт беседу с самим чёртом лысым, которому *плешь проели человечьи языки* («Ночь глуха и бесконечна...»); то френозно, даже развязно уговаривает своего начальника дать отгул, чтоб книжки сочинять («Отпусти в отгул, начальник...»); то учится *извивать свой путь и силе безголося у мудрой змеи* («О мудрая змея,

я у тебя учусь...»); то торжественно величественно воспеваает древнюю реку Колу:

*Дом души – в небесном поле,
Где полоской пенною
Млечная впадает Кола
В Кольскую вселенную («Кола»).*

То скрупулезно анализирует поведение своего ангела:

*Я падал, кометы быстрей,
С друзьями, культурой, страную,
С башкой непутёвой своей –
Он падал за мной и со мною <...>*

*Он ждёт, несомненно, того,
Что ведомо только крылатым:
Все бросят меня одного,
И вспомню о нём я когда-то
(«Мой ангел весьма быстрокрыл...»).*

Поэту свойственно быть отшельником, одиночкой, поэтому вполне органичны такие откровения лирического героя:

*Что мне путь, истоптанный толпой,
Нелюдиму – людная дорога?
И себя хватает мне с лихвой.
Мне себя порою даже много
(«Что мне путь, истоптанный толпой...»).*

*Воят двери, стоном стонут ставни,
Как один друзья уходят вон.
Одиночество лишь не оставит
Одного («Птицы спят, и дремлет месяц даже...»).*

*Поэт сидит, небритый и угрюмый,
И ничего поделать с ним нельзя.
Его друзья – одни больные думы,
Его враги – весёлые друзья
(«Поэт сидит, небритый и угрюмый...»).*

В заключение вернемся к ключевому образу сборника – образу осени: *И случилось: к осени тоска / В заповедный вызрела покой* («Сколько от неё не убегал...»); *Осень, мне бы – с птичьей стаей! / Только кто ж меня возьмёт?* («Осень, манят спозаранку...»).

«СПАСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В ЧЕРЕДЕ ДОКУЧНЫХ ДНЕЙ» Поэтические сборники Елены Кузьминой

Когда берёшь в руки поэтический сборник, прежде всего, обращаешь внимание на его заглавие, ищешь в нём ключи к пониманию книги, её главные символы.

Строчка, давшая название поэтической книге Елены Николаевны Кузьминой «Дороги дальней благодать» (Архангельск, 2011), взята из стихотворения, рассказывающего о поездке на поезде: о том, что лирической героине *в говоре колёс* слышатся строки пушкинского «Письма Татьяны», о том, что видится ей за окном, о том, кого и что она слышит в вагоне, о том, какие чувства ею овладевают:

*Грущу и радуюсь со всеми,
И понимаю, что люблю
Простуженную проводницу,
Цыган, младенцев, «челноков»,
Соседей нестоличных лица
И спор дорожных чудаков...
И это нищее раздолье,
Дороги дальней благодать...
(«Я к вам пишу, чего же боле?»).*

Образ дороги – сквозной в сборнике, и прежде всего образ железной дороги. Дело в том, что в детстве будущую поэтессу часто возили на поезде с Севера в Москву и обратно:

*И возили, возили меня с рождения
из Москвы на Север и обратно – в столицу.
Подгоняли вагончик ветра
зимние и весенние,
летние да осенние просили поторопиться
(«И возили, возили меня с рождения...»).*

Воспоминания об этих поездках – самые дорогие, самые трепетные: *Вспоминаю годы давние, вешние, / разгадываю тайны семейного лада*. А ещё паровозный-тепловозный шум сопровождает жизнь поэтессы в пристанционном городском предместье, потому органичны в её поэтических строчках *паровозик со смоляным чубом; стылый весенний перрон; натужный сиплый рык тепловозов, качающих дом; тепловоза летящего рёв*.

Традиционный для русской поэзии мотив пути, дороги нашёл прониновенное отражение в творчестве Елены Кузьминой: *Темнеет на дороге млечной / Проталин узкая тесьма...* («Я к вам пишу, чего же боле?»); *Стою в начале дальнего пути, / и мнится – нет / пустыне скудной края* («Мне не забыть счастливые места...»); *Смотришь: дорога уходит в берёзовые края* («Весна весной, небо синее, ветер играет...»); *Никнут чёрные гребни обочин / в придорожном пространстве мутном...* («Нет,

похоже, зиме возврата!..»); *Было время – боялась бездорожных равнин... («Мы с тобою умрём в один день, в один час...»)*.

Благодать – это и умиротворение, и радость, и озарение, и осознание Божьего величия:

*Даруй, Боже, благодать,
Средь зимы – Господне лето,
В белом столбушке стоять
Немерцающего света! («Рождество»);*

*Встану. Лето Господне вокруг –
благодатью над спелой нивой
(«В срок назначенный, в час ночной...»)*.

А на обложке книги – простой подорожник, верный спутник путника, который растёт при дороге, излечивает раны. Простая трава, скромные полевые цветы – это и воспоминания о детстве, это и эстетические приоритеты в зрелости:

*Но лопух подорожный, бывалый солдат,
Продолжает нелёгкую службу нести. <...>
И вела еле слышно беседу со мной
Придорожная стойкая нищая рать
(«Все цветы луговые уже отцвели...»);*

*Земля в отсутствии садов
лелеет жалкую былинку,
как непутёвую кровинку,
хранит от стужи и ветров.*

*И мы в открытый настежь храм
несём лишь травы полевые
(«Прервём же вечный плач о саде!..»);*

*Сладок, сладок белый клевер,
В тёплой дымке иван-чай
(«Возле старой ржавой бочки...»);*

*Клевер до первого Спаса не дожил,
пожух, завял.
Но пчёлам, конечно, отдал на мёд десятину
(«Клевер до первого Спаса не дожил...»)*

Притягателен в сборнике образ Севера: *В зимней северной глуши / Занесло дороги снегом («Рождество»); А по северным рекам стояли тогда деревни. / Не были берега кисельными, реки – / молочными («Пелагея»); Может, завтра дунет Север, / А куда – просим в рай! («Возле*

старой ржавой бочки...»); ...Он приплыл, когда Север сгустил холода («Преображение»).

На страницах книги воскресают славные страницы истории Отечества, исполненные высокой патетики, торжественно, велеречиво поэтесса ведет речь о судьбе Родины:

*Где полки твои, княже?
Щиты червлёны, хоругви белы...
Что ни воин, то воин Христов,
и жизнь – за други («Где полки твои, княже?...»);*

*Запоздалый отряд встречает
благоверный Димитрий князь,
тех, которые возмogli
в день последний отстаивать право
славить Бога Русской земли.
Богу Русской земли – слава!*

(«В срок назначенный, в час ночной...»).

И ещё необходимо отметить: излюбленный образ поэтессы – образ старухи, много пережившей, несущей на своём облике печать судьбы. Есть стихотворение, так и названное «Старуха», героиня которого

*Скособочилась, сидит
одинёшенька на свете.
Ни к чему ей кутерьма,
И веселье ей не мило...*

Есть стихи из цикла под названием «Старуха»: *И к Пасхе платок приготовлен светлый, / и рядом «смертное» в узелке («За чёрной завесою великопостной...»).*

Героиня стихотворения «Воздвижение» комсомолка-доброволка, дочка умерших Советов спешит с внуком в храм на утреннюю службу. А вот героиня другого стихотворения, тоже старуха:

*Соберётся старуха, подхватит кошёлку,
по привычке скорее... Цветастого шёлка
полушалок нарядный накинёт на плечи.
И пойдёт потихоньку
(«Соберётся старуха, подхватит кошёлку...»).*

Ещё одна старуха – героиня поэтической книги кормит *ненасытных попрошаек* чаек:

*Ах, душа,
от криков нету спасу!
И другим старухам нынче, видно,
Доставать убогие запасы
(«Таволга цветёт и пахнет нежно...»)*

Или вот такая колоритная картинка:

Сумасшедшая старуха на автобусной остановке

*стоит рядом,
Сегодня не блажит, не рыдает,
не проклинает власти,
Частит скороговоркой: «Хлеб есть, и ладно,
хлеб есть, и ладно...»*

(«Сумасшедшая старуха на автобусной остановке...»).

Можно обнаружить в сборнике и такое откровение:

Верю, всё закончится счастливо:

Я умру старухой некрасивой,

Одинокой (очень может быть)

(«Верю, всё закончится счастливо...»).

А ещё хочется привести и такие знаковые строки:

Принимай, что будет.

Складывай песни на добрый лад.

Бога благодари да кайся, не оправдываясь.

«Радуйтесь и веселитесь!» – это тебе говорят.

Вот и живи, душа, веселясь и радуясь

(«Клевер до первого Спаса не дожил...»).

Почему именно так называется поэтический сборник Елены Кузьминой «Санта Лючия» (Архангельск, 2021)? Второй раздел книги открывается одноимённым стихотворением. «Санта Лючия», конечно же, песня:

Мама пела «Санта Лючию»

в маленьком клубе деревни Медведково,

где в избах светились – пусть не лучины,

но керосинки – нередко.

В эпиграфе приводится созвучная по настроению поэтическая строка Константина Скворцова: «Помнится только: матушка пела...». В основе стихотворения воспоминания о детстве, о родителях, о далёком, самом счастливом времени:

...первый парень (и первый баянист) на деревне

навсегда московскую выбрал певунью.

Практикантку, «артистку», столичную «кralю»,

и увёз на Север от Москвы подальше...

Самое дорогое воспоминание о том, как смотрел отец на поющую маму, и солнечная итальянская песня «Санта Лючия» представляется символом, оберегом: *но мама пела «Санта Лючию» – / и лицо становилось нежным-нежным.*

На обложке книги, на титуле и на шмуцтитулах перед разделами изображена простая виниловая пластинка. И это тоже символ из детства. Есть в книге стихотворение, так и названное «Пластинка». Рассказывает оно о том, как лирическая героиня в детстве готова была часами слушать пластинку знаменитого итальянского певца:

*Брошен портфельчик, и я – в танце
кружусь, межсоседский нарушив лад,
и голосом страстным Марио Ланцы
поёт для меня «влюблённый солдат».*

Из такого родного, близкого, трепетного состоит весь второй раздел книги – домашний, семейный.

Вот древний Каргополь с его многочисленными храмами, где будущая поэтесса в раннем детстве жила с мамой. И мама пела о весёлых стрекозах. И ангелы пели / о том, как надёжно и радостно в руках Божьих («Каргополь»).

Не видела лирическая героиня родовых гнёзд своих дедов и прадедов, её детство глядело из окошек вагонных, когда возили её из Москвы на Север и обратно:

*Вот и думай теперь, где у меня родина малая?!
Ни в Москве, ни в краю северном,
но о том не грущу я,
помню: за вагонным окном –
вода на дорогах талая,
лес вдалеке за полем – Родину вижу большую
(«Дворянские и крестьянские...»).*

Не было в доме икон, но был семейный лад:

*...Мамины песни под папин баян всё роднее,
звонче, раздольней и радостней, не отразился
на чистоте их мотив чуждядельного ветра
(«Детство моё из окошек глядело вагонных...»).*

А бабушки Стоят рядышком на далёкой-далёкой станции / под какой-нибудь немислимо светлой сенью / черёмух небесных, небесных акаций – / терпеливо ждут моего возвращения («И возили, возили меня с рождения...»).

Вот Брошенка Антонина – / деревенская моя бабка далёкая... (стихотворение «Брошенка Антонина...»), вот мальчишка из маминого детства, чьи фамилия и имя много-много лет помнятся (стихотворение «Серёга Чекмарёв»). А вот вещий сон, который приснился в детстве лирической героине:

*И всё же рабе
Божьей
радости хватило в бездомье
оставаться памятью в той избе,
как в родовом родительском доме («Сон»).*

Простые корневые истины открылись героине: Про смиренность-терпенье, про светлый покров («Все цветы луговые уже отцвели...»); про спасительное слово в череде докучных дней («День зимою был захвачен»); про то, что поныне / я не умею ненавидеть / страну другую и народ («В бессонной памяти отметка...»).

Это всё во втором разделе, но есть ведь и первый раздел – о времени, об эпохе по-философски и по-простому. Образ времени здесь главный:

*Уносит времечко волна,
уносит – не найти...
Но времена,
но времена
запутались в сети («Закатная тускнеет медь...»);*

время всеильно, время вечно:

*Вот оно дремлет на печке, на тёплой лежанке,
грустную сказку слушает Время вполуха,
чем та закончится сказка, пожалуй, неважно –
важно, что жили да были старик со старухой («Время»);*

*Время для них живёт по законам чудесным:
то на месте стоит, то падает с неба манной
(«Про Марью Ивановну»).*

А ещё важно помнить, что серый цвет не торжествует, что за тучами всегда есть небеса: *Знаешь, что тучи – / это всего лишь тонкий поднебесный слой, / а настоящие небеса – выше* («Преобладающий серый цвет...»). Пусть тёмное время, но день всё равно чудесный:

*В блеске морозном покатится спешно
яблоко зимнее в морок окрестный,
было – и нет, но, конечно, утешит
строчка про «день (помню с детства)
чудесный»*

(«Тёмное время. Посёлок Глухое...»).

А люди какие удивительные, человечные, душевные! Вот водитель грузовика – спаситель:

*– Не печалься, девка, не пропала.
Глянь-ка в поле, я ли не богат?
Всё в алмазах – собирай горстями.
В городах такого не бывает! («Полярная звезда»).*

Вот золотоволосая пекариха стати богатырской – героиня повести Фёдора Абрамова (стихотворение «Пелагея»). Вот строгая классная дама Марья Ивановна – *в причёске – ни единой вольной кудряшки* («Про Марью Ивановну»). Вот почтальоншья тётя Вера и тётя Надя, совестливо прячущие глаза от встречных, будто в чём-то виноватые («Письмоносец тётя Вера...»). Вот старуха, радостно напевающая *про земной грядущий рай* («Крылья стёрты у сверчка...»), вот героиня стихотворения, которая *В старушечьем платье – / я и солдатка, / я и солдатик / вечной войны мировой, / войска потрёпанного единица* («Я поломойка и повариха...»). А вот судьба маленького речного пароходика с гордым именем «Герой» – очень человеческая у него судьба («Старая каракатица...»).

Лирическая героиня стихотворения Елены Кузьминой с горькой иронией сама себя характеризует не иначе, как:

*Я нетолерантна и непозитивна,
убога, совкова и неперспективна.*

Я старая русская («Я нетолерантна и непозитивна...»).

В стихах, посвящённых защитникам Великой Ливийской Джамихирии, говорится прежде всего о России – корневой, уходящей: *Что-то много говорят о народе... / Должно быть, к войне – верная есть примета* («Львы пустыни, не держите на русских обиду...»). Горько об уходящей и нынешней России повествуется и в других стихотворениях: *Сверкал старинных чашек ряд, / и только думалось подспудно, / что не вернётся этот лад / крестьянской жизни многотрудной* («Экскурсия»); *Пространство России пустынно и немо...* («Я нетолерантна и непозитивна...»); *...Новый век свой путь изладил / казнокрадством и разрухой...* («Письмоносец тётя Вера...»).

Но всё-таки главное, что светит в небе путеводная звезда:

*И бессильно падала на землю тогда,
и долго лежала на ней в забытьи,
и, очнувшись, радовалась, что звезда
надо мной продолжает светить*
(«Если бы не горела ярко звезда...»);

несмотря ни на что горит Звезда как символ Рождества:

*Путь оцетинился глыбами льда,
колется снег, словно лапник подстожный.*
*Но указывает дорогу Звезда, –
значит, назад повернуть невозможно* («Волхвы»).

Полярная звезда зовёт рубцовским огоньком: *И звала Полярная звезда, / как рубцовский огонёк, манила* («Полярная звезда»); надёжным ориентиром, оберегом выступают *отсветы Китежа* («Что там за окнами нынче горит – не сгорает?...»), *пушкинская метель* («Волны круче, ветер злее...»), *белая есенинская берёза* и *берёзы осенние рубцовские* («И везёт меня Конёк-Горбунок по тропиночке дольней...»), *голос тряпкинской гагары* («Едем по дороге талой...»), *необъятный лазоревый купол* («А до Пасхи – седмица! Седмица. Всего-то...»).

«И НЕТ ДО СМЕРТИ ДЕЛА»

Поэтические сборники Дмитрия Вересова

Дмитрий Вересов назвал свою книгу стихотворений «Сокрушение снега» (Петрозаводск, 1999). Ни в одном из произведений сборника не встречается это словосочетание, попробуем разобраться, что обозначает запечатлённый в названии образ.

Сокрушение – существительное, образованное от глагола *сокрушить*, который имеет в русском языке два значения: 1) ‘нанести полное поражение, уничтожить’; 2) ‘привести в состояние печали, в отчаяние’. У самого существительного словарь отмечает устаревшее значение ‘печаль, скорбь’. Так о чём же идёт речь в заглавном словосочетании сборника? Об уничтожении снега, о победе над ним или о печали, скорби самого снега? По прочтении книги больше склоняешься к первому, при этом понимая *снег* не только как зимние атмосферные осадки, но и как нечто, связанное с холодом, горем, смертью, наконец.

Само слово *снег* встречается в книге несколько раз, что важно, в первом и в последнем стихотворениях. Открывает сборник стихотворение «Накануне Рождества», вот его первые строчки:

*Словно невостребованный свет,
словно чудо Нового Завета,
запинающийся редкий снег
падает, не требуя ответа.*

Как видим, здесь снег скорее вызывает позитивные ассоциации, поскольку сравнивается со светом, с чудом, он одушевляется, способен запинаться, требовать или не требовать ответа от кого-либо на своё явление, он выступает предвестником Рождества Христова. Свойство снега в воображении лирического героя передаётся племенам, населяющим землю: *И племён круженье на земле...* С наступлением Рождества наступает ясность, умиротворение, которые олицетворяет всё тот же предрождественский белый, белый снег:

*Все, кто был... Кто будет... И во мгле
белый, белый снег над нами всеми.*

В последнем стихотворении книги (приведём его целиком) речь идёт о совсем другом снеге – апрельском, мокром, липком, докучливом, никчемном, который противостоит жизни, который не приносит ясности, рождает тревогу, смятение:

*Идёт апрельский мокрый снег
наперекор всему живому,
в пальто зелёном человек
бредёт куда-то мимо дому.*

*Скользит апрельский липкий снег
неумолимо и напрасно.
Кончается двадцатый век.
...И ничего ещё не ясно.*

Заканчивается эпоха, что впереди – неведомо, а потому тревожно.

Ещё один снег, на этот раз жестокий, агрессивный, можно обнаружить в стихотворении «Промерзает пустая дорога...», парафразе-антониме лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...», строчка из не-

го взята эпитафией: «...Пустыня внемлет Богу». У Вересова пустыня снежная, не ведающая Бога, она задыхается от тяжёлых снегов:

*Ночь. Пустыня не ведаёт Бога,
задыхаясь в тяжёлых снегах.*

Запустенье, безжизненность, онеменение, всё и вся во власти снега и ночи, читай – смерти:

*Никого... тишина, запустенье,
да поваленный снегом плетень...
Никого. Только ночь, онеменение,
только волчьи глаза деревень.*

И звезда со звездой не говорит, поскольку *Одинока звезда в небесах*. Что ж, такой снег и всё, что с ним связано, следует сокрушить.

Со снегом сравнивает поэт глаза людей предприимчивых, идущих в ногу со временем, в стихотворении «Море»:

*Пусть другие, с глазами как снег,
на железные лодки проворно садятся.*

Эти другие противопоставлены тем, кого лирический герой объединяет обобщенным *мы*, включающим его самого, кто ждёт у *чужого моря нежной погоды*, чей баркас *гордо спит на спине*, которым *вольготнее на земле оставаться*. Почему со снегом? Видимо, представляется, что те другие обладают холодным рассудком, они не склонны к сантиментам, сомнениям.

Со снегом напрямую связаны птицы, названные снегирями, они появляются в наших краях вместе со снегом, с морозом, их красные грудки ярко выделяются в зимней белизне, представляются воспалёнными – припухлыми, с краснотой, находящимися в болезненном состоянии:

*Снегирей воспалённая стая
опускается в ветви берёз,
и звенит, словно ваза пустая,
загустевший от боли мороз.*

Зима, безжизненная чистота снега, ассоциирующиеся с болезнью снегири порождают пессимистические, болезненные же мысли лирического героя:

*И на грани умопомраченья
чистоты, и в глуби её дней
жизнь уже не имеет значенья,
как и всё, что случится за ней
(«Снегирей воспалённая стая...»).*

Сокрушение снега – сокрушение смерти, возможно, и так можно расшифровать заглавный образ книги. *Смерть* и её производные – одни из самых частотных слов в сборнике:

*Есть жизнь... Есть смерть...
Над ними Бог.*

*Всё остальное – приложение...
 («Есть жизнь... Есть смерть...»);*

*Ты не будешь уже одинок,
 обернувшись сознанием к смерти, –
 эта мысль, что шагнув за порог,
 за орбиту земной круговерти... («Memento Mori»);*

*И что есть истина? И кто мы в ней?
 Идущее на смерть вразброску поколение...
 («Известие о смерти друга»);*

*...ведь усталость от жизни страшнее, чем смерть
 («Кладбищенский марш»).*
Есть смерть, но есть и бессмертье:
*...как в детском сне, от смерти улетим,
 не различая нежности и муки,
 двойной звездой, не видимой другим...*

*И нас возьмёт бессмертье на поруки
 («Над дольным миром лёгкая звезда...»);*

*– На свете смерти нет,
 как и бессмертья, впрочем,
 всё это – только сон, в котором мы не спим
 («Бессонница и страх – планида мизантропа...»).*

Смерть и Сон – по Тютчеву, близнецы, божества, эпиграф из Тютчева предпослан стихотворению «Сознание чуть теплится в горсти...», в котором лирический герой дофилософствуется до такого умозаключения:

И мысли, как чужая кровь, густы...

*Особенно одна, на самом дне,
 что сон и смерть – всё призраки Аида,
 что прелесть сна суть отзвук суицида,
 и что и я когда-нибудь во сне...*

Настоящая поэзия – всегда парадокс, всегда неожиданность, всегда кажущаяся несовместимость слов и смыслов, рождающая чудо поэтического постижения мира. В стихотворениях Дмитрия Вересова немало такого парадоксального, неожиданного, яркого. Приведём лишь некоторые примеры.

Вот о рождении стихов, о том, как чувства порождают мысль, как мысль препарирует образ:

Нет, пока не стихи...

*Но уже приближается гул
потревоженных слов,
словно ропот проснувшихся листьев,
их текучих созвучий, как будто бы я покачнул
некий образ
как дерево первоначального смысла
(«Нет, пока не стихи...»);*

*Пытаясь вычесть сокровенный смысл,
ты смог пытливым скальпелем познания
рассечь на части образ мироздания
и опыт чувства переплавить в мысль
(«Пытаясь вычесть сокровенный смысл...»).*

А вот выразительные оксюмороны: *Под вечным холодом палящим
леса невольнo стекленеют...* («Посвящение Северу»); *...сквозь нежное
неистовство заката* («Сквозь сон в меня вошёл осенний лес...»); *Пусть
холод обожжёт мои виски / и в лёгкие вольется жгучей ртутью!*
(«Пусть будет мир расколот на куски...»);

вот парадоксальные сочетания слов, создающие поэтический
пейзаж:

*Над городом, ввергнутым в сон,
скользил ослепительный ветер,
туда, где крамолен и светел,
зарёю звенел небосклон
(«Над городом, ввергнутым в сон...»);*

*Скудные жизни берёз и осин,
алые полосы злого заката...
Над изумрудным бессильем трясин
звон комариный завис как расплата
(«Скудные жизни берёз и осин...»);*

*В ночном, поневоле зеркальном окне
моё отражение тает в пейзаже,
в шеренгах озлобленных многоэтажек,
готовых хоть тотчас к гражданской войне
(«В ночном, поневоле зеркальном окне...»);*

*Не сознавая темноты вокруг,
поскольку вся она – кипенье света...
(«Над дольным миром легкая звезда...»).*

Представим целиком стихотворение Дмитрия Вересова «Белая ночь», поэт, сам рождённый в пору белоночья, ищет и находит в этом природном чуде познания смысла бытия:

*Скалы впаяны в воду по плечи,
и воздух сутул.
Неподвижность пейзажа
взрывает лишь лодки движеньем.
И бесстрастна душа,
и прекрасен ночной караул
строгих сосен,
глядящих в глаза своему отраженью.
Эту ночь ты поймёшь,
только в ней до конца растворяясь,
эту ночь ты возьмёшь на ладонь
перламутровым шаром
из прозрачного детства...
И будет осознана связь
между тем, что ты есть,
и что было божественным даром.*

Книга стихов Дмитрия Вересова называется «Отступление в осень» (Петрозаводск, 2008). Может, потому что поэт когда-то признавался: *Я из тех, кому нравится поздняя осень...*, может, потому что предыдущие его сборники назывались «Пространство усталого света» и «Сокрушение снега» – лирический герой как будто отступает из других сезонов в осень. Отступление – это и что-то пораженчески-военное, и в то же время литературно-исповедальное.

Элегичность, тихая печаль, минорное настроение – всё это свойственно осени. Поэт погружается в философские глубины, размышляя над сущностным, вечным, возносится в поэтические выси, обращаясь к высокому, горнему, божественному. Стихи о смерти и жизни, о вечном и проходящем.

В книге можно обнаружить прямые отсылки к священному писанию: аллюзии, цитаты, эпиграфы, переложения. Упомянуты христианские праздники, чаще всего Рождество (два стихотворения в разных разделах называются одинаково – «Накануне Рождества»).

В книге четыре раздела. Первый – «Река-печаль». Ключевое слово здесь – печаль. Начинается раздел с «Реквиема». Во втором стихотворении игра со знаковыми созвучиями – *вдохновение, вдох: ...мучительный выдох / предваряет божественный вдох* («Вдохновение – это как вдох...»).

В стихотворении, давшем название разделу: *Но если жизнь и есть сама река – / на что роптать? И нет до смерти дела* («Река-печаль. Меж топких берегов...»). Но потом: *Кто сказал, что мы живём* («Снег

скрипит, как под ножом...») и ...вроде гость... да не случайный... («Отгоняя комаров...»). Ох, уж эти многоточия – излюбленный пунктуационный знак поэтов!

Стихи раздела короткие, уместаются на одной страничке, преимущественно без названий. Достойны заглавий оказались: «Вдохновение», «Любовь», «Скрипка», «Художник», «Поэт», «Поэзия», в последнем горько-ироничное признание-откровение – приведём его целиком:

*Кому нужна ты, бедная кому?
водителю такси? слепой бумаге?
филолога холодному уму?
лихим самоубийцам в полушаге
от бездны?.. Бедная, кому же ты нужна?
мне самому? – смешное утешенье,
ведь точно так же смотрится луна
в ущербное своё же отраженье.*

Что это? Позиция? Кокетство? Убеждённость? Бог весть...

Есть ещё заголовки: «Ноябрь», «Кладбище», «Стокгольм», «Санкт-Петербург», «Три птицы».

Личное, индивидуальное сочетается с общим, социальным, однако пропущенным через личное, личностное:

*Боль и счастье, что досталась
нам отечеством страна –
вся порыв и вся усталость,
и смиренность, и война («Боль и счастье, что досталась...»).*

И ещё: *Как земная одиножды плоть нам дана, / так дарована родина только одна («Как земная одиножды плоть нам дана...»).*

Завершается раздел строчками: *...и бессмертной капелькой ртути / мир в ладони у Бога дрожит («Воздух марта – прозрачный и влажный...»)*

Потом идут «Переложения псалмов» – торжественно, одухотворённо, возвышенно, страстно. Высокий стиль и слог:

*Хвалите Бога по Его святине,
на тверди силы – Бога своего,
хвалите по могуществу; отныне
и присно – по величию Его («Псалом 149»).*

Третий раздел «Гербарий». Ассоциации прочные: засушенные листья, цветы как меты памяти, отражающие жизненные вехи. Стихи расположены строго хронологически по времени написания – 1987-1999. Есть «Брошенная деревня», «Зимняя эклога», «Белая ночь». В стихах упоминаются Гефсиманский сад, Пилат, Средневековье, Возрождение... Встречаются переключки с М. Лермонтовым и Г. Ивановым. Знаковые названия «Посвящение северу», «Тополиная ночь», в последнем:

*Можно – не слыша – услышать друг друга,
внемля дыханию Бога во мгле...*

Одно из самых проникновенных, трепетных стихотворений раздела и всего сборника приведём целиком:

*Тебе приснится в ночь на Рождество
прозрачный сад, опущенный в безмолвье,
прохладный сад и снега колдовство,
высокий сад с звездой в изголовье.*

*Пусть белый свет рождественской звезды,
и белый снег, и тишина повсюду
твоей судьбы пугливые весы
пророчески качнут к любви и чуду.*

И последний раздел – «Тропой листопада»: краткие, ёмкие, зыбкие поэтические миниатюры, нередко написанные свободным стихом, графически выразительные, почти без знаков препинания. Шуршащие опавшие листья, пейзаж и мысль, чувство и слово... Вот одно из них:

*Вода и камень
камень и вода
вода
и воздух нежный словно камень
земная твердь теряет вес
бессмертье – суть*

*всё будет так
вода судьба и камень.*

И последние строки книги: *всё тленно в этом мире / всё бессмертно* («Лесов осенних колдовская прелесть...»)

«И СНОВА ПЕРЕПЛЕТАЮ СЛЕДЫ, ИМЕНА И ДНИ...»

О поэзии Инги Чурбановой

Инга Чурбанова назвала свой сборник стихотворений «Блёсны» (Вологда, 1995), он состоит из трёх разделов, названия которых так же состоят из одного слова: «Русло», «Струи», «Запань». Как видим, все они связаны с образом воды, этот же образ так или иначе представлен в иллюстрациях Анелии Пустынниковой.

Какой же смысл за всем этим кроется? Блесна – это то, что используют в качестве рыболовной снасти, это искусственная приманка, имитирующая рыбку, блёсны обычно блестят, играют.

В стихотворении «Зимний дом» описываются приметы прошедшего лета, которые кажутся теперь никчемными, среди них и блёсны:

*Позабыты на столике блёсны
И в рыбёшких чешуйках крючки <...>
И в речушке не вымокнул блёсны.*

В последнем стихотворении сборника слово *блёсны* участвует в образном описании осени:

*Весь в монистах из звёздных блёсен,
Весь в объятии рапростёрт –
Привидением прежних вёсен
Мой сентябрь на меня идёт
(«Расплескалась под низким небом...»).*

Что же здесь важнее – игра, блеск или имитация?

Русло – это нечто основательное: углубление, по которому течёт водный поток, а ещё направление, путь развития чего-нибудь. Русло намечено в первом стихотворении книги: *И снова переплетаю / Следы, имена и дни* («Пыль мягкую понемногу...»).

В русле вольготно струям – узким потокам воды ли, воздуха ли, света ли, бурным всплескам какой-либо деятельности: *Теперь в помощниках – два крыла, / Поющих под ветровыми струями, / Теперь взлечу, и – куда хочу!* («Два года не елось, два года не пелось...»); *А ещё, ещё ты – струи, / Что стремительней, чем кони, – / Если в них упасть рискну я – / Всё равно меня обгонят!* («О, я поняла, – ты праздник!...»); *Громом грянуло над городом моим, / В сушу струями обрушилась тревога* («Громом грянуло над городом моим...»); *Тицетно целую струи твои, – / Снег замерзает, нерастворим, / Снег на затихших густо ложится... / Умер родник, и нет больше птицы* («Все улетели, я – в полынь»); *Но раствориться ещё не хотела я, / Омут кончается, – струй поворот... / Ночи мои ещё белые-белые! / Солнце моё ещё в соснах живёт* («Солнце ушло не совсем: полуночником...»). Какие разные струи!

И наконец, запань – тихая, стоячая вода в заливе, в специальном ограждении. Мостиком между вторым и третьим разделом сборника становится стихотворение:

*А ветер-то западный.
А время-то за полночь.
Туманятся запани.
Дурманящи запахи. <...>
На пристани вновь стою
И пристально в ночь смотрю:
Пригонит ли западный
Ладью твою к запани? («А ветер-то западный»).*

У книги есть предисловие «В несколько строк (от автора)», заканчивается оно так: *С поэзией роман подзатянулся, и эти стихи – дети любви: мне хочется для них счастливой судьбы, даже в наше не слишком доброе для поэзии время. Но и это время бежит рекой, а я строю на реке плотины и обманываюсь, что течение можно замедлить или даже остановить.* Время – река, течение, те же русло, струи, запань, а в них блёсны.

У книги есть и послесловие, которое написал литературовед С.Ю. Баранов, здесь можно прочитать следующее: *Образ времени, видимому, самый значимый в стихах Инги Чурбановой. Существует похожее на правду предположение, что лирика – это прежде всего напряжённое переживание поэтом настоящего мгновения, данного момента существования.*

Что в этом мгновении, в этом моменте? Осознание своего «я» в противовес с другими «я», перерастающее в формулировку кредо:

*Вы с нравом, я – с норвом,
Вы – знать, мне – к простым,
Вам – прихоть хотения,
Мне – быть иль не быть,
Вам – долгое тление,
Мне – вспыхнув, остыть («Мне мало отпущено...»).*

Обращение к истокам, к земле предков, где прадед первым закладывал дом, нет уже той деревни, в которую лирическая героиня пришла лишь взрослой, но она убеждена: *Мне ж снилась дорога эта! – / И детям моим приснится* («Мне снилась дорога эта!..»). Задаётся она вопросом: *Почему так редко просим мы: / «Время, времечко, постой!»* («Молодые бредят осенью...»); постигает *царство вечных истин и законов* сквозь призму образов А. Блока и Н. Рубцова («Пускай заманит и обманет...»; «Всё вернулось на круги своя...»). Это всё «Русло».

А вот «Струи». Эмоции, вызванные сильной и страшной грозой как чудесного явления природы:

*Ух, какое жуткое месиво
В воздухе! Но жутко и весело:
Небо ли, земля ль перевесила
На грозы гремячих весах?..
 («Ветер в проводах электрических...»).*

Восхищение и умиление от ростка, пробивающего асфальт: *Сквозь асфальты прорастанье – / Наше житиё!* («Милое моё создание...»). Переживание крушения любви:

*Ты слишком много разрушал
И – выслан из души.
Но не тебя сегодня жаль,
А то, что ты крушил («Ты слишком много разрушал...»).*

Маленькое происшествие, превратившееся в *звенящий праздник* («На лестнице институтской...»). Осознание сущности любви через грамматику:

*Закон филологический жесток,
Но он один на прошлое и будущее:
«Любимая» – страдательный залог,
Действительный –*

единственное:

«Любящая»

(«Закон филологический жесток...»).

И ещё один любви закон – для того, чтоб зажечь семейный костёр, надо покинуть небо и сменить крылья на руки:

Что пользы жалеть? Лишь руками

Могу обнимать и ласкать

(«Я рада была ошибиться...»).

Попытка понять, что такое смерть:

...Лишь выстрелом гулким, в воздух,

Запомнюсь я в мире том,

Где всё будет цело... Просто

Не будет меня – потом

(«О чём вы, о чём вы, люди?...»).

И наконец «Запань». Умиротворение, успокоение: *Настоящие ветры – снят. / Отдыхай, моя лодочка!* («Отдыхай, моя комната...»); *Только запомнить тебя могу. / Что мне ещё мочь?..* («Всё, что я могу для тебя...»); *Земля раскинется, прекрасна и нова, – / Не тронута, не предана, не венчана* («По-вешнему земля обнажена...»). Что-то исконное, фольклорное: «Увези меня на волке...», «В жизни той была я камнем...», «Жар-птичье крыло», «Хозяйка Медной горы». Или библейское: «Я зову его Иосиф...» Поэзия братьев по перу дарит идеи, рождает аллюзии, эпиграфы из Н. Матвеевой, А. Пушкина, О. Мандельштама перерастают в ассоциативные стихи: «Я иду, одиноко светясь...»; «Нас было много на челне...»; «Страды и сна переплетенье...».

Проявляются признания-откровения:

Мой крест – подавать надежды,

Которые не оправдать.

Я – мост, я всё время между:

Так, между, и пропадать

(«Мой крест – подавать надежды...»).

Таковы «Блёсны»: и игра, и блеск, и имитация.

В книге под удивительным названием «Семьирунка» собраны произведения всех пишущих представителей большой семьи Ольги Александровны Фокиной: её мужа, братьев, невестки, племянницы и, конечно же, дочери – известной поэтессы Инги Александровны Чурбановой (Никитиной).

В её подборке внимание на себя обращает замечательная поэма «Где мы были, куда летали», названием которой стала перефразированная строчка из народной песни «Голуби вы, голуби», занимающей центральное место в этом поэтическом произведении, да и вся поэма выдержана в фольклорной стилистике:

– А где вы были, куда летали?

*– А мы там были, на исходе души,
Где душа с телом прощалась,
громко плакала, да расставалась...*

Как видим, песня печальная, если не трагическая. Поэма же рассказывает о поездке на свадьбу в далёкий лесной поселок, казалось бы, о весёлой поездке на праздничное гуляние. Однако путешествие это обернулось путём исканий-обретений, обнаружившим невосполнимые потери. И потому сквозь смех проступают слёзы, радость сменяется горечью.

Начинается поэма с прекраснодушных размышлений героини: были бы деньги, отправилась бы она в далёкую Австралию, чтоб познать другую жизнь, ведь там всё наоборот: *зима и снег – в июле, / А цветенье – в октябре*, там и люди, и животные совсем другие, не как у нас, экзотические, таинственные. А в Европе, пусть она и ближе,

*... всё зачеловечено,
застроено, засвечено.
И просто рассекречены
все тайны бытия.*

Но поскольку денег на дальние путешествия всё равно нет, решила героиня поехать в свои леса, не экзотические, благо, что

*Пришло приглашеньице:
Один из братьев женится!
А свадьба – у невесты,
В медвежьем углу.*

И хочется ей верить, что там *будет непременно / Всё необыкновенно / Загадочно.*

В общем, путешествие началось:

*Мы собрались, наивные,
Настроились на дивное
И транспортами многими
Тряслись, но вот в дороге мы
Лесной... Ой!!!*

Да, ох и дорога – ухаб на ухабе, трясёт и мотает. Слова и строчки главы «Дорога» ломаются, дробятся.

Дорога выправилась, ехать стало полегче, но вот тут нельзя не остановиться:

*Едем-поедем, всё в лес, лес,
Глядь – среди леса стоит
КРЕСТ!
А под крестом-то сидит*

бабулька,

И на газетке яичко ест.

Глава «Старухи» посвящена тяжкой доле русских женщин, вынесших на своих плечах все тяготы XX века. *Как вам поётся, как летается?* И зазвучала та самая, давшая название поэме песня:

*А мы не голуби,
А мы не белые,
А мы ангелы,
Да сохранители,
Грешным душам покровители* (глава «Песня»).

Направляется бабка замаливать грехи в древний скит, рассказала она свадебным путешественникам, которые взялись её подвезти, и о ските, и о кресте, и о грехах, и о молитве:

*– Господи, не свечу тебе ставлю!
Господи, крест на себе несущу:
Этим крестом – и пою, и славлю
Имя твоё в вековом лесу* (глава «Крест и скит»).

А дорога бежит дальше, выводит в чистое поле. Начинается глава «Поле» былинным распевом: *Поле, кто тебя усеял / острокраими камнями?* Но не поле брани это, а поле хлебное, но сейчас *Поле немое, поле грустно*. А вот препятствие – река, переправили-таки пассажиры автобус через мелкий брод. На том берегу места заповедные, древние, таинственные с «тетёрско-глухаринными» названиями: *Мы – причащаемся, мы – прикасаемся / К чащам-урочищам, ламбам и ламбасам...*

Глава «Ламбас» рассказывает о незавидной доле некогда богатого одноимённого поселка, ныне брошенного на произвол судьбы: *Живите, люди, чем Бог послал, / Ни барж с товарами нет, не денег им...* Тут и играется свадьба, *И ввысь взлетают голуби – / Легки, белы, как дым*.

А следом идёт глава «Ночь»:

*...Дым разнесло,
песни остыли,
Белая ночь заливное готовит:
Залиты сном
избы, мосты, и
Жители – точно тяжёлой водою.*

Умаялись свадебщики, спят. Старинные песни

*Мало кто и подпевал, –
Больно длинные!
Плясок старых на кругу
Тоже не было, –
Их на этом берегу
Помнить некому.*

Оборвалась традиция. Печально это! *Жаль и я не сберегу: не увидела.*

Глава «Мать» представляет собой монолог матери невесты, высказывающей в том числе и такое откровение: *Свадьба тоже горе, / и даже не одно...* Но надо покидать праздник, попадать домой. *Дорога обратно – / совсем не парадна; Только потери всё копятся, копящая...*

Мы о себе – ничего не знаем:

*Кончилась наша дорога лесная,
Дальше – дорогой каждый
своей.*

Взят, и своей – рад.

Горько, печально. Всё кончается-истончается. Прерывается то, что было...

Заканчивается поэма обрывающейся цитатой из песни и авторским ее продолжением-заключением:

*«...Голуби вы, голуби,
Голуби вы белые!
А где вы были, куда летали?
– А мы там были,
на исходе души...»
Ты летай, душа, в тот край,
– дыши!..*

Дыши, душа, пока дышится...

«И БЫЛО СВЕТЛО И ОБЫДЕННО ПРОСТО»

Личные и безличные формы в поэзии Владислава Попова

Излюбленный жанр поэта Владислава Попова – лирический пейзаж, во всяком случае, таковые преобладают в сборнике «Тихие сумерки года» (Архангельск, 2011). Состояния природы в разные времена года накладывают отпечаток на душевное состояние лирического героя. А ещё сквозная тема этой поэтической книги – любовь: радости встреч, горечь разлук, эйфория чувств, «любовные тяготы и муки». Ну вот, например, финал стихотворения под показательным названием «Счастье»:

*Побыть, любимая, вдвоём.
Рукой подать – и дождь, и небо.
Пусть поживёт ещё теплом
Твой дом и шёпотом, и хлебом.*

*Дождь всё глушил и заглушал.
Он облеплял, как тестом, звуки.
Он усыплял. Он не мешал
Любовной тяготе и муке.*

Пейзаж в стихах В. Попова – это деревенский пейзаж, в нём органично живут осязаемые детали деревенского быта, в нём гармонично отражается деревенский дух, в нём уместными и незаменимыми представляются сугубо деревенские слова – диалектизмы. Деревня эта северная – и это даже не нужно уточнять, допустим, топонимами, это ощуща-

ется на вещном и ментальном уровне. Приведу целиком одно небольшое стихотворение:

*Темнеют травы, но едва
Сорвётся солнце,
Сверкают белым от кивка
И до одонца.
Чернёной медью стог блестит,
Овершья метя.
От ивы пух уже летит,
И на примете
Ещё четыре тёплых дня,
Пусть нету проку,
Нам хватит тихого огня,
И слава богу...*

В стихах Владислава Попова вольготно себя чувствуют самобытные конструкции русского синтаксиса, обладающие немалым выразительным потенциалом, – безличные предложения, в которых действие как будто бы происходит само собой без действующего субъекта, неосознанно, произвольно, стихийно, как будто бы под воздействием какой-то тайной, неведомой природной силы. Специальные грамматические формы, выражающие безличность, подчас неотличимы от вполне себе определённых, реальных личных форм. Смешение, пересечение, взаимопроникновение личности и безличности в поэтическом контексте создает особую выразительность, приобретает уникальную эстетическую ценность. Рассмотрим некоторые примеры из стихотворений поэта.

***Щурилось** солнце в запахнутый ставень.*

***Капало** с крыши, но не вдруг, понемногу.*

Месяц апрель не для расставаний,

*Просто **взгрустнулось** и – слава богу... («Апрель»)*

– форма среднего рода личного глагола перекликается с омонимичной безличной формой: *щурилось* (сказуемое двусоставного предложения) – *взгрустнулось* (главный член дативно-субъектного безличного предложения); предикат *капало* не требует подстановки подлежащего, понятно, что речь идёт о самопроизвольном процессе капания капель воды – локативно-субъектное безличное предложение.

Вот ещё примеры выразительного совмещения-перемежения в одном контексте личного и безличного:

*Час прошёл – и **прогорело**.*

*Солнце в тучу **закатилось**,*

*С неба **капнуло** несмело,*

*А потом дождём **залилось**.*

*Через день всё **почернело***

(«Всё непрочно в день осенний...») –

– личные глагольные формы *закатилось*, *почернело* чередуются с безличными: *прогорело* (безлично-результативное предложение), *капнуло* (локативно-субъектное предложение), *залилось* (инструментально-субъектное безличное предложение);

Душисто пахнет. Дома душно.

В окне скворец уже свистит.

И тёплым, пёстрым и воздушным

С дорожек вымокиших рябит.

И всё легко, всё беззаботно.

Дверь так и ходит в сквозняке,

И так пьянице, нежно, плотно

Твоя рука в моей руке («В конце апреля»)

– в первой строчке выразительно сочетаются созвучные наречие *душисто* и предикатив *душно*, прилагательные в третьей строчке неожиданно для читателя превращаются в субстантиваты, что мы осознаём, только дочитав следующую строку до конца – до глагола *рябит* в безличной форме; во второй строфе краткие прилагательные в среднем роде при подлежащем *всё* перекликаются с похожими качественными наречиями, которые при чтении воспринимаются окказиональными предикативами, выражающими эмоциональное состояние: *пьянице*, *нежно*, *плотно*, однако следующая строка разрушает обманчивое восприятие и превращает предложение из безличного по ощущению в неполное личное с пропущенным сказуемым. Такие грамматические «обманки» образны и креативны!

Очень выразительны в поэтическом контексте специфические, употребляемые исключительно в художественной речи неопределённо-субъектные безличные предложения, в которых отражается восприятие результатов действия неизвестного, неопределённого субъекта: *Свистело и чиркало. Боже, не время!* («Охота»)

Вот картина весеннего половодья: *Било, плескало в зелёной воде. / Ветер трепал голубиную пряжу* – начальная строка целиком повторится дважды в стихотворении, а глагол в безличной форме *плескало* ещё два раза: *плескала* в воде какая-то неведомая сила, хотя вполне осознаваемая – тут не обошлось без ветра, упоминаемого во второй строке, но безличное предложение с его таинственностью, стихийностью представляется более ёмким и выразительным, чем личное с реальным подлежащим: *В бочке плескало полуденным солнцем* – ветер играет отражением солнца в бочке; *Так и плескало под ноги водой!* – стихия плещет, безличное предложение этой строчки рифмуется с личным предложением другой: *Так и горело в назъму золотое* – то, что оно личное, устанавливаешь, лишь дочитав до подлежащего *золотое*, а до этого обманчиво принимаешь его за безличное.

Господи! Голубь воркует в окне, / Булькает, брызжет из солнечных скважин – вторая строка сначала воспринимается как продолжение двусоставного предложения первой с подлежащим *голубь*, но потом понимаешь, что *булькает* и *брызжет* не голубь, а неопределённый, стихийный субъект – виновник природной весенней сумятицы.

А вот строфа стихотворения «Весеннее утро»:

*Пришло! Зашумело, запело, взгудело,
И бухнул дверями разбуженный дом,
И солнце от сватов невестой несмелой
Прикрылось, стыдясь, дождевым рукавом.*

– *зашумело, запело, взгудело* – очень похоже на выразительное неопределённо-субъектное безличное предложение, однако настораживает предшествующее этому однородному ряду *Пришло!* – что-то тут не так, безличностью «не пахнет», смотрим заглавие, становится понятно, что пришло утро, именно оно вполне определённо и осязаемо без всякой таинственной стихийности производит перечисленные действия.

А вот в этой строке стихотворения явно безличное предложение с неопределённым субъектом, который угадывается с помощью локатива: *И в небе гремело легко и неровно* – понятно, что гремит гром, а не утро.

В другом стихотворении с первой строкой «Едва созреет дождь, измученна истомой...» действия названного в ней дождя подаётся вполне себе безлично и стихийно, но это лишь грамматический обман – используются неполные двусоставные предложения с пропущенным подлежащим *дождь*:

*Завертит и забьёт в кипящем сорном море,
Сорвёт и разнесёт, и странной немотой
Вдруг перехватит двор. Гляди: у туч в зазоре
Играет влажный свет невинной синевои.*

В стихотворении «Гроза 5 августа» начало грозового ливня, которому предшествовали его вестники – молнии и раскаты грома экспрессивно передаётся восклицательным безлично-результативным предложением: *Вдруг лопнуло! Зелёно-ясный шум / Пробился, шлёпая, залил весь подоконник....*

А вот другая гроза – героиня стихотворения «Гроза 27 августа», здесь безлично-результативными конструкциями выражено то, что предшествует ливню. Такие предложения по структуре сходны с двусоставными конструкциями с незанятой позицией подлежащего, представляют собой их грамматические омонимы:

*Дерева сходятся, запенилось, затлело.
Спирало двор удушливой стеной,
И вдруг, крошась, по крышам оготело
Ударил дождь отборною крупой.*

И далее действия дождя будут подчёркнуто личными:

*Но дождь везде! Он брызжет в каждой щели
И, размывая прелую трубу,
Сверкает радугой бессовестной капли,
И в каждой капле слышится «люблю»!*

В заключительной строфе стихотворения «Словно конские спины, на солнце лоснились...» выразительно сопоставляются одноструктурные безличные предикативы и личные краткие прилагательные:

*И было светло и обыденно просто,
И, даже когда мы однажды умрём,
Всё будет по-прежнему юно и пёстро:
Амбары, сорока, крыжовник и дом.*

В стихотворении «Июньский снег» неожиданное вторжение зимы в лето адекватно передаётся локативно-субъектной и объектно-субъектными безличными конструкциями:

*Что за беда! Белым-бело!
Его, поди, по щиколотку
В крыльцо пустое нанесло
И до краёв набило лодку*

– какая-то таинственная сила нанесла снег и набила им лодку, ранее в этом стихотворении эта сила названа неопределённым местоимением *кто-то*: *В дождём залитый бледный двор / Ещѐ и снегом кто-то крошит.*

В стихотворении «Может быть, так надо» снег также представлен объектом, на который воздействует стихийная сила:

*В эту осень рано
Снег мело и било.
Ничего не жалко,
Ничего не мило*

– как видим, здесь нашлось место и отрицательным безлично-генитивным конструкциям

Не менее выразительны окказиональные формы безличности, например: *Как бритвенно в горле!* («Охота») – адекватно передаётся особое эмоционально-физическое состояние охотничьего азарта с ощущением боли и радости (локативно-субъектное безличное предложение).

Безличные предложения участвуют в создании стихотворных тропов: *И будто бы в день великой стирки, / Свежо на небе* («Зачем это было»); *Как всем старикам часто хочется плакать, / Вот так он и плакал, от капель весь бусый* («Шиповник»). Но и простые, привычные, одиночно употреблённые безличные конструкции воспринимаются по-особому в поэтической речи: *За окошком тепло, только это отсрочка,*

/ Только это обман, словно чей-то каприз («Отсрочка»); Смородинным листом ещё несёт из рощи («Паук»); Холодно в доме. Кажется, будто / Кто-то свистит под дверями в зазоре... («Осенние цветы»).

В поэтическом контексте употребление грамматических омонимов – личных и безличных форм – может привести к обманчивому восприятию описываемых явлений, которые оборачиваются совсем другими по сравнению с тем, чем представлялись раньше. Благодаря использованию грамматических омонимов по-особому складывается объектно-субъектная перспектива стихотворных высказываний, устанавливаются причинно-следственные связи между явлениями. Смешение, пересечение, взаимопроникновение личности и безличности в поэтической речи создаёт особую выразительность, приобретает уникальную эстетическую ценность.

«ДА НЕЛЬЗЯ НЕ СЛЫШАТЬ ДУШИ»
Лингвистические заметки на полях
книги Александра Башлачёва

Сборник стихотворений Александра Башлачёва «Нет тех, кто не стоит любви...» (Череповец, 2020) открыл книжную серию «Сокровища вологодской поэзии». Книгу предваряет предисловие Владимира Селицкого, озаглавленное «Русская народная душа», суть заглавия раскрывается в этой цитате: *Часто задавая вопрос людям, знающим и любящим творчество Башлачёва, о чём его стихи, в чём их сила, я слышу: великие, мощные, пробирающие до самых глубин души, взрывающие сознание. Всё это так, они именно такие, но о чём? Они о нас с вами, о тех, кто ходит по русской земле, говорит на русском языке, о русской народной душе. Это и есть русская народная душа, которая говорит с нами через поэзию Башлачёва.*

Интересно, насколько часто поэт употребляет слова *русский, Россия* и их производные? Оказывается, не столь и часто, да и нужно ли их постоянно повторять, чтобы выражать русскую душу? Вот как заканчивается раннее стихотворение поэта:

Россия, бедная Россия!
Как часто мы с тобой вдвоём
Ломаем руки от бессилья
И водку пьём...

А вот фрагмент из его самой известной песни-манифеста «Время колокольчиков»:

Загремим, засвистим, зацёлкаем!
Проберёт до костей до кончиков.

*Эй, братва, чуete печёнками
Грозный смех русских колокольчиков?*

Номинация *Русь* очень органична в башлачёвских исповедальных экспрессивных стихах-песнях, написанных и исполненных на разрыв аорты. Вот выразительная трансформация фразеологизма «хоть святых выноси»:

*И наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в «спаси-сохрани».
Ведь святых на **Руси** – только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони («Посошок»).*

А вот показательное созвучие «Русь – грусть»:

*Перегудом, перебором...
Да я за разговорами не разберусь, где **Русь**, где грусть.
Нас заберут, да не скоро.
А когда забудут, я опять вернусь («Сядем рядом...»).*

И ещё удивительное созвучие: *Весело и грустно / По **Руси** по руслу / Речёт река* («Пляши в огне»). В стихотворении «Вечный пост» можно обнаружить такое утверждение:

*Коротки причастия на **Руси**.
Не суди ты нас! На **Руси** любовь
Испокон сродни всякой ереси.
Испокон сродни чёрной ереси.*

Трижды повторяется номинация *Россия* в стихотворении «В чистом поле – дожди...» – дважды в знаковых философских вопросах: *Я не знал, где я, где **Россия** / И куда же я без них?; Я не знал, как любить **Россию**, / А куда ж она без меня?*; единожды – в утверждении-ответе: *Я увидел тебя, **Россия**. / А теперь посмотри, где я*. В стихотворном манифесте «Имя Имён» обыгрывается крылатое выражение, связанное со славной русской военной историей: «Велика Россия, да отступать некуда», даётся его выстраданный горький антоним – и всего-то заменена приставка: *Выше шаги! Велика ты, **Россия**, да наступать некуда*.

А вот и русская душа: *Сорок градусов тепла / Греют душу **русскую*** («Ванюша»). Прилагательное *русский*, определяющее существительное *речь*, используется в стихотворении «Тесто», строчка из которого подарила название сборнику:

*Но всё впереди, а пока ещё рано,
И сердце в груди не нашло свою рану,
Чтоб в исповеди быть с любовью на равных
И дар **русской речи** беречь.*

Приведём ещё два единичных примера с производными: *Вот такие дела в провинции / А **по-русски** сказать – в глуши* («К К...»); *Иплы-*

вут до утра хутора, где три кола – два двора, / Но берут на таран **все-российскую** столетнюю мель («Зимняя сказка»).

Слово же *душа* гораздо более частотно в башлачёвском контексте. Оно используется в обыгрывании прецедентного текста «Не позволяй душе лениться...»:

*Не позволяй **душе** лениться*

Лули чертовку сгоряча.

***Душа** обязана трудиться*

На производстве кирпича.

Оно является ключевым словом в программном стихотворении «Ванюша», формирует его основной смысл, рефреном в нем звучит выражение «Душа гуляет!»: *душа гуляла / душа летела / душа гуляла / в рубашке белой; Но капля крови на нитке тонкой / уже сияла, уже блестяла / спасая **душу**, / врезалась в тело; Возьмёт за горло – и пой, как можешь, / Как сам на **душу** свою положишь!; Да к плясу ноги! А кровь играет! / **Душа** дороги не разбирает; Мы с **душою** нынче врозь. / Пережиток, в опчем. / Оторви её да брось – / Ножками потопчем!; Не лезьте в **душу**! Катитесь к черту! / Гляди-ка гордый! А кто по счёту?; А он рукою за телогрейку... / А за **душою** – да ни копейки!*

Как видим, часто слово *душа* используется в составе экспрессивных разговорных фразеологизмов, вот ещё примеры: *Так значит жить и ловить это Слово упрямо, / **Душой** не кривить перед каждой ямой...* («Тесто»); *Эх, нищета – за **душой** ни копы!* («В чистом поле – дожди...»); *У меня есть всё, что **душе** угодно, / Но это только то, что угодно **душе*** («Пляши в огне») – в последнем примере эффектно обыгрывается семантика фразеологизма и свободного словосочетания.

С помощью слова *душа* создаются знаковые метафоры и сравнения: *Зимогор ты наш Охламонович! / износил ты **душу**, да, до полных дыр* («Егоркина былина»); *И глушила **душу** провинция / Да нельзя не слышать **души*** («К К...»); – *Да что там у тебя звенит? / И я сказал: – **Душа** звенит. Обычная **душа*** («Случай в Сибири»); *Да не спрячешь души – беспокойное шило. / Так живи – не тужи, да тяни свою жилу* («Тесто»); яркие омонимичные созвучия: *И **душу** с душком, словно тело в тележке, / Катал я и золотом правил орешки* («Верка, Надька, Любка»); *Пока пою, пока дышу, дышу и **душу** не душу* («Случай в Сибири»).

А в заключение приведём показательный фрагмент из стихотворения «Имя Имён»: *Имя Имён / А возьмёт да продраит с песочком! / Разом поймём, / как болела живая **душа***. Именно эта фраза как *болела живая душа* наиболее точно характеризует творчество Александра Башлачёва.

«...А У ПОЭТА НА ЛИСТЕ ПЕЧАТЬЮ – СЛОВО»
По страницам поэтических сборников северных поэтов

Инэль Яшина «Любовь моя – печальница»

В заголовок поэтического сборника Инэль Яшиной «Любовь моя – печальница» (Архангельск, 1992) неслучайно вынесено слово *любовь*, действительно, большинство стихотворений книги про любовь и именно про любовь-печальницу. Вот показательные цитаты:

*А любить тебя – только мучиться
Да по ветру стелиться ивою
(«Застонала душа тревожная...»);*

*Любовь моя, что горлинка, крылата.
Видать, навек единая дана.
Кричу-зову – не думает обратно,
Всё за тобою следует она
(«Любовь моя, что горлинка, крылата...»);
Не для радости выпала наша любовь.
О такой ли судьбу я просила?
Не тревожь меня, дай для прощанья с тобой
Мне собрать свои малые силы
(«Не для радости выпала наша любовь...»).*

Уже эти примеры показывают, что поэзия И. Яшиной сродни фольклорной, песенной традиции, образный строй её лирики созвучен народному творчеству:

*Подпалили бережок
Озорные зори.
Будет за морем дружок –
Перейду и море! («Лунная дорожка»);*

*Я к тебе, от счастья молодая,
По земле иль по небу иду? («Зимний вечер»).*

Любовь для лирической героини всеобъемлюща, огромна, если любить – то безмерно, значит, всецело ей предаваться, жить ею, любовью отвечать на любовь:

*И вот нашла! Живу одним тобой,
Я без причины радуюсь и плачу,
Всё отдала тебе, моя любовь,
И стала я сама в сто крат богаче
(«Как много лет я бредила тобой...»);*

*Пускай сразятся молнии и громы!
Нам трудный век пришёлся по плечу.
И я тебе такую же огромной,*

Любовью бесконечной заплачу!

(«Сомнений ком за пазухой ношу я...»).

Интерес представляет стихотворение «Разновес», в котором сопоставляются, если не противопоставляются, оказавшиеся на разных чашах весов *разум, заботы, авторитет, семейный долг* и *В себя вобравшая весь мир, / Любовь, палящая, как солнце, / И бесшабашная, как пир!*

В другом стихотворении появляется ёмкий образ *вериги любви*, любовь при этом приравнивается к нравственному бремени: *Всемогущей любви вериги / На твою не надену душу* («Так хотелось тепла немного...»). Имя любимого слышится лирической героине всюду: и в шуме травы, и в шуме дождя, и в звоне бокалов, оно созвучно стуку любящего сердца:

Ни в дому, ни в поле

Нету мне покоя.

Сердце колоколит:

«Ко-ля! Ко-ля! Ко-ля!» («Ни в дому, ни в поле...»).

Лирическая героиня Инэль Яшиной признаётся: *Но есть во мне вечная завязь – / То песня любви изначальная*, а объяснение тому видит она в том, что *Ведь родиной я из апреля, / Из яркого, шалого месяца!* («Родиной я из апреля»).

Поэтесса убеждена: всеобъемлющая любовь, сопряжённая со страданием, неотъемлемая составляющая поэтического творчества, определяющая его сущность:

Святого в нас – одна любовь без края,

В царапинах тернового венца.

Живём любя и мучаясь. Сгорая,

Мы зажигаем новые сердца.

Люби, гори и не жалея об этом!

Сгораем не в угоду небесам.

Когда страдать разучатся поэты,

Кто будет песни новые писать?

(«С таких, как я, не пишутся иконы...»)

Александр Росков «Вот моя деревня»

Маленький поэтический сборник Александра Роскова, вышедший в серии «Архангельская артель» в 2005 году, называется «Вот моя деревня». В памяти всплывает строка из стихотворения Ивана Сурикова, знакомого с детства: *Вот моя деревня, вот мой дом родной...*

Действительно, *Все мы родом из начальной школы...* – это уже стихотворение А. Роскова – автобиографическое, личностное: *...до того, как жечь сердца глаголом, буквы изучали и слова*. Цитата из Пушкина очевидна, с Пушкина начинается наше постижение прекрасного в

слове, и в этом стихотворении появится ещё одна пушкинская цитата: *Буря мглою...*, а лирический герой будет жалеть пушкинскую няню. Начальную сельскую школу поэт назовёт своей главной школой жизни.

Разные стихи сборника, разделённые страницами, коррелируют друг с другом, создавая своеобразные смысловые пары. Вот, например, *золотые картинки из детства*: о пути в школу и из школы через лес по золотисто-песчаной дороге, о познании мира, пронизанного приветливым светом, на крыльце родного дома.

Начинается сборник со стихотворения, названного «Зимовье на Студеной» – и опять налицо интертекстуальные связи: именно так называется рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка, который читают в школе. А у Роскова речь идёт о горожанине дяде Ване, перебравшемся жить в избу над озером в дикой глуши в десяти верстах от ближайшей деревни. Стихотворение «Поминки», наоборот, о сельчанах-горожанах, покинувших свою деревню, поминающих край родной под водочку после бани, они здесь *чужие, два отрезанных ломтя*.

Деревня – это прежде всего люди: тот же дядя Ваня, или вот *Анатолий Абрамов – простой деревенский мужик, патриот своей родины, ею же битый и мятый*, ставивший на лугах аккуратные стога. А вот *блаженный слегка* пастушок Вова: *...окутан неведомой тайной древний праведный труд пастуха* – скажет поэт после встречи с ним.

Тихая, размеренная жизнь захолустного глухого городка противопоставлена сумасшедшей столичной суете, нет, не жизнь, а *ЖИТИЕ*. А в другом стихотворении читаем: *Надоел мне город-глыба и бетонная тоска...*, лучше в деревне, но ведь там *жизнь – поганка, жизнь – нужда*, и поэтому *родину мою оплакать никаких не хватит слёз*.

Вот пронзительное: «Увозили деда в богадельню...»: да, *жизнь прошла ни в чём – в нужде, в заботах*, но невыносима разлука с родной. И пусть обезлюдела родина, *внимаю далёкому зову, на зов откликаться душой...* (стихотворение «Вечный зов»).

А вот философско-декларативное: «Человек должен жить на природе...» – о простом, житейском, извечном. Или «Тревога», когда *непонятный клич иль полуплач раздался, и пустота дохнула с неба на сырую землю*. Горе горькое, спивается деревня, прибавляются могилки на сельском кладбище, *безысходность, нужда да тоска*.

В финале книжки два пространных поэтических повествования «Дождь над лесной избушкой» и «Зимы печальные мотивы...», поделённых на главки, написанных размеренно, неторопливо, эпически, здесь переплелись-углубились все мотивы и все темы, волнующие поэта: *И Всевышнему видней, когда – конец, сегодня или вскоре*.

Наталья Леонович «Абрамовские родники»

«Абрамовские родники» (Архангельск, 2019) – название совсем не случайное, ведь речь в поэтической книге Натальи Леонович, как написано в аннотации, идёт *о судьбах земляков писателя Фёдора Абрамова из деревни Веркола Пинежского района Архангельской области*. Да, и родник – это не только источник чистой ключевой воды, но и родной близкий человек:

*Недаром на севере нашем суровом
того окрестят «родником»,
кто близок по духу, по крови, по слову.*

Именно о таких абрамовских родниках рассказывает поэтесса. Это уже покинувшие наш мир поэт, краевед, киножурналист Алексей Алин; «пинежский Пиросмани», друг Ф. Абрамова, художник, труженик Дмитрий Михайлович Клопов; изобретатель, учёный, организатор лесной отрасли Константин Вороницын; подвижница коллективного хозяйства, которая общалась, даже спорила с писателем-земляком о судьбах деревни, пресветлая песенница Мария Николаевна Кадашова.

Среди героев книги узнают себя многие нынешние веркольцы, остающиеся верными нравственным заветам предков. Настоящий природный родник – тоже важный образ в книге:

*И потянется рука
к перезвонам родника,
чтоб пригоршней черпнуть вдохновения.
Чистота водицы вмиг
радостью украсит лик...*

С помощью поэтических строк, помещённых в книгу, можно побывать в музее брата Фёдора Абрамова, пройти по улицам его родной Верколы, по её лесным да луговым окрестностям, прокатиться на лодочке по любовно воспетой писателем Пинеге-реке.

Одна из главных заповедей Ф.А. Абрамова – «Жить по совести!». О совести пишет в своей книге и Н. Леонович:

*В них жизненных сил благодать –
душевный крепёж, изначально бесстрастный,
что совестью принято звать;*

*Поступок мерит не молва,
а совесть – сердца беспокойная птишечка...;*

*Отыскать бы разглядеть
истины краешек
сквозь сомнений круговерть
лишних и давящих,
чтоб познав земных утех*

*радости, горести,
веру сохранить в успех
праздника совести.*

Лирическая героиня поэтессы уже в первых строчках книги сравнивает себя не с кем-нибудь, а с самой Махонькой, легендарной пинежской сказительницей, которую хотел сделать главной героиней своей «Чистой книги» Фёдор Абрамов: *Как Махонька с походной котомочкой, / я шагаю по жизненной кромочке...*, она ценит и бережёт чистое родниковое Слово:

*Деньги исчезнут,
а быть, небылица, слов вереница
опять
ввысь устремится,
чтоб воплотиться
солнцем, грозой,
или станет границей,
дивным полётом
сказочной птицы,
чтобы сердца волновать.*

В книге немало стихов, пронизанных подлинным – родниковым – народным духом, отражающих истинное народно-поэтическое мышление. Неслучайно два таких стихотворения сборника озаглавлены не иначе, как «Песня», и воспринимаются они как настоящие народные песни:

*Нюшка-вьюшка – берегинюшка,
исцели меня, коль примешься...;*

*Оброню зерно в землю талую,
чтобы колосом зазвенеть полям,
чтобы радостью приумножилась
наша силушка на житейское.*

Или вот такое стихотворение, созвучное устному народному творчеству:

*А хозяйюшка по горенке похаживает,
гостей званых и незваных привораживает
не конфетой леденцовой, не пряником –
добрым словом, что весомо доброй памятью.*

Органичны в стихах поэтессы свойственные фольклору оценочные суффиксальные образования: *кудёрышки, угорышек, играньце, хитри-ночка, детушки*; выразительные дефисные конструкции: *горкой-бережком, што-ношенное, незабудки-цветики, Победушка-беда, синь-река, круг-вокруг*; междометные анафоры: *ой, ты полюшко мое всё пригорками, / ой, ты долюшка моя, доля горькая.*

В программке юбилейного представления Государственного академического Северного русского народного хора «Жемчужина Русского Севера» приведены стихи Натальи Леонович, точно и выразительно передающие сущность великого служения прославленного фольклорного коллектива:

*Собирали слова, как жемчужины,
Переливчатые да натружены.
Подбирали к словам объясненьца,
Что веками уже не изменятся,
А останутся внукам-правнукам,
Чтобы знали, как жили-плакали,
Как гордились деды-прадеды
Тем, где выросли, тем, что дано.*

Нашлось место в поэтической книге и «Кладовой мудрости» – это короткие рифмованные или нерифмованные строки, отражающие сгустки народного мировоззрения, восходящие к извечным истокам народной мудрости, вот, например: *...от чистой водицы красота рождается, / доброе слово миру основа..., ...при любой погоде поклонись природе...*

Поэтесса признаётся:

*Пахнет севером, пахнет клевером
в стихотворных покосах моих:
и размеренно, и уверенно
тишь вбирает летающий стих...;*

и действительно, её поэзия наполнена северным ароматом – народным, деревенским, родниковым:

*И понимаю, и принимаю
эфирную сущность стиха.*

Евгений Токарев «Что-то обязательно случится»

Название поэтического сборника Евгения Токарева «Что-то обязательно случится» (Онега, 1994) наиболее точно передаёт жизненное и творческое кредо поэта, эта строчка взята из открывающего книгу стихотворения:

*Не приемлю чинного покоя,
Отрицаю благодущья гнёт,
Пусть случится что-нибудь такое,
Что порядок весь перевернёт
(«Заиграли в полночи зарницы...»).*

Лирический герой поэта всегда оптимистически настроен, верит в лучшее несмотря ни на что. Так, даже в навеянных не самыми благопри-

ятными обстоятельствами начала 90-х стихах оптимизм всё-таки побеждает:

*Мне кукушка на рассвете
напророчила
на ладонь поймать
горячую звезду.*

*И поэтому,
когда трусливым вороном
исчезает, улетает
ночи тень,
просыпаюсь –
и печаль уходит в сторону.
Здравствуй, новый,
непутёвый, дерзкий день! («Что за жизнь пошла!..»);*

*И счастлив тот, в ком сердце не растрчено,
Кто видит свет на дальнем берегу...
(«Душа моя, наверно, хватит маяться...»);*

*Придёт он, погожий и ясный,
От смуты раскованный день
(«Год Лошади... Больно до дрожи...»).*

Душа поэта распахнута навстречу зарождающему новому дню, навстречу неизменно возрождающейся весне, преодолевающим ночь и зиму:

*На заре,
Весенним утром росным,
В воздухе, прозрачном, как смола,
Солнце разбивается о сосны,
И осколки пляшут по стволам. <...>*

*Миг – и в роще зазвенели птицы,
Появился на тропе олень.
И родился новый, светлицый,
Молодой от удивленья день («Рождение дня»);*

*Значит, в жизни всё идет как надо,
Остальная лирика не в счёт
(«Сердце ждёт серебряного всплеска...»);*

*А утро грудью полной дышит.
А в небе краски горячи.
И солнце катится по крышам,
Роняя добрые лучи («Рабочее утро»).*

Лирический герой радостно помогает весне, сбрасывая с крыши старый снег, щедро делится своей радостью с людьми:

Улыбайтесь, люди:

человек

сбрасывает с крыши

старый снег («Старый снег»);

он радостно встречает рассвет, не скрывая восторга:

Здравствуй, солнце, яркое, лучистое,

Шум листвы и птичьего голоса.

Здравствуй, утро, свежее и чистое,

Без единой тучки в небесах («Утро Родины»).

Вдохновляют поэта, располагают его душу к оптимизму родной северный край, родная Онега, родное Беломорье:

Я хожу – весенним ветром грудь полна,

Ах, Онега, деревянная страна! («Онега»);

У лета есть свои приметы

В цветенье трав,

В разгуле гроз.

А на Онеге пахнет лето

Прохладой трепетных берёз («Лето на Онеге»);

Легко струится, словно дышит,

Над Белым морем белый свет («Расправив тонкие победы...»);

Вот оно, штормовое раздолье!

Посмотри и замри, удивлён.

Здравствуй, здравствуй, моё Беломорье,

В свисте ветра и грохоте волн

(«Вот оно, штормовое раздолье!...»);

Подарила жизнь богатство целое –

Гроз раскаты, вьюги и капель,

А ещё – родное море Белое –

И купель мою и колыбель

(«Здесь мне петь, смеяться и печалиться...»).

Немало испытаний выпало на долю поколения поэта – детей войны, однако воспоминания о былых, но всё-таки преодолённых бедах не уменьшают в нём веры в лучшее:

Время откликнулось памятью сердца,

Выплыло прошлое из далека:

На полустанке голодное детство

Хлеба горбушку сжимает в руках.

*Рано, ровесники, мы повзрослели,
Выпала нам непростая судьба.
Это неправда, что мы не успели
На испытанье проверить себя («Моё поколение»);*

*Стояла Родина, как кремь,
Мужала в яростном огне.
Я вспоминаю это время –
И нету горечи во мне.*

*Любое выиграем дело.
И зацветёт в знамёнах Май,
Пока на всех Отчизна делит
Беду, Победу, Каравай! («Хлеб Победы»);*

*Мы в ответе за всё:
За священные наши границы,
За своих сыновей
И за гордую память отцов! («Баллада об отце»);
Нам больше не выпадет доли другой,
Так крепче за эту держись.
Кукует кукушка за Поньгой-рекой,
И так продолжается жизнь
(«Кукует кукушка за Поньгой-рекой...»).*

И, конечно, безразличны для Евгения Токарева вечные для всех поэтов мучительные и счастливые терзания о том, как и почему рождаются стихи, какую ответственность накладывает поэтический дар, каково назначение поэта:

*Я стихи собираю, как ягоды,
По болотам и на бору.
Я стихи собираю, как яхонты,
Просто яркие не беру. <...>
А вы знаете этому цену –
Сердце миловать и казнить? («Я стихи собираю»);*

*И где оно таится,
Вдохновенье?..
Над лесом шла весёлая гроза,
Я нёс домой строку стихотворенья
И небом просветлённые глаза. <...>*

*И в миг единый падают оковы,
И наступает страдная пора,
Когда в мученьях найденное слово
Вот-вот сорвётся с кончика пера («И где оно таится...»);*

*Но приходит судный час расплаты,
И когда в душе всё сожжено,
Добываем из самой утраты,
Из осколков истины зерно.*

*Родились мы явно не в рубашках,
Всё прошло – веселье и страда.
И на сердце след глубокой вспашки –
Свежая, как рана, борозда («Поэты»).*

Источником вдохновения, поводом для оптимизма и гордости для поэта была неизменно Родина, Россия, Русь, в чём он то трепетно, то патетично признаётся в своих стихах:

*Хорошо, ладони обжигая,
У ракиит напиться из ручья,
«Я другой такой страны не знаю»,
А вот эта – Родина моя («В сентябре белесыми утрами...»);
О, как он нам дорог,
Кого не спроси –
Багряный, рябиновый
Цвет на Руси! («Рябины, рябины...»);*

*И такой российской, непонятой,
Вечно неразгаданной тоской!.. («Про ворону»);*

*Это всё – отеческая родина,
Это всё – души нетленный свет
(«Здесь мне петь, смеяться и печалиться...»);*

*Сызмальства народную
Впитываю речь.
Как Отчизну-родину
В сердце не беречь! («В небе к Млечной роздыми...»);*

*И попасть в такие передраги,
Эх, Россия, голубая высь!..
Но опять склоняюсь над бумагой,
Потому что за окошком жизнь
(«И попасть в такие передраги...»).*

Галина Рудакова «Цветок лазоревый»

В авторском предисловии к стихотворному сборнику Галины Рудаковой «Цветок лазоревый» (Сыктывкар, 2011) раскрывается символика его названия: лазоревый цветок дает силы тому, кто к нему прикоснётся, взглянет на него – это предание, а для поэтессы лазоревый цветок – это малая родина: *Прошлое... словно неведомо когда слышанный, озорной ли, грустный перебор то гармошки, то балалайки, долетевший сквозь сон неведомо откуда... Лазоревый цветок, дающий душе силы...*

А вот из стихотворения «Осенняя песня»:

*О родине, да всё о ней,
Что в счастье, в горе ли –
На берегу, среди камней –
Цветок лазоревый.*

О родине – дорогой, близкой малой родине – трепетно и проникновенно пишет поэтесса:

*О родине печаль неутолима...
Опять иду, волнением томима,
Искать слова – то в поле, то к реке,
За стаей птиц, что ветрами гонима,
И слово, словно посох пилигрима,
Сжимаю зачарованно в руке...
(«О родине печаль неутолима...»).*

Здесь важный образ – *искать слова*: услышать, почувствовать, отразить, сохранить заветное слово – назначение поэзии. А первая строка стихотворения? Почему неутолима печаль о родине? Как же не печалиться: *Исчезают деревни в России, / Словно птицы, убитые влёт* («Дорога к заречной деревне»); как не воскликнуть в отчаянии:

*Для кого же теперь
эта синь, эта даль колокольная?
Лишь метель-плачя
здесь зимой запекает окрест
(«По осенней поре навещаю места эти дивные...»).*

В первом разделе сборника, названном «В сердечном помине», лирическая героиня совершает путешествие на малую родину, но это путешествие не только в пространстве, но и во времени – *в сердечном помине* возвращается пора детства, юности, воскрешаются родные, близкие люди:

*Зимнее поле... сухие былинки...
Месяца льдинка в небесном протае...
Словно бы кто-то окликнет:
– Галинка!..
Поле да ветер от края до края...
(«Зимнее поле... сухие былинки...»);*

*Замуравела к деревне тропинка,
Изгородь рухнула, да и не диво...
Детство моё, с деревенской простинкой,
Смотрится в быстрые воды разлива
(«Замуравела к деревне тропинка...»);*

*На мучнике пылится ржавый серп,
Да ждёт в избе печаль – души привада,
Заставив в этих стенах вспомнить всех,
Кто там, в бору, за голубой оградой...
(«Последний дом в ряду домов пустых...»).*

Это путешествие неизменно рождает печаль, но печаль светлую, не убивающую надежду:

*И непонятно, от дыма ли плачешь,
Или от горечи невыносимой?
Верить хотелось бы: будет иначе.
Выживем. Выстоим. Вместе с Россией
(«К ночи закат разгорается ало...»).*

И всё-таки: *Что же надёжнее отчего крова? / Лишь ощущение любви и родства* («Я уезжаю и я остаюсь...»).

Второй раздел книги – «Слов родных золотая вязь» – тоже о родине, об истоках духовных, о слове заветном:

*Что-то скажется, что-то спросится...
В нашей северной стороне
Слово каждое в песню просится
И ложится на душу мне
(«Что-то скажется, что-то спросится...»);*

*Сколько радости – сердца не хватает!
Сколько боли – её не унять!.. –
Словно выйдет из горницы матери,
Чтобы дочку утешить, обнять...
(«В алых бликах зари-заряницы»).*

Именно в этом разделе можно обнаружить стихотворения, в которых нашли адекватное отражение фольклорные традиции, в которых органично звучит живое народное слово:

*Ты играй, моя гармошка,
У деревни на виду!
Подожди, недоворошка,
Провожать тебя пойду!* («Песня для гармошки»);

*Скроет солнце небесная застень
И прохладой меня одарит,
Будут долго в озёрах плескаться*

Золотые досветки зари...

(«Не устанешь – и отдых не в радость...») –

пожалуй, без словаря не обойтись, неслучайно поэтесса помещает в конец книги небольшой словарик – пояснения к стихам: *недворошка* – недотрога, *застель* – облака (застит солнце).

Стихи о весне и любви составляют третий раздел книги, назван он «Время светлой светлыни» – лучше весну – пробуждение жизни, пробуждение чувств – и не охарактеризовать:

Будут годы лететь,

а река не застынет...

Ведь оно навсегда поселилось во мне –

Время талой воды...

время светлой светлыни...

Отражённое солнце

в речной глубине («Время талой воды»).

Для поэтессы, рождённой в апреле, это время – самое любимое, самое продуктивное:

Как славно на свет появиться весной,

характер её перенять ветляной!

Ручьи выпевают и ветер поёт

весеннее, звонкое имя твоё! («Мой апрель»).

Есть в этом разделе стихи, посвящённые зиме, осени, но и они будто о весне и любви:

Побредут занесёнными стёжками.

И затопятся печи в домах.

Заиграет деревня окошками

И зарёй расцветёт на холмах!

(«Ветер днём ещё начал высвистывать...»);

Пусть расставанье дольше тянется!

Подружка Осень, не спеши!

Пускай твоё вершится таинство

В глубинах леса и души!

(«Уплыть на остров в лодке утлой...»).

Ну а где про любовь, там прямо и просто – про любовь:

О любимом – простом и вечном

Лёгкой дымкой кружат слова

(«Я ищу ключевую строчку...»);

Туман, как хмельное вино,

В душе моей,

в жилах клубится.

А мне бы – на самое дно,

*В объятья твои
провалиться!* («Туман»).

Есть у этой книги ещё одно предисловие, его автор – поэт, филолог, философ Юрий Линник, заканчивается оно так: *Галина Рудакова – русская крестьянка. И большой русский поэт. Она не любит идиллий и буколик – в её стихах много горькой правды. Но много и света! Он бьёт из двух источников: это сказочное прошлое – и это чаемое будущее. Оно есть у России. В этом меня убеждает поэзия Галины Рудаковой.*

Василий Матонин «Спиной к прошлому»

Вот книга Василия Матонина «Спиной к прошлому» (Архангельск, 2019): стихи, рассказы, афоризмы. Интересно, из какого произведения взята строчка, образ для заглавия. Листаю, нахожу – стихотворение: «Я повернулся к прошлому спиной...». Завершается оно строкой: *Всего себя грядущему отдам.* Вот оно главное – противопоставление прошлого и грядущего.

Прошлое не отпускает, *из памяти, из прошлого, из снов* всплывают образы, ощущения, размышления, прошлое отзывается эхом *из тьмы годов.* Но *нет возвращенья, и прошлого нет,* поскольку *былое былём поросло.* Всё-таки *и в безлюдном просторе слышу прошлого гул; прошлое пахнет дымком сигаретным.*

Лирический герой предвкушает: *Ах, какая будет встреча в прошлом, в памяти, в душе!* И вот последнее стихотворение поэтического раздела книги: *Грядущее в сумерках тонет, а прошлое поздно менять.* И тут же – *грядущее с прошлым сроднились.*

К слову, подборка стихов озаглавлена «Осень осталась», это отсюда: *Птицы на юг улетели, а осень осталась,* и здесь же: *Осень – не время и, может быть, даже не место.* Ещё есть парадоксальное откровение: *Что ни день у меня – то осень, / Что ни полдень – то ночь глухая.*

Афоризмы, наблюдения помещены под ироничным заголовком-вопросом «Год не пролетал?» Все они в таком духе – с лёгкой улыбкой, усмешкой, порой ухмылкой. Так и видишь ироничный прищур глаз автора. Шесть разделов, посмотрим, как живут в них ключевые слова-понятия: *прошлое, грядущее.*

Вот раздел «Экономика» – почти универсальный: *Прошлое – слабое, трудности временные, будущее – светлое.* Раздел «Он и она» предполагает антитезу, и вот, пожалуйста: *Он состоит из прошлого, она – из будущего.* Дальше «Личность», и тут сошлись прошлое и будущее: *Будущий праздник начинается в прошлом.* Раздел «Жизненный путь», здесь, как говорится, сам Бог велел, действительно, раздел открывается фразой: *Мудрость смотрит в будущее, а справедливость – в прошлое,* а потом: *Новая жизнь примиряет с прошлым.* Ещё есть диалоги, реплики.

Впечатлили: – Талант приносит доходы? – Уменьшает расходы;
Насколько человеку достаточно сложно!

Завершают книгу рассказы из жизни под заголовком «Хотите знать правду?». Уж не подразумевается ли ответ: «Лучше её не знать»? Рассказы, конечно, о прошлом: о детстве, об армии, о Соловках. Люди, случаи, парадоксы... Трудно повернуться спиной к прошлому.

В аннотации к сборнику читаем: *Публикуемые тексты объединяет размышление автора о тайне и красоте человеческого бытия.* Вот оно о чём! Ну и стихотворную цитату напоследок: *А жизнь текла и до сих пор течёт. / Куда меня течением влечёт?*

Татьяна Полежаева «Избранное»

Когда-то меня буквально ошеломило своим солнечным оптимизмом вот это стихотворение Татьяны Полежаевой:

*Божество моё, зимнее солнце,
просыпаешься ты не спеша,
но лишь краешек на горизонте –
и моя оживает душа,
легче дышится, звонче смеётся,
воскресают у сердца мечты,
божество моё, зимнее солнце,
я бы вымерзла, если б не ты!!!*

И потому в сборнике поэтессы «Избранное» (Архангельск, 2010) я больше обращал внимание именно на солнечные стихи. Действительно, солнце, солнышко – её излюбленный образ.

В её стихах *вечернее солнце играет / в тон жарко зажжённых свечей...* («Вечернее солнце»); *...садится / Солнышко, плавясь в закат...* («Дочери»);

*Паутина
виснет ловко у окна –
ловит солнце в свои сети,
даже ёлка и сосна
в бликах солнечных отметин* («Пейзажи старого двора»);

*Касается солнце угора,
стекает по склону жара...* («Лобаниха»).

Вот поэтический образ рассвета:

*Над северным городом
солнце взлетело
так огненно,
что запылали снега* («В городе ледяном»);

а вот заката:

Чем меньше дорогих

*и близких рядом
и чем безлюдней
одинокий дом,
тем невозможней
оторваться взглядом
от тающего солнца за окном («Закат»).*

К солнышку обращается лирическая героиня, повторяя народные заклинания:

*Солнышко-солнышко,
Золотое донышко,
Приходи-ко, солнышко,
Загляни в оконышко («Утренняя припевка»).*

Солнце становится героем метафор-олицетворений поэтессы: *Ур-нив солнце-голову в плечи, / скрылся день в придорожном лесу («У окна»); О, счастливая влюблённость / в принца лета – солнцепёк («Сенокос»);* солнце она наделяет «сладким» эпитетом:

*Завариваю чай, тихонько пью,
с улыбкою слежу, как сквозь оконце
течёт медово-утреннее солнце
и в чашку чая капает мою («Март») –*

в этом же стихотворении появится выразительное сочетание *сол-нечная сладость*.

Вкусное в поэтическом контексте легко соотносится с солнечным: – *Морошка! / Солнцу ягода сродни («Морошка»); ...«зарифмую» солнце прямо в блюдо, / на стол поставлю – пирогу сродни / оранжевое пышное светило... («К дочери»).*

С солнцем сверяет поэтесса то, что особенно дорого: *Мамин двор, как на открытке, / в солнце весь – любимый мой! («Двор детства»);* на солнце ориентирует она свое душевное состояние: *Привести к одной системе / сердце солнца и свое («Дорога»);* солнечные черты находит она в понравившемся ей человеке:

*На дне печальных ваших глаз
таятся солнечные блики,
оттенки их так многолики,
что трудно не влюбиться в вас («Попутчик»).*

С солнцем связывает поэтесса свои излюбленные сравнения, выраженные формой творительного падежа: *...солнышко горошком золотится («Искусство кройки и шитья»);* а эта часть стихотворения полностью строится на таких сравнениях:

*Рук травую, шёлком кожи,
солнцем жарким живота,
зноем предлюбовной дрожи,
алостью цветущей рта,
радостью речей обманных*

*(всё стократно повторим!)
я ждала тебя, желанный,
много долгих лет и зим («Пресветлое утро»).*

Примеров таких выразительных и ёмких сравнений в поэзии Татьяны Полежаевой можно привести множество: *Город наш замер / игрушкою гжели: / белые крыши, синие ели...* («Предчувствие Рождества»); *Волчицею воеет / за окнами ночь, / тоскливо бродя / за домами...* («Расставание»);

*Миг тепла – и слёзно потекла
всей щекой по синей вертикали
зимнего замёрзшего стекла
призраком оттаявшей печали («В затканное инеем окно...»);*

*Не может быть! И всё-таки случилось:
попала я в страну чудес,
где разлита в природе Божья милость
цветеньем трав и синевой небес («Каменная гора»);*

*За каждым поворотом – тишина
столетней онемевшей вдовую
хранит, не зная устали и сна,
следы жилья, заросшего травой («Заброшенная деревня»);*

Ночь расцвела пионом утра («К Н...»); ...и гостьей на крыле свечи / нежданной вспыхнула любовь... («Наш дом»); Вечная любовь / летала птицей / между колоколен («Лето»); Чтоб камнем вниз, да не разбиться, / брусничкой не разбрызгать кровь?! («Забавы?»); Гори, масленица! / гори чучелом. / Уходи зима – / Ты измучила («Масленица»); ...а у поэта на листе / печатью – слово («Поэт»); ...ночуя клевером в стогу... («Крымский берег»);

*И пусть летит под небесами
бесстрашно старенький вагон,
его мы раскачали сами –
звездой маячит в небе он («13-й вагон»).*

А ещё поэты любят создавать свои незаёмные слова, несколько таких окказионализмов можно обнаружить в сборнике Татьяны Полежаевой: *птицепенье, алогубо, полночно, телеозеро, праЕва*. Вот примеры их функционирования в тексте: *Утро распахнуло / дверь балкона / **птицепеньем**, / ветром, / ливнем света («Утро»); ...обрести тончайшие черты, / улыбаясь ночи **алогубо** («В затканное инеем окно...»); ...возвращаясь **полночно** домой («Осенний букет»); *Время страшное катастроф / С **телеозером** лебединым...* («Август») – в стихах упоминается августовский путч 1991 года, когда по телевидению непрерывно транслировали балет «Лебединое озеро»; *...не соблазнусь **праЕвой****

всue... («Уроки живописи»). А вот это окказиональное прилагательное – *древнерождённый / солнечный алмаз* («Алмаз») – опять же совмещается у поэтессы с солнечным образом, а как иначе – поэзия её очень солнечная.

Илья Иконников «Стойкости пример – бери с травы»

Строка, давшая название поэтическому сборнику Ильи Иконникова «Стойкости пример – бери с травы» (Онега, 2007), взята из стихотворения, начинающегося таким четверостишием:

*Утренником битая трава,
Сделавшись тяжёлой и ненужной,
Гибнет... Но в рассветности остуженой
Часть её останется жива.*

Этот образ переносится на людей:

*Нынче мы и сами – как она:
Стужены, прорежены, согнуты...
Но не сомневайся ни минуты –
Будем живы! Впереди – весна!..*

В этой уверенности – основной пафос поэзии Ильи Иконникова, который убеждён, что Россия сумеет одолеть все невзгоды и тяготы, выпавшие на её долю.

Пейзажная лирика преобладает в сборнике, но в этих пейзажах в метафорической форме отражена гражданская позиция поэта:

*Пусть дотлевают солнца головёшка,
А я – о лете снова пропою!
(«Сгорает солнце на краю земли...»);*

*Топчем, губим тела и души.
Лишь зверя от году год,
И – совсем не умеем слушать
Колокольную тишь болот!..
(«Мхи болотные забывают...»).*

Лирическому герою стихов И. Иконникова дорога неброская северная природа, будь то кустик скромной земляники:

*Средь травы зажжётся, невеликий,
Искоркой – не всякому найти –
«Стоп-сигнал» поспевшей земляники! –
Я всегда сверну к нему с пути!
(«Средь травы зажжётся, невеликий...»);*

или яркие маяки иван-чая:

*Розовые стрелы иван-чая –
Их не скроет буйство спелых трав,*

*Яркими соцветьями качая,
Полыхают, жар лучей вбирая,
Нежный пух по тропкам раскидав
(«Розовые стрелы иван-чая...»);*

или первый гриб:

*Желанный день и долгожданный час,
В который, каждым летом – первый раз,
Насилу подавив восторга хрип,
Срезаешь самый-самый первый гриб! («День грибника»).*

С природными явлениями поэт сопоставляет человеческие душевные состояния: *И наше счастье так же зыбко, / В лучах побед – начало бед...* («Сиреневые пали тени...»); *Природа не знает печали, / Печаль – только с нами, мой друг* («Горошины града упали...»);

*В ясном воздухе пахнет весной.
Солнца свет – на щеках и ресницах.
Вот бы кочкою стать, иль сосной,
Чтобы с миром в гармонии слиться!
(«Догорает рыбацкий костер...»);
Пусть ещё впереди – целой жизни горячее лето,
Только юности цвет никогда уж назад не вернуть.
И причину тоски назовёт нам июнь по секрету:
От него с каждым годом – короче до осени путь...
(«Как непросто понять, отчего, на пороге июля...»).*

Поэта тревожит, что

*Всё больше дикой пустоши меж нами,
Где по лугам и просекам – кусты,
И ветхие, под буйными ветрами,
ложатся наземь, вместе с проводами,
(А чаще – уж без них) столбы – кресты
(«Руины храмов, остовы часовен...»);*

что

*Год, другой – и уже не потянутся
К небесам - русских печек дымы,
И едва ль нашим внукам достанутся
Опустевшие эти холмы
(«Полнозвёздное небо крещенское...»).*

Он взывает с мольбой к воспетому Николаем Рубцовым образ-символу: *Защити, спаси, звезда полей, / Маленькие русские селенья!..* («Рыжая, до пояса, трава...»).

Илья Иконников – поэт-авиатор, на своем верном самолёте-труженике Ан-2 он облетел немало северных деревень, полярных посёлков, они неизменно дороги его сердцу, о их судьбе болит его душа:

Что усталость полёта дальнего,

*Коль награда так велика:
Вот он, край моего бескрайнего,
Обжитого материка!..
(«Впереди, меж торосов скученных...»);*

*Снова плывут под крылом моей «Аннушки»
Домики в редких огнях фонарей,
Там, где хозяйки ещё – «голубанушки» –
Скажут, встречая гостей у дверей
(«Маленький город, где тучами серыми...»).*

Завершает сборник стихотворение, эпиграфом к которому предпослана народная примета: «В феврале цыган шубу продаёт», в нём вновь мы ощущаем уверенность поэта в том, что, как бы ни злилась зима – природная ли, социальная ли, эмоциональная ли – ей обязательно придёт конец: *В душе своей – отмечу праздник солнца, / Весне устрою в сердце торжество!* («...И выше крыш взвиваясь, вихрь несётся...»).

Елена Сойни «Ночная северная птица»

Образ, давший название поэтической книге Елены Сойни «Ночная северная птица» (Петрозаводск, 2012), раскрывается в стихотворении поэтессы «Старая легенда»:

*Ночная северная птица,
ну отчего тебе не спится? –
Гудящих мошек вереницы
затмили луг.*

Эта самая птица стремится к стадам страдающим на помощь, / как старый друг, что, однако, добавляет беспокойства пастуху:

*И пусть пастух сердитый злится.
Взлетай, моя ночная птица,
тебе оплатится сторицей
из Божьих рук.*

Назначение поэзии подобно призванию ночной северной птицы из старой легенды – вопреки всему стремиться прийти на помощь страждущим.

Образ птиц – белых, северных – представлен и в стихотворении-арии из рок-оперы «Бьярмия»:

*Как похожи вы, белые птицы
с самых разных земных берегов.
Здесь во льдах, среди вечных снегов,
что заставило вас приютиться? («Белые птицы»).*

Этот образ неразрывно связан с одухотворённым образом Севера:
В разных стаях отправятся снова

*к берегам отдалённых морей.
Солнцем сдержанным,
солнцем суровым
напоследок их, Север, согрей.*

Образ Севера – один из главных и, пожалуй, самый притягательный, самый проникновенный в сборнике, вот лишь некоторые цитаты:

*Да, одиноки,
но не сиротливы
на Севере часовни и дома,
и люди здесь добры, не суетливы,
ни сил не занимать им, ни ума <...>
Не смыть снегами северные краски,
как несмываем северный загар («На Севере»);*

*...поверить в совершенство мира
под светом северной звезды,
когда над вечностью и мигом
пророчество звучит
– воды
 («В камин подброшены поленья...»);*

*Рисунок северного камня –
автограф древнего огня, –
невероятность предрекая,
зовёт на исповедь меня («Рисунок северного камня...»);*

*Я живу
у онежских метелей в плену,
у полуденной северной ночи («Не забудь меня, солнце...»);*

*Далеко не надо ездить
Ни на запад, ни на юг –
в нашем северном предместье
обретётся дом и друг («Километры, километры...»).*

Природа Севера вдохновляет, воодушевляет лирическую героиню: *Счастливей невозможно быть, / владея этой красотой... («Снега»); И я иду среди ложбин и горок, / дышу, люблю и проживу сто лет! («Пройти ещё немного по траве...»).*

История Севера, где *не было / ни крепостного права, / ни войск Орды («На Севере»)*, где звучал свободный колокол Новгородского вече, является залогом будущего России:

*И от грядущего разора и разврата,
описывать который не берусь,*

*храните, братцы, Северную Русь,
начните заново, ребята* («Новгородскому вече»).

Лирическая героиня поэтессы убеждена: *Россия держится провинцией / и русской женщиной лобой* («Не отвергай...»), её очень волнует судьба родной страны, с которой она неразрывно связывает и свою судьбу:

*Услышана твоя молитва, Русь,
и на равнинах поутихло пекло,
и на руинах, возродясь из пепла,
ты поднялась.*

Я тоже поднимусь...

(«Услышана твоя молитва, Русь...»);

...мне песен не петь там, / где Русью не пахнет («На рынок, на экспорт...»).

Её тревожит, что уезжают русские красавицы, учёные, художники – лучшие в мире, *И только русские чиновники / никуда не уезжают – / их могут терпеть только в России* («Уезжают русские красавицы...»), что Русь, названная Гоголем птицей-тройкой, Россия, названная эмигрантами кораблём, СССР, названный коммунистами космическим кораблём, умчались, уплыли, улетели, *Как же назвать оставленную землю, / чтобы она не потеряла себя?* («Гоголь назвал Русь птицей-тройкой...»), что

*Стареет род, хворает поводырь,
за портом порт сдаётся,
град за градом,
богатыри уходят в монастырь...
Не надо на Руси детей! Не надо
(«Ещё один закрытый детский сад...»).*

Но есть в России поэты, значит, не всё потеряно: *Пророков нет в отечестве своём, / но есть в своём отечестве поэты* («Мы втянуты в нелепую игру...»), но был у России Пушкин, и это навсегда: *Где Пушкин – там всегда дуэль / за Русь, / за женщину / и слово* («На двухсотлетие А.С. Пушкина»).

Россия, Родина для лирической героини – это, прежде всего, её родные близкие люди – бабушка, мама, дочь. О них стихи в разделе с показательным названием «Мой ангел».

Вот бабушка Ильинична, которая всегда носила чёрный платок:

*Откуда знать мне –
шестерых парней
домой, на берег Северной Двины,
не дождалась Ильинична с войны* («Ильинична»).

Несколько пронзительных стихотворений посвящены маме:

*И замечала я не раз:
увиджу если ранним утром
улыбку материнских глаз,
день будет светлым, будет мудрым («Маме»);*

*Это не долг, это что-то ещё,
невыразимое вовсе словами,
это самое чистое и единственное в нас
чувство,
которое мы испытываем к маме
(«Я исполнительница воли твоей...»).*

И ещё ряд стихотворений, впрочем, и вся книга, что ясно из посвящения, адресованы дочери, приведём целиком одно, короткое, завершающее раздел «Мой ангел», в нём – ни много, ни мало – о вечном, непреходящем, о смысле жизни:

*Когда Господь отодвигает сроки,
и от ребёнка получаешь весть,
дым над трубой прозрачный и высокий,
я понимаю, –
смысл у жизни есть.*

Есть в сборнике раздел, озаглавленный «Воздушный твой замок», начинается он таким коротким стихотворением:

*В борьбе женщины с временем
побеждает время.*

*В борьбе времени с любовью
побеждает любовь.*

И, конечно же, в нём идет речь о любви и о времени тоже:

*Мы знали –
время бессердечно,
и мир в бездушии велик.
Но мы любили,
что тут вечность,
когда у нас был этот миг («Мы знали...»).*

А вот и образ, давший название разделу:

*Я согрета твоею
совсем безнадежной
любовью,
и воздушный твой замок –
мой самый надёжный приют («Я не верю тебе...»).*

В книге Елены Сойни «Ночная северная птица» представлены и её переводы из поэзии Финляндии, Великобритании, Китая. В качестве примера пусть будет это – Ларса Хульдена:

*Утренний рассвет пробирается ко мне
ощупью,
опускается на край моей кровати,
ничего не говорит,
лишь смотрит на меня
серьёзными глазами. И я понимаю:
дни важны,
дни коротки,
мало дней.*

И ещё – эта книжка замечательно издана, её – крохотную, уютную – очень приятно держать в руках: твёрдая обложка, надёжный переплёт, малый формат (а именно 60x84 1/32), отличное оформление.

Владимир Ноговицын «Сиреневый снегопад»

Поэтическая книга Владимира Ноговицына «Сиреневый снегопад» (Москва, 2019) начинается с вроде бы неутешительного:

*Гнёт лет,
Когда
Притягивает
К земле
Немилосердный
Возраст («Гнёт лет»).*

И потом вновь и вновь упоминаются немилосердные годы: *Ломают годы / Людские судьбы («Гнёт лет»); ...А годы, словно люди, уходили / С усердием спортсмена-скорохода («Ловитель снов»); Торопясь, проходит жизнь. / Просто так, легко, бесстрашно («Отъезд»).*

Однако всё-таки уже первое стихотворение заканчивается оптимистически: *...Январским утром / Впускаю радость / в фрамуги прорезь, / в уют квартирный («Гнёт лет»)*, и сразу же этот светлый образ подхватывает следующее поэтическое произведение с показательным названием «Радость» – это лирическое путешествие в прошлое, когда *Было всё до привычного просто, / Но как будто бы было вчера («Радость»)*. И вот уже появляются такие жизнеутверждающие строки: *И на счастье запретов нет, / не существует ограничений / для чувства («Начало»); Смерти, и вправду, нет, / Вдруг для себя открою («Привычка жить»).*

Поэтичное название сборника в целом – «Сиреневый снегопад», не менее поэтичные названия разделов: «Замочная скважина Вселенной», «Всё, что вблизи», «Тонкие линии судьбы» – раскрывают перед читателями особенный образный мир поэта. Вот центральный образ – ливень спровоцировал тот самый сиреневый снегопад:

*То сиреневым
Снегопадом
Пересыпало
Щедро почву –
В середине
Знойного лета...*

Цвет сирени ассоциируется у лирического героя с *Цветом / Старой и новой / Надежды* («Сиреневый снегопад»).

Любимая стихотворная форма поэта – короткие строки, равные словам, рубленный ритм, за которым открывается перспектива смыслов: созерцание, размышление, поэтическое озарение. Вот «Притяжение»: *Смотрю / в окно, / а окно / глядит / на меня / во все / удивлённые / глазщи.* Вот «Любовь к звёздам»: *Люблю / звёзды! / Не люблю / Звездопада.* Или «Тёплое солнце» целиком:

*Осеннее
тёплое
солнце
просвечивает
сквозь
занавесь
листвы,
оставляя
на ней
следы –
подпалины,
похожие
на ожоги.*

И таких поэтических откровений много, они представляют особую ценность. Обращают на себя внимание яркие оригинальные образы: *Вместе с вечером мир добреет* («Вечерет»); *Там дерзкий август / Сыплет ночами звёзды, / Словно большую радость* («Прощание с летом»); *Золотые яблоки зябли, / В планетарность свою / Поверив* («Когда падают яблоки»); *Мысли завывают, как собаки / На Луну, которая далёко* («Уходит лето»);

*...А всё-таки хочется быть,
Как с прошлым вступить в поединок.
И взглядом счастливым ловить
Летящие стаи снежинок
(«Настойчивым выюгам кружить...»).*

В третьем разделе сборника помещены переводы с украинского, с польского, с английского, с белорусского, с болгарского. Книга оформлена замечательными фотографиями самого Владимира Ногови-

цына, который счастливо совмещает таланты разглядеть, почувствовать прекрасное, а потом воплотить его и с помощью фотообъектива, и посредством поэтических строк.

Ирина Кемакова «Книга осени»

Поэтический сборник Ирины Кемаковой «Книга осени» (Архангельск, 2020) открывается предисловием «От редактора», не совсем обычным предисловием, поскольку оно представляет собой частное письмо автору, казалось бы, не предназначенное для публичного воспроизведения. В этом письме петербургский поэт, журналист Сергей Чинаров настоятельно советует, буквально требует не помещать в сборнике старые стихи, потому что новые стихи – *это совершенно иной уровень поэзии, чем раньше* и не надо смешивать старые и новые. Он же предлагает начать с конца, а именно со стихотворения «Подсказка Бога», чередовать деревенскую тему и лирику. Таким образом перед читателями приоткрывается творческая кухня, сразу же объясняется, почему сделано так, а не иначе. Можно по-разному толковать это предисловие, но что опубликовано, то опубликовано.

Итак, по мнению редактора, главное стихотворение в этом сборнике – «Подсказка Бога». Что в нём? От горького признания лирической героини: «Я же всю жизнь не знала, куда идти...» до уверенного осознания главного благодаря чуть слышному шёпоту милосердного Бога:

Слово одно смогла разобрать: «любовь» –

После ответы сами пришли ко мне.

И потом, действительно, перемежается деревенская тема и любовная лирика.

Вот старуха Иринья из стихотворения «По привычке» грустит о том, *что жизнь летит, как птица*, сушит она на заборе осенью добро из сундуков: шубы, жакетки, отрезы, перины, для кого, неведомо, – так, по привычке.

Пустеет деревня, уходит в небытие старый деревенский уклад, *на дугах разнотравных пустынно:*

Коростель будет голосом сильным служить панихиду –

Неизбывную горечь по жизни крестьянской простой

(«Не скрипи, коростель»).

Имена родных и близких людей живут в микропонимах, в них воплощается благодарная память земляков: Валентинина тропа, Ивановский прокос:

Баба Валя, деда Ваня...

Не в архивных письменах –

В метких памятных названьях

Оживают имена («Имена»).

Органично вплетены в поэтические строчки словечки народные, родные, отражается в них менталитет народный, корневой: *мутовки, прясло, кошель, ручьевина, веретье, заворчик, скибка*. Вот лишь некоторые примеры:

*Едва морозцем схватит грязь,
Мутовки елей небо вздынут* («Осенняя печаль»);

*Осветив околичное прясло,
Вот звезда с шипением погасла
В глубине колодца во дворе* («Звёздное стаккато»);

*Дурманит запах палого листа,
Уставшего сухую ручьевину* («Осенняя тропка»).

Сборник неслучайно называется «Книга осени», в нём большинство стихотворений посвящены именно этому времени года, пронизаны они печалью осенней – светлой, лёгкой, прозрачной, пьянящей, все эти эпитеты представлены в стихах, так и озаглавленных «Осенняя печаль». В заглавном стихотворении «Книга осени» тоже о печали: *Пью вздох печалью осеннего листа; За порог печаль плеснёшь, как муть со дна*. Лирическая героиня взывает: *Слушай, осень, ты не мучай, отпусти!*

Однако осень может подарить и счастье:

*И живёт в моей душе божья милость –
Этой осени короткое счастье* («Короткое счастье»);

*И никто в этот год високосный –
Нашу осень с тобой в этот год високосный –
Не отнимет* («Карантин для души»).

Осеннюю хандру развеивает свет земной доброты:

*И хандра исчезнет незаметно.
Земляков сердечная, святая
Доброта наполнит душу светом –
Мне его и в хмурый день хватает* («Свет земной»).

Преодолев осень, глухозимье, всё равно придёт весна, *Не таясь, / мощным, ровным током / С высоты на землю польётся жизнь* («Глухозимье»); *Хоть век проживи, а весна настанет – / Мечтается, верится, ждётся* («Мартовское»); *Всюду жизнь – в такие дни особо / В бесконечность верится её* («Апрельское»).

Вспомним, что главное для лирической героини – Любовь:

*Это чудо – полюбить – мне Бог дал,
Как огонь среди промозглой ночи* («Отзвук чуда»).

Однако не всё так просто с любовью:

*Тот, кого не люблю, всё никак от меня не уходит.
Тот, кого не забуду никак, никогда не придёт
(«Вроде всё, как у всех»).*

Но всё-таки:

*Следом за бедой приходит счастье
К тем, кто сильный. Кто умеет ждать* («Простая мечта»).

И ещё одна цитата об этом, хотя и не совсем: *Темень вокруг...
А иным удаётся / Вырастить солнце в себе* («Вырастить солнце»).

Николай Окулов «Встреча»

*Как не писать стихи на Мезени, где, почитай, каждый поэт и где
всё дышит этой поэзией,* – пишет Александр Антипин в предисловии к первой книге стихов своего коллеги и земляка Николая Окулова «Встреча» (Мезень, 2007). У книги знаковое название: встреча – это и знакомство, и приветствие, и воспоминания о чём-то дорогом, и нечаянная радость, о негативном смысле слова думать не хочется.

В самом сборнике это слово встречается дважды: в стихотворении «Гора Любви», посвящённом сверстникам-землякам из родной деревни поэта Сафоново, вспоминает лирический герой о встречах молодёжи за деревней на горе, которую не случайно нарекли Горой Любви:

*Годы жизни быстротечны,
Словно спутника огни.
Не вернуть уже те встречи,
Те счастливейшие дни.*

Одно из стихотворений так и называется «Встреча в пути», и рассказывает оно об одной памятной встрече поэта *в дальнем месте от родины* с бабушкой-землячкой, у которой *Льётся речь, словно песня ладина, / Как чистейший звучит родничок,* и позабыл он, что *автобус не свой, а чужой,* но сердце кровью обливается от бабушкиных горьких речей: *Уж и не знаю, / Буду ль нет на родной стороне...*

Разве возможно оторваться от родины, быть вдали от неё? Нет, для лирического героя Николая Окулова это совершенно немислимо. Открывается сборник стихотворением «Моя Родина», которое как раз об этом:

*Есть края другие. Может, баще
И, уж точно, много теплей.
Но туда и силой не затащишь
Многих наших северных людей*

– как тут на месте северное словечко *баще*, разве можно сказать иначе, *красивей, лучше*, например, нет – всё не то. *И чем дальше, чем глубже иду, / Тем любее мне Родины краски!* («Тихо бабушка песню поёт...»). Родина в стихах поэта неизменно с прописной буквы.

Дорого поэту *Всё, что раньше звали Русью*, тоскует он по Руси забытой, именно так называется стихотворение о традиционном деревенском укладе жизни «Русь забытая»: *Здесь тихи и плавны речи, / Вздох*

печален и натужен. Здесь всё, до тропки самой узкой, / Желанно сердцу моему! («Здесь речка быстрая струится...»).

Ведь хорошо в деревне и детям, и старикам:

*Хорошо у деда с бабой,
Жаль, что лето не всегда.
Превратить в деревни надо б
Все большие города* («В деревне»)

– вот это максимализм, вот это декларация!

*Хорошо с мороза, с воли
Выпить чаю, покурить
И с хозяином о доле
Деревенской говорить...
(«Мчит лошадка по дороге...»).*

Изумительные картинки деревенской жизни встанут перед нами, когда читаешь книгу Н. Окулова: *У колодца всегда разговористо, / Коли встретятся жёночки две* («У колодца»). Поэт поет гимн русской печи, *печке-матушке, печке-душечке*, без которой немислим деревенский дом («Русская печь»); прославляет русский лес, который называет не иначе, как *мой храм, мое спасенье* («Русский лес»); воспеваает деревенскую обувь – валенки:

*Мёрзнут модницы-форсуньи
В иностранных сапогах,
У меня же валеночки,
Словно печки, на ногах* («Валеночки-катанки»);

*Давно уж я не маленький,
Но мне бывает жаль,
Что нет такого валенка,
Куда бы я влезал...* («Отцовы валенки»).

Однако чаще всего *Нет рядом детушек – все «городошники»* («Выйдешь на улицу стужа кромешная...»). Горька доля деревенских стариков, доживающих свой век вместе с родной деревней: *Ещё не мертвы, и не живы уж вроде* («Поверила старая бабушка Вера...»).

Какие пронзительные образы деревенских старожил создал поэт: «Думы у могилы», «Ветеран», «Баба Каля». И образ самой деревушки-вековушки, которая

*Век работала натужно
И богато не жила,
Но Расеюшке ненужной
Никогда я не была* («Разговор с деревушкой»).

Стоят заброшенные дома, а ведь *всё могло бы ещё сгодиться, / всё могло бы ещё послужить* («Дом старинный, большая повесть...»).

Выходит поэт на серьёзный разговор не только о судьбе деревни, но и всей России-матушки, и тут не обойтись без междометий сожаления-горечи: *Эх, Россия, матушка Россия...; Увы, Москва, сегодня ты...; Эх, Расея, Русь моя родная...*

*И мчимся к пропасти в бессилье,
Но не в машине, а в России,
И на попытки руль поправить –
Лишь рык: «Кто едет, тот и правит»
(«Водитель был слегка в ударе...»).*

И заканчивается сборник своеобразным лирическим манифестом:

*О, поселенья тихой грусти
Среди заснеженных равнин,
России милой захолустья,
Я не чужой вам, кровный сын
(«О, поселенья тихой грусти...»).*

Светлана Макарьина «Стихотворная формула мысли»

Первый поэтический сборник Светланы Макарьиной называется «Стихотворная формула мысли» (Архангельск, 2012). Обращает на себя внимание, прежде всего, слово *формула* – что-то из химии, математики, из школы, что-то зашифрованное, вспомогательное, но это ещё и, можно сказать, форма мышления, нечто точно обозначенное, зафиксированное. *Просто мысли в стихотворной форме...* – написано в аннотации.

Интересно разглядывать обложку: обрывки фраз, отдельные образы – почему именно они? неужели случайно? просто ради дизайна? Можно прочесть подряд – тоже шифр, тоже формула. Посмотрим, как это раскроется в сборнике.

Ещё в аннотации читаем: *негромкий разговор «за жизнь»*, а в предисловии Василия Матонина: *Стихи органичны, естественны, доверчивы – распахнуты в сторону читателя.*

Первое стихотворение – своеобразная декларация, выделенное курсивом толкование заголовка книги. Ну как, толкование – через парадоксальные образы, ведь стихи всегда парадоксальны, в них всегда неожиданные сближения, в них отражается творческое, поэтическое восприятие действительности:

*Стихотворная
формула
мысли –
Одуванчик непознанной выси,
Птаха,
рвущаяся из гнезда.*

*Стихотворная
формула
мысли –
Самолётики порванных писем,
Не прочитанных
никогда...*

– в двух строчках целая судьба: *самолётики порванных писем, не прочитанных никогда...* Не прочитанное, порванное, но отправленное в полет. Из порванного самолётик не сделаешь, значит, обрывки какие есть сами собой самолётики – тоже какие есть. А ещё *непознанная высь* представляется одуванчиком. Подчёркнуто необычный, неординарный взгляд на вещи и явления.

В сборнике много стихотворных миниатюр – четверостиший: через внешний пейзаж передаётся внутреннее, личное – чувства, эмоции, мысли. Ну вот, например:

*Опять целуются вдоль набережной,
Где бродит летняя бессонница,
И тополя в порыве набожной
Закату молятся...*

А вот первый обрывок мысли с обложки – *просто звуки*, они противопоставлены музыке, и при этом всё как будто *просто*. Нет, совсем не просто – это так, для антитезы. Много всего противопоставлено музыке, образам тесно, есть что расшифровывать, и ещё тут с обложки: *Просто где-то воят тревоги, / Утопает в рассвете парус.*

А дальше парадоксальное: *моя душа – соседка странная*, она крылата, но крылья её горбинкой под старушечьим халатом. И надежда тоже крылата, она живуча несмотря ни на что.

Много в сборнике, назовём так, формул житейской мудрости или психологической помощи, чаще они в императиве: *Нельзя молчать, когда болит душа; Будь смелой!; Говорите искренне! Улыбайтесь искренне!; Высказывайтесь! Не молчите, высказывайтесь; Выньте штормки из глаз; Разбудите глаза, распахните сердца, разблокируйте двери; Не тратьте время на обиды.* И самое заветное, выстраданное: *Не бросайте писать стихи...*

А вот ещё одна формула с обложки проявилась: *Уйдет бунтарь – сурово, безжалостно, фатально.* И туда же обкорнанные тополя, и брошенный младенец, и *то, что было женщиной, и пустошь, залегшая в подребье.* Страшно!

Но в этот мир приходят поэты, но кто-то просыпается поэтом, и появляются образы – парадоксальные, необычные, а без них не бывает поэзии: любовь – крепчайший шов, солнце осенью светит листьями, ночной звонок – испуганная птица, алые яблоки спелой рябины, маленький лунный мяч влюбленных.

А как же остальные формулы с обложки? Вот они: *Мы только воздух не можем выбрать; Мне бы... И крылья в придачу; Всё, что проще, то и дороже, / Без раскраски...; Спит человек на маминой груди...; Неоспоримы ворота Рая; ...бережно, как горстку лепестков – последнее из трогательнейшего стихотворения «Идут за ручку двое старичков...»:*

*Идут за ручку двое стариков.
Притормозят, передохнут немножко,
И дальше ковыляют по дорожке,
Толкая время зрелостью шагов.*

А какая чудная семейная картинка о походе за грибами – простая, душевная, искренняя:

*А под Архангельском
пошли красноголовики,
Играют в прятки с грибниками,
словно дразнятся,
А я с корзиночкой иду по лесу
с новенькой!
И вся такая из себя – почти красавица!*

Или вот опять словечко *просто* в анафоре, и рождается чудо:

*Просто любят они друг друга,
Просто вместе готовят ужин,
Просто судьбы, скользя по дугам,
Их вписали в одну окружность.*

И вот прозрачное и чистое, как воздуха глоток, поэтическое признание в любви к родному городу:

*Счастье моё белоночное,
Кротость моя белоснежная,
Вся моя жизнь приторочена
Дном
к твоему
побережью.
Все мои пёстрые радости,
Все мои промахи грешные –
Это твои или радуги,
Или бетонные трещины.*

Белые ночи – чудная пора, когда и любитесь, и пишется, и живётся в полную силу, особенно для тех, кто рождён в пору белоночья.

Иван Зауткин «Места другого роднее не знаю»

В 2022 году в Архангельске вышла книжка стихов самобытного поэта Ивана Дмитриевича Зауткина (1949 – 1999) «Места другого роднее не знаю». Её составил Владимир Тюпин, он же написал небольшое предисловие, в котором рассказал о том, как пасхальным утром обнаружил на окне бабочку – полуживую, трепыхающуюся, всё-таки прохладная северная весна не способствует полноценному пробуждению этого порхающего создания. Вскоре бабочка исчезла, и вновь появилась через неделю – опять же в воскресенье, когда автор предисловия собирался отправиться в библиотеку на юбилейный вечер памяти Ивана Зауткина, а накануне он обнаружил черновик поэта с такими строчками:

*Поэты – бабочкам сродни:
Себя сжигают добровольно.
На свет костра спешат они
За миг познать...*

Появление бабочки представляется знаковым, символичным. Её образ – хрупкий, трепетный, уязвимый – действительно, сродни образу поэта.

Для мизерного изображения бабочки нашлось место на обложке книги, правда, его надо ещё умудриться разглядеть на фоне красивого пейзажного фото с берёзами на переднем плане. Именно такой простой русский пейзаж, судя по стихам, наиболее близок поэту Ивану Зауткину, который признавался: *Я душой всегда буду юным, / Пока вижу родные места* («Беломорье»); *Другой мне родины не надо, / Коль Север наш неповторим* («У Нагибинской ярмы»). А вот и про особое отношение к берёзам: *Радует душу безбрежность покоя, / Сердце щемит эта близость берёз* («На Сумаре»).

Родные места для Ивана Зауткина – лесные речки Сумара, Лодьма у самого Белого моря, это та самая малая родина, которая для него олицетворяет всю большую Русь:

*Здравствуй, Сумара – речушка лесная!
Здравствуй, рассветная малая Русь!* («На Сумаре»);

*Я забыл тебя, Сумара, –
Моя крохотная Русь* («У качу я на Сумару...»);

*Как красив ты, мой край:
Век живу и дивлюсь.
Здесь, конечно, не рай –
Только малая Русь. <...>*

*Хорошо мне с тобой,
Моя малая Русь («Осенняя элегия»).*

И сам себя он отождествляет не иначе, как с Русью: *Никому не верьте, что ушёл я, / Ведь в России – малая я Русь («Друзьям»)*. Под Русью им подразумевается близкое, родное, заповедное, где *глухоманная густая тишина, где простор душе, глазам веселье:*

*Где тишину найдёшь такую!
Такую глушь! Такую Русь! («Где тишину найдёшь такую!»)*

*Повеет зорь не надьшусь я,
Не насмотрюсь в латунь берёз,
Ведь это всё зовётся Русью:
Ручья раскидистое устье,
И поле пахнущее грустью,
И пожня, милая до слёз («У Нагибинской ярмы»).*

Действительно, неброский северный пейзаж поэту особенно дорог, для его описания поэт не скупится на языковые выразительные средства. Заметим, что к приоритетным для него родным беломорским речушкам добавилась ставшая ему не менее родной речка Ёрга Верхнетоемского края:

*Здравствуй, Сумара – речушка лесная!
Вот и опять я брожу босиком.
Места другого роднее не знаю.
Каждый кусточек здесь с детства знаком («На Сумаре»);*

*Речка Лодьма мелковата,
Речка Лодьма суковата.
Косы, сливы, перекаты...
Заколдованная тишь («Лодьма»);*

*Стекли с ручьями сор и грязь.
На Ёрге шёлковое платье.
Что складка к складке, серебрясь,
Волна к волне спешит в объятья
(«Стекли с ручьями сор и грязь...»);*

*Ёрга съёжилась спящей девицей.
Снится ей во сне парень-дерево («Белые ночи»);*

Не могут не заворожить поэта волшебные белые ночи, в этом он не одинок, кто бы ни писал о Севере, неизменно отдадут должное этому уникальному природному явлению:

*Где-то птички перекликаются:
Ночи белые не смеркаются.*

*Ночи, патокой опойенные...
Все счастливые, все влюблённые («Белые ночи»);*

*Не ложь: у нас в деревне летом
Закат целуется с рассветом,
И соловейко, гость не редкий,
Поёт с черёмуховой ветки («У нас в деревне»).*

Притягательны для поэта не только неповторимые северные места, но и удивительные люди Севера – открытые, доброжелательные, крепкие, выносливые:

*Беломорье моё, Беломорье...
Взгляд поморки открытый, как день.
Заходи на любое подворье –
Всем помогут, лишь сердце задень («Беломорье»);*

*Да и парни тоже с хваткой,
Не папье-маше, а медь.
Топчут землю без оглядки.
Сила есть дерзать и сметь
(«Нет полезней чёрной баньки...»);*

*Добродушен северный мужик.
Терпелив, как тот рабочий вол.
Не берётся в драке за ножи,
Но – в обхват – сосновый тянет ствол
(«Северный мужик»);*

В стихах Ивана Зауткина прославляется русская пляска как проявление широты души, как разгульное безграничное веселье:

*Кто пивка ржаной закваски
Не пил – пьяным не бывал.
Кто не видел русской пляски,
Тот веселья не знал.
Это вам не вальсик нежный,
Не какой-нибудь чардаш, –
Перепляс Судьбы с Надеждой,
Это танец только наш («Застолье»)*

– вольготно себя чувствуют в этом стихотворении реальные народные частушки, которые отнюдь не представляются инородными вкраплениями:

*И частушка под гармошку,
Неистовство души.
В лад да склад стучат сапожки:
Через силу да пляши.*

Органично в стихотворный строй включаются и народные северные словечки: *анчутки* – чертенята: *Где анчутки по старинке / Чистоту лесную бдят* («Укачу я на Сумару...»); *ярок* – овраг, лощина: *Всплывали розовые кучи / И выбегали на ярки* («Сундуги»); *выть* – пашня: *Я душою там – на чёрной выти, / Ароматно-сладкой, как халва* («Друзьям»); *омёт* – намётанные кучи сена, соломы: *Сено заготавливает впрок / И на случай всякий жнёт омёт* («Северный мужик»); *клепой* – кривой, с наклонными стволами: *Я в чащобе клепой / Сладкой прели напыюсь* («Осенняя элегия»).

А в следующем стихотворении можно обнаружить сразу несколько диалектизмов: *пятистенок* – большая изба, разделённая на две половины капитальной стеной; *конда* – крепкая внутренность сосны; *зарод* – длинный стог сена; *туес* – плетёный из берёсты сосуд с плотной крышкой; *поветь* – сеновал над двором, где стоит скот: *Нет надёжней пятистенка, / Что из конды боровой <...> И в застинье, под зародом, / Туес с квасом и коса... <...> Тот, кто не спал на повети* («Нет полезней чёрной баньки...»).

Горько поэту, что умирают русские деревни, разрушаются их вековые величественные избы, вид этого разрушения напоминает знакомое ему с детства кладбище кораблей:

*Гнилые срубы, рухнувшие скаты –
Как в океане – в зелени полей.
И мнится мне: стою я, как когда-то,
На кладбище старинных кораблей* («Кладбище кораблей»).

Да, и судьба самого поэта не менее горька, вместо послесловия в книгу помещены стихи Галины Кузнецовой «Памяти Ивана Зауткина», кончаются они так: *Он – там. Ему уж хорошо, / И – далеки печали.*

Ната Сучкова «Страна»

Поэтическая книга Наты Сучковой называется «Страна» (Москва, 2020), заглавное слово встречается уже в первом стихотворении сборника:

*Эта чугунная ванна была страной
точно броня, тяжела, и её тащили
папа и дядя Коля. Стоя спиной.
Невероятно сильные и большие
(«Рыжий в коляске – с одной диатезной щекой...»).*

Понятно, что это парадоксальное сравнение восходит к детскому восприятию мира: ванна большая, тяжёлая – значит, она подобна стране. Именно детские воспоминания составляют образный строй этого стихо-

творения. Страна – это и родные близкие люди: папа, дядя Коля – сильные и большие. И это дорогое, родное, близкое – *Что-то такое, чего не возьмёшь с собой*. Такой весь сборник, в котором заглавное слово встретится ещё несколько раз в не менее парадоксальном окружении.

Вот воспоминания о школе, их вычурно метафорическое осмысление:

*За железными засовами что ни век – идёт война,
Ненаглядные пособия, монохромная страна,
Сколько в парту ни засовывай – только мел и шелуха,
Всё серьёзней, всё басовее пели строчки Маршака
(«За железными засовами что ни век – идёт война...»).*

И здесь же:

*А потом внести просили нас аккуратно-аккуратно
На наковки светло-синие в наши контурные карты
Красным, жёлтым и оранжевым, чёрным, серым и зелёным
Прошрое и настоящее, страны, города и сёла.*

Как видим, здесь страна представлена в самом что ни на есть прямом смысле, правда, не сама страна (или даже страны), а её (их) изображение на контурной карте – монохромное, а потом разноцветное. Ведь это здорово – взять и что-то сделать со страной, пусть только с её изображением.

А сама большая красивая страна, одушевлённая олицетворением, оказывается способной спрятать своих подданных в дальние, потаённые свои уголки-карманы: *В какой карман захочет спрятать / тебя красавица-страна?* («Что дальше Вологды, ребята?...») – спрятать, чтоб уберечь, предостеречь.

Появляется и волшебная страна в контексте предзимнего пейзажа:

*Пуста волибная страна, голодный воеет ветер,
Идём домой, идём домой, скорей-скорей идём!
Ну, здравствуй, зимушка-зима! Тут никого на свете –
Сфотографируйся со мной под этим фонарём
(«Тьмутаркань и тьма, мир ватую облеплен...»).*

У страны есть имя – Русь, Россия, которое органично звучит в поэтическом контексте: *Над зелёною Русью / он на синем летит «Беларусе»* («Отворотка на Волок...»); *Ходят почтальониши по святой Руси* («Первый муж – Василий и второй – Василий...»); *«Русь» стоит, вокруг – забор, / у ворот – корыто* («"Русь" стоит, вокруг – забор...»); *Русь – рукавица, голица дырявая, / выглянешь в дырку – дымок над рекою* («Птицы-синицы проворней куница...»);

*Они – рябины и осины,
бумага, черенки, приклады,*

*как будто бы во всей России
других деревьев и не надо
(«Снег мельтешит колючий, мелкий...»).*

Зелёная, святая Русь – непременно сельская, простая, практичная, не даром она рифмуется с «Беларусом» – верным сельским тружеником-трактором, сама Русь подарила имя какому-то простому приспособлению ли, механизму ли, что бы там ни было почему бы его не назвать родным именем «Русь», и деревья в России простые, привычные, а других и не надо. Такова страна в восприятии поэта.

Русь, Россия, страна – это и россыпь топонимов, самые ожидаемые у вологодского поэта, конечно, вологодские – Волок, Вытегра, Харовск, Вологда-река: *Отворотка на Волок – / верхний мир здесь прозрачен и тонок* («Отворотка на Волок...»); *Николай идёт драчливый: / – Сам откуда? – С Вытегры!* («Николай идёт драчливый...»); *Смотрит с берега замёрзлого, как по Вологде-воде / Рыбаки, а не апостолы рассекают в темноте* («Там, где снег зарос осокою – что ещё в снегу растёт?...»); *Жизнь на свете происходит дальше, чем за Харовском* («Наверху земного шара, в самой чаще хвойника...»).

Тут вполне уместны и внутригородские наименования областной столицы: *Речного вокзала не вспыхнут огни <...> ...и дёрнется вниз ресторан «Поплавок»* («Вологодский романс»); *ДК «Речник», гитара, танцы, / общаги утренний уют* («Весна – девчонка-недотрога...»); *...плыли мы в центр из Бывалово* («Плыли по лужам троллейбусы – я ещё помню такое...»); *В туче мух и ос / старенький узбек к тандыру / лепит Красный мост* («Аве городу и миру!...»).

Вологдой, однако, не ограничивается Россия, много чего в ней есть хоть к северу, хоть к югу: *Что дальше Вологды, ребята? / Архангельск, Котлас, Воркута* («Что дальше Вологды, ребята?...»); *...живём-то в Рязани <...> не совсем в Рязани, но, в общем, близко, / километров семьсот или триста <...> И жила потом / с Угольком-котом / в бывшем городе Ленинграде / на канале Лиговском* («Напекла как-то бабка пирогов с котятками...»). Как видим, здесь Рязань условная, просто как символ провинциальной России, совсем как престопадный фольклорный топоним Ебень – самый что ни на есть русский, и обозначает он глубинную, нестоличную Русь: *Как за станцией Ебень, Ебень / всё леса, леса да поля* («Как за станцией Ебень, Ебень...»). В том же значении употребляется и такой старинный топоним – Тьмутаракань: *Тьмутаракань и тьма, мир ватую облеплен, / Ворона прокричит – поставишь на рингтон* («Тьмутаракань и тьма, мир ватую облеплен...»).

Россия – это и знаковые великие россияне, и как тут обойтись без Пушкина, который вечен и всегда актуален: *А у Пушкина айфон – / но-*

венький, да битый <...> ...но у Пушкина ниссан – / старенький, да целый («"Русь" стоит, вокруг – забор...»); В инстаграме Пушкина – зимняя дорога, / Маша-недотрога, синие глаза («В инстаграме Пушкина – зимняя дорога...»). За Пушкиным потянулись в наши дни по воле поэта и другие его современники: Лайкает Жуковский, пара-тройка ботов, / Бенкендорф не лайкает Пушкина, нельзя. <...> ...и вопрос от Дельвига: «Пушкин, где стихи?» («В инстаграме Пушкина – зимняя дорога...»).

Российская идентичность проявляется и в образах, которые шире, чем просто литературные:

*Из мандельштамовского ватника,
из пастернаковских сапог*

*вытряхивай свою убогую
и понимай, что вырос ты
из фрака, из шинели Гоголя,
из Петербурга, из Москвы
(«Что дальше Вологды, ребята?..»).*

Символичны и знаковы имена литературных героев: Воздух сладок от пыли, а вкус у всех книг одинаков, / В нашей «звёздочке» были: Мережьев, Печорин, Иаков («За жуков и улиток снищу ли когда-то прощенья?...»); – Добрый Филя, что ворчливый? / – А, ребята, нешто! («Николай идёт драчливый...»). Или вот такой метонимический перенос: ...подставляя Мандельштама под скосившийся комод («Над покровом колыбельным ночь воркует: ко-ко-ко...») – пригодилась, однако, книжка классика для утилитарных целей.

Но мы помним, что страна в этом сборнике прежде всего что-то близкое, простое, домашнее. Поэтому главным её олицетворением выступают простые, незначительные жители страны с простыми именами в простой, вовсе неофициальной форме, да ещё с домашними родственными прибавлениями: ...баба Маня чистит рыбу – / пузатых задремавших карасей («Был пруд, и в том пруду – полно амфибий...»); В первый раз как будто! Что ты, баба Шура! <...> «Ох, Васюта-милый! Ах, котина-Вася!» («Первый муж – Василий и второй – Василий...»); ...дед Макар лушит лес на лучины («Отворотка на Волок...»); – Эй, Андрейка, дуй-ка к нам, нам воды налей-ка! («Там, где снег зарос осокою – что ещё в снегу растёт?...»); Рюмин Володька, щекастый Андрюшка, / дупят по шайбе в ночи («Мимо барыг из небесных пределов...»).

Узнаваемы, ощутимы, осязаемы российские реалии в поэтическом обрамлении: полей кривой отрез; низкое небо, как потолок в хрущёвке; руины, колодцы, провалы; заплаканные равнины; высоковольтные стволы мелко-мелко крестят горизонт; лес в подпалинах пожара.

В последнем стихотворении сборника – итоговый парадоксальный образ страны, пожалуй, поместим это небольшое произведение полностью:

*Вот моя страна – флисовая кофта,
серые дома – розовый и жёлтый,
из окна – слова, песенка, и, в общем,
грустная она, а другой не хочешь.
Вот реки волна – флисовая складка,
Горькая трава, а на сгибе – сладко,
За рекой – дома, за домами снова –
Сторона-страна, ничего такого.*

Страна – это что-то домашнее, тёплое, родное, привычное, пусть порой грустное, горькое, страна – это и сторона, ведь по сути это одно и то же, порукой тому этимология.

Андрей Петров

**«И СОГРЕВАЕТ СЕРДЦЕ СЛОВО...»
Взгляд на современную литературу
Русского Севера**

*На обложке и титуле размещена иллюстрация художника
Р.С. Климова из книги: А.И. Лёвушкин. Паруса: стихи и поэмы.
Архангельск, 1980;*

Печатается с готового оригинал-макета
Издание осуществляется в авторской редакции

Подписано в печать 18.12.2023. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офисная.
Усл.-печ. л. 17,1. Тираж 60 экз. Заказ № 23076.

Типография «КИРА»
163000, г. Архангельск, ул. Поморская, 34, тел. (8182) 65-47-11.
e-mail: oookira@yandex.ru